

№ 1 (198), вып. 33
Март 2015

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Учредитель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профес-
сионального образования «Белгородский
государственный национальный исследова-
тельский университет»

Издатель:
НИУ «БелГУ»

Издательский дом «Белгород»

Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС 77-50062 от 29 мая 2012 г.

Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О. Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И. С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Научный редактор:

В. М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических наук

Ответственный секретарь:

О. В. Шевченко
зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

В. А. Шаповалов,
проректор по заочному обучению
и дополнительному образованию
НИУ «БелГУ»,
доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н. Н. Болгов,
заведующий кафедрой всеобщей истории
и зарубежного регионоведения НИУ
«БелГУ», доктор исторических наук,
профессор

И. Т. Шатохин,

профессор кафедры российской истории
и документоведения НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук, доцент

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика
Информатика

Belgorod State University
Scientific Bulletin

History Political science Economics
Information technologies

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Некоторые замечания по вопросу структуры эпоса (четыре эпи-
ческих поколения) **Д.В. Колосов 5**

«Правда или ложь?» (К вопросу о ценностном статусе честности
в афинском обществе по данным трагедий Софокла)

В.А. Наумова 12

Побережье Тингитанской Мавретании в произведениях Пли-
ния, Страбона, Мелы и Солина: ошибки, мифы и реальность

Т.Л. Э Лебато 17

«Oium» в эпической германской традиции и историко-
географические реалии Северного Причерноморья

С.В. Ярцев, О.И. Краюшкина 23

К исторической оценке Остроготского королевства Эрманариха

И.В. Зиньковская 30

Античная мифология в ранневизантийской «Хронографии»

Иоанна Малалы **А.В. Кобзева 40**

Императрица Ариадна и византийский двор конца V – начала
VI вв. **Ю.Ю. Чуева 44**

Сражения при Даре и Каллинике в восточной кампании
Юстиниана **Е.В. Гуцин 48**

К вопросу об истории христианского праздника Пасхи и его ме-
сте в годовом богослужебном круге

А.Д. Стржалковская 53

К истории изучения ранневизантийского гетеризма

Д.Г. Тимченко 57

Леоба: ученая монахиня, аббатиса **Ю.М. Прогунова 62**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Шведское присутствие в Новгороде: судебная система и судопро-
изводство времен Якоба Делагарди **Е.М. Кончакова 68**

Конфессиональная идентичность нагайбаков в XVIII – XIX ве-
ках **И.Р. Атнагулов 75**

Традиции домостроительства у чувашей **В.В. Медведев 80**

Дискуссия М.П. Погодина и Н.И. Надеждина по варяго-
русскому вопросу **С.В. Пашков 86**

Дом как структура повседневности казанских мещан первой
половины XIX в. **Т. В. Бессонова 90**

Мелкопоместное дворянство Европейской России в контексте
подготовки и реализации реформы отмены крепостного права
В.А. Шаповалов, И.В. Истомина 97

В. Н. Шилов,

профессор кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ», доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

Онопrienко И. Г.,

доцент кафедры российской истории документоведения НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Члены редколлегии:

М. Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

С. Аглаич, доктор политических наук (Белградский государственный университет, Республика Сербия)

А. В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А. В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К. Н. Лобанов, доктор политических наук (Белгородский юридический институт МВД России)

Е. А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)

М. Плувиано, доктор истории (Генуэзский университет, Италия)

С. И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина)

И. М. Пушкарева, доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

С. Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина)

И. М. Тодоров, доктор истории, доцент (Великотырновский университет «Св. Кирилла и Мефодия», Болгария)

Х. Р. Туманс, доктор истории (Латвийский национальный университет, г. Рига)

Статьи представлены в авторской редакции.

оригинал-макет *И. Г. Онопrienко, Н. А. Гапоненко*
E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

Подписано в печать 27.03.2015
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 23,25
Заказ 91
Цена свободная
Тираж 1000 экз.
Дата выхода журнала 30.03.2015

Подписной индекс в Объединённом каталоге «Пресса России» – 18078

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в Издательском доме «Белгород»
Адрес издателя и издательства:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Смертность от пьянства среди мужчин губерний Центрального Черноземья (1870-1893 гг.) **С.В. Богданов 100**

Трансформация повседневной жизни провинциальных российских городов под влиянием технических инноваций во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии) **М.А. Сергиенко 105**

Становление системы социального страхования рабочих на предприятиях Тульской губернии в конце XIX – начале XX вв. **Е. И Краюшкина 111**

Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами в области производства артиллерии накануне и в годы Первой Мировой войны **В.А. Бобков 115**

Социально-экономическое и политическое положение Калужской губернии в 1918 – 1919 гг. и причины создания частей особого назначения (ЧОН) **О.А. Лошманова 121**

Всеукраинское бюро по сельскохозяйственному опытному делу с участием Б.Н. Рожественского **И.В. Гребенюк 126**

Восстановление и деятельность колхозов Моздокского района в 1943-1945 гг. **Т. И. Кузнецов, Н. С. Махциева 131**

История исследования хозяйства скифоидного населения лесостепного подонья **А.Н. Меркулов 136**

Реализация политики аграрного переселения на Дальнем Востоке СССР в 1960-е – середине 1980-х гг. **С.А. Пискунов 144**

Vyacheslav Molotov's diplomatic activity at the Geneva conference of 1954 **И.А. Копорева 151**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Власть и сопротивление: соотношение в политическом процессе **А.В. Скиперских 156**

Теоретико-методологические основы механизмов развития парламентаризма в парадигме науки государственного управления **М.И. Росенко 161**

Теория революции: к истории изучения, систематизации и современному состоянию **Э.Э. Шульц 167**

Возможность обеспечения гендерной репрезентативности в различных избирательных системах **О.С. Морозова 173**

Протогосударственное строительство и конституционные маятники в Украине **А.С. Полищук 177**

Новые компоненты стратегии России на интеграционном поле АТР **В.В. Огнева 184**

Место стран Южного Кавказа во внешней политике Польши **Р. Чахор 189**

Сведения об авторах 195

Информация для авторов 197

№ 1 (198), Issue 33
March 2015

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education
«Belgorod State National Research University»

Publisher:

Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher, letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-50062 May 29, 2012
Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O. N. Polukhin,

Rector of Belgorod State National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I. S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod State National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Science Editor

V. M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod State National Research University, Doctor of Geographical Sciences

Assistant Editors

O. V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod State National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series

V. A. Shapovalov,

Vice-Rector on Distance and Supplementary Education Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief

N. N. Bolgov,

World History and International Area Studies Department Chair
Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

**Belgorod State University
Scientific Bulletin**

**History Political science Economics
Information technologies**

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

**История Политология Экономика
Информатика**

CONTENTS

WORLD HISTORY

Some notes concerning the structure of the epics (four epic generations) **D.V. Kolosov 5**

«True or false?» (The valuable status of honesty in athenian society according to Sophocles) **V.A. Naumova 12**

Coast of Mauretania Tingitana of the works of Pliny, Strabo, Mela and Solin: error, myth and reality **T. L. E Lebatov 17**

«Oium» in the german epic tradition and historical-geographical realities of Northern Black sea region **S.V. Yartsev, O.I. Krayushkina 23**

To historical estimates Ostgot kingdom of Ermanaric **I.V. Zinkovskaya 30**

An ancient mythology of early byzantine in «Chronographia» by John Malalas **A.V. Kobzeva 40**

Empress Ariadne and byzantine court at end of V – early VI cent. A.D. **Yu.Yu. Chueva 44**

Battle of Dara and Kallinikos in eastern campaign of Justinian **E.V. Goushchin 48**

On the question of the history of the Christian feast of Easter in the annual liturgical circle **A.D. Strzhalkovskaya 53**

To the history of the study of early byzantine hetaerism **D.G. Timchenko 57**

Leoba: educated nun, abbess **J.M. Progunova 62**

RUSSIAN HISTORY

Swedish presence in Novgorod: the judicial system and legal proceedings times Jacob De la Gardie **E.M. Konchakova 68**

Confessional identity of nagaybaks in XVIII-XIX centuries **I.R. Atnagulov 75**

Housebuilding traditions of chuvashians **V.V. Medvedev 80**

Discussion of M.P. Pogodin and N.I. Nadejdin about varyago-russian question **S.V. Pashkov 86**

The house as a structure of everyday life kazan petty bourgeoisie first half of the nineteenth century **T.V. Bessonova 90**

The gentry of the European part of Russia in the context of preparation and realization of the serfdom abolition reform **V.A. Shapovalov, I.V. Istomina 97**

The mortality rate of alcoholism among men provinces of the Central Chernozem region (1870-1893) **S.V. Bogdanov 100**

I. T. Shatohin,
Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

V. N. Shilov,
Professor of the Cultural and Political Studies Department, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant

I. G. Onoprienko,
Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Historical Sciences

Members of Editorial Board:

M. G. Abramzon, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

S. Atlagich, Doctor of Political Sciences (Belgrade State University, Republic of Serbia)

A. V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor (Voronezh State University)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A. V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, USA)

K. N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

E. A. Molev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nizhniy Novgorod State University after N. I. Lobachevskiy)

M. Pluviano, PhD in History (University of Genoa, Italy)

S. I. Posokhov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V. N. Karazin, Ukraine)

I. M. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Senior Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

S. B. Sorochan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V. N. Karazin, Ukraine)

I. M. Todorov, PhD in History, Associate Professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

H. R. Tumans, PhD in History (Latvian National University, Riga, Latvia)

The articles are given in authors` editing.

dummy layout by *I. G. Onoprienko*,
N. A. Gaponenko
e-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

Passed for printing 27.03.2015
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 23,25
Order 91
Price free
Circulation 1000 copies
Date of publishing: 30.03.2015

Subscription reference in The Russian Press
common catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Publishing House
"Belgorod", Belgorod State National Research
University
Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

The transformation of the everyday life of a provincial Russian cities under the influence of technological innovation in the second half of XIX – early XX centuries in Kursk province **M.A. Sergienko 105**

Establishment of the workers social insurance system in the factories of Tula region in the end of XIX – beginning of XX centuries
E. I. Krayushkina 111

Military-technical cooperation of Russia with foreign states in the field of production of artillery on the eve and during the First World war **V.A. Bobkov 115**

Social-economic and political situation of Kaluga province in 1918-1919 and reasons of special forces forming
O.A. Loshmanova 121

All-ukrainian bureau for agricultural experiment case with the concernment of B.N. Rozhdestvensky **I.V. Grebenyuk 126**

Restoration and operation of collective Mozdok district in 1943-1945 years **T.I. Kuznetsov, N.S. Makhtsieva 131**

History of researching farms of the population at the scythian age of the forest-steppe don area **A. N. Merkulov 136**

The realization of the politics of the agricultural resettlement on the Soviet Far East in the 1960s to mid-1980s **S.A. Piskunov 144**

Дипломатическая деятельность В.М. Молотова на женевском совещании 1954 года **И.А. Конорева 151**

POLITICAL SCIENCE

Power and resistance: correlation in the political process
A.V. Skiperskikh 156

Theoretical and methodological background of parliamentarism functioning mechanisms in the paradigm of public administration
M.I. Rosenko 161

Theory of revolution: to history of studying, systematization and a current state **E.E. Shults 167**

Opportunity ensures gender representativeness in different electoral systems **O.S. Morozova 173**

Proto-state building and constitutional pendulum in Ukraine
A.S. Polishchuk 177

New components of Russia's strategy on integration field of asia-pacific region **V.V. Ogneva 184**

The place of south caucasus states in the foreign policy of Poland
R. Czachor 189

Information about Authors 195

Information for Authors 197

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 2-265.3

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ВОПРОСУ СТРУКТУРЫ ЭПОСА (ЧЕТЫРЕ ЭПИЧЕСКИХ ПОКОЛЕНИЯ)

Д.В. КОЛОСОВИздательство «Книговек»,
г. Москва

e-mail: kolosoff.koul@mail.ru

На основе анализа греческой и восточнославянской эпикой рассматриваются четыре поколения героев: архаическое, утверждающее власть людей, классическое, «декаданское». Обращается внимание на мотивы, которыми руководствовались герои каждого поколения – глория, слава, сокровище, власть. При кажущейся отдаленности – временно и географически – греческой и восточнославянской эпикой наблюдается их генезиальное сходство в первых трех поколениях. Отличие четвертых поколений вызвано объективными причинами – гибелью Микенской цивилизации, повлекшей тупиговое развитие эпической культуры, с одной стороны, и формирование развитых феодальных отношений на Руси, с другой.

Ключевые слова: эпический герой, «Одиссея», былина, Святогор, Илья Муромец.

При всем разнообразии трудов по типологии эпоса существует не так много работ, посвящённых генезису эпической героики, а именно двум проблемам:

А/ особенностям и тождеству перемены эпических поколений;

Б/ троичности образа эпического героя.

Рассмотрим аспект А.

Пожалуй, единственным исключением здесь является греческая эпика, где наряду с трудами А.Ф. Лосева и М. Файнлея¹, где данная проблема анализируется фрагментарно, существуют специализированные исследования, среди которых можно выделить большую и содержательную статью И.В. Шталь², рассматривающую поколения греческих героев на примере «Одиссеи» Гомера, а также далеко не бесспорную публикацию А.Л. Барковой³, посвящённую той же проблеме.

В целом, в указанных работах предлагается следующая трактовка генезиса эпических поколений. И.В. Шталь, следуя гомеровской традиции⁴, рассматривает четыре поколения. Первое из них – «широкославные дети богов»⁵. Следующее поколение отчасти

¹ Лосев А.Ф. Гомер. М., 1960; Finley M.J. The world of Odysseus. L., 1964.

² Шталь И.В. Эволюция эпического изображения (четыре поколения героев «Одиссеи» Гомера) // Типология народного эпоса. М., 1975. С. 182-212.

³ Баркова А.Л. Четыре поколения эпических героев. Режим доступа: <http://mith.ru/alb/epic/four1.htm>.

⁴ Hom. Il. I, 260 sq.

⁵ Hom. Od. XI, 639.

теряет божественную суть, но дерзко, сверхмужественно, сверхсильно, дико. Третье поколение – люди-полубоги⁶, отважные, но по большей части уже не дерзкие, не отваживающиеся противиться божественной воле или состязаться в сверхмужественности со своими предками, как о том говорит Одиссей:

*Против же прежних людей я бороться никак не посмел бы,
Против Геракла иль против Эврита, царя Эхалли⁷.*

Но и эти герои, как и предки, руководствуются единственно главным своим мотивом – стремлением к подвигу⁸.

А вот четвертое поколение стремится жить в соответствии с идеалом возвратившегося домой Нестора Пилосского – «*Стариться в своём доме в веселье и полном довольстве*»⁹, стремясь более не к подвигу или славе, но к труду мирному, созидательному. Выражаясь терминологией Л.Н. Гумилёва, в этом поколении пассионарии окончательно уступают место субпассионариям¹⁰.

А.Л. Баркова предлагает несколько иную психологию поколений, вызывающую известное недоумение, особенно если учесть, что автор соотносит свой анализ с указанной *ut supra* статьёй И.В. Шталь. Ссылаясь на эту работу, А.Л. Баркова определяет первое поколение как индифферентно миру, даже враждебное. Второе поколение именуется полубожественным, с эпитетами «архаический», «исполинский», «безжалостный защитник». Третье поколение определяется с этической позиции по антитезе добро/зло. Четвёртое – как «поколение мирных богатырей», «неизведанная архаика».

Подобная интерпретация вызывает удивление. Итак, первое поколение, почему-то индифферентно миру и враждебное. Об индифферентности говорить в абсолютной степени нелепо, ибо добрая половина героев первого поколения – эпонимы и ойкисты, т.е. прародители этносов и основатели городов. Если же говорить о враждебности, то герои первого поколения враждебны, прежде всего, богам, ибо по праву качественного равенства сил власть богов оспаривают – «*боги с людьми препирались в Меконе*»¹¹.

Второе поколение почему-то именуется архаическим, хотя это определение скорее свойственно поколению первому; оно почему-то сопоставляется с исполинским, хотя на деле это – также черта первого поколения: даже Геракл – далеко не гигант; оно почему-то характеризуется как «безжалостный защитник», хотя герои второго поколения едва ли что-то защищают, являясь в большей степени агрессивными истребителями, т.е. проявляя инициативу в противостоянии врагу.

Третье поколение определяется оппозицией добро/зло, что абсолютно нелепо, ибо герои греческой эпикой в едва ли не абсолютной степени лишены представлений о морали в нашем её понимании, отчего добро и зло разделяются в соотношении с принципом свой-чужой.

Четвёртое поколение вдруг становится «неизведанной архаикой», «поколением мирных богатырей». На самом деле архаикой в этом поколении и не пахнет, не считая «всеудалённых»¹² земель, по которым странствует, возвращаясь домой, Одиссей. Что же касается «мирных богатырей», подобное определение верно только отчасти, ибо в этом поколении ясно прослеживается тенденция к новой цивилизованной этике, но богатырство все очевиднее умалывается.

Со своей стороны, предлагаем следующую характеристику героических поколений.

Первое поколение во многом перенимает черты культурного героя. В нем преобладают герои, сподвижущие богам в мироустройстве – установители законов, эпонимы, ойкисты, демиурги¹³. Это поколение Миноса, Эллина, Кадма, Дедала. По сути, первое поколение можно бы смело отнести к культурной героике, если бы не гибрис – дерзкое противостояние богам. Конечно, гибрис был свойственен и культурным героям, доста-

⁶ Hom. II. XII, 23.

⁷ Hom. Od. VIII, 223-224.

⁸ Шталь И.В. Эволюция эпического изображения (четыре поколения героев «Одиссеи» Гомера)... С. 197.

⁹ Hom. Od. IV, 210.

¹⁰ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

¹¹ Hesiod. Theog. 535.

¹² Шталь И.В. «Одиссея» – героическая поэма странствий. М., 1978. С. 57.

¹³ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. СПб., 1999. Т. 2. С. 14.

точно вспомнить греческого Прометея, полинезийского Мауи, китайского Хоуи, но тогда гибрис был осмысленным, оправданным – во благо человечеству; гибрис героев первого поколения вершится во имя собственной гордыни. Герои упрямо утверждают своё качественное равенство с богами¹⁴, и богоборческие подвиги их для человечества обыкновенно бесполезны.

Ради чего Тантал подал богам на пиру рагу из собственного сына?¹⁵ Ради гордыни – испытать всеведение богов.

Ради чего Алоады громоздили одна на другую горы?¹⁶ Единственно, чтобы доказать собственное богоравие.

Ради чего Иксион гонялся за Гэрой?¹⁷ Для того же – утвердить своё равенство с небожителями.

Ради чего редкий мерзавец Сизиф разглашал тайны богов и обманом вернулся на землю?¹⁸ Вроде бы во благо родного города, но если, разобравшись, – тоже потакая гордыне.

Творцы и гордецы, порой свершающие подвиги во имя социума – деяние культурного героя, порой дерзкие во имя гордыни, славы – деяние уже героя эпического. Ещё можно прибавить, – в это время появляется тема Судьбы, что ярко выражено в преданиях о Сизифе и Эдипе.

Ментальность второго поколения меняется. На смену творцам приходят защитники – истребители хтонической нечисти: Персей, Тесей и, конечно же, Геракл. Но теперь подвиги свершаются все чаще не ради племени, а ради собственной славы, какая гарантирует бессмертие через память в потомстве, ибо боги человеку в бессмертии все чаще отказывают, и на смену «широкославному детям богов» идут герои-полубоги, кто вправе уже не рассчитывать, а лишь надеяться на бессмертие.

На исходе второго поколения к славе прибавляется новый мотив – вождение сокровища, также обеспечивающего бессмертие – либо через память потомков, либо через допуск в некий рай, скажем, Валгаллу, куда попадали лишь те герои, что приходили с мечом, а ещё лучше – ещё и с горшком золота¹⁹. За сокровищем плывут аргонавты²⁰. За драконовым кладом отправляется по старости Беовульф, начавший «карьеру» с классического поединка против нелюдя Гренделя²¹. Разгульный Садко объявляет: Дороже всего у нас на Руси красно золото²².

Для второго поколения свойственно преобладание героев-одиночек, богатырей, Реке. Они нередко противопоставляют себя социуму, не желают, подобно Гераклу, двоять славу²³. Они покуда еще способны на гибрис, но уже дерзят богам с немалой оглядкой, предпочитая избирать в противники не олимпийцев, а божеств второго плана – Танатоса, Горгон и пр.

Третье поколение – классическое, руководствующееся в основном двумя указанными мотивами, к которым прибавляется третий – жажда власти, отражённый в противостоянии Ахилла и Агамемнона. Третье поколение отмечено яркой индивидуальностью характеров и увеличивавшимся отдалением человека от божества.

Герои третьего поколения – меньшие индивидуалисты, нежели их предшественники, однако они выделяются из общей массы воинов, являясь не просто предводителями, но символами своего племени. Выдающимися представителями третьего поколения следует признать Агамемнона, архетипически олицетворяющего фигуру Жреца, Ахилла,

¹⁴ «Равенство героя-богоборца и бога основано на количественном равенстве их сил. Качественное же равенство сил божества и смертного подразумевается изначальным и стабильным. Герой становится богоборцем тогда, когда силы его количественно превышают силы «обычного» рядового героя... и приближаются к силам божества или достигают их» (Шталь И.В. Гомеровский эпос. Опыт текстологического анализа «Илиады». М., 1975. С. 98).

¹⁵ Eur. Orest. 4-10.

¹⁶ Hom. Od. XI 305-320.

¹⁷ Pind. Pyth. II 21-48.

¹⁸ Hes. Theogn. 701 sq.

¹⁹ Конунг Буи Толстый прыгнул с захваченного врагами корабля с двумя ящиками награбленного золота (Jomsvikinga saga. 33 // Исландские саги. СПб., 1999).

²⁰ Apoll. Rhod.

²¹ Беовульф, 2747-2751.

²² Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос // Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология. М., 2003. С. 171.

²³ Apollod. II, VI, 4.

лицетворяющего Воина, и Одиссея, тождественного архетипу Пахаря, но с чертами трикстера.

Гибель Ахилла предвещает гибель Героического века и наступление цивилизации с ментальностью исторического времени. Однако властелину Агамемнону и большинству классических героев не было суждено войти в четвёртое поколение.

Четвёртое поколение символизирует вырождение эпического характера, эпической морали. Уже схолиастами было подмечено не просто филологическое, но идейное, более того, – стадийное различие «Илиады» и «Одиссеи», проанализированное впоследствии позднейшими исследователями. Прежде всего, необходимо обратить внимание на этику поэм. Сопоставив такие термины, как «слава», «безупречный», «хороший», «благородный», «дурной», «наихудший», «добродетель», «доблесть», А.Ф. Лосев замечает, что в «Илиаде» они *«гораздо больше связаны с благородством происхождения, физической силой и храбростью, чем с какими-нибудь нравственными качествами»*²⁴. Иное дело – «Одиссея», где подобные эпитеты куда чаще имеют моральный смысл, появляются прежде неиспользовавшиеся термины теофанического свойства – «священный», «богобоязненный». П.А. Гринцер обращает внимание на этическое противопоставление поэм²⁵. Если герои «Илиады» руководствуются особой, героической этикой, в «Одиссее» проступают черты этики заповеданной, общечеловеческой, поступки и намерения героя подвергаются моральной оценке, хотя этика «Одиссеи» не достигает уровня этики, скажем, «Махабхараты»: индийские герои рассматривают благо как всеобщее, «Одиссея» постулирует значимость, в первую очередь, личного блага. Если для третьего поколения определяющая слава, четвёртое готово отступить от героической ментальности, предпочтя – странное сочетание! – праздность и труд.

Герои четвёртого поколения рвутся не к подвигам, а к богатству и власти – черта морали классической цивилизации, отмеченной фиксированными «отчётами» о свершениях, прежде всего, правителей. Но классическая цивилизация в свои права так и не вступила, не устояв перед целой чередой катастроф: биосферного, социального, этнического характера.

Хочется подчеркнуть, что подобное развитие героической эпики не является характерной чертой исключительно эллинской культуры, что сходные черты можно найти в фольклорном наследии многих других народов Европы и Азии, в том числе, и в русском эпосе, при всей кажущейся незатейливости старин-былин ярко отражающем генезис эпико-героической ментальности.

Русский богатырский эпос также можно условно разделить на четыре поколения. Первое представлено героями архаическими – великаном Святогором, шаманом Вольгой, демиургом Микулой Селяниновичем.

Святогор – древнейший герой, архаически многообразный. Наиболее известная былина повествует о братании Святогора с Ильёй Муромцем и смерти Святогора²⁶. В этой былине Святогор предстаёт в образе абсолютно бесчувственного²⁷, бездейственного богатыря, лишённого воли²⁸, с трудом даже реагирующего на происходящее. Совершенно ясно, что время Святогора прошло, что ему осталось – уйти. При этом о прежних подвигах Святогора ничего не известно. Такое впечатление, что их вовсе и не было, а герой появился на свет лишь для того, чтобы ужасать своим гигантизмом и прославить, уступив своё место, нового героя²⁹.

По этой самой причине многие фольклористы отказывались признать в Святогоре эпического героя, трактуя этот образ как выражение природной стихии, а именно гор,

²⁴ Лосев А.Ф. Гомер. М., 1960. С.177.

²⁵ Гринцер П.А. Эпос древнего мира // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. С. 189, сл.

²⁶ Илья Муромец и Святогор // Илья Муромец. М.-Л., 1958. С. 16-19.

²⁷ Сказители: искусство звучащего слова. М., 1989. С. 101.

²⁸ В статье 1852 г., посвящённой Илье Муромцу, К.С. Аксаков пишет о Святогоре: «Эта сила уже без воли. Здесь сила приближается уже к стихии, как сила воды, ветра, и не возбуждает ни зависти, ни соревнования. Грустен образ этого богатыря... выигрывает богатырь Илья Муромец, величайшая человеческая сила, соединённая и с силою духа» (Цитируется по: Калугин В.И. Герои русского эпоса. М., 1983. С. 116).

²⁹ Балашов Д.М. Из истории русского былинного эпоса – «Потык» и «Микула Селянинович» // Русский фольклор, вып. XV. Л., 1975. С. 48.

причём порой характеристика образа доходит до примитивизма³⁰, либо, как это делает верный солярной символике А.Н. Афанасьев, с тучей³¹.

Пожалуй, интереснее прочих трактует архаический образ Святогора Д.М. Балашов, выдвинувший оригинальную версию о связи Святогора с придунайским ареалом обитания праславян – «Святые горы»³². Балашов предполагает, что этот образ возник ещё до нашей эры в период становления праславянской общности, когда наблюдался пассионарный подъём, который и привёл к формированию образа громадного богатыря как выражения пробудившейся силы этноса. Смерть же Святогора связана с пассионарным угасанием, распадом единого этноса на отдельные племена, за которым, с вливанием крови соседних народов, последовало формирование трёх ветвей славян. По мнению Д.М. Балашова, тот самый смертный дух, которого благоразумно отказывается вдохнуть Илья Муромец, есть не что иное, как выражение упадка пассионарности, «этнической энергии карпатских праславян»³³.

Другой архаический богатырь – Волх-Вольга. Волх – ярчайший представитель образа героя-оборотня, наделённый способностью обращаться в любое живое существо. Вольга – первобытный шаман, культурный герой, перешедший в героя эпического. Побеждает он не силой, но магией. Оборачиваясь животными тварями, кормит оголодавшую дружину, потом проникает во вражеский город и уничтожает неприятельское оружие, лишая недругов способности сопротивляться.

В отличие от Святогора, Вольга с лёгкостью историизируется, хотя весьма и весьма спорно: что в начале. Либо образ реального человека приобрёл эпические черты, либо под былинного героя пытаются подобрать исторического персонажа. Учитывая время сложения былин, Вольгу можно сопоставить с двумя русскими князьями – удачливым воителем Святославом, либо с Олегом Вещим, особенно со вторым³⁴: ему тоже приписывалась способность к оборотничеству – обращаться в «волкудлака»³⁵. Также с Олегом Вольгу роднит схожесть имён – Вольга-Хельга (Олег), и связь со змеей: если Олег будто бы погиб от укуса змеи, то «*Волх рождается оттого, что его мать наступает на змея. Тот обвивается вокруг её ноги, и она зачинает*»³⁶.

И, наконец, третьим архаическим героем можно признать Микулу Селяниновича. Образ Микулы достаточно бледен. Подвигов, как таковых, он не совершает, а славен лишь властью над «тягой земною», что отражает демиургическую функцию героя – в большей степени культурного, но нашедшего отражение и в эпосе. Микула подобен богам и культурным героям, научившим человека земледелию и ремеслу. Не исключено, что данный образ некогда был гораздо богаче, не уступая Прометею или Дедалу, но с течением времени, обеднел, «сузился» до одинокого сюжета, как это случилось и с образом Святогора.

Святогор, Вольга, Микула – общеславянские богатыри, в отличие от более поздних Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алёши Поповича, которые относятся к региональным циклам³⁷.

Второе поколение героев представлено Ильёй Муромцем, который при этом связан со всеми четырьмя героическими поколениями. До тридцати лет он – герой архаический, сидень, как Беовульф, как заточенный в бочку Персей, как отданный на воспитание кентавру Тесей. Потом он пробуждается и превращается, как Геракл, в машину истребления враждебного новому миру.

Как герой второго поколения, Илья выступает в качестве чистильщика, освобождающего землю от нечисти, каковой выступает Соловей-разбойник. Это персонаж, наде-

³⁰ «Святогор как мифический богатырь представляет бесплодную непроезжимость горных пород, и, как бесполезная сила, он должен был погибнуть, когда люди научились возделывать землю» (Аникин В.П. Русский богатырский эпос. М., 1964. С. 29).

³¹ Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверья славян: поэтические воззрения славян на природу. М.-СПб., 2002. Т.3. С. 377.

³² Балашов Д.М. Святогор // Русский фольклор, вып. XX. Л., 1988. С. 10-21.

³³ Там же, с. 20.

³⁴ Рыбаков Б.А. Исторический взгляд на русские былины // История СССР. 1961. №5. С. 141-166.

³⁵ Калугин В.И. Герои русского эпоса. М., 1983. С. 61.

³⁶ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.-Л., 1965. С.68.

³⁷ Аникин В.П. Русский богатырский эпос. С. 35 сл.

лённый зооморфными чертами³⁸, но богатырь ушедшего поколения. Теперь он представляется Илье нелюдем, каким Полифем казался Одиссею, а Грендель – Беовульфу. Потому Илья побеждает, а потом, в Киеве, и убивает Соловья, немедленно переходя в третье поколение героев, отстаивающих интересы социума.

Сейчас Илья очень похож на Ахилла в двух основных аспектах этого идеально классического героя – в его противостоянии властителю, а также в превосходстве над прочими богатырями. При этом в отличие от сотоварищей Илья далеко не типичный герой. С одной стороны, защитник, предводитель героев на богатырской заставе, сражающийся со змеесущими врагами с Востока. Но он готов взбунтоваться против несправедливого правителя, претендующего на могущество властелина. Отстаивая древние, языческие народные ценности, он бунтует против такого аспекта цивилизации, как государственная религия, сшибая «маковки» с церковью – «А стрелил-то по чудным крестам»³⁹, выказывая тем самым гнбис против власти – свойство *героя третьего поколения*. Таков и Ахилл, гневающийся против властных претензий Агамемнона⁴⁰.

Илья по характеру своему – ярко выраженный лидер, неоспоримый предводитель героев. В принципе, даже возглавляя дружину, Илья остаётся одиночкой, что свойственно классическому эпическому герою, выступающему в гордом одиночестве, в отрыве от социума, нередко в негласном противостоянии с ним⁴¹; недаром по-немецки богатырь – «Reske», что означает изгнанник, одиноко странствующий герой. Обыкновенно на битву Илья выезжает один, призывая подмогу лишь против врага, многократно превосходящего силой.

Но рядом с Ильёй возникают два других ярких образа, хронологически более ранние, но в синхронистическом преломлении воспринимающиеся «молодшими» товарищами Ильи, – Добрыня Никитич и Алёша Попович.

Вероятно, Добрыня – древнейший из богатырской троицы, по крайней мере, образ его почти наверняка впитал черты легендарного Добрыни, крестителя Киева⁴². Исходя из популярной былины о Добрыне и Змее, Добрыню Никитича, кажется, следовало бы отнести ко второму поколению героев – истребителей нечисти, но змей в былине слишком уж антропоморфен, это уже и не чудовище архаического мифа, отображающее хаотическую стихию⁴³, и даже не нелюдь – это выражение недруга вполне человеческого, нехристя, язычника, враждебного иноземца⁴⁴. Это враг периода поздней эпики, только рядящийся в хтонические одежды – с хоботами да связью с водой, а на деле выступающий вполне очеловеченным противником, вступающим в переговоры. Да и в решающий момент боя и не понять, кто же сражается с богатырём – чудовище или человек.

*Да й скочил-то он змеицу на белы груди,
Росплатать-то ёй хотит да груди белые,
Он хотит-то ёй срубить да буйны головы*⁴⁵.

Да и решающая схватка в различных вариантах былин толкуется больно разно. То Добрыня пускает в ход «колпак да земли греческой»⁴⁶ – монашеский куколь, то лупит недруга дубиной, плетью. Добрыня то мирится со змеем, заключая «записи промеж собой»⁴⁷, то вдруг рьяно вступает за полон, будто бы впервые проведая про эти злодеяния Змея. Потому-то образ Добрыни двойственен, в нем нет той целостности, что присуща образу Ильи Муромца.

Не менее неоднозначна фигура Алёши Поповича – героя с повадками трикстера.

³⁸ Пропп В.Я. Русский героический эпос... С. 241.

³⁹ Илья в ссоре с Владимиром // Илья Муромец. С.235.

⁴⁰ Ном. II. I 6-7.

⁴¹ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. М.-Л., 1924. Т. 3. С.69.

⁴² Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 51.

⁴³ «...змей в его древнейшей форме представляет природные стихии, а именно стихии огня, воды, гор и небесных сил – дождя и грозы» (Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 181).

⁴⁴ Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 373; Смолицкий В.Г. Былина о Добрыне и змее. С. 184; Калутин В.И. Герои русского эпоса. М., 1983. С. 49; Русское народное поэтическое творчество. М.-Л., 1953. Т.1. С. 197.

⁴⁵ Добрыня и Змей, 165-167 // Добрыня Никитич и Алёша Попович. С.8.

⁴⁶ Добрыня и Змей, 157 // Там же. С.8.

⁴⁷ В.Г. Смолицкий объясняет побратимство Добрыни со Змеем возможно имевшими дело переговорами исторического прототипа с некими иноверцами, возможно, волжскими булгарами – Смолицкий В.Г. Былина о Добрыне и змее // Русский фольклор, XII. Л., 1971. С.189.

Алешу с неменьшим рвением, нежели в случае с Добрыней, пытались определить как историческое лицо, с известной степенью сомнения отождествив с богатырём Александром Поповичем, отличившимся на службе сразу у нескольких русских князей и павшим в битве при Калке – «*И Олександр Попович ту же убиен бысть с инеми сьмдесятью храбрых*»⁴⁸. Как герой третьего поколения Алёша связан с легендой о поединке с Тугарином. И уже в этом случае Алёша проявляет себя далеко не однозначно. Если Илья Муромец выходил на равный бой с любым противником – и даже со Святогором; если Добрыня Никитич не побоялся голыми руками схватиться со Змеем, Алёша действует против Тугарина хитростью, обманом⁴⁹.

Отечественные фольклористы отчаянно защищают этого богатыря, отмечая его ловкость, удалство, бесшабашную храбрость, жизнерадостность, лукавство и задор, но, вместе с тем, вынуждены признать, что Алёша нередко совершал поступки, «*которые не всегда достойны богатыря*»⁵⁰. И в этом нет никакого противоречия, ибо Алёша – олицетворение богатыря уже в большей степени четвёртого поколения, когда гнев, ярость и безоглядное стремление к славе сменяются уже мотивом долгой жизни и мирного процветания, когда независимые богатыри обращаются в верных княжеских слуг⁵¹. Когда они становятся из сотоварищей по богатырской заставе государевыми людьми, ищущими милости князя, и во имя этих милостей – сокровища или власти. Когда ради этих сокровища и власти они готовы совершить низость по отношению к удачливому товарищу. И потому-то Илья старается действовать в одиночку, не больно-то доверяясь «молодым» богатырям, из зависти готовым ударить в спину ножом⁵². И потому-то Добрыня презрительно величает Алёшу «бабьим насмешником»⁵³, а тот норовит украсть у товарища коня, а то и невесту, за что бывает нещадно бит⁵⁴. Это уже характеры, свойственные угасанию ментальности эпической героики. Это уже этика цивилизации, определяемой богатством и властью. И потому эпические герои обречены исчезнуть, ибо они враждебны новой цивилизации и, подобно героям-нартам, даже противостоят ей. И потому сохранились былины, как богатыри поражают врагов, но сила тех удваивается. И тогда богатыри каменеют⁵⁵: Илья Муромец уходит, имя Добрыни Никитича исчезает из летописей, Алёша Попович гибнет в битве с неверными – эпос обращается в историю.

SOME NOTES CONCERNING THE STRUCTURE OF THE EPICS (FOUR EPIC GENERATIONS)

D.V. KOLOSOV

*Knigovek Publishing,
Moscow*

*e-mail:
kolosoff.koul@mail.ru*

Based on analysis of the Greek and East-Slavic epics, four generations of heroes are studied: an archaic that asserts the power of people; classic, and that of decadence. The focus is on motives that drove heroes of each generation – hubris, lust for fame, treasures, and power. Despite the seeming remoteness in time and space, the Greek and East Slavic epics manifest genesis affinity in the first three generations. The fourth generation different by virtue of objective causes – the decline of the Mikena civilization that stalled development of the epic culture on the one hand and formed sophisticated feudal relations on the other.

Key words: epic hero, Odyssey, folk tale, Svyatogor, Ilya Muromets.

⁴⁸ Лихачёв Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче // Тр. ОДРЛ, т. VII. М.-Л., 1949. С.26.

⁴⁹ Алёша Попович и Тугарин, 109-117 // Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 186.

⁵⁰ Там же. С. 350.

⁵¹ Там же. С. 159.

⁵² Первая поездка Илья Муромца в Киев, 200-204 // Илья Муромец. С. 27.

⁵³ Добрыня и Алёша / Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 237.

⁵⁴ Добрыня в отъезде, 204-209 / Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 267.

⁵⁵ Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос // Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология. М., 2003. С. 187.

«ПРАВДА ИЛИ ЛОЖЬ?» (К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНОМ СТАТУСЕ ЧЕСТНОСТИ В АФИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПО ДАННЫМ ТРАГЕДИЙ СОФОКЛА)

В.А. НАУМОВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: vikulya.naumova.90@mail.ru

Статья посвящена изучению ценностей этического характера в древнегреческом обществе классического периода. Интерпретация данных трагедии Софокла, как одного из наиболее репрезентативных источников, позволила определить характерные признаки и направления эволюции ценностного статуса изучаемой категории, а также проследить их взаимосвязь с социально-политическими изменениями в афинском полисе классического периода.

Ключевые слова: Древняя Греция, Софокл, ценностные категории, ценности, честность.

Особую отрасль аксиологической системы любого социума составляют ценности этического или морального характера, одной из которых является честность. Данная категория определяет каждодневную практическую деятельность человека. В разрешении неизбежных в общении противоречий между своими личными интересами и желаниями других людей и с точки зрения психологии, и с точки зрения этики решающую роль играет способность говорить и отстаивать правду.

Повышенная социативность всегда была отличительной чертой греческого темперамента¹. Вся культура Древней Греции и Рима в большей степени являлась культурой устного, а не письменного слова². Именно поэтому важнейшую роль в социальной и политической жизни античного общества играло ораторское искусство. Его взлёт связан с условиями жизни в полисе, когда любая информация передавалась изустно. Необходимость отстаивать свои взгляды и убеждать сограждан в своей правоте в дебатах в народном собрании, суде присяжных и т.п. необычайно возвысила искусство владения звучащим словом. Умение красноречиво изъясняться было основополагающим для древних греков. В этом отношении особое место занимает вопрос о значимости в сознании эллинов такой нравственной категории, как честность и верность своему слову. Реконструкция ценностного статуса категорий правды и лжи, отражающих жизненные установки древнегреческого социума, существенно важна для понимания его духовного климата.

В историографии укоренилось представление о том, что эллины оправдывали применение обмана и хитрости в качестве средств для достижения поставленных целей, и правдивость не являлась ценностной доминантой в обществе. Однако, как правило, исследователи³ апеллируют лишь к данным гомеровских поэм, в особенности образам Одиссея и Гермеса, и, отчасти, к «Истории» Геродота. На наш взгляд, для более полного и точного представления о месте категорий правды и лжи в античном мировоззрении необходимо привлечение более широкого корпуса источников.

В контексте заявленной проблемы принципиально важен вопрос о характере источниковой базы исследования, поскольку она должна отразить представления и отношение к рассматриваемым категориям всего социума, а не отдельной его группы. До недавнего времени изучение системы ценностей древних греков строилось преимущественно на основе данных философской традиции, которая зачастую представляет идеализированную картину, а не объективно-существующую реальность.

Драматургия, в отличие от философии, оказывала непосредственное воздействие

¹ Куле К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия. М., 2004. С. 23.

² Harris W.V. Ancient Literacy. Cambridge, Mass.; L., 1991. P. 36, 38; Thomas R. Literacy and Orality in Ancient Greece. Cambridge, 1999. P. 2.

³ Боннар А. Греческая цивилизация. Ростов-на-Дону, 1994. С. 124; Гиро П. Частная и общественная жизнь древних греков. СПб., 1995; Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. СПб., 1998. С. 128-130; Куле К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия. М., 2004. С.75-77; Кахилл Т. Греческое наследство: чем цивилизация Запада обязана эллинам? СПб., 2006. С. 341.

не только на элитарный слой населения, а на массу людей. Свобода драматургов была ограничена мнением публики, сам драматург выполнял «социальный заказ».⁴ Трагедия сопряжена с агонией, поэтому, чем более точно и правдиво автор передает присущие большинству посетителей театра ценностные установки, тем больше его шансы на успех.

Софокл – современник «золотого века» Афин, в его трудах нашли отражение идеалы полисной демократии. Это политическое равенство и свобода всех полноправных граждан, беззаветное служение родине, уважение к богам, благородство стремлений людей. Самостоятельность в своих решениях, готовность нести ответственность за свои действия составляют основу нормативности героев Софокла⁵.

Трагический герой драматурга отличается известной суммой постоянных качеств. Прежде всего, принадлежа к царскому дому, он является благородным человеком, ни в какой ситуации не изменяющим высоким нравственным нормам, заложенным в нём природой. Непримиримость к врагам и к себе самому, неукротимость в достижении цели, честность и верность своему слову – это свойства, присущие всем истинным трагическим героям Софокла⁶.

Однако не стоит забывать, что драматург являлся и свидетелем разрушительной Пелопонесской войны, которая дала множество примеров проявления человеческой природы совсем в ином направлении, чем этого требовала аристократическая концепция доблести: предательство и измена, корыстолюбие и вымогательство оттеснили на задний план благородство и элементарную порядочность⁷. Веяния того времени не могли не найти отражения в проблемах выбора, встававших перед героями драматурга.

Общественный и индивидуальный опыт, накопленный афинянами за годы войны, заставлял их особенно живо реагировать на постановку нравственных проблем: что больше присуще "природе" человека – прямота и честность или приспособление к сиюминутным требованиям и интересам?⁸ На наш взгляд, данный вопрос является одним из центральных в творчестве драматурга. На трансформацию взглядов автора и, соответственно, на эволюцию ценностного статуса честности влияли, в первую очередь, исторические реалии того или иного исторического периода. В трагедиях Софокла можно условно выделить четыре варианта разрешения конфликта героем: от абсолютного неприятия хитрости и обмана до их оправдания.

Первый вариант встречается в наиболее ранних из дошедших до нас трагедий Софокла («Трахинянки», «Аякс» и «Антигона»), постановка которых на театральной сцене (соответственно, 450-435 г. до н.э.; между серединой 450-х и серединой 440-х гг. до н.э.; 442–441 до н.э.) относится к «золотому веку» Афин – периоду, предшествовавшему Пелопонесской войне.

Центральными выступают образы Аякса, Антигоны и Деяниры. Стоит отметить, что общими для названных героев являются честность, ненависть и презрение ко всякой лжи и лукавству. Так, Деянира говорит:

*Коль мой супруг ко лжи тебя наставил,
То школу ты постыдную прошел.
А если сам себя в науке этой
Ты воспитал, то вместо благородства
Ты лишь дурную славу обретешь.
Скажи мне правду. Ведь прослыть лжецом —
Свободному тяжелая обида;
А истины ты все равно не скроешь.*

(Trach. 449-456)

Аякс является типичным трагическим героем драматурга. Прямота, справедливость и честность Аякса были известны всему войску, ими он обязан всеобщему уважению и любви (Aj. 342-344). Знаменитый монолог Аякса, в котором он выражает притворную готовность примириться с Атридами, вызывал непонимание у многих исследователей. Суть их недоумений сводится к тому, что Аякс, не привыкший идти кривым путем,

⁴ Гришин В.В. Социально-философский анализ кризиса духовности в Древней Греции и в современной России. Нижний Новгород, 2007. С. 116.

⁵ Боннар А. Указ. соч. С. 643.

⁶ Ярхо В.Н. Античная драма. М., 1990. С. 45.

⁷ Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция. М., 2007. С. 194.

⁸ Ярхо В.Н. Античная драма... С. 134.

здесь явно прибегает к обману, чтобы избавиться от опеки Текмессы и хора. Как совместить благородную прямоу Аякса с его же хитростью? Вопрос решается, по мнению В.Н. Ярхо, двусмысленностью монолога: речь Аякса может быть истолкована и буквально (так её и понимает хор), и с проникновением в её скрытое значение, которое придаёт каждому слову верный себе герой⁹. Поэтому не следует подозревать Аякса в измене своей благородной и прямой натуре, он остается также верен ей в "обманном" монологе, как и в тех, которые произносит до и после него. И Антигона не стремится к обману, хотя хитрость могла бы её спасти. Она прямо заявляет о том, что посмела похоронить тело брата во имя высших, неписаных законов, которые даны самой Правдой, живут в сердцах людей и выше всех человеческих писаных законов.

Таким образом, на раннем этапе творчества Софокла в его трагедиях не подвергается сомнению ценность честности, как неотъемлемого качества личности, вне зависимости от сложности ситуации, с которой приходится сталкиваться благородному герою.

Второй вариант разрешения конфликта «правда-ложь» мы находим в более поздней трагедии драматурга – «Царь Эдип», относящейся по времени постановки к 429–426 гг. до н.э., то есть, начальному периоду Пелопонесской войны.

Интересующий нас герой – провидец Тиресий. Креонт говорит о том, что только от него Эдип сможет узнать правду. При его характеристике использованы следующие слова:

*Ведут богам любезного провидца,
Который дружен с правдой, как никто*
(301-302).

Хор также с уважением заявляет:

*...но вещаний лживых
Я не запомню от него, мой царь*
(340-341).

Сам Тиресий видит свою силу в правдивости. Он говорит «я правдою силен» (359). Однако, как и большинство героев Софокла, Тиресию пришлось столкнуться с дилеммой выбора между правдой, которая может вызвать ужасные последствия, и спасительной ложью. Должен ли провидец открыть Эдипу истину о тайне его рождения и преступлениях, которые он совершил по незнанию? Хотя Тиресий и боится говорить страшную правду, но и не решается на обман. Он предпочитает своего рода медиатор между двумя крайностями – умолчание.

Таким образом, мы наблюдаем уже иную ситуацию – хотя правда и честность не теряют привлекательности в глазах трагического героя, однако он в полной мере осознаёт её бремя и только под грузом ответственности решается на сокрытие истины – умалчивание, уход от ответа, но не на прямую ложь. Тем не менее, хор, так же как и Эдип, не считают приемлемым подобное развитие событий, так как от ответа провидца зависит судьба всего полиса – Фив. Тиресия называют предателем и лжецом, более тяжелого обвинения для провидца нет. Истину в данной ситуации скрыть невозможно, герой вынужден открыть правду, однако, уже единожды усомнившись в преданности старца, окружающие перестают ему верить. Отметим, что явное осуждение он теперь получает исключительно со стороны Эдипа, но не Хора, который стремится оправдать поведение Тиресия.

Третий вариант разрешения конфликта между правдой и ложью представлен в трагедии «Электра», относящейся к 415 г. до н.э., периоду, достаточно сложному для Афин, когда назревающий кризис во всех сферах жизни полиса уже проявил свои черты.

Центральный персонаж трагедии – Электра, девушка с твёрдым, независимым характером. Несмотря на все притеснения, которым она подвергается со стороны Эгисфа и Клитемнестры, сохраняет верность своей благородной природе (El. 257, 1023, 1125), делающей для неё немислимой измену долгу перед убитым отцом. Электра не пытается улучшить свою незавидную участь, используя обман и постыдную лесть в отношении ненавидимых ею людей. Девушка испытывает презрение к своей сестре Хрисофемиде, которая также, внутренне ненавидя мать и отчима, тем не менее, внешне вполне благоклонно относится к ним. Обострённое чувство справедливости и долга сопровождают Электру на протяжении всей трагедии. «Недостойные» средства достижения цели не мыслимы для неё вплоть до заключительной части трагедии, когда, зная о неминуемой гибели Клитемнестры и Эгисфа, она использует и хитрость, и обман (El. 1465). Причём

⁹ Ярхо В.Н. Античная драма... С. 50.

героиня не сомневается в верности и правильности своих поступков, так как совершает их исключительно в целях мести, ради блага родных и близких ей людей. Именно это служит ей оправданием.

Таким образом, Софокл демонстрирует, что в подобных ситуациях обман всё же возможен и даже желателен, оценка ситуации не столь однозначна, как ранее и обусловлена обстоятельствами.

Четвёртый вариант разрешения героем конфликта, пожалуй, самый неоднозначный и драматичный, мы находим в одной из последних дошедших до нас трагедий Софокла – «Филоктет», датированной 409 г. до н.э.

Неоптолем близок к Аяксу своей благородной природой, которую он, однако, вынужден на время предать в интересах "пользы". Он с самого начала неохотно слушает советы своего наставника в прагматизме – Одиссея. Уже в прологе искренний и бесхитростный Неоптолем противопоставляется готовому на всякие уловки многоопытному Одиссею:

*Не создан я природой,
Чтоб к выгоде стезей кривой стремиться;
Не таковым был — так гласит молва —
И тот, кому я жизнью обязан.
К чему тут козни? Я согласен силой
Его под Трою с нами увести*

(Phil. 86-91).

Неоптолему отвратительна сама мысль обмана. Для него открытость и честность превыше всего. Ему проще согласиться на насильственное деяние (похищение Филоктета), нежели на обман. Но Одиссей подчёркивает, что возвращение Филоктета под Трою соответствует интересам всего греческого войска (Phil. 78-88). Он говорит о том, что во лжи нет ничего постыдного, если она необходима для спасения (Phil. 109). Сознывая значение исторической миссии, возложенной на ахейских вождей, Неоптолем всё же соглашается использовать против Филоктета явный вымысел и заведомую ложь.

Однако, по мере того, как юноша проникается сочувствием к страданиям Филоктета, такого же простого, честного и мужественного, как и сам Неоптолем, он все более осознает несовместимость обмана по отношению к доверившемуся ему страдальцу с внутренним долгом честного человека, каким от природы призван быть сын прямого и бесхитростного Ахилла. В результате Неоптолем возвращает Филоктету его лук. Понимая, что этим он вызывает против себя ненависть Атридов и месть всего ахейского войска, юный воин, тем не менее, предпочитает остаться верным своей природе и достойным своего отца. Нравственный долг человека вступает в непримиримый конфликт с интересами общества; прямота и честность Неоптолема заводят всё дело в тупик, и Софоклу не остается ничего другого, как искать разрешение всех противоречий в появлении сверхъестественной силы¹⁰.

Следует отметить, что драмы являлись своего рода зеркалом общества, в котором отражались наиболее острые противоречия того времени. Поэтому в данном контексте речь идёт не только о внутреннем конфликте героя, но и растущей неоднозначности ценностного статуса честности в социуме.

Моральное превосходство Неоптолема над Одиссеем очевидно, – но также очевидно, что это превосходство не способно привести сына Ахилла к стоящей перед ним цели – добиться участия Филоктета в завершающем этапе войны. Софокл сумел показать глубину конфликта, возникающего между индивидуально-справедливым и общественно-полезным, но не мог найти ему естественного разрешения, потому что историческая действительность поколебала убеждение поэта в возможности моральной победы благородной личности над враждебностью ее социального окружения¹¹.

Таким образом, анализ ценностного статуса категории «честность» на основе трагедий Софокла позволяет проследить реакцию древнегреческого социума на изменения социально-политической обстановки в афинском обществе в исследуемый период. Честность и тесно связанная с ней справедливость занимают важное место в аристократической системе ценностей, именно поэтому они выступают неотъемлемыми составляющими личности благородного героя Софокла. Однако представления о роли исследуемой

¹⁰ Ярхо В.Н. Трагедия... С. 50.

¹¹ Там же. С. 167.

категории в жизни социума находятся в диалектической связи с социально-политическим развитием полиса – в произведениях Софокла мы прослеживаем явную эволюцию положения честности в аксиологической системе – от полного неприятия лжи и обмана как средств выхода из конфликтной ситуации до осознания героем несовместимости правдивости и достижения поставленной общественно значимой цели.

Вплоть до Пелопоннесской войны политическими лидерами демократии в Афинах были исключительно аристократы. Перикл стал последним из государственных мужей этого «старого» типа. Экономическое, политическое и социальное благополучие Афинского полиса этого периода не заставляло афинян подвергать сомнению высокий ценностный статус честности – именно это качество было важнейшим для политического деятеля, а это, в свою очередь, предопределяло процветание всего полиса. Именно это определяет непоколебимую твёрдость героев ранних трагедий Софокла в решении нравственных вопросов.

Однако резкое изменение внутривнутриполитической ситуации привело к переосмыслению и трансформации ценностного статуса рассматриваемой категории. Связано это было с целым рядом весомых обстоятельств. Во-первых, с начавшейся многолетней Пелопоннесской войной, ставшей мощнейшим катализатором деструкции системы традиционных ценностей. Несомненным фактом стало катастрофическое падение нравов, которое в дальнейшем только усугублялось.

Во-вторых, после Перикла лидерами афинской демократии оказывались по большей части уже не представители аристократии, а так называемые «новые политики» – лица незнатного происхождения, использующие свой авторитет у демоса зачастую в личных корыстных целях. Резко возросла эгоцентрическая составляющая в политической жизни – на смену общеполитическим интересам пришли групповые, значительно больше, чем раньше, стали значить интересы, а не ценности.

В-третьих, определённую роль в снижении ценностного статуса честности сыграло влияние софистических учений, провозглашавших, что цель оправдывает любые средства.

Таким образом, разрастающийся кризис заставил древних греков задуматься над вопросом – всегда ли честность и справедливость способны привести к достижению поставленной цели? И поэтому в более поздних трагедиях Софокла перед героями встает дилемма – можно ли отступать от своих нравственных принципов? Ответ драматурга однозначен – лишь ради достижения высшей цели общественной пользы.

Исключительную остроту и актуальность нравственного вопроса «Правда или ложь?» для Афин конца V в. до н.э. подчёркивает то, что Софокл ставит его центральным в одной из своих поздних драм – «Филоклет». Амбивалентность поднятой проблемы в связи со сложной социально-политической обстановкой того периода не позволяет автору дать прямой ответ на поставленный вопрос. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что честность перестаёт быть абсолютной ценностью для значительной части населения полиса, её статус в аксиологической шкале варьируется.

«TRUE OR FALSE?» (THE VALUABLE STATUS OF HONESTY IN ATHENIAN SOCIETY ACCORDING TO SOPHOCLES)

V. A. NAUMOVA

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
vikulya.naumova.90@mail.ru*

The article is devoted to research of the problem of axiological systems of the ancient. The object of study are the socially significant ethical and psychological categories as part of an integrated axiological system of ancient Greeks and the attitude towards them in the studied sources. Interpretation of data of Sophocles' tragedy, as one of the most representative sources of the period, has allowed defining important signs and directions of evolution of the valuable status of a studied category.

Key words: Ancient Greece, Sophocles, valuable categories, values, honesty.

ПОБЕРЕЖЬЕ ТИНГИТАНСКОЙ МАВРЕТАНИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПЛИНИЯ, СТРАБОНА, МЕЛЫ И СОЛИНА: ОШИБКИ, МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Т.Л.З ЛЕБАТО

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

e-mail: edith.lebato@gmail.com

В данной статье речь идёт о проблеме ошибочных и мифических данных, содержащихся в описании основных географических объектов морского побережья Тингитанской Мавретании в трудах Плиния, Страбона, Мелы и Солина. Сравнительное исследование этих данных с историческими реальностями позволяет выявить неточность представленной различными географами информации. Мы пришли к заключению, что географическое положение Тингитанской Мавретании в большой степени связано со всеми этими мифами и ошибками.

Ключевые слова: Маврусия, Тингитанская Мавретания, Марокко, Атлантический океан, Средиземное море, Гибралтарский пролив.

Царство Тингитанская Мавретания соответствует сегодняшнему северу Королевства Марокко¹. Это африканская провинция Римской империи, находящаяся на самом Западе древней Ливии (Strabo, XVII, 3, 1). В общих чертах, её определяют в рамках следующих границ: на Севере - Средиземное море, Испания и Гибралтарский пролив (Mela, I, V), на Западе - Атлантический океан (Strabo, XVII, 3, 1), на Востоке - Цезарейская Мавретания или бывшая Западная Нумидия (Mela, I, VI), а на Юге - огромные горячие засушливые пустыни (Plin., NH, V, 5). Перед аннексией этого региона Римской империей в 42 г. н.э., Тингитанская Мавретания представляла собой независимое царство, известное (Plin., NH, V, 2) под названием Маврусия, именно поэтому, в отличие от Мелы, Плиния и Солина, сообщения, которые относятся к римскому периоду, это наименование сохранилось только у Страбона (Strabo, XVII, 3, 2).

Еще в период независимости Тингитанская Мавретания имела довольно сложные отношения с Римом². Эта враждебность, уже существовавшая между варварскими племенами этого региона и Римом, усилилась во времена правления Богута I (царь Тингитанской Мавретании с 49 г. по 38 г. до н.э.). Богут решил выступить на стороне Марка Антония в гражданской войне, в которой он противостоял Октавиану. Этот выбор стоил Богуту власти, так как победа Октавиана вынудила проигравшего царя отправиться в ссылку. Западная Мавретания сразу же была отдана Бокху, царю Цезарейской Мавретании (с 49 г. по 33 г. до н.э.) и ревностному стороннику Октавиана.

При этом новый договор с Римом, вызывает особый интерес. Дело в том, что именно присоединение этого региона давало возможность Империи не только расширить ее гегемонию в западном направлении, но и поставить под контроль кочевые племена этого региона, которые представляли постоянную угрозу интересам Рима в римской Африке. Таким образом, западная Мавретания занимала важную в стратегическом плане территорию³. Однако, ее точное определение достаточно проблематично.

Историческая география Тингитанской Мавретании давно является предметом многочисленных исследований⁴.

При этом многие ученые обращают внимание на ошибки, содержащиеся в текстах античных авторов. М. Euzennat, например, считает, что расстояния между городами и главными достопримечательностями Тингитанской Мавретании, данные Плинием, не

¹ Carcopino J. La fin du Maroc romain // Mélanges d'archéologie et d'histoire. Paris, 1940. № 57. P. 349-448.

² Frezouls E. Rome et la Maurétanie tingitane: un constat d'échec? // Antiquités africaines. Paris, 1980. № 16. P. 65-93.

³ Ibid. P. 70.

⁴ Euzennat M. Le limes de la Tingitane. La frontière méridionale. Paris, 1989. P. 339; De Saint Martin V. Le Nord de l'Afrique dans l'antique grecque et romaine. Etude historique et géographique. Paris 1863. P. 354-355; Celerier J. Les « merjas », de la plaine de Sebou // Hesperis. Paris, 1922. № 2. P. 131; Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Paris, 1920. Tome III. P. 391.

совсем точны⁵. Этот факт, приведённый археологом в начале его работы, является на самом деле выводом некоторых других исследователей⁶. В этой связи исследование R. Rebuffat, в котором он пришел в выводу о серьезных ошибках Плиния в расположении римской колонии «*Babba Iulia Campestris*», является для нас очень важным. Ученый укрепляет нас во мнении о том, что большая часть данных Плиния ошибочна⁷. Помимо Плиния, точность сведений, предоставленных Страбоном о Тингитанской Мавретании, также ставится под сомнение. Согласно M. Tissot, имеющаяся до 42 г. н.э. информация о Тингитанской Мавретании, является неточной, особенно та, что имеется в описании Страбона⁸. J. Desanges в своем исследовании также доказывает, что информация Страбона ошибочна. На это явно указывает хотя бы расстояние между мысом Спартель и рекой Мулуей, оцениваемое Страбоном в 5000 стадий, которое на самом деле гораздо меньше⁹.

Есть много и других замечаний, сделанных учёными о неточности античных данных, связанных с локализацией Тингитанской Мавретании. Однако, при этом, только некоторые ученые действительно склоняются к мифологическому характеру этих данных. Единственным настоящим исследованием, детально разрабатывающим вопрос о мифологических источниках античных сведений, является исследование G. Bernard¹⁰. Из работ G. Bernard следует, что мифологические сказания, ставшие причиной известности Тингитанской Мавретании в античных греко-римских источниках, в основном, касаются географических объектов или явлений природы этого региона¹¹.

Например, по словам Плиния Старшего, в Тингитанской Мавретании располагается один из самых сказочных элементов всей Африки - гора Атлас (Plin., NH, V, 1, 5.). Греко-римская мифология связывает эту гору с Титаном, приговорённым Зевсом за сопротивление ему держать небосвод (Ovi., II, 296; VI, 174); (Hom., I, 52; VII, 245); (Hes., Theo., 519, 547-548). Помпоний Мела тоже приводит одну легенду, связанную с севером Тингитанской Мавретании, так называемый миф о Геркулесовых столбах, в котором упоминается гора Кальпе (сегодня - Гибралтарская скала), расположенная на побережье Испании и гора Абила (современная Джебель-Муса) в Мавретании. Эти горы с Севера и Юга тянутся вдоль берега Пролива Геркулесовых столбов (Гибралтарский пролив). Согласно древним мифам, ранее они образовывали одну гору, которая служила барьером между водами Средиземного моря и водами Океана. Геракл расколол её на две, совершив один из своих двенадцати легендарных подвигов. Этот раскол привёл и к смешению вод Средиземного моря с водами Атлантики в Гибралтарском проливе (Mela, I, V.).

Плиний обращается ещё к одному мифу, в котором упоминаются сады, расположенные на берегу города Ликса, и населенные Гесперидами (Plin., NH, V, 3). Именно здесь находился алтарь, посвященный Гераклу (Sol., XXV), а сама местность была защищена от паводковой волны (Plin., NH, V, 4) некой естественной преградой, позволяющей почве всегда оставаться сухой (Sol., XXV). Страбон, с опорой на рассказы Габиния, повествует о могиле в окрестностях Ликса с останками гиганта Антея, сына Геи (Strabo, XVII, 3, 8). При этом Плиний указывает Антея в качестве основателя города Тинги (Plin., NH, V, 2). Солин же утверждает, что гигант был мастером как в искусстве атаки, так и искусстве борьбы (Sol., XXV).

По нашему мнению, использование мифологических источников является прямой причиной ошибочных географических данных в текстах античных писателей.

Мела начинает своё описание Тингитанской Мавретании с отрога, расположенно-

⁵ Euzennat M. Remarques sur la description de la Maurétanie tingitane dans Pline H.N., V, 2-18 // *Antiquites africaines*. Paris, 1989. № 25. P. 95-109.

⁶ Rebuffat R. Les erreurs de Pline et la position de Babba Iulia Campestris // *Antiquites africaines*. Paris, 1967. № 1. P. 31-57; Thouvenot R. La connaissance de la montagne marocaine chez Pline l'Ancien // *Hesperis*. Paris, 1939. № 26. P. 113-121; Tissot M. Recherches sur la géographie comparée de la Mauretanie Tingitane. Mémoires présentés à l'academie des Inscriptions et Belles Lettres. Paris, 1878. P. 228-229.

⁷ Rebuffat R. Les erreurs de Pline et la position de Babba Iulia Campestris // *Antiquités africaines*. Paris, 1967. № 1. P. 38.

⁸ Tissot M. Recherches sur la géographie comparée de la Mauretanie Tingitane. Paris, 1877. P. 189.

⁹ Desanges J. Géographie historique de l'Afrique du Nord antique // *Ecole Pratique des Hautes Etudes, IV Section*. Livret 2 (1981-1982 & 1982-1983): Rapports 1981-1982 et 1982-1983. Paris, 1985. P. 84-85.

¹⁰ Bernard G. Monstres et heros des confins occidentaux de l'oikoumene. Paris, 2013. P. 22.

¹¹ Ibid. P. 2.

го на Севере, который греки называют Ампелусием или мысом Котисы, как его называет Страбон (Strabo, XVII, 3, 2) (современный мыс Спартель). Этот отрог считается самой крайней вершиной на Северо-западе Тингитанской Мавретании (Mela, I, V). Он и будет служить нам отправной точкой. Если двигаться к востоку от нее, то морское побережье Тингитанской Мавретании будет простираться до устья реки Молохафа или Мулухи (современная река Мулуя). Этот берег в основном населён маврусиями, отделенными от своих ближайших соседей - масесилиев Цезарейской Мавретании рекой Молохафом (Strabo, XVII, 3, 9). Страбон оценивает расстояние между Котосами и Молохафом в 5000 стадий (Strabo, XVII, 3, 6). Однако, по Плинию, это расстояние равно 170000 шагам (Plin., NH, V, 17). Согласно таблице эквивалентностей мер римских длин с метрической системой, 5000 стадий Страбона равны 925000 метрам, а 170000 шагов Плиния эквивалентны 251600 метрам. Мы видим, что есть разница в 673 400 метров. Эта разница очень велика и, по нашему мнению, связана с другими ошибками античных авторов.

Запутано описание морского побережья Тингитании у Плиния. Во-первых, он представляет реку Мальвану, по его словам, судоходную, в качестве границы Тингитании - так как он указывает, что город Сига (современный Такембрит), который находится за этой рекой, уже является территорией Цезарейской Мавретании (Plin., NH, V, 18). Но если данным о городе Сига можно доверять, то информация о Мальване явно ошибочна, ввиду того, что другие авторы приходят к выводу, что река Молохаф, также судоходная, находится перед городом Сига, и именно она является рекой Мальваной и границей между двумя Мавретаниями (Strabo., XVII, 3, 6); (Mela, I, 5, 29). Во вторых Плиний представляет, что река Мулуха находится после города Сиги и Большой гавани (Plin., NH, V, 19), на территории Цезарейской Мавретании (Восточной Мавретании). Кроме того, он проводит по этой реке границу между страной Богута и страной его брата Бокха. Это противоречит другим данным Плиния, так как он уже представлял окрестности Мальваны в качестве приграничных земель Тингитании. Географические реалии в пограничном районе между Марокко (Тингитанская Мавретания) и западным Алжиром (Цезарейская Мавритания) придают значение только одной большой реке с названием Уэд-Мулуя.

При длине в 520 км, эта река является одной из самых длинных Уэдов (рек) в Марокко. Река берет своё начало на юго-западе, в горах Высокого Атласа, затем, через 600 км, она течёт и, наконец, впадает, в Средиземное море, в 14 км к западу от границы с Алжиром¹². Таким образом, Молохаф и Уэд-Мулуя не могут не являться одной и той же рекой, так как известно, что с древних времен и до прихода Алавитов к власти в Марокко, именно Мулуя являлась естественной границей между Марокко и Алжиром на севере¹³. Помпоний Мела в своем описании этой части Мавретании путается даже сильнее, чем Плиний. Он располагает Мулуху между царством Бокха (Западная Нумидия) и царством Югурты (Восточная Нумидия) (Mela, I, V), то есть на окраине Цезарейской Мавретании.

Существуют противоречия и в расчётах протяжённости побережья, которые приводит Страбон. Благодаря недавнему исследованию, проведённому марокканскими экспертами для Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций, длина марокканского средиземноморского побережья равна 512 км (расстояние между мысом Спартель (крайняя северо-западная точка Марокко) и городом Саидия (крайняя северо-восточная точка Марокко), расположенным в устье реки Уэд Кисс, которая теперь служит границей)¹⁴. Следовательно, длина в 925 км, описанная Страбоном, была завышена. Расстояние, обозначенное Страбоном, ведет нас, таким образом, не в устье реки Мулуя, как считает автор, а намного дальше, возможно, до *Portus Magnus* (Большой Гавани) или до того места, где Плиний, по ошибке, размещает реку Мулуху (Мулуя)¹⁵. При этом, Плиний, хоть и ошибается относительно протяжённости территории Тингитании, но его предположение (251,6 км) является ближе всего к реальности.

¹² Dakki M. Diagnostique pour l'aménagement des Zones humides de Nord-Est de Maroc. Rabat, 2003. P. 52.

¹³ Chenntouf T. La dynamique de la frontière au Maghreb, Des frontières en Afrique XIIe au XXe siècle. Paris, 2005. P. 204-205.

¹⁴ Ibid. P. 204-205.

¹⁵ Dessanges J. Géographie historique de l'Afrique du Nord antique // Ecole Pratique des Hautes Etudes, IV Section. Livret 2 (1981-1982 & 1982-1983): Rapports 1981-1982 et 1982-1983. Paris, 1985. P. 84-85.

Существует еще целый ряд противоречивых данных, которые происходят из описаний римских географов. Например, местоположение, данное мысу *Tres Forcas* Страбоном. Мыс *Tres Forcas* или Метагоний, по его словам - широкий скалистый мыс, расположенный на северо-востоке Марокко, очень близко к устью Молохафа и напротив Нового Карфагена (Strabo, XVII, 3, 6). На самом деле он расположен на незначительном расстоянии от города Руссадир и находится в 100 км на запад от алжирской границы. Таким образом, он не может находиться там, куда его определяет Страбон. Город Новый Карфаген (Картахен) расположен на юго-востоке Пиренейского полуострова, в районе Мурсии, находящейся не напротив Метагония, а, скорее, напротив города Оран, в западном Алжире. Только 150 км отделяют Оран от испанских берегов, самых ближайших к Картахену.

Мела и Страбон, скорее всего, придерживаются разных традиций в описании средиземноморского побережья Тингитании. Страбон утверждает, что многие города, реки и озёра лежат за горой Абила, до реки Молохаф, хотя он не приводит ни одного из них в пример (Strabo, XVII, 3, 6), тогда как Мела упоминает только маленькие города и реки вдоль всего побережья (Mela, I, V). Наряду с этим, он указывает город Тингий, который находится за мысом Амелусий, гору Абилу, горы, названные в честь Семи Братьев, реку Тамуду, и, наконец, город Русигаду, расположенный перед Сигой. Говоря о городе Русигаде, важно уточнить, что первым большим городом, который мы встречаем по пути из Молохафа в Амелусий, является город Руссадир (Мелилья). Название "Руссадир" финикийского происхождения и означает "Могучий мыс"¹⁶. Скорее всего, этим словом первоначально назывался мыс *Tres Forcas*, Затем указанный термин стал отождествляться с городом Руссадир, потому что он лежал у его подножия.

По нашему мнению, город Русигада, о котором упоминает Мела, соответствует Руссадиру, так как он точно не стал бы его выделять среди остальных городов, если бы тот не был таким важным.

Существует также проблема отсутствия у Плиния, Страбона и Мелы многих реально существовавших тогда городов. Хотя Плиний и попытался добавить несколько их названий к приведённым Страбоном и Мелой, их список всё ещё остаётся неполным. Археологические исследования доказали существование финикийских и ливийских поселений, которые не были упомянуты в римских литературных источниках римских географов¹⁷. Речь, например, идёт о современном городе Сиди Абдеслам дель Бехар, который в древности находился близко к устью реки Уэд Мартиль (бывшая Тамуда). Плиний правда говорит об одном древнем городе, расположенном вблизи реки Тамуды, но его имя ему не известно (Plin., NH, V, 18). Принимая во внимание, что остатки города, расположенные в районе местоположения этого поселения, датируются II и I вв. до н.э., очень возможно, что речь идет о городе Сиди Абдеслам дель Бехар. О реке Тамуда неоднократно писали римские авторы, однако, никто из четырёх географов не упомянул, что в устье этой реки располагался город с тем же названием, который, возможно, существовал ещё в I в. до н.э., если верить этим же археологическим данным. Город Тамуда (современный Тетуан) был основан карфагенским полководцем Ганноном, а затем попал под римское господство в 39 г. н.э. Современный город Сеута (бывший *Septem Fratres*), расположенный у подножия самого южного из Геркулесовых столбов (горы Абила), также не удостоивался внимания наших географов.

Мыс Амелусий является еще одним запутанным элементом средиземноморского побережья Тингитании. Так, Страбон помещает гору Атлас в окрестностях Амелусии (Strabo, XVII, 3, 2), тогда как другие римские авторы определяют ее как возвышающуюся среди песков, дальше вглубь провинции, к югу (Plin., NH, V, 5-6).

Скорее всего, Страбон просто путает Атлас и Риф, что совсем не удивительно, так как римлянам всегда стоило большего труда определить точное расположение горы Атлас. Откуда же происходят все эти мифы и ошибочные данные о Тингитанской Мавритании, содержащиеся в римских литературных источниках? Ведь большинство географических данных совершенно не совпадает с реальностью. Это сводит на нет все наши попытки локализовать географические объекты побережья Тингитанской Мавритании.

¹⁶ Carayon N. Thèse de Doctorat en Sciences de l'Antiquité - Archéologie: Les ports phéniciens et puniques, géomorphologie et infrastructures. Université Strasbourg II – Marc BLOCH. 17 mai 2008. P. 1372.

¹⁷ Ibid.

Чтобы решить эту проблему, необходимо обратить внимание на то, что Страбон знает только четыре топонима на омываемом Атлантическим океаном побережье Тингитании. Это города: Тига, Зелий, Линкс или Ликс, омываемые на юге заливом Эпорик. Страбон тем самым подразумевает, что океаническое побережье Тингитании включает в себя только эти три города (Strabo, XVII, 3, 6). При этом Страбон опирается на свои представления о Ливии, о ее сужении к юго-западу (Strabo, XVII, 3, 1). Тем самым автор показывает пределы своего знания об океаническом побережье Тингитании.

Мела добавляет к городам, упомянутым Страбоном, лишь город Сала (современный Сале), расположенный на правом берегу реки с одноименным названием (сегодня он называется Бу-Регрег). Причина этого легко объяснима, поскольку археологические исследования показывают, что римские границы в данном регионе начинались только с окраины современного города Рабата, на левом берегу реки Салы, находящегося напротив города Сале. Плиний, в отличие от Страбона и Мелы, предоставляет более подробную информацию как о городах и реках, расположенных на океаническом побережье, так и о расстояниях, которые их разделяют. Для лучшего восприятия, эти данные будут приведены в таблице.

Таблица

Сравнительная таблица предположительных данных с реальными данными

Расстояния по побережью	Предположительные данные Плинием	Реальные данные
От Тинги (Танже) до Зелия (Дснар Ждид)	25.000 шагов (37 км)	40 км
От Зелия до города Ликса (Лараш)	32.000 шагов (47,36 км)	Около 40 км
От реки Ликс (уэд Луккос) до реки Субур (уэд Себу)	50.000 шагов (74 км)	115 км
От реки Субур до города Сала (Сале)	50.000 шагов (74 км)	49 км
От реки Анагис (Умм-эр-Рбия) до реки Ликс (уэд Луккос)	205.000 pas (303,4 км)	341,9 км
От порта Рутибус (порт Ел-Жадида) до реки Ликс	213.000 pas (315,24 км)	359 км

Из таблицы хорошо видно, что большинство сведений, представленных Плинием, отличается от реальных данных. Расстояния, определенные Плинием, либо преуменьшены, либо преувеличены. Однако, следует отметить, что не все данные Плиния ошибочны. Вот, например ошибка в расстоянии между городом Тингий и городом Зелий - всего в три км. Скорее всего, большинство таких неточностей связаны с тем, что античные авторы оперировали при измерении расстояний с другими параметрами, отличающимися от современных.

Особенности приведённых выше источников, касающихся географического описания атлантического и средиземноморского побережья Тингитанской Мавретании, позволяют сформулировать гипотезу, объясняющую появление античных мифов и ошибочных данных об этом регионе.

Плиний, опираясь не свидетельство Полибия, утверждает, что территорией Тингитании является "другой мир" (Plin., NH, V, 8). Этому мнению придерживается не только Плиний, но и многие другие римские географы, такие как, например, Публий Овидий Назон, автор «Метаморфоз». В рассказе о путешествиях Персея Овидий поэтически описывает Тингитатию – территорию Атласа - такими словами: «Он правил в дальних регионах Земли, на морях, в которые заезжали запыхавшиеся скакуны и пылающая от солнца колесница» (Ovi., IV, 631). Но в этом случае происхождение мифов и ошибочных данных о Тингитанской Мавретании явно было связано с приблизительным знанием, которое имели античные географы об этом регионе, что было вызвано его географическим положением.

Расположенная на крайнем западе Средиземноморского мира Маврусия считалась в греческой мифологии порогом западного мира, миром неизвестным, землёй загадочных существ, таких как Геспериды, Атлас, гигант Антей и т.д., которых могли одолеть

только такие могущественные люди, как Геркулес или Персей¹⁸. Эти древние мифы происходят из того, что Маврусия была совершенно неизвестна грекам, потому что находилась далеко от их "мира". Следовательно, когда стало необходимо описать этот неизвестный регион, античные географы прибегали либо к воображению, либо к фантастическим рассказам моряков, которые интерпретировали по-своему всё, что они едва замечали на побережьях этого региона. Финикийцы, которые первыми проплыли вдоль берегов Маврусии, распространяли эти легенды с единственной целью сохранения этого региона под их господством. И даже в императорское время, когда Маврусия уже стала римской колонией, эти фантастические рассказы о Тингитанской Мавретании продолжали передаваться и римскими географами. Отметим также, что и Плиний делает хорошее замечание об этом в своем описании устья реки Ликсы. Он отмечает тот факт, что «море разливается по берегу извилистой линией, и издали напоминает движущуюся змею (Plin., NH, V, 3).

На самом деле, различные описания Тингитанской Мавретании, выполненные четырьмя вышеупомянутыми римскими географами, были скорее основаны на данных других авторов или на периплах. Вот почему Страбон, Мела, Солин и Плиний ошибались в своих данных о Тингитанской Мавретании, ведь они сами не исследовали этот регион и не сравнивали географические данные из независимых источников с географическими реалиями.

COAST OF MAURETANIA TINGITANA OF THE WORKS OF PLINY, STRABO, MELA AND SOLIN: ERROR, MYTH AND REALITY

T. I. E. LEBATO

*Tula State Leo Tolstoy Pedagogical
University*

e-mail: edith.lebato@gmail.com

The article deals with the problem of erroneous data and myths contained in the description of principal geographical points situated on the coast of the Mauretania Tingitana in the works of Strabo, Mela, Pliny and Solin. A comparative study of these data allows to bringing to light the inaccuracy of data presented by the different geographers. We come to the conclusion that geographical position of the Mauretania Tingitana is largely connected on all these myths and mistakes.

Key words: Maurusia, Mauretania Tingitana, Morocco, Atlantic ocean, Mediterranean sea, Strait of Gibraltar.

¹⁸ Bernard G. Monstres et héros des confins occidentaux de l'oikoumène. Paris, 2013. P. 22.

«ОЙУМ» В ЭПИЧЕСКОЙ ГЕРМАНСКОЙ ТРАДИЦИИ И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ*

С.В. ЯРЦЕВ
О.И. КРАЮШКИНА

*Тулский государственный
педагогический университет
им. Л.Н.Толстого*

e-mail: s-yartsev@yandex.ru

В статье исследуется сложный вопрос о существовании в Северном Причерноморье области «Ойум», известной только из *Getica* Иордана. Единственным решением этой проблемы является обращение к эпической германской традиции, где, по мнению авторов, сохранилось более конкретное описание той же самой местности. Для ее локализации, важным представляется то, что характеристика эпического пространства «Ойум» хорошо сочетается с историко-географическими реалиями некоторых районов Северного Причерноморья.

Ключевые слова: «Ойум», готы, Иордан, эпос, земля.

Использование эпической традиции в качестве полноценного научного источника является довольно спорным методом в исторической науке, ведь отделить реальные факты от вымысла в таких произведениях зачастую невозможно. С течением времени достоверные элементы эпоса изменяются по совершенно непредсказуемым канонам устного народного творчества¹. Именно поэтому в исторической науке роль эпической традиции как источника оценивается достаточно противоречиво. Данное утверждение также относится и к германскому героическому эпосу, в котором одни ученые совсем не видят ничего исторического², а другие, напротив, признают некоторую сохранность сведений из прошлых исторических эпох³. Естественно, зачастую даже при упоминании имен известных исторических личностей, собственно исторический фон в эпосе практически отсутствует⁴. Однако при этом необходимо учитывать, что древним германцам был «известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы» (*Tacit. Germ.*, 2), поэтому совсем отказывать эпосу в его исторической составляющей было бы не совсем правильно.

«Ойум» известна только из *Getica* Иордана, и даже это единственное описание крайне запутано. Именно неясность и противоречивость информации об этой таинственной земле (очевидно, что сам Иордан имел весьма смутное представление о данной территории⁵, хотя лично не сомневался в ее существовании⁶) прямо указывает на устный характер источника и его безусловную подлинность⁷. При этом относительно ранняя письменная фиксация данной древней песни готам, по нашему мнению, не позволила, как

* Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

¹ Гуревич А. Средневековый героический эпос германских народов // *Старшая Эдда: Эпос / пер. с др.-исл. А. Корсуна*. СПб., 2005. С. 5.

² Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960. С. 357.

³ Busse V. *Sagengeschichtliches zum Hildebrandslied* // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache*. 1901. Bd. XXVI. S. 83; Lindow John *Norse Mythology: A Guide to the Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs*. Oxford, 2001. P. 45.

⁴ Гуревич А. Ук. соч. С. 18.

⁵ Merrills A.H. *History and Geography in Late Antiquity*. Cambridge University, 2005. P. 120.

⁶ «...по свидетельству путешественников, хотя и слышавших издалека, что и сейчас там слышится мычание скота и видны признаки [обитания] людей» (*Iord. Get.*, 27).

⁷ Это обстоятельство не позволяет согласиться с мнением А. Кристенсена, отказывающему «Гетике» в оригинальности и отрицающему наличию в ней готской традиции (Christensen A.S. *Cassiodorus, Jordanes, and the history of the Gots: studies in a migration myth*. Copenhagen, 2002. S. 111-112, 249). Тот факт, что Иордан (или Кассиодор), для написания своего труда, широко использовал классические греко-римские сочинения, специально относя к готам историю скифов и гетов, не дает повода для подобных выводов. Тем более, что сведения Иордана, полученные из устных источников («старушечьих сказок», по словам самого автора (*Iord. Get.*, 38), почти всегда коррелируют с германской эпической традицией (Коньков Д.С. «Гетика» Иордана — готское историческое предание или конъюнктура эпохи: современное состояние изучения проблемы // *Вестник Томского государственного университета. История. Исторические науки*. Томск, 2012. Вып. 361. С. 73; Amory Patrick. *People and Identity in Ostrogothic Italy* // *Cambridge Studies in Medieval Life and Thought*. Cambridge, 1997. P. 489-554).

всегда в таких случаях, контаминировать в ней историю нескольких столетий⁸. Неизбежный процесс трансформации лишь частично коснулся этого эпического произведения.

В начале «переселенческой саги» говорится, что Филимер, искавший «наиболее удобные места обитания и подходящие местности, пришел в земли Скифии, которые называются на их языке Ойум»⁹ (Iord. Get., 27). Однако далее следует история про обрушившийся мост, которая несколько запутывает повествование: «Когда он восхитился великим изобилием тех краев, и половина войска переправилась, мост, по которому он перешел реку, говорят, рухнул, и никому уже в дальнейшем не стало возможности пройти туда или обратно. Ведь это место, как говорят, окружено пучиной. Замкнуто зыбкими болотами. Природа делает его непроходимым, вследствие соединения обоих препятствий» (Iord. Get., 27)¹⁰. В этой связи не совсем ясно, по какую же сторону реки располагалась «Ойум». Болотистая местность, на которой осталась часть готов, как следует из приведенного выше текста, явно более подходила под название «Ойум»¹¹, чем та земля, куда отправились воины во главе с Филимером: «Итак, говорят, что та часть готов, которая вместе с Филимером переправилась после перехода реки в земли Ойум, овладела желанной страной. И не медля, тотчас они доходят до народа спалов и, завязав сражение, одерживают победу, а оттуда уже как победители спешат в крайнюю часть Скифии, которая соседствует с Понтийским морем» (Iord. Get., 28). Трудно сказать насколько прав был А.Н. Анфертьев, безоговорочно относящий «Ойум» к эпическому пространству и предлагающий считать рассказ о мосте вставкой иного по происхождению сюжета¹². Логика эпического произведения подсказывает, что вначале в песне должна была идти речь о переселении готов в страну «Ойум», и только потом о походе Филимера на спалов. В этом случае переход через реку связывал два сюжета вместе и поэтому являлся довольно значимым этапом всей «переселенческой саги». Именно после перехода через реку войско Филимера отправилось в поход, на хорошо известных по другим источникам спалов (Plin. NH., VI, 22), что кстати, прямо указывает на Северное Причерноморье. Все остальные готы решили остаться в «Ойум». Не отразиться такое серьезное событие в народной памяти, действительно, просто не могло. Конечно, эпос – это не точная фиксация исторических событий, но и не фантастическое описание исторических лиц. Скорее это особое конструирование из исторических воспоминаний своего – эпического – мира, «эпической модели истории»¹³. Поэтому явно вымышленный рассказ об обрушившемся мосте вполне мог являться народной попыткой объяснить в своей исторической памяти забытую с течением времени причину ухода к берегам Черного моря войска Филимера, по видимому, так и не вернувшегося обратно. Вот почему, даже в этом случае, не стоит отказываться от существования исторического прообраза «желанной» земли, а, следовательно, от зафиксированных источником наиболее ярких географических ориентиров, связанных с «Ойум».

Учеными, допускающими историческую реальность «Ойум», было предложено несколько довольно разнообразных вариантов локализации этой загадочной земли. Одна группа исследователей при этом принципиально ориентировалась на Днепр. Так, Л. Шмидт расположил «Ойум» в степях по обе стороны Днепра¹⁴. В. Краузе и Е. Шварц согласились, что это степи Северного Причерноморья¹⁵, при этом Е.Ч. Скржинская ограни-

⁸ Мельникова Е.А. Название Днепра в актуальной и эпической географической номенклатуре древней Скандинавии // GAUDEAMUS IGITUR: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 263.

⁹ Здесь и в других местах использовался перевод А.Н. Анфертьева (Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I. С.98-161).

¹⁰ Наименование «Ойум», в своей основе имеет достаточно распространенные в древности германские корни *aujō- и *auwō-, значение которых менялось от «острова» до «поймы, изобилующей водой» (Mommesen Th. Jordanis Romana et Getica. Prooemium // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. T. V. Berlin, 1882. S.163).

¹¹ Анфертьев А.Н. Ук. соч. С. 117. Прим. 21, 25.

¹² Там же. Прим. 25.

¹³ Путилов Б.Н. О структуре сюжетообразования в былинах и юнацких песнях // Македонски фолклор. Година III. Број 5-6. Скопје, 1970. С. 15.

¹⁴ Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Bd. I: Die Ostgermanen. München, 1934. S. 199.

¹⁵ Krause W. Handbuch des Gotischen. München, 1953. S. 8; Schwarz E. Die Urheimat der Goten und ihre Wanderungen ins Weichselland und nach Südrussland // Saeculum. Bd. 4. H. 1.1953. S. 22.

чила эту область территорией древней Гилеи на левом берегу Нижнего Днепра¹⁶, а Г.В. Вернадский Среднем Днепром¹⁷. Другие ученые подошли к этой проблеме более радикально. В.В. Седов был уверен, что «Ойум» это Мазовия, Подлясье и Волынь (территория распространения вельбаркской культуры)¹⁸, с Волынью отождествили «Ойум» Ф. Бирбрауэр¹⁹, М.Б. Шукин, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов²⁰, Т. Левицкий предложил локализовать ее на Керченском полуострове²¹, Х. Вольфрам расположил эту область на берегах Азовского моря²², О.Н. Трубачев отождествил ее с одним из упомянутых Плинием синдских островов «Еоп»²³, а В.Н. Топоров, напротив, локализовал готскую землю в Дунайских плавнях²⁴. Существует и мнение (в частности, американского археолога А. Мерриллса), что весь рассказ о переселении в область «Ойум», является полностью искусственной реконструкцией построенной на нескольких, далеких друг от друга сюжетах²⁵.

Разнообразие представленных гипотез не должно удивлять, ведь основной географический ориентир этой удобной для обитания территории — расположенная на пограничье с кочевниками заболоченная большая река, позволяет локализовать «Ойум» практически в любом месте Северного Причерноморья. Именно поэтому попытки решить данную проблему, опираясь только на текст Иордана, никогда не смогут достичь положительного результата. Выход из создавшейся ситуации, по нашему мнению, в свое время наметил еще А.Н. Анфертьев. Ученый предложил сопоставить «Ойум» с другими подобными восточноевропейскими областями эпической германской традиции²⁶. Тем более, что существуют саги, такие, как например «Сага о Хервёр», которая, несмотря на то, что была записана только в конце XII – начале XIII вв., явно сохранила в себе фрагменты готского эпоса IV-V вв.²⁷ Особенный интерес для нас представляет «Песня о битве готов с гуннами» (Hlöðskviða — «Песнь о Хлёде») из состава указанной саги, которую нередко помещают в издания «Старшей Эдды» в числе «дополнительных» произведений²⁸. Однако между созданием саги о переселении к желанной «Ойум» и складыванием песни о войне между сводными братьями Хлёдом и Агантюром в контексте гото-гуннского противостояния прошло достаточно много времени (более полутора сотни лет). Этот факт объясняет, почему чужая и пока еще только «желанная» земля «Ойум», образ которой, безусловно, начал формироваться у готов еще в северный период их истории, не фигурирует в более поздних германских эпических произведениях. Однако трудно себе представить, чтобы эта область, о которой мечтали готы на севере и куда в итоге они пересели-

¹⁶ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960. С. 195-196. Ком. 68.

¹⁷ Vernadsky G. Ancient Russia. 2d. ed. New-Haven, 1943. P.113-114; Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь; М., 2004. С. 132-133.

¹⁸ Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 147.

¹⁹ Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.-7. Jh. Versuch einer Bilanz // Frühmittelalterliche Studien. В.; N.-Y., 1994. Bd. 28. S. 105.

²⁰ Воронятов С.В., Мачинский Д.А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Germania – Sarmatia II. Калининград, 2010. С. 67.

²¹ Lewicki T. Zagadnienie gotow na Krymie // Przegląd zachodni. Poznan, 1951. T.VII. №5-8. S. 82.

²² Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1979. S. 40.

²³ Трубачев О.Н. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978. С. 394-395; Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 71.

²⁴ Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: Результаты и перспективы // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 254; Топоров В.Н. Oium Иордана (Getica, 27-28) и готославянские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 128-142.

²⁵ Merrills A.H. Op. cit. P. 120-121.

²⁶ Анфертьев А.Н. Ук. соч. С. 116-117. Прим. 21.

²⁷ Tolkien Ch. The Battle of the Goths and the Huns // Saga-Book of the Viking Society. University College, London, 1955-1956. 14. P. 141; Mundt M. Hervarar saga ok Heiðreks konungs Revisited // Atti del 12° Congresso Internazionale di studi sull'alto medioevo. The Second International Saga Conference. Spoleto-10 settembre 1988. Spoleto, 1990. P. 405-425; Pritsak O. Hervarar saga ok Heiðreks konungs // Medieval Scandinavia: An Encyclopedia / Ph. Pulsiano et al. N.-Y.; L., 1993. P. 283; Reifegerste E.M. Hervarar saga // RGA. 1999. Bd. 14. S. 474-477; Reifegerste E.M. Hervörlid // RGA. 1999. Bd. 14. S. 477-478.

²⁸ Строфы «Песни о битве готов с гуннами» написаны эддическим размером и метрически и стилистически близки к древнейшим песням «Старшей Эдды» - «Песни об Атли» и «Речам Хамдира». Реминисценции этой песни или предания в какой-то иной форме имеются в англо-саксонском «каталоге» эпических сюжетов «Видсиде» (VIII в.) и «Истории датчан» Саксона Грамматика (конец XII в.) (Мельникова Е.А. Название Днепра ... С. 263).

лись, бесследно исчезла из героического эпоса, тем более, что именно за эту территорию, в том числе и за «Ойум» и началась в итоге кровопролитная война с гуннами. Скорее всего, земля первых переселенцев «Ойум», все же присутствует в более поздней эпической готской традиции, но только под другим названием.

Действительно, в «Песни о битве готов с гуннами» одним из наиболее известных мест, куда пришли и жили готы, выступает не встречающийся в других произведениях некий «Arheimr» — место резиденции Ангантюра:

*«Хлёд с востока,
наследник Хейдрека,
в Архейм, к жилищу
готов приехал, —
наследье своё
собирался он требовать.
Тризну там Ангантюр
правил по Хейдреку»
(Hlöðskvida, 3).*

Правда, судя по тексту «Arheimr» представляет собой не территорию, а отдельное поселение, локализовать которое на местности не представляется никакой возможности. Более того, если в основе дошедшего до нас названия этого поселения (речное селение)²⁹, лежало слегка искаженное готское слово «aurahjom» (могила), то в древней песне могло изначально фигурировать даже не поселение, а могила Хейдрека/Эрманариха, на которой и справлял тризну его сын³⁰.

Следующий любопытный топоним «Песни о битве готов с гуннами» — «Hreiðgotaland», который переводится уже как «земля славных готов». Однако в прозаической части саги, в рассказе о смерти конунга Хейдрека, эта территория локализуется «под горами Харвада» (Карпатами)³¹. По этой причине Рейдготланд трудно будет связать с местностью, расположенной по соседству с причерноморскими спалами, естественной границей с которыми является большая заболоченная река. Возможно, основанием для возникновения этой эпической прародины готов³² могла быть непростая история западных областей Волыни и Верхнего Поднестровья, занимающих промежуточное положение между памятниками вельбаркской и черняховской культур. Эта территория была предметом политических притязаний разных племен³³, и даже после образования черняховской культуры выделялась особой волынской группой памятников с преобладанием вельбаркских (чисто готских или гепидских) элементов³⁴. Возможно, причина этого в том, что именно здесь готы на пути к Черному морю впервые вышли на черноземную почву³⁵.

Учитывая тему нашего исследования, наибольший интерес для нас представляет земля «Danparstaðir» (Днепровские места):

*«Я хочу половину
наследия Хейдрека...
и лес знаменитый,
что Мюрквид зовется,
на готской земле
могилы священные,
камень знаменитый
в Днепровских местах ...»
(Hlöðskvida, 7-8)³⁶.*

²⁹ Мельникова Е.А. Название Днепра ... С. 264.

³⁰ Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010. С. 86.

³¹ Мельникова Е.А. Древнегерманская эпическая топонимия в скандинавской литературе XII-XIV вв. (к истории топонима Reidgotaland) // Скандинавские языки. Структурно-функциональные аспекты. М., 1990. Вып. 2. С. 264-277; Мельникова Е.А. Название Днепра ... С. 264.

³² Мельникова Е.А. Героико-эпическая и практическая системы географических представлений в средневековой Скандинавии: формы взаимодействия // Средние века. М., 1989. Вып. 52. С. 146-156.

³³ Никитина Г.Ф. Земледелие в черняховской культуре // РА. 2006. №4. С. 41-43.

³⁴ Шукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 163.

³⁵ Воронятов С.В., Мачинский Д.А. Ук. соч. С. 67.

³⁶ В переводе Х. Хумбаха «Danparstaðir» — (Берег Днепра) (Humbach H. Die geographischen Namen des altislandischen Hunnen-schlachtliedes // Germania. 1969. Bd. 47. S. 145-162). В нашей работе использовался пере-

Обратившая внимание на множественное число топонима «Danparstaðir» Е.А. Мельникова, справедливо заметила, что под этим названием имеется в виду не отдельное поселение³⁷, а территория, область, земли, которые в готской традиции осмыслились как исконно принадлежавшие им, и поэтому являлись объектом незаконных притязаний гуннов³⁸. При этом отметим, что данный район достаточно сильно привязан к Днепру, который явно выступает здесь одним из естественных элементов границы с гуннскими землями. В этом же контексте необходимо рассматривать и находящийся здесь же загадочный «...лес, который называется Мюрквид (Темный лес) ... (который) отделяет гуннскую землю от земли готов» (Hlödskvida, 15). Несмотря на существующее мнение о «Myrkvíðr» как о чисто мифологическом объекте, маркирующем границу между своим и чужим пространством³⁹, наличие большой реки и пограничья с кочевниками в «Днепровских местах» сразу же наводит на мысль о тождественности этого географического объекта с местностью «Ойум». По нашему мнению, достаточное сходство указанных ориентиров, позволяет допустить, что «Danparstaðir» — это, скорее всего, более поздняя трансформация «Ойум». Если это так, то к хорошо известным двум ориентирам «желанной» земли (болотистая река и граница), теперь можно будет добавить собственно название реки и некий «темный» лес в указанном пограничье.

Героический эпос является одной из форм исторической памяти народа, под которой, в свою очередь, понимают совокупность относительно устойчиво сохраняемых на протяжении двух и более поколений знаний и представлений о коллективном прошлом определенного социума⁴⁰. Следовательно, все обозначенные нами ориентиры земли «Ойум»/«Danparstaðir», какой бы эпической трансформации они не подвергались в дальнейшем, изначально могли являться вполне реальными и достаточно заметными историко-географическими объектами. В противном случае будет сложно объяснить их устойчивое сохранение в памяти нескольких поколений людей. В свое время Е.Ч. Скржинская обращала внимание, что причерноморская Гилея, расположенная в низовьях Днепра «вся покрыта густым лесом разной породы деревьев» (Herod., IV, 76). Ширину этого леса ученый определяла в 40 км, длину с запада на восток — в 140 км. Густой смешанный лес,⁴¹ возможно, доходящий до Перекопа, сохранялся в этих местах вплоть до XVIII века⁴². Ранее мы высказывали мнение, что именно этот участок леса мог являться прообразом мифического Мюркvida⁴³. Однако те окаменелые остатки, которые находят на берегах Днепра уже в наше время, свидетельствуют о том, что леса Гилеи — лишь ничтожная часть исполинского лесного массива, расположенного по берегам Днепра. Так, леса, росшие по рекам Самаре и Конским водам, по своей густоте и обширности были так велики, что еще в XIX веке там расхаживали только хищные звери и дикие птицы. Пробраться путнику через наиболее глухие места было совершенно невозможно. Даже остаткам былого лесного величия из-за их густоты и дремучести местное население давало названия, вполне соответствующие характеру непроходимых лесных чащ. Один только «Черный лес» на северо-западе Александрийского уезда занимал 1500 десятин земли. Все эти леса в древности явно представляли собой единое пространство, причем доста-

вод Е.А. Мельниковой. Слово «staðr», по мнению ученого, принадлежит к числу частотных лексем, обозначая «место действия; место, обиталище, жилище», а также «родина», и было продуктивно в образовании названий населенных мест в сочетании с личными именами, а также различными указаниями на особенности местности или иные географические объекты. Перевод «Danparstaðir» как «излучины Данпа» неточен (Мельникова Е.А. Название Днепра ... С. 264-267).

³⁷ Обычно отождествляемое с Киевом (Веселовский А.Н. Киев — град Днепра // ЖМНП. СПб., 1987 (июнь). С. 294-301; Schütte G. Anganty-Kvadets Geografi // Arkiv för nordisk filologi. 1905. В. 21. S. 38) или районном днепровских порогов — там где находится городище у с. Башмачок (Рыбаков Б.А. Новая концепция предыстории Киевской Руси // История СССР. 1981. №1. С. 70; Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. С. 20-21; Шукин М.Б. Ук. соч. С. 231).

³⁸ Мельникова Е.А. Название Днепра ... С. 267.

³⁹ Simek R. Myrkviðr // Simek R. Lexikon der germanischen Mythologie. Stuttgart, 1984. S. 276.

⁴⁰ Мельникова Е.А. Предисловие // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 3.

⁴¹ Иордан. Ук. соч. С. 195. Прим. 68.

⁴² Докучаев В.В. Наши степи прежде и теперь. М., 1953. С. 104.

⁴³ Ярцев С.В. К вопросу о существовании Гилеи в римское время // Південний архів. Історичні науки: Збірник наукових праць. Херсон, 2009. Вип. 30. С. 39.

точно заболоченное. Например, протекающая параллельно Днепру река Конка семь раз соединяется и столько же раз отделяется от него, образуя при этом множество протоков, островов и плавней, которые по мере приближения к лиману, приобретают вид сплошного леса. Болота днепровские, орельские, самарские, калмиусские и многие другие, расположенные на реках, впадающих в Днепр⁴⁴, безусловно, еще более подчеркивали природную границу с приазовскими степями, которую просто не могли не использовать жившие здесь в древности народы. Видимо неслучайно пограничье оседлой черняховской культуры в указанной степной зоне проходило именно по этому естественному рубежу. Зато на более северных территориях (в зоне лесостепи) черняховская культура выходила за границы Днепра и распространялась на его левобережье⁴⁵.

Все это свидетельствует о том, что причина возникновения днепровской границы в степях кроется не столько в особой символике водных преград в культуре древних германцев⁴⁶, сколько в политической ситуации в Северном Причерноморье и природных особенностях днепровской долины. Именно поэтому черняховские памятники в этой степной части Северного Причерноморья располагаются более чем странно. Это было замечено еще М.Б. Шукиным, который первым предпринял попытку объяснить этот феномен. Поселения здесь, по непонятной причине, теснятся в бассейне Днепра и по его притокам с болотами и непроходимыми лесами. При этом их отделяет от основного массива памятников черняховской культуры отчетливо видимая зона пустоты⁴⁷. То, что данная огромная незаселенная территория разделяет земли тервингов (лесных готов) и грейтунгов (степных готов), не вызывает сомнений⁴⁸. Однако это не объясняет причины такого странного расселения здесь варваров. По нашему мнению, данная полоса черняховских памятников, тянущаяся на сотни километров вдоль правого берега Днепра и его притоков, и есть исторический прообраз мифологического «Danparstaðir», по-видимому, реально существовавшего в IV в. Еще на этапе переселения варваров с севера образ этой земли под названием «Ойум» (страна изобилующая водой), занял особое место в эпической германской традиции⁴⁹. При этом местность на правобережье Днепра считалась «наиболее удобной» для расселения (Iord. Get., 27) по причине не только плодородной почвы, но и наличия естественных рубежей и укрытий от восточных соседей. В минуту опасности готы (старика, женщины и дети) могли быстро спрятаться в находящиеся рядом глухие леса и болота, непреодолимые для кочевников. Кстати, именно так и поступали жившие здесь греки⁵⁰.

Наше предположение о тождественности «Днепровских мест» и «Ойум» подтверждает и тот факт, что наиболее важной проблемой для расселившихся здесь готов были взаимоотношения с их восточными соседями. Дело в том, что выявленные здесь городища, нехарактерные для черняховской культуры у сел Башмачка (в районе днепровских порогов) и Александровка (на р. Ингулец, недалеко от впадения ее в Нижний Днепр), представляли собой каменные крепости, недвусмысленно выдвинутые на территорию, близкую к восточным границам черняховской культуры⁵¹. Любопытно, но именно об угрозе с востока и оборонительной функции подобной крепости говорит нам и «Песня о битве готов с гуннами»: когда они вышли из Мюрквид «перед ними оказались большие селения на широкой равнине, а посреди равнины стояла великолепная крепость. Там правила Хервёр, сестра Ангантюра и Хлёда, и с ней был Ормар, ее воспитатель. Они

⁴⁴ Яворницкий Д.И. Топографический очерк Запорожья // Запорожская сечь. М., 2004. С. 344-410.

⁴⁵ Никитина Г.Ф. Ук. соч. С. 42. Рис. 1.

⁴⁶ Захаров Г.Е. Переход через Дунай как пересечение границы между готским и римским культурными мирами // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. XX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2008. С. 75.

⁴⁷ Шукин М.Б. Ук. соч. 165. Рис. 53.

⁴⁸ Там же. С. 164.

⁴⁹ Надо сказать, что приблизительно в этих местах и размещает «Ойум» в своей книге М.Б. Шукин (Шукин М.Б. Ук. соч. С. 149. Рис. 52).

⁵⁰ В одной из надписей Ольвии конца II в. до н.э. прямо говорится о том, что из-за постоянно нападающих на город врагов часть жителей была переправлена в Гилею (IOSPE, I², 34) (Крапивина В.В. Ольвия и ее роль в эллинизации населения Побужья и Поднепровья // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор. Запорожье, 2007. С. 12; Ярцев С.В. Проблема этнической идентификации варваров напавших на Ольвию во время правления Антонина Пия // ВДИ. 2011. №2. С. 153).

⁵¹ Левада М.Е. Миф о городищах черняховской культуры // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 60-72.

должны были оборонять границу от гуннских ратей, и у них было большое войско» (Hlödskvida, 15).

Таким образом, многочисленные параллели «Переселенческой саги» и «Песни о битве готов с гуннами» с историко-географическими реалиями Северного Причерноморья свидетельствуют в пользу наличия в данных произведениях подлинных фрагментов древнейших готских преданий⁵². Поэтому нет ничего удивительного, что в этих произведениях смогло сохраниться описание одного из самых первых мест расселения готов в Северном Причерноморье. При этом новая плодородная территория на восточных готских рубежах заняла в эпической поэзии достойное место, пройдя эволюцию от чужой но «желанной» земли (Iord. Get., 27-28) до «родины», которую необходимо было «защищать» (Hlödskvida, 29).

«OIUM» IN THE GERMAN EPIC TRADITION AND HISTORICAL-GEOGRAPHICAL REALITIES OF NORTHERN BLACK SEA REGION

S.V.YARTSEV
O.I.KRAYUSHKINA

Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University

e-mail: s-yartsev@yandex.ru

In the article the complicated question of region Oium's existence in Northern Black Sea Region is observed. This geographical object is known only from Iordanes' "Getica". The only way to solve the question is to refer to epic German tradition, where according to authors the more specific description of this land is preserved. For its localization it is important to combine the epic space Oium and modern historical-geographical realities of some regions in Northern Black Sea coast.

Key Words: "Oium", Goths, Iordanes, epic literature, land.

---

⁵² Wolfram H. *Gothische Studien II // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. 1975. № 83. H. 3/4. S. 313.

УДК 94 (363.6)

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ОСТРОГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА ЭРМАНАРИХА

И.В. ЗИНЬКОВСКАЯ*Воронежский государственный университет**e-mail: zinkovi@yandex.ru*

В статье рассматривается одно из самых крупных варварских этнополитических образований IV в. на юге Восточной Европы, известное как королевство Эрманариха, продемонстрировавшее потенциальную возможность возникновения «*regnum barbaricum*» вне территории римских провинций. Определяется тип остроготской потестарности, а также ее место в политогенезе Восточной Европы.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, готы, IV в., черняховская культура, королевство Эрманариха.

В IV в. на юге Восточной Европы появилось одно из самых крупных варварских этнополитических образований, известное как королевство Эрманариха. Оно было создано остроготами, или гревтунгами. История его взлета и кратковременного расцвета во многом еще не познана, хотя историография, посвященная остроготам в Восточной Европе, обширна и многообразна¹. Однако в нашей стране этой теме не везло до самого последнего времени в силу ряда причин, весьма далеких от науки. Официальная советская историография вплоть до 80-х гг. XX в., если и упоминала готов и Эрманариха, то подспудно стремилась преуменьшить масштабы и роль его королевства в истории нашей страны, ограничить его владения узкой прибрежной полосой в Северном Причерноморье и Приазовье. Уровень исторического развития остроготов оценивался не выше примитивного «союза племен»². При этом акцентировалось внимание на неопределенности сведений античной и византийской нарративной традиции о королевстве Эрманариха, а также на неоднозначности интерпретации вещественных источников в трудах археологов³.

В изучении готской проблематики в нашей стране ситуация стала кардинально меняться в 80–90-е гг. XX в., прежде всего, благодаря смене идеологических установок и прогрессу в археологическом изучении черняховской культуры. В последнее десятилетие увидели свет фундаментальные исследования по черняховской культуре, написанные в связи с готской проблематикой. Среди них, прежде всего, следует назвать многочисленные статьи М. Б. Щукина, вылившиеся в его итоговую монографию⁴, фундаментальное исследование Б. В. Магомедова⁵, работы А. В. Гудковой⁶, М. М. Казанского⁷, а также других российских и украинских археологов. Кажется, для нынешнего поколения ученых вышеназванные публикации вместе с недавно изданным в России капитальным трудом о готах австрийского историка Хервига Вольфрама⁸ подвели определенную черту в готоведении. Но остается еще во многом непознанным сам феномен королевства Эрманариха. Представляется, что он требует иного подхода и, прежде всего, более высокого уровня исторического анализа всего комплекса источников для осмысления этого неординарного потестарного образования⁹. В настоящей статье мы попытаемся определить тип остроготской потестарности, а также ее место в политогенезе Восточной Европы.

В науке можно встретить полярные оценки масштабов того этнополитического образования, которое известно в источниках под названием «королевство Эрманариха». Первый подход, сформулированный в германской историографии 2-й пол. XIX в., восходит к свидетельству Иордана в §§ 116–120 «Гетики». Готский историк VI в., писавший спустя полтора века после падения Остроготского королевства, представлял его как огром-

¹ Зиньковская И. В. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010.

² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 25–40.

³ Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 136, 155–156.

⁴ Щукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.

⁵ Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Monumenta Studia Gothica. T.1. Lublin, 2001.

⁶ Гудкова А. В. I–IV вв. в Северо-Западном Причерноморье // Stratum plus. 1999. № 4. С. 235–404.

⁷ Kazanski M. Les Goths (Ier – VIe siècles après J.-C.). Paris, 1991.

⁸ Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003.

⁹ Зиньковская И. В. Указ. соч. С. 9–10.

ную европейскую державу, включавшую не только приморскую полосу Причерноморья, но и внутренние районы, населенные «северными народами» (*arctoi gentes*). Большинство современных западноевропейских историков и некоторые российские следуют именно этому иорданову описанию владений Эрманариха¹⁰.

Противоположный подход был предложен еще дореволюционными российскими учеными, которые из патриотических соображений никак не могли допустить существование столь масштабного королевства на территории будущей России, созданного готами-германцами задолго до Киевской Руси. В этом смысле весьма показательны взгляды известного археолога и историка И. Е. Забелина. Он считал, что «Иордан изобразил историю готов такими чертами, что перед готами побледнели все другие народности»¹¹. Этой традиции следовали многие советские ученые. Так академик Б. А. Рыбаков ограничил владения последнего остроготского короля небольшими областями в Приазовье и на Нижнем Днепре¹². Для современных отечественных историков весьма характерна позиция В. Я. Петрухина. Он допускает существование варварского королевства на юге Восточной Европы, получившего в историографии наименование «держава» Германариха. В то же время, исследователь полагает, что большая часть этниконов из списка «северных народов» в § 116 «Гетики» Иордана не поддается ясной интерпретации, но выборочные и, на первый взгляд, понятные этнонимы провоцируют на исторические реконструкции, раздвигающие пределы державы Германариха от Черного моря до Балтийского и от Средней Европы до Волги. Кажется, эти возражения не связаны с источниковедческим анализом иорданова свидетельства о «северных народах», а по существу проистекают из традиционного для нашей науки неприятия тех огромных размеров остроготской «державы», которые неизбежно получаются при признании соответствий иордановых и летописных этнонимов. Итоговое заключение В. Я. Петрухина звучит так: «При всей неопределенности «этнического состава» Готской державы – неясности значения тех этниконов, которые перечислены в списке народов, – очевидно, что список включал «скифские» народы Северного Причерноморья, и власть готов едва ли распространялась в Восточной Европе за его пределы»¹³. Последнее же не столь очевидно, так как в перечне народов у Иордана нет ни одного этникона, который имел бы надежные соответствия в этнонимии Северного Причерноморья предшествующего времени. Не имея возможности детально проанализировать историографический аспект проблемы, отсылаем к нашей публикации, специально посвященной этому вопросу¹⁴. Здесь же мы рассмотрим фактические основания, позволяющие определить размеры владений последнего остроготского короля.

Данные позднеантичной литературной традиции позволяют в общих чертах определить территорию королевства Эрманариха. Его современник Аммиан Марцеллин обратил внимание на то, что подвластные королю гревтунгов области, куда вторглись гунны, были обширны и плодородны – «*late patentes et uberes pagos*» (Амм. Марс., XXXI.3.1). Он вполне определенно называет восточные рубежи его владений с аланамитанаитами где то в районе Нижнего Дона – «*quos Greuthungis confines Tanaitas consuetudo nominavit*» (Амм. Марс., XXXI.3.1). Напомним, что современная археология внесла в решение этого вопроса существенные коррективы. В низовьях Дона в последнее время стала известна серия катакомбных погребений кочевнического облика 2-й пол. III – IV в. По месту, времени и культурной принадлежности они не могут принадлежать никому другому кроме «алан-танаитов» Аммиана¹⁵. Правда, непосредственно к западу от Танаиса/Дона пока неизвестны археологические памятники, которые можно было бы

¹⁰ Топоров В. Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. М., 1983. С. 227-263; Шукин М. Б. Указ. соч. С. 208-209.

¹¹ Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Доисторическое время Руси. М., 1908. Ч. 1. С. 315.

¹² Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 37.

¹³ Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 137-138.

¹⁴ Зиньковская И. В. О новых подходах к интерпретации списка «северных народов» в «Гетике» Иордана // ЭО. 2011. №4. С. 123-133.

¹⁵ Безуглов С. И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 80-87.

связать с гревтунгами. По данным археологии все степное Северо-Западное Приазовье в IV в. не имело какого-либо постоянного населения. Скорее всего, это была своего рода область «взаимного страха» между владениями готов-гревтунгов и алан-танаитов или своего рода «демилитаризованная зона», через которую аланы-кочевники и попадали в Нижнее Подунавье¹⁶.

Западной границей между владениями Эрманариха и везиготов-тервингов принято считать р. Днестр. Именно здесь Аммиан упоминает «вал гревтунгов» (Amm. Marc., XXXI.3.5), которому в этом районе можно найти достаточно близкие археологические соответствия¹⁷. С другой стороны, известно, что в 369 г. император Валент во время похода против тервингов Атанариха, после переправы через Дунай и продолжительного перехода напал на «воинственное племя гревтунгов, обитавшее в отдаленных местах» (XXVII.5.6). Получается, что в то время остроготы-гревтунги занимали земли недалеко от низовий Дуная, что находит подтверждение в новейших археологических данных¹⁸.

Текст «Гетики» Иордана также не оставляет сомнений в том, что королевство остроготов было весьма масштабным военно-политическим образованием, включавшем при Эрманарихе значительную часть территории Восточной Европы. По представлениям готского историка, его владения простирались между Нижним Доном и Днестром, за которым начинались земли везиготов-тервингов. В этом отношении его сведения существенно не расходятся с данными Аммиана Марцеллина. Но, в отличие от римского историка, помимо причерноморского юга Иордан включил в «державу» Эрманариха отдаленные северные области восточноевропейского хинтерланда, населенные различными лесостепными и лесными племенами. Среди них он называет и эстов в Прибалтике, и многочисленных венетов, живших к северу от домена остроготского короля, и средневожских *Merens* и *Mordens*, а также другие *arctoi gentes* (Get., 116-119).

Итак, свидетельства Аммиана и Иордана о владениях Эрманариха позволяют заключить, что им было создано крупное военно-политическое образование, включавшее значительную часть Восточной Европы. Сведения нарративной традиции об остроготском королевстве хорошо коррелируют с данными археологии. Современные исследователи не сомневаются в том, что по месту и времени ему может соответствовать только обширная территория черняховской культуры к востоку от Днестра. Весьма показательным, что ее расцвет в IV в. приходится на годы правления короля Эрманариха (333-375 гг.). Сейчас уже никак нельзя упрекнуть археологов в той пестроте мнений по проблеме этнического содержания черняховской культуры, как это можно было сделать пару десятилетий назад¹⁹. Поэтому представляется возможным рассматривать классическую черняховскую культуру IV в. к востоку от Днестра как своего рода «государственную» культуру королевства Эрманариха. Становится все более очевидным, что она являлась материальным отражением процессов объединения различных племен и народов в рамках формирующейся готской потестарности, которые археологически проявились в распространении вещей единого стиля, технологических инноваций, домостроительных традиций, погребальной обрядности. Сам факт образования единой археологической культуры с рядом существенных признаков, более свойственных уже ступени цивилизации, весьма показателен. Поэтому в последнее время некоторые исследователи предлагают отказаться от названия «черняховская культура» и заменить его на «черняховскую цивилизацию» или «протоцивилизацию» как на понятие, более соответствующее уровню сложности оставившего его социума²⁰.

¹⁶ Левада М. Е. Миф о городищах черняховской культуры // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 65.

¹⁷ Вульпе Р. Верхний вал Бессарабии и проблема гревтунгов к западу от Днестра // МИА Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960. С. 259-270.

¹⁸ Васильев А. А. Сарматы и черняховское население Буджака во второй половины III – начала V вв. н. э.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Киев, 2008. С. 16.

¹⁹ Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. С. 20-23, 46.

²⁰ Приходнюк О. М. О культурно-историческом содержании археологических общностей (к проблеме интерпретации черняховской культуры) // Stratum plus: время великих миграций. 2000. № 4. С. 36-51; Войнаровский В. Н. Проблема культурной атрибуции памятников типа Черепин III-V вв. н.э. (производственный комплекс Гряда I около Львова) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2010. Ч. 2. С. 70; Брайчевский М. Ю. Періодизація історичного розвитку Східної Європи в I тис. н. э. // Археологія. 1994. № 3. С. 15.

Картографирование черняховских памятников показало, что в границах IV в. эта культура охватывала огромную территорию – от Северского Донца и верховий Дона на северо-востоке до Дуная на юго-западе, от притоков Припяти на северо-западе до нижнего Днепра на юге. Черняховская культура занимала площадь свыше 400 000 км². Для сравнения укажем, что территория современной Украины составляет чуть более 600 000 км². Если принять во внимание размеры черняховской территории, а также удивительное единство стиля ее культурного ядра, то не остается сомнения в том, что мы имеем дело с так называемым крупномасштабным обществом²¹. Следует заметить, что более крупного образования в европейском Барбарикуме мы не знаем вплоть до возникновения Франкского королевства.

Аммиан Марцеллин в отношении владений Эрманариха не употребляет ни один из латинских политонимов позднеантичной эпохи, ограничившись вышеприведенной его краткой характеристикой. Впервые королевство Эрманариха прямо называется в рассказе Иордана о наследовании им власти короля Гебериха, когда он «*in regno successit*» (Get., 116). Здесь следует напомнить, что исследователи по-разному переводят латинский политоним *regnum*, называя обширные владения остроготского владыки «королевством», «родовым королевством», «военным королевством», «державой», иногда даже «империей»²². Он восходит к основе, связанной с лат. *rex*. Вслед за А. Я. Гуревичем, мы допускаем перевод этого термина в применении к германскому правителю как «король»²³. Почти все исследователи едины во мнении, что у римских авторов, писавших о древних германцах, лат. *rex* являлось точным переводом близкого по индоевропейской основе готского слова *reiks*. На основании лингвистических и иных данных складывается впечатление о том, что Иордан оперировал в своем сочинении некоторой моделью готской королевской власти, которую он отличал от иных властных форм²⁴.

Поэтому владения Эрманариха правомерно называть королевством²⁵, а не «союзом племен», как принято в нашей научной литературе, начиная с 30-х гг. прошлого века. Для наблюдателя со стороны подвластные Эрманариху земли представлялись *regnum*, а сам он именовался *rex Gothorum* (Get., 119). Но важнее другое – в источниках не содержится ни одного свидетельства о подлинно союзнических отношениях остроготов с народами, входившими в их военно-политическое образование IV в. Наоборот, все они оказались в его составе в результате завоевания, покорения, подчинения (Get., 116-120).

Попытаемся определить властные полномочия остроготского короля. В его руках находилась высшая военная власть. «*После поражения герулов Германарих двинул войско (arma commovit) против венетов*» (Get., 119). Источники почти ничего не сообщают о характере, составе и численности остроготского племенного войска, которое на их языке называлось *harjas* (в рунических надписях – *hari*)²⁶. Несколько позднее Евнапий (fr. 37) и Олимпиодор (fr. 9) именуют остроготских воинов «благородными». Любопытно, что последний называет готские отряды также «оптиматами», то есть «лучшими». Скорее всего, речь здесь идет не о «народе-войске», а о королевской дружине (гот. *drauhti*). На ее наличие указывают не только многочисленные успешные войны Эрманариха, но и свидетельства Иордана в описании его победы над венетами. «*Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и бог попускает, и множество вооруженных подступает*» (Get., 119).

Как сейчас установлено на материалах истории различных народов, формирование «дружинной» системы было важным шагом в переходе от традиционного родоплеменного устройства к раннеклассовому обществу. Более того, современные исследователи считают дружину государствообразующим институтом и главным органом зарождающе-

²¹ О понятии «крупномасштабное общество» см.: Березкин Ю. Е. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // ВДИ. 1997. № 2. С. 3-24.

²² Зиньковская И. В. «Regnum» Эрманариха: лингвистический и исторический анализ // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 215-219.

²³ Гуревич А. Я. Древние германцы. Избранные труды. Т. 1. М., 1999. С. 69.

²⁴ Санников С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии. Новосибирск, 2009.

²⁵ Bierbrauer V. Ostgoten // Lexikon des Mittelalters. München-Zurich, 1993. Bd. VI. S. 1530.

²⁶ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 145-150.

гося государства ²⁷. Они рассматривают «дружинное государство» в качестве одного из промежуточных звеньев между «вождеством» и «ранним государством». Скорее всего, именно дружина, а не ополчение, как в III в., составляла основную военную силу остроготского короля. Вероятно, именно дружина сыграла решающую роль в превращении его владений в огромную территориальную державу.

По древней германской традиции готский король, прежде всего, управлял своим народом. Поэтому Иордан, говоря о готских королях, чаще всего употребляет глагол *regnare* (Get., 27) и производные от него, в одном случае латинское выражение *tenens principatum* (Get., 121). Однако весьма показательно, что при описании деяний Эрманариха Иордан использует другой глагол *imperare*, подчеркивающий абсолютный характер его королевской власти над завоеванными народами – «*propriis laboribus imperavit*» (Get., 120). На наш взгляд, это выражение отражает иной характер владычества короля Эрманариха над покоренными народами в сравнении с его же властью над соплеменниками, для которых он оставался *rex Gothorum* (Get., 119). В отношении некоторых побежденных народов (герулов, венеков) в «Гетике» употребляется еще более сильный глагол *servire* (Get., 118, 119). Рассказ Иордана о заговоре росомонов и о жестокой расправе Эрманариха с Сунильдой проливает свет на деспотический характер власти последнего остроготского правителя (Get., 129). Известно, что преемник Эрманариха, гораздо менее могущественный Винитарий (не случайно Иордан именуется его не *rex*, а *regulus*) для устрашения антов распял побежденного их вождя Божа вместе с 70-ю старейшинами-«приматами» (Get., 247).

При оценке власти Эрманариха следует обратить внимание на интересное свидетельство Иордана, который утверждал, что остроготский король заставил все покоренные народы «*повиноваться своим законам*» (Get., 116). Здесь готский историк употребляет обычное латинское выражение «*suisque parere legibus fecit*», хотя ему известно подлинное название древнейших, собственно готских законов, которые *до сих пор зовутся «белагины»* (Get., 69). Только вряд ли они на самом деле были записаны в те далекие времена, о которых говорится у Иордана. Скорее всего, это были нормы обычного права, применявшиеся для судопроизводства в собственно готской среде ²⁸. В таком случае, вышеупомянутые *leges* Эрманариха могли быть чем-то вроде *jus gentium* архаического римского права, использовавшегося при судопроизводстве над покоренными остроготами народами Восточной Европы, тогда как белагины – собственно готскими правовыми обычаями. Если это так, то в юридической сфере королевство Эрманариха уже переросло тот рубеж, который отделял традиционные доклассовые общества от раннеклассовых, где отношения между людьми все больше определяются не обычаем, а правом.

Огромные размеры контролируемой Эрманарихом территории и немалое число подчиненных народов свидетельствуют о мере его владычества. Не исключено, что оно проявилось даже в его «имени», как его сохранили латиноязычные источники: у Аммиана Марцеллина (XXXI.3.1) – *Ermenrich*, в «Гетике» Иордана один раз – *Hermenerig* (§ 79), в остальных случаях он использует латинизированную форму *Hermanaricus* (§ 116, 119, 120, 129, 247, 250). Почти сто лет назад З. Фейст предложил оригинальное толкование имени этого короля как гот. *Airmanar-reiks*, где *Airman* – Великий, Знатный, Благородный, а *reiks* – властелин, государь, судья ²⁹. Вслед за ним Н. А. Ганина реконструирует гот. форму *Ermanarīks из *Erman* – великий, могучий и *rīks* – царь ³⁰. Если это так, то *Ermanarīks, возможно, не личное, а почетное имя, титул, подчеркивающий владычество последнего остроготского короля, намного превосходящее власть его предшественников.

Но, отдавая должное могуществу Эрманариха, все же, кажется, не следует преувеличивать степень его единоличной власти. В рассказе Иордана о нашествии гуннов сохранился свидетельством о существовании у остроготов народного собрания вроде герман-

²⁷ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993. М., 1995. С. 22; Шинаков Е. А. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 30.

²⁸ Grimm J. Über Jornandes und die Geten. Kleine Schriften. Berlin, 1866. Bd. III. S. 228.

²⁹ Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache. Mit Einschluss des Krimgotischen und sonstiger zerstreuter Überreste des Gotischen. Leiden, 1939. S. 132, 396.

³⁰ Ганина Н. А. К интерпретации сообщения Иордана об Эрманарихе (Getica, 116-130) // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст: мат-лы конф. М., 2003. С. 41.

ского тинга: «*suoque cum rege deliberant, qualiter tali se haste subducant*» – «и стали рассуждать со своим королем, как бы уйти от такого врага» (Get., 129). На наш взгляд, это свидетельство является подтверждением той важной роли, которую еще играли военно-демократические традиции в жизни готского общества в последние годы его существования на юге Восточной Европы.

По современной типологии ранних варварских политий, *regnum* Эрманариха было уже суперсложным вожжеством. На наш взгляд, предложенная Н. Н. Крадиным концепция суперсложного вожества³¹ вполне применима к остроготскому социуму, которое по материалам черняховской культуры было полиэтническим и насчитывало как минимум сотни тысяч человек. Но, разумеется, оно не было кочевым, а базировалось на комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйственном укладе. В этом смысле остроготский материал, кажется, заставляет внести существенные коррективы в концепцию суперсложных вожеств Н. Н. Крадина, которые якобы всегда создавались только кочевыми народами. В Остроготском королевстве мы явно имеем случай такого масштабного вожества, созданного на ином оседлом земледельческо-скотоводческом укладе.

В науке давно установлена определенная связь между признаками наличия в том или ином обществе государственности и цивилизации³². Недавно Н. Н. Крадин составил корреляционную таблицу между десятью основными критериями сложного общества³³. Мы воспользовались ею и провели корреляцию между наиболее характерными признаками черняховской культуры по тем же критериям. В результате выявилась сильная связь между такими важными признаками как «оседлость», «агрикультура», «высокие ремесленные технологии», «транспорт», «монеты», «политическая интеграция» и, в меньшей степени, «социальная стратификация» и «письмо». Большинство из перечисленных признаков указывают на увеличение культурной и социальной сложности черняховского общества, более соответствующей или близкой стадии цивилизации. Есть все основания говорить о том, что черняховцы достигли уровня второго общественного разделения труда, когда ремесло отделялось от сельского хозяйства. В то же время в черняховском социуме отсутствовали (или находились в зачаточном состоянии) урбанистические структуры, которые обычно рассматриваются в качестве надежного признака цивилизации, хотя очень крупные поселения площадью в десятки гектар у черняховцев известны. Сейчас можно говорить и о других проявлениях «цивилизованности» населения, вошедшего в состав «державы» Эрманариха. Это археологические находки хирургических инструментов (щипцы, ланцеты), римских весов и гирек, стеклянных кубков с греческими и латинскими заздравными надписями вроде: «*Пей, живи и радуйся!*», стеклянных жетонов для римской игры *calculi*, роговых и костяных гребней, являющихся показателем определенного уровня развития личной гигиены и др.

Большинство советских ученых, опиравшихся на марксистскую формационную концепцию истории, относили остроготское общество к той ступени исторического развития, которая традиционно характеризовалась как разложение родоплеменного строя (А. Р. Корсунский, Э. А. Рикман, Э. А. Сымонович, В. Д. Баран и др.)³⁴. Отсюда и определение статуса остроготского объединения как союза племен. Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, В. И. Довженок определяли черняховское общество как складывающееся раннефеодальное³⁵. Но, как известно, феодальным оно так никогда и не стало. Кажется, нельзя относить его и к «дофеодальным» обществам³⁶, тем более, что само это понятие подвергает-

³¹ Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992. С. 146-152.

³² Ерасов Б. С. Государство и цивилизованное устройство общества. Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). М., 2001. С. 309-341.

³³ Крадин Н. Н. Археологические признаки цивилизации. Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 192-193.

³⁴ Корсунский А. Р. О социальном строе вестготов в IV в. // ВДИ. 1965. № 3. С. 64; Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 253-262; Сымонович Е. О. «Князівські» поховання черняхівської культури // Тези доп. V Поділ. ист.-краєзнав. конф. Кам'янець-Подільський. 1980. С. 128-130; Баран В. Д. Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу. Киев, 1981. С. 129; Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II–V ст. н. е. Киев, 1972. С. 154-155.

³⁵ Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев, 1989. С. 241.

³⁶ Юшков С. В. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // ВИ. 1946. № 7. С. 64-65; Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефео-

ся обоснованной критике в современной медиевистике³⁷. Наконец, в последнее время некоторые исследователи (М. Ю. Брайчевский, О. М. Приходнюк, В. Н. Войнаровский) пришли к заключению, что черняховское общество уже значительно ушло от первобытности и находилось на пути к построению своей государственности без уточнения ее типа. Так, по оценке О. М. Приходнюка это было многоэтническое, полугосударственное общество, консолидирующееся в единый социальный организм, по уровню развития достигшее стадии «протоцивилизации»³⁸.

Проанализированные выше данные нарративных источников и археологии позволяют описать остроготское общество эпохи Эрманариха как многоуровневую социально-политическую организацию. В ней выделяются надплеменной («имперский»), национальный (готский), региональный и местный (общинный) уровни организации для регулирования социальных отношений в формирующемся полиэтничном обществе. Оно разделялось, по крайней мере, на три сословия (страты): 1) правящий королевский род Амалов и его окружение, включая дружину, 2) свободные готы, 3) различные группы зависимого населения, данники. При этом у остроготов отчетливо прослеживается процесс развития экзополитарной системы эксплуатации, направленной на другие, покоренные этносы и ресурсы отдаленных областей (эсты, венеты, «северные народы»). К тому же в отличие от везиготов у остроготов даже в IV в. не выявляется сколь-нибудь многочисленного слоя знати, оставившей погребения т. н. «княжеского ранга».

Как видно из этой характеристики, социально-политическая организация готов не обладала базовыми признаками феодального общества даже в самом зачаточном его состоянии. Да этого не могло быть и в силу стадийного фактора – в IV в. признаков феодального общества не было нигде. Зато здесь налицо почти все характеристики формирующегося «раннеклассового общества» и «раннего государства», как оно представляется современным исследователям³⁹.

На наш взгляд, приведенные выше базовые характеристики королевства Эрманариха во многом (хотя и не во всем) соответствуют критериям «раннего государства», недавно предложенным Л. Е. Грининым, одним из ведущих специалистов по проблеме раннего политогенеза⁴⁰. Оставившее черняховскую культуру многочисленное, изначально неоднородное в этническом отношении население проживало в рамках крупномасштабного сообщества, по размерам и уровню сложности вполне сравнимого с «ранним государством». Причем, если исходить из типологии Л. Е. Гринина, по размерам оно скорее соответствовало «крупному раннему государству». Здесь важно не забывать, что «раннее государство» – это всегда государство неполное, какие-то очень важные его элементы еще отсутствовали или были еще недоразвиты⁴¹. Часто такие «неполные» государства только надстраивались над обществом, ограничиваясь военными и редиистрибутивными функциями, сбором дани, установлением повинностей и пошлин, не проникая в толщу его жизни. Естественно, в нем сохранялось еще много остатков и элементов предыдущей стадии развития. Но важно то, что уже не они определяют сущность новой политики – формирующегося «раннего государства», каковым, скорее всего, и становилось Остроготское королевство при Эрманарихе.

Известно, что многие «ранние государства» появлялись на последнем этапе политогенеза, когда на первое место выдвигается война. Ее цель – не просто грабеж, а увеличение территории и населения для производства и реализации избыточного продукта. Здесь мы имеем дело с моделью политогенеза, ведущей к становлению так называемого

дальному // СВ. М., 1968. Вып. 31. С. 45-63; Васютин С. А. Основные этапы трансформации политических структур «дофеодальных варварских обществ» в эпоху Великого переселения народов и раннее Средневековье // СВ. М., 2007. Вып. 68 (4). С. 34-65.

³⁷ Глебов А. Г. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. С. 11-19.

³⁸ Приходнюк О. М. Указ. соч. С. 38-39.

³⁹ Классен Х. Дж. М. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 73.

⁴⁰ Гринин Л. Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 86-87, 112.

⁴¹ Гринин Л. Е. От раннего к зрелому государству // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 525-526.

«военизированного общества» как одной из разновидностей «ранних государств». У истоков Остроготского королевства стояли более ранние «военные политии» готов III в., наложившиеся на местные потестарные образования. Скорее всего, они начали оформляться еще во время миграции в Скифию при короле Филимире в конце II – начале III вв., так как у переселенцев в условиях постоянной военной опасности и столкновений с коренным населением неизбежно должна была усиливаться военная власть короля⁴². Результатом такого завоевания стал межэтнический симбиоз и иерархия территорий, возникновение отношений «готский центр» и «местная племенная периферия». Изначально королевство остроготов несло на себе отпечатки крупных перемен, ярче всего запечатленных в пассаже Иордана о «деяниях» Эрманариха. Здесь «раннее государство» образовалось на базе суперсложного вожества с сильной властью вождя-короля, опирающегося на войско-дружину в процессе завоевания и присоединения новых обширных территорий. В итоге на юге Восточной Европы складывалась новая этнополитическая общность, видимо, включавшая и везиготов «судьи» Атанариха, которую Иордан назвал *societas* (Get., 130). Такая схема остроготского политогенеза хорошо согласуется с современными представлениями о начале государственности, которая чаще всего рождалась в результате каких-то резких перемен.

В целом, остроготы Эрманариха проявили явно большее стремление к масштабному политическому образованию, нежели везиготы-гервинги, долгое время сохранявшие в Гуттиуде (*Gúþiuda*) племенное дробление с вождями-«судьями» во главе⁴³. Экспансию остроготов на север и северо-восток осуществляла пассионарная, воинственная, хотя, скорее всего, и не очень многочисленная группа племен, а точнее – дружин, привычных к подвижной жизни⁴⁴. Основное направление экспансии на север, вдоль больших рек, было обусловлено не только естественным стремлением овладеть главными торговыми магистралями Восточной Европы, но не в последнюю очередь – невозможностью продвижения готов на юг к границам богатых римских провинций, особенно после поражения, нанесенного им Константином Великим в 332 г. В результате с Империей был заключен мирный договор (*foedus*), не нарушавшийся варварами до 367 г. Кажется, совокупность этих предпосылок и факторов сыграла не последнюю роль в возникновении обширного *regnum* Эрманариха, хотя, конечно, не следует сбрасывать со счетов и личные заслуги этого могущественного остроготского короля. Судя по впечатляющим результатам его завоеваний, он обладал качествами харизматического лидера, сумевшего создать в Восточной Европе, если верить Иордану, «державу», по масштабам мало уступавшую Руси IX в.

Известно, что одна из очевидных характеристик перехода к государственности – это «эффект снежного кома»: если он пришел в движение, то двигается все быстрее и быстрее⁴⁵. По меркам того времени образование «державы» Эрманариха происходило весьма стремительно, на глазах одного–двух поколений. В результате впечатляющих военных успехов власть короля становилась все более сильной и непререкаемой. О росте государственности говорят и те функции верховной власти короля (военная, административная, законодательная, судебная, сакральная), которые упоминались выше. Все это сопровождается ростом принуждения и контроля, яркие примеры которых сохранил рассказ Иордана. Согласно рассмотренным свидетельствам Иордана, отношения между Эрманарихом и завоеванными им племенами складывались по принципу прямого «подчинения его законам», что приводило, по всей видимости, к образованию настоящей «варварской империи», с сильными центробежными тенденциями и возрастающим напряжением на периферии. В этом смысле политогенез у остроготов под управлением Эрманариха, скорее всего, шел по третьему пути образования «варварских королевств», недавно выделенному Вернером Гётцем⁴⁶. Он вел к политической централизации огромно-

⁴² Nordgren I. The Well Spring of the Goths: about the Gothic peoples in the Nordic Countries and on the Continent. N.-Y. Lincoln. Shanghai, 2004. P. 555.

⁴³ Санников С. В. Методологические аспекты изучения процесса становления ранних форм государства у германских народов // Исторический ежегодник: сб. науч. тр. Института истории СО РАН. Новосибирск, 2008. С. 40–54.

⁴⁴ Шукин М. Б. Указ. соч. С. 210–215.

⁴⁵ The Early State / Ed. H. J. Classen, P. Skalnik. Hague, 1978. P. 624–625.

⁴⁶ Regna and Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World. Brill, Leiden, 2003. P. 609.

го восточноевропейского региона, к формированию системы управления его разноэтничным населением. Известно, что сама по себе королевская власть, как и всякая политическая власть, имеет тенденцию организовать подвластное население в нечто социально целое, новую этнополитическую общность (*societas* Иордана). То же мы видим и по археологическим материалам черняховской культуры. Укрупнение социально-исторических организмов было важным условием прогресса общества, особенно на стадии классообразования и политогенеза.

Возможно, если бы развитие Остроготского королевства не было насильственно прервано гуннами, оно бы трансформировалось в зрелое государство. Еще раз отметим, что по уровню развития общественного разделения труда (агрикультуры, различных ремесел), население черняховской культуры по сути уже достигло стадии ранней цивилизации⁴⁷. Не вызывает сомнений, что у черняховцев существовала частная собственность, о чем свидетельствуют замки и ключи, найденные не только на поселениях, но и в могилах, а также институт, близкий германскому одалу (гот. *haimobli*). Определенное развитие в обществе получило денежное обращение, на что прямо указывают многочисленные находки римских монет (на территории черняховской культуры известно свыше 20 000 экз.) и целые клады (более 180). Весьма развитой была и внешняя торговля с римскими провинциями (массовый позднеантичный импорт) и с северными областями Восточной Европы (продукция черняховских ремесел)⁴⁸. Принятие христианства частью готов являлось важным показателем степени зрелости их общества. Об уровне их интеллектуального и духовного развития свидетельствует не только руническая письменность, но и умение черняховцев пользоваться греческим и латинским алфавитами. Исследователи не без основания допускают, что, по крайней мере, какая-то их часть могла быть грамотной⁴⁹.

И это не удивительно, если вспомнить о многочисленных конструктивных контактах готов с Римской империей, в особенности во время службы готской молодежи в качестве римских федератов в ее провинциях. Только по договору с Константином Великим 332 г. 40 тыс. готов стали федератами Империи (Get., 111-112). Т.е., значительная часть варваров была постоянно инкорпорирована в Империю в качестве федератов. Скорее всего, последние и были той главной «движущей силой», которая приносила и прививала соплеменникам элементы высокой античной культуры – ведь каждый федерат на годы службы был культурно и политически интегрирован в римский мир. Отсюда он возвращался на родину во многом другим человеком, познавшим римскую армейскую дисциплину и тактику, познакомившимся с иным образом жизни, вкусившим цену денег и т.п. Во многом именно через таких ветеранов-федератов постоянно осуществлялся синтез достижений античной цивилизации и варварской культуры, который мы наблюдаем в черняховских древностях. Это служило мощным культурным катализатором социального развития готского общества IV в.

Но из-за трагических событий 375–376 гг. полиэтничное *regnum* Эрманариха так и осталось где-то на пороге цивилизации и самой ранней ступени государственности. На склоне лет все деяния Эрманариха были сведены на нет гуннским нашествием, а сам король покончил жизнь самоубийством (Amm. Marc., XXXI.3.2) или умер от раны, нанесенной заговорщиками-«росомонами» (Get., 129). Гуннское нашествие – это не первый и, к сожалению, далеко не последний случай проявления «кочевнического тормоза» в истории Восточной Европы. После гибели Эрманариха остроготами, оказавшимися под властью гуннов, долгое время управлял лишь их собственный царек (*regulus*). На несколько десятилетий они утратили свое *regnum* и опять превратились в народ-войско, продвигающееся на Запад с оружием в руках среди враждебных племен и народов.

Как бы то ни было, «держава» Эрманариха демонстрировала потенциальную возможность возникновения варварского королевства вне территории римских провинций, в восточноевропейском Барбарикуме. Но в отличие от более поздних варварских госу-

⁴⁷ Зиньковская И. В. Об уровне экономического развития Остроготского королевства Эрманариха // Вестник ВГУ. 2013. №2. С.44-51.

⁴⁸ Зиньковская И. В. К вопросу о торговле и денежном обращении в Остроготском королевстве Эрманариха // Вестник ВГУ. 2013. №1. С.33-40.

⁴⁹ Шукин М. Б. Указ. соч. С. 171-173; Ганина Н. А. Готские языковые реликты: автореф. дис. ... докт. фил. наук. М., 2008. С. 11-12.

дарств V–VI вв., сложившихся в различных частях гибнущей Империи, она не имела питательной «римской» почвы, городов и других институтов старой цивилизации («синтезная зона»), хотя кое-что из нее готы успели воспринять.

Остроготы Эрманариха находились между варварством и цивилизацией как в стадильном, так и в геополитическом смысле. По ряду исторических свидетельств и объективных археологических показателей они достигли начальной ступени цивилизации, хотя в их повседневной жизни и социальной организации сохранялось еще очень много архаики. Представляется, что это был один из возможных путей исторического развития Восточной Европы на рубеже Древности и Средневековья. По своему геополитическому положению, полиэтничной структуре и роли в нем речных магистралей королевство Эрманариха IV в. в известной мере было предтечей Руси IX в., также возникшей на главных торговых путях Восточной Европы, связывающих Север и Юг. Объективно оно представляло первую попытку превращения разрозненных локальных миров Восточной Европы (степного, лесостепного и лесного) в крупномасштабное, обретающее государственность сообщество.

TO HISTORICAL ESTIMATES OSTGOT KINGDOM OF ERMANARIC

I. V. ZINKOVSKAYA

Voronezh State University

e-mail: zinkovi@yandex.ru

This article is devoted to one of the largest ethno-political barbaric formations of 4-th century in the south of Eastern Europe known as the Ermanaric's kingdom, which demonstrated the possibility of forming «regnum barbaricum» outside the territories of the Roman provinces.

Key words: Northern Black Sea region, Chernyakhov culture, Goths, 4th century AD, Ermanaric's kingdom.

АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ «ХРОНОГРАФИИ» ИОАННА МАЛАЛЫ**А.В. КОБЗЕВА***Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: KobzevaAV31@yandex.ru*

В статье рассматриваются вопросы о структуре Всемирной хроники Иоанна Малалы, охватывавшей период с древнейших времен до конца правления императора Юстиниана включительно, и, в частности, описанию происхождения рода человеческого в I книге, прежде всего, в контексте не библейской, а античной мифологии - описанию «Царства богов», с которого начинается история людей после потопа.

Ключевые слова: хроника, античная мифология, библейская история, Византия, традиция.

Ни одно произведение византийской хронографии раннего периода не пользовалось в течение всего средневековья такой популярностью, как «Хронография» Иоанна Малалы.

В III в. всемирная христианская хроника возникла для решения насущных церковных проблем, а к середине VII в. византийская хроника заняла одно из главных мест в античной историографии и христианской церковной истории и сохраняла свое лидирующее место до конца Византии.

Всемирная хроника Иоанна Малалы охватывала период с древнейших времен до конца правления императора Юстиниана включительно. В Оксфордской рукописи хроника Малалы заканчивается 563 г., но есть предположение, что существовало ныне утраченное заключение (о чем говорят отдельные фрагменты), доведенное либо до 565 г., т. е. до конца царствования Юстиниана, а возможно даже и до 574 г.¹

Хронологический охват исторического повествования Малалы поистине велик: труд начинается с освещения библейской истории, затем в переработанном виде излагаются греческая мифология и история народов Востока. Перед читателем проходит эллинистический мир в эпоху диadoхов, предстает вся древняя история Римского государства, идут один за другим римские и византийские императоры². Хронику завершает поразительный по разнообразию материала рассказ о царствовании Юстиниана.

В целом Хроника носит достаточно развернутый повествовательный характер, значительно отличаясь по стилистике от синхронных латинских хроник.

Считается, что, начиная с событий, происшедших в царствование императора Зенона (474-491 гг.), Малала пишет о них со слов современников и очевидцев. Центральным пунктом, откуда Малала обзрывает все события истории, был для него родной ему город Антиохия, так что иногда Хроника кажется просто антиохийской городской летописью, на фоне которой лишь местами мелькают эпизоды, восходящие к другим краям вселенной. В заключительных частях Хроники центр действия переносится в Константинополь, и, соответственно, эти разделы кажутся летописью столицы.

Малала писал свой труд «не для узкого круга знати и образованных людей, а для широких масс, прежде всего для многочисленного в Византийской империи монашества... Он задался целью дать нравоучительное, в духе христианского благочестия, назидательное и в то же время занимательное чтение для широкой аудитории читателей и слушателей»³. Согласно оценке известного специалиста по византийской литературе К. Крумбахера, Малала стремился создать «простонародную» книгу без оскорбления «престолов и алтарей» в привлекательном и доступном для масс изложении⁴.

Не до конца выяснены источники, откуда Малала черпал сведения об античности. Как и другие хронисты Византии, он обычно цитирует предшественников, не называя их

¹ Черноусов Е.А. Из этюдов по Малале // Сб. в честь С. А. Жебелёва. Л., 1926. С. 56-76.

² Schenk von Stauffenberg S. Die romische Kaisergeschichte bei Malalas. Stuttgart, 1931.

³ Там же. С. 21.

⁴ Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Literatur Aufl. 2. Munchen, 1897. S. 326.

имен. Как утверждает сам автор, Хроника основана на многих источниках, в том числе на трудах античных авторов, но хронист далеко не всеми ими пользуется непосредственно, а берет главным образом из вторых рук из более поздних компиляций римского и византийского времени⁵.

При определении хронологии событий Малала указывает, что он пользовался хрониками Климента, Феофила, Тимофея и Евсевия, сына Памфила. При этом он отдает предпочтение хронологии Феофила и Тимофея (*Malal. Chron.*, 428). Однако трудно сказать, что именно было заимствовано Малалой из этих хроник, так как они (за исключением хроники Евсевия) утеряны. Заимствования же из Евсевия сравнительно незначительны⁶.

Одним из наиболее важных является вопрос о структуре «Хронографии» и выделяемых в ней тематических блоках. Я.Н. Любарский был склонен выделять в сочинении Малалы две части («библейско-греческую» и «римско-византийскую»), полагая разделом хроники установление империи.

Л.А. Самуткина, в композиционном отношении, также согласна на разделение хроники на две части. Первая - до установления империи Октавиана Августа (I–VIII книги), вторая - от начала императорской истории Рима и до неожиданного обрыва произведения (IX–XVIII книги). В первой части господствует невероятный конгломерат событий из библейских преданий, греческой мифологии, истории Ассирии-Вавилонии, Персии, царского и республиканского Рима, Македонии и Египта⁷.

Наиболее объективной, по нашему мнению, можно считать версию, что более логично было бы разделить «Хронографию» по содержанию и смыслу на три раздела: кн. I–VI - события библейской и греческой истории (включая легендарные эпохи); кн. VII–XII - римская история; кн. XIII–XVIII - византийская история⁸.

В книгах I–V излагается древнейшая история, в основном - это пересказы библейской истории и греческих мифов (о борьбе богов с гигантами, о Зевсе и Кроне, о Семеле, об Ио). Соотношение описываемых сюжетов в книгах разное, но есть и книги, где просматривается более цельное содержание, в целом не характерное для «Хронографии». В III книге излагается преимущественно библейская история, в V - история Троянской войны, в которой Малала следует версии Диктиса Критского. Наше внимание, в контексте данного исследования, в большей степени обращено на I книгу и античные мифологические мотивы в ней.

После расселения народов первым царем назван Кронос из рода Сима, первого сына Ноя. Он был сильным человеком, который был на практике первым правителем. Он является родоначальником всех царей Востока и Запада. Кронос из рода гигантов, «назван отцом Дамном Кроносом по имени планеты» (*Malal. Chron.* I, 7). Весьма интересно здесь то обстоятельство, что вполне в духе ранневизантийского культурного синтеза Малала связывает библейские и антично-мифологические мотивы воедино, и мифологический Кронос оказывается потомком библейского Ноя.

Он «правил всей землей персов, начав покорение с Ассирии». У него была жена Семирамида, которую у ассирийцев звали Реей и была она из того же племени.

У Кроноса был сын по имени Пик, названный родителями Зевсом по названию планеты, Нин и дочь по имени Гера. Пик-Зевс взял в жены свою сестру, Геру. Кронос отправился на Запад, «взяв множество людей храбрых», где не было императорской власти. Там он стал также первым царем. Пик-Зевс царствовал над Ассирией в течение четырех лет, он тоже оставил свою мать и Геру - сестру и жену, и, сделав своего сына Бела императором Ассирии, пошел на запад к отцу Крону. Бел царствовал над ассирийцами в течение восьми лет. После его смерти персы обожествили его. Когда Кронос увидел, что

⁵ Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII–XVIII / Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 2 / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород, 2014. С. 27.

⁶ Удальцова З.В. Мироззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // ВВ. 32. М., 1971. С. 11.

⁷ *Experimenta lucifera*. Материалы V Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. Н. Новгород, 2007. С. 37–39.

⁸ Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII–XVIII / Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 2 / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород, 2014. С. 28.

его сын Пик-Зевс пришел к нему на Запад, тогда он уступил ему власть как более сильному (Mal. Chron. I, 8).

Пик-Зевс царствовал над Западом, в Италии, по мнению Малалы, а Нин, другой сын Кроноса, стал править в Ассирии. Он взял свою мать – Семирамиду в жены; от него и Пика-Зевса (который также взял свою сестру Геру в жены) персы и получили обычай жениться на своих матерях и сестрах, так Гомер утверждает, что Зевс «обратил Геру, сестру и жену» (Homer. II. XVI, 431-432; XVIII, 356). После смерти Кроноса Нин стал правителем Ассирии, он построил Ниневию – город ассирийцев. Сыном Нина и Семирамиды был Зооастр, знаменитый персидский астроном (Malal. Chron. I, 10).

Таким образом, первые цари, по Иоанну Малале, появились в Ассирии и носили, не только «звездные» имена, характерные для восточной традиции: Нин, Семирамида, Бел (Ваал). Династия ассирийских царей начинается хронистом с Нина, который правил вместе со своей женой и матерью Семирамидой, после него власть наследовал Бел (Ваал), следующим был Ламес, последним назван Сарданапал, у которого Персей захватил власть и дал ассирийцам свое имя⁹.

После смерти Пика-Зевса из многих его сыновей царем стал Фавн, получивший от отца имя Гермес по имени планеты. Боясь многочисленных претендентов на престол на Западе, он бежит от них в Египет и после смерти египетского царя Местраима из рода Хама становится египетским правителем. Далее описывается, как правили в Египте потомки Фавна-Гермеса: Гелиос, Гефест, а затем Сосис, Осирис, Гор, Фурис. После его убийства египетская власть перешла к потомкам Хама, первым из которых назван Сострис. История Персии начинается с сына Зевса-Пика Персея¹⁰.

Здесь Малала объединил под одним началом мифологическую историю ассирийцев, итальянцев, египтян, персов и греков. Объединяющим же всю эту амальгаму становится библейское сказание, ведь Кронос происходит из рода Сима (Ноя).

Первые цари у хрониста носят имена планет. Это герметическая составляющая взглядов Иоанна Малалы на богов восходит, как пишет сам хронист, к египтянам. Поскольку первые цари, согласно приведенной в хронике теории, были обожествлены, то замечания о том, что цари получали от своих родителей имена Кронос, Зевс, Гермес по имени планет, должны пониматься как герметические толкования. Внимание Малалы к планетам уже заметно в I книге хроники о «допотошной» истории, где перечисляются пять планет: он назвал первую планету – Кронос, вторую – Гера, третью – Арес, четвертую – Афродита и пятую – Гермес¹¹.

Имена олимпийских богов в качестве имен первых царей позволили автору хроники обратиться и более узко к греческой мифологии. Так автор реализует эллинистическую традицию всемирной истории ставить во главе всех мировых империй олимпийских богов и героев. Можно предположить, что хронист, выводя начало государственного правления с Востока, этот период истории человечества считает временем господства восточных империй, в сферу господства которых попадает затем и Рим.

Таким образом, начало истории человечества после потопа начинается с введения великих империй, которые все объединены одним царским родом Кроноса: Ассирия, Запад, Египет, Персия. История второстепенных государств – Аргоса, Сирии, Киликии, Эфиопии, Крита, Афин – упоминается вскользь. Они существуют самостоятельно, но начало их соотносится со временем Зевса-Пика¹².

Каждая из этих стран, так или иначе, связана с родословием Зевса. Его имя дано как некое ядро, от которого начинается история второго периода – «Царства Богов».

Здесь античная мифология привязана к библейской истории потопа, в частности, послепотопного времени. И античная мифология вместе с библейской историей в одном контексте представляет собой характерное явление ранневизантийского культурного континуитета.

⁹ Thurn H. Praefatio // Ioannis Malalae Chronographia / Rec. H. Thurn. Berlin, New York, 2000. P. 12.

¹⁰ Ibid. P. 42.

¹¹ Ibid. P. 41.

¹² Experimenta lucifera. Материалы V Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. Н. Новгород, 2007. С. 37.

Наибольший интерес представляет отношение монаха Малалы к «эллиническим басням» - это уже не просто спокойное и нейтральное отношение (он не борется с «языческими культами»), а попытка связать воедино древневосточную, библейскую и легендарную античную историю под библейской оболочкой. В передаче же чисто мифологических античных реалий Малала, как и во многих других местах своего произведения, неточно воспроизводит античную традицию по этому вопросу, порой причудливо искажая ее. Но создаваемый им в результате новый культурный сплав весьма интересен в плане медиализации культурной, исторической традиции и общественного сознания.

AN ANCIENT MYTHOLOGY OF EARLY BYZANTINE IN «CHRONOGRAPHIA» BY JOHN MALALAS

A.V. KOBZEVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: KobzevaAV31@yandex.ru

The article deals with the structure of the World chronicles of John Malalas which covers the period from ancient times to the end of the reign of Emperor Justinian, inclusive. And, in particular, the 1st book includes the description of the origin of human race, particularly in the context of ancient but not biblical mythology, the description of "The Kingdom of The Gods," which begins the history of people after the Flood.

Key words: Chronicle, ancient mythology, biblical history, Byzantine, tradition.

ИМПЕРАТРИЦА АРИАДНА И ВИЗАНТИЙСКИЙ ДВОР КОНЦА V – НАЧАЛА VI ВВ.

Ю.Ю. ЧУЕВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: skachkova@mail.ru

В статье рассматривается история жизни и место в большой политике константинопольской императрицы Ариадны – жены (последовательно) императоров Зенона и Анастасия. Автор строит свой анализ преимущественно на главном источнике – «Панегирике Анастасию» Присциана Грамматика, близкого к придворным кругам начала VI в.

Ключевые слова: Ариадна, императрица, Присциан, Зенон, Анастасий, Византия.

Императрица Элия¹ Ариадна была старшей дочерью императора Льва I и его жены Верины, и родилась за некоторое время до того, как Лев стал императором в 457 г.² В 468 г., когда Лев был в поисках союзников для поддержки в его борьбе против полновластного варвара, магистра обеих служб (*magister utriusque militia*) Аспара, он выдал Ариадну замуж за Зенона, исавра, который занимал должность комита domestikов.³ У Ариадны и Зенона появился сын, Лев, который последовал за своим дедом в качестве императора, когда Лев I умер в 474 г. После своего воцарения юный император, по совету своей матери Ариадны, короновал своего отца Зенона в качестве соправителя.⁴ Немного времени спустя после этого события Лев умер, и Зенон стал единственным императором.

Правление Зенона не оставалось долго безмятежным. В 475 г. он столкнулся с восстанием Василиска, брата Верины, который оказался вовлечен в заговор против своего племянника.⁵ Зенон был вынужден отправиться в изгнание на свою родину в Исаврию, куда Ариадна сопровождала его.⁶ Но Василиск оставался у власти лишь короткое время. В 476 г. Зенон и Ариадна с триумфом возвратились в Константинополь. Хотя Василиск и его жена были со временем убиты, Ариадна вступилась за спасение жизни их сына, которому было разрешено вступить в церковь.⁷

Правление Зенона продолжилось беспокойно. В 479 г. Маркиан, муж сестры Ариадны, Леонтии, поднял мятеж против Зенона. Верина, по-видимому, была снова вовлечена в мятеж, и после его подавления она была выслана в Исаврию Зеноном по совету влиятельного исаврийского магистра оффиций Илла. Из своей ссылки Верина посылала письма Ариадне, прося напомнить о ней. Ариадна взывала к Зенону, который, в свою очередь, отослал ее к Иллу. Магистр оффиций отказался рассмотреть вопрос об освобождении Верины из ссылки, вопрошая Ариадну, что если она хочет свою мать, не хотят ли

¹ Имя Элия, присущее как Верине, так и Ариадне, а также жене узурпатора Василиска, упоминается в источниках как присущее Феодосиевой династии. Изначально Флакцилла, которая потом стала женой императора Феодосия I, имя Элия становится титульным и присущим всем императрицам Феодосиева дома. См.: *Holum K. Theodosian Empresses. Women and Imperial Dominion in Late Antiquity. Berkeley, 1982. P. 22.*

² В 479 г. Маркиан оправдывал свой мятеж против императора Зенона тем, что его жена Леонтия, сестра Ариадны, родилась, когда Лев был императором, в то время как Ариадна родилась до того, как Лев облачился в пурпур (*Theophan. AM 5971*).

³ О ранней карьере Зенона и о свидетельствах датировки его брака см.: *Baynes N. The Vita S. Danielis Stylitae // English Historical Review. 40. 1925. P. 397-402.*

⁴ Феофан (*AM 5966*) сообщает, что и Верина, и Ариадна поддержали воцарение Зенона. Иоанн Малала (378) говорит, что Ариадна одна поддержала его коронацию.

⁵ Верина, кажется, предполагала свергнуть Зенона и сделать императором своего любовника Патрикия. Однако, Василиск, который был вовлечен в заговор, перехитрил свою сестру и сам провозгласил себя императором. Патрикий же был убит (Иоанн Антиох., фр. 210).

⁶ Есть две версии изгнания Ариадны из Константинополя. Иоанн Малала (378) говорит, что Ариадна тайно бежала от своей матери, желая соединиться со своим супругом. Феофан (*AM 5967*) объявляет, что Зенон взял Ариадну и снабжался ее деньгами в ссылке. Оба сообщения согласны в том, что Ариадна сыграла важную роль в утверждении прав Зенона на трон.

⁷ Непопулярность Василиска в значительной степени вытекает из его религиозной политики. Он был монофизитом и издавал указы, осуждающие Халкидонский собор (*Evagr. HE. III, 4*). Сообщения о ссылке Василиска и его смерти можно найти в большом количестве источников, включая Анонима Валезия (9,43), Марцеллина Комита (476), Евагрия (III. 8). О судьбе его сына см.: *Theophan. AM 5969*.

они короновать еще одного императора, чтобы противостоять Зенону. Ариадна затем, кажется, возвратилась к Зенону и предъявила ему ультиматум: Зенон должен сделать выбор между нею и Иллом. Зенон ответил, что он будет приветствовать любые действия, которые она может предпринять, чтобы избавиться от власти Илла. Результатом всей этой истории стала попытка убийства Илла в 481 г.⁸ Хотя заговор был раскрыт, Илл, похоже, чувствовал, что ему будет лучше покинуть Константинополь. Зенон назначил Илла военным магистром Востока, и он покинул столицу, отправившись на восток. Илл открыто восстал против Зенона в 484 г. и соединился с Вериной, которая объявила Илла союзником императора Леонтия. Их претензии на власть рухнули, и Верина умерла некоторое время спустя, во время восстания. Через несколько лет после ее смерти Ариадна привезла ее тело в Константинополь и поместила в гробницу⁹.

Когда Зенон умер 9 апреля 491 г., Ариадна получила свой шанс на «сотворение императора». Она сама показывала себя как намного более хитрого знатока мужчин, чем ее мать Верина. На следующий день после смерти Зенона, после того, как народ и солдаты собрались на ипподроме, Ариадна появилась перед толпой в кафизме в сопровождении патриарха Евфимия. Народ приветствовал августу и потребовал православного императора. В ответ Ариадна объявила, что она приказывает чиновникам и сенату выбрать христианского императора, наделенного всеми имперскими доблестями. Войско должно было утвердить выбор, а само избрание должно было иметь место в присутствии патриарха и святых евангелий. Толпа затем потребовала сместить префекта города. Ариадна ответила, что она ожидала такого их желания, и что Юлиан должен быть назначен префектом. Императрица затем покинула ипподром, и чиновники и сенаторы заспорили о том, кто должен наследовать Зенону. Когда они были не в состоянии достичь согласия, препожит священного кувикула Урбикий поддержал идею о том, что выбор должен остаться за Ариадной. Вызванная чиновниками Ариадна объявила императором силенциария Анастасия. Он был коронован патриархом 11 апреля 491 г. и вступил в брак с Ариадной вскоре после 20 мая¹⁰.

Военные дела преобладали в течение первой половины правления Анастасия, и Ариадна исчезает из источников вплоть до сообщений о религиозных спорах 511 и 512 гг. Немногочисленные сообщения об императрице в этом контексте утверждают, что Ариадна симпатизировала халкидонитам. В то время, когда император пытался избавиться от патриарха Македония, мы знаем, что Ариадна и определенное количество важных сенаторов были встревожены нападками на патриарха¹¹. Когда халкидонский монах св. Сава прибыл в Константинополь зимой 511-512 г., он посетил Ариадну, благословил ее и призвал ее хранить веру ее отца Льва. Ариадна ответила, что он говорит истину, если только Анастасий ее услышит¹². В конце концов, во время беспорядков, связанных с Трисвятым в 512 г., когда Анастасий бежал во Влахерны, мы знаем, что Ариадна серьезно призывала его к ответу за его поведение¹³. Мы затем больше не слышим об императрице вплоть до упоминания о ее смерти в 515 г.¹⁴

Как и в случае с Панегириком в адрес ее мужа Анастасия, краткий энкомий Присциана в адрес императрицы не дает новых деталей в дополнение к известным фактам о жизни Ариадны: он рассказывает фактически только о ее выборе Анастасия в качестве преемника Зенона. Как видим, панегирист озабочен тем, чтобы представить образ императора по необходимости в конкретном наборе обстоятельств и только то, что будет воз-

⁸ Детали об изгнании Верины, споре Ариадны с Иллом и попытке убийства описаны Иоанном Малалой (387) и Феофаном (AM 5972).

⁹ Лучшее сообщение о восстании Илла и участии в нем Верины можно найти в кн.: *Brooks E.W. The Emperor Zeno and the Isaurians // English Historical Review. 8. 1893. P. 222-230. О смерти и погребении Верины см. Theophan. AM 5975; Ioh. Malal. 389; Ioh. Antioch. 214.6, 214.12.*

¹⁰ Полное описание событий, которые привели к провозглашению Анастасия и его коронации, сохранилось у Константина Багрянородного в *De ser. I, 92*. См. также: *Boak A.E.R. Imperial Coronation Ceremonies of the Fifth and Sixth Centuries // Harvard Studies in Classical Philology. 30. 1919. P. 37-47; Brightman F.E. Byzantine Imperial Coronations // Journal of Theological Studies. 2. 1910. P. 359-392.*

¹¹ Theophan. AM 6004.

¹² Cyril. Scyth. Vita Sabae 53.

¹³ Theophan. AM 6005.

¹⁴ Marcell. Com. 515; Victor Tonn. 515; Theophan. AM 6008.

величивать императорский престиж. Служа своей цели, Присциан, поддерживая Анастасия, созывает образ императрицы, который не только определяется обстоятельствами, но и служит образом, который использует общепринятые представления о природе роли и власти императрицы.

В поздней империи императрица определялась как разделяющая часть государственной власти императора. Концепция разделения властей отражалась на монетах и в произведениях искусства, на которых иконография императрицы становилась идентичной с образом императора с тех пор, как оба они стали изображаться с императорскими регалиями, диадемой и палудаментом. Даниил Стилит предсказал, что «Христолюбивая Ариадна должна царствовать над империей, благодаря ее истинной вере в Бога своих предков», и потому, что Анастасий должен править, руководствуясь той же идеей¹⁵. Тем не менее, хотя императрица может править, она не должна управлять. В своей императорской власти она пассивна; ее роль заключается в утверждении легитимности через брак и в рождении наследников, в династизме. Этой династической роли и была исключительно адресована ее религиозность. С триумфом христианства получила развитие идея о том, что императрица, благодаря ее доблести и благочестию, проявляет себя в милосердии, церковном строительстве и почитании реликвий, помогает обеспечить Божественное покровительство для империи¹⁶.

Многие императрицы поздней империи приспособляли этот концепт к своей императорской роли. Некоторые, благодаря своим личным качествам, энергии и обстоятельствам, были в состоянии преодолеть взгляд о том, что их власть была равна, но заключалась в отличных от императора сферах, и транслировала их скрытую власть в активное влияние, так что они принимали участие в формировании политики и в управлении империей. Пульхерия, девственная сестра Феодосия II, управляла делами империи в такой значительной степени в его правление, и после его смерти она вступила в брак, а затем короновала его преемника Маркиана¹⁷. В той же мере важной и влиятельной была София, жена императора Юстина II, и она также выбирала преемника на трон¹⁸. Благодаря обстоятельствам смерти Зенона, не оставившего признанного наследника, Ариадна также имела возможность опыта своей власти в выборе следующего императора и в утверждении его положения путем брака. Но по некоторым причинам, возможно, из-за отсутствия амбиций или из-за неудачного примера своей матери, возможно, благодаря уверенности в действенности своего выбора¹⁹, Ариадна, двигаясь затем вперед к полноте своих династических полномочий, кажется, осталась в тени после провозглашения Анастасия²⁰.

Поэт озабочен установлением легитимности правления Анастасия, а актуальное политическое влияние Ариадны и ее деятельность были для него не важны. Панегирист прежде всего интересуется не историческими сообщениями о событиях, а событиями как символами, и свершениями ее примечательной династической и религиозной ролей; византийская императрица была мощным символом божественной санкции императорской власти. Таков символ, каким Ариадна изображается в искусстве того периода. Два диптиха показывают Ариадну как образ императорской власти, окруженный символами триумфа и величия, куполообразным балдахином, орлами, лавровыми ветвями, императорскими регалиями диадемой и вышитым палудаментом с жемчугом, скипетром и шаром,

¹⁵ V. Dan. Styl. 92.

¹⁶ О концепции разделенной власти, развитии иконографии императрицы в поздней империи и о религиозной роли императрицы см.: *Holum K. Theodosian Emperresses. Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Berkeley, 1982. P. 21-44.

¹⁷ Детальное сообщение о карьере Пульхерии дано К. Холумом: *Holum K. Theodosian Emperresses. Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Berkeley, 1982. P. 79-111, 217-228.

¹⁸ О Софии см.: *Cameron Av. The Empress Sophia // Byzantion*. 45. 1975. P. 5-21.

¹⁹ Ариадна была, по-видимому, хорошо знакома с Анастасием до того, как она выбрала его в качестве императора (*Zachar. Rhet. HE. VII, 1*).

²⁰ Есть достаточно большое количество историй, утверждающих, что Ариадна фактически имела незначительное влияние на своего мужа. Ее родственник Диогениан был сослан Анастасием (*Theorphan. AM 6011*). Анастасий, по-видимому, отказал просьбе Ариадны о том, чтобы Анфимий был сделан префектом претория (*Ioh. Lyd. De Mag. III, 50*). Расположение Ариадны к патриарху Македонию не смогло предотвратить его смещение и ссылку (*Theorphan. AM 6004*).

увенчанным крестом («державой»)²¹.

Присциан не имеет прецедента в представлении императрицы как символа императорской власти в риторической традиции императорского панегирика, который предписывал упоминать императрицу только как отражение доблестей супруга и их отношения как свидетельство умеренности императора²². То, что Присциан воздает хвалу Ариадне как отдельному лицу и отходит от традиции своего жанра в области такой похвалы – неожиданно и представляет собой выдающуюся позицию в панегирике, апробирующую (и отражающую) растущую роль императрицы как символа, который поэт хочет использовать в поддержку императорского права на власть.

Присциан не дает нам словесного эквивалента диптихов и описывает украшенную драгоценными камнями императрицу в дворцовой обстановке. Взамен визуальных символов власти, Присциан показывает две роли, которые дают символ ее законности и силы. Он напоминает аудитории о династической власти императрицы, которую Ариадна использует, выбирая Анастасия в императоры (Ран. 303). Он затем напоминает о религиозной роли в помощи обеспечению поддержки его воцарению, восхваляя доблести Ариадны и славя ее благочестие (Ран. 305-306). Лишь одна строка одного места что-то напоминает о влиянии диптихов (Ран. 302). Описывая Ариадну как участника и причину событий в первой строке похвалы в ее адрес, Присциан придает Ариадне некоторую статичность и неизменное качество диптихов вместе с ощущением ее положения как отдельного от императора и выше остального человечества.

Язык Присциана в большей части пассажа в похвалу Ариадне отражает некую двусмысленность, присущую положению императрицы, которая имеет власть, но которая, в теории, в любом случае, не транслируется в реальное управление. Присциан выбирает сильные слова для описания выбора Ариадной Анастасия в качестве императора (Ран. 303), но в дальнейшем, как показывает ее выбор, Ариадна поручает мир и самое себя своему мужу. Ариадна обнаруживает не только доблести целомудрия и благочестия, присущие императрице²³, но также и мужские доблести предвидения, которые позволяют ей преодолеть ограниченные возможности своего пола к выгоде для римского мира (Ран. 305-308).

Подобно таким императрицам как Пульхерия и София, Ариадна не кажется имеющей преимущество амбивалентной роли императрицы, выражающей ее скрытую власть и трансформирующей ее в открытое влияние на религиозные и политические дела. Ее карьера, как следствие, была менее впечатляющей, чем у них, ее имя менее известно потомкам. Тем не менее, из слов Присциана в ее честь мы можем увидеть возможности императрицы как символа императорской власти.

EMPRESS ARIADNE AND BYZANTINE COURT AT END OF V – EARLY VI CENT. A.D.

Yu.Yu. CHUEVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: skachkova@mail.ru

The article discusses the history of life and a place in politics Constantinople Empress Ariadne - wife of Emperor Zeno and later - Anastasius. The author bases his analysis mainly on the main source - "Panegyricus to Anastasius" by Priscian Grammar close to court circles beginning of the VI cent.

Keywords: Ariadne, Empress, Priscian, Zeno, Anastasius, Byzantium.

²¹ Два диптиха очень похожи на их описание императрицы, хотя на одном из них, Вьенском, Ариадна изображена сидящей, а на другом, флорентийском, она стоит. Диптихи и их символизм исследованы в кн.: *Delbrueck R. Die Consulardiptychen und verwandte Denkmaler*. Berlin, 1929. Nos. 50, 52; *Volbach W.F. Elfenbeinarbeiten der Spätantike und des frühen Mittelalters*. Mainz, 1976. Nos. 51, 52; *Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century* / ed. K. Weitzmann. New York; Princeton, 1979. P. 31-32; *MacCormack S. Art and Ceremony in Late Antiquity*. Berkeley, 1981. P. 257-258.

²² Ст. 301-308.

²³ О доблестях императрицы см.: *Holum K. Theodosian Empresses. Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Berkeley, 1982. P. 50-58.

СРАЖЕНИЯ ПРИ ДАРЕ И КАЛЛИНИКЕ В ВОСТОЧНОЙ КАМПАНИИ ЮСТИНИАНА

Е.В. ГУЩИН

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Johngushin@yandex.ru

В работе рассматриваются два наиболее ярких эпизода военного дела Ранней Византии эпохи Юстиниана в ходе войн с Сасанидским Ираном – битвы при Даре и Каллинике.

Ключевые слова: Юстиниан, Иран, войны, сражения.

Изучение реставрационной политики Юстиниана ставит вопрос о роли и месте его полководцев в этих событиях. Источники, которыми мы можем воспользоваться, достаточно обширны¹. В отечественной дореволюционной историографии исследовались проблемы общего плана, и не выделялось отдельных аспектов. Ю.А. Кулаковский в «Истории Византии» рассматривал восточные дела Юстиниана, хронологически описывая события так: Война с Персией. Смерть Кавада и вступление на царство Хосрова. Вечный мир². Работа Ф.И. Успенского также довольно обширна. Однако, в ней уже выделяются сподвижники византийского императора: «Вспомним Велисария и Нарсеса, Феодору и Антонину и многих других – это большие характеры!»³. В научном наследии византиниста и арабиста А.А. Васильева также важное место занимают работы общего плана, охватывающие всю историю Византии вплоть до падения Константинополя в 1453 г. Войны с Персией исследователь рассматривает в контексте «заслона» на востоке: «Кроме того, переброска сил на запад должна была отразиться на восточной границе...»⁴ Также Васильев отмечал, что оборонительные войны Юстиниана были всегда менее удачны, чем наступательные. Советская историография в основном изучала проблемы генезиса феодализма и классов. Следует выделить работы Курбатова, Чекаловой и Сиротенко⁵, в которых рассматриваются отдельные проблемы в контексте нашей темы. Из современных отечественных работ, посвященных военным мероприятиям Юстиниана, следует отметить труд П.В. Шувалова⁶, который подробно рассматривает военную организацию, тактику и стратегию Византии, анализирует причины побед и неудач в отдельных битвах.

Из зарубежных исследований выделим работы Егера, Диль, Осареса, Бейкера, Джонса⁷. Современные западные труды, к сожалению, не переведены, однако используя их в оригинале, мы можем получить массу сведений⁸.

¹ Аммиан Марцелин. История / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 1996; Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. Пер. М.В. Левченко. М.–Л. Академия наук СССР, 1953; Агафий. О царствовании Юстиниана // Вестник древней истории. 1941. №1. С.246; Аноним Византийский. Инструкции по полиоркетике // Вестник древней истории. 1941. № 3-4. С. 412-446; Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб., 2000; Марцелин Комит. Хроника. Белгород, 2010; Рескрипт Валента от 377 г. н.э. // Codex Justinianus / Хрестоматия по истории древнего Рима. М., 1962. С.579-580; Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела // ВДИ. 1940. № 1. С. 231-293; Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965.

² Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 2. СПб., 1996. С. 56.

³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Становление. М., 1996. С. 267.

⁴ Васильев А.А. История Византийской империи. СПб., 1998.

⁵ Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984; Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты. Л., 1991; Курбатов Г.Л. Византия в 6 столетии. Л., 1959; Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. М., 2010; Сиротенко В.Т. История международных отношений в Европе во второй половине 4 – начале 6 в. Пермь, 1975.

⁶ Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. СПб., 2006.

⁷ Егер, Оскар. Всемирная история: В 4 т. Т. 2. Средние века. М., 1999; Диль, Шарль. История византийской империи / под редакцией Б.Т. Горянова М., 1948; Бейкер, Джордж. Юстиниан. Великий законодатель. М., 2004; Осарес Ф. Византийская армия в конце 6 в. СПб., 2007; Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов н/Д., 1998; Диль Ш. Юстиниан и Византийская цивилизация в шестом веке. СПб., 1908.

⁸ A Companion to Byzantium / Edited by Liz James. Blackwell Publishing, 2010; Bandmann G. Early medieval architecture as bearer of meaning. Columbia University press, 2005; Oman C.W. The Byzantine Empire. London, 1892; Cameron, Av. The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395–600. L.; N.Y., 2000; Lee A.D. War in late antiquity: a social history. Blackwell Publishing, 2007.

Нам представляется, что изучение деятельности высших офицеров Юстиниана возможно только с привлечением широкого круга источников и западной литературы.

Самым опасным противником Византии была Сасанидская Персия, которая контролировала на тот момент территорию современных Ирака, Ирана и Афганистана⁹. Стремясь обезопасить себя от грозного противника, в начале 528 г. Юстиниан вмешивается во внутриарабскую борьбу между Аретой и Аламундаром. В том же, 528 г. потерпело неудачу вторжение персов в Армению. Сасаниды активно прибегали к вторжениям на территорию Византии как к средству получения дополнительных средств, основными целями были Кавказ и сирийские города¹⁰. Весной того же года дукс Дары Велизарий получил приказ быстро построить под носом у персов новую крепость между Дарой и персидским Нисибином¹¹. Сасаниды пытались предотвратить укрепление Минда, что послужило поводом к началу войны. Юстиниан назначил Велизария командующим войсками в епархии Ориенс, с инструкциями к укреплению Нисибина¹². Прокопий Кесарийский нам сообщает: «Произошло жестокое сражение; римляне оказались побеждены и подверглись страшному избиению...» (Просор. Pers. 1, 13. 6–8). Территория, выбранная для строительства укреплений, была потеряна. Юстиниан, очевидно, составивший уже определенный план для ведения войны на Востоке, поручил командование восточными войсками Велизария и дал ему значительные военные силы, собранные в европейских провинциях и состоявшие большей частью из иноземных дружин¹³.

В 530 г. под Дарой произошло новое столкновение между персами и византийцами. Прокопий дает детальное описание расположения армий противников: «Край прямого левого рва, который подходил к поперечной траншее, вплоть до находившегося здесь холма занял Вуза с многочисленной конницей и герул Фара с тремястами своими соплеменниками. Направо от них, снаружи рва, в углу, образованном поперечной траншеей и прямо идущим рвом, стояли Суника и Эган, массагеты родом, с шестьюстами всадниками с тем, чтобы они в случае, если отряды Вузы и Фары обратятся в бегство, двинулись наискось и, оказавшись в тылу у неприятеля, быстро смогли помочь находившимся там римлянам. На другом крыле всадники были выстроены подобным же образом. Край прямого рва занимали многочисленные всадники, которыми командовали Иоанн, сын Никиты, Кирилл и Маркелл; с ними были Герман и Дорофей; в углу, который был в правой стороне, были поставлены те шестьсот всадников, которыми командовали массагеты Симма и Аскан, для того чтобы, как сказано выше, в случае бегства отряда Иоанна, они, двинувшись отсюда, зашли бы в тыл персам. Вдоль всего рва стояли отряды всадников и пешее войско. Позади них, в самой середине, находились воины Велизария и Гермогена» (Просор. Pers. 1, 13. 20–24.)¹⁴.

План Велизария в битве при Даре носил оборонительный характер, ввиду численного превосходства противника. Расположение перед флангами вала в стороне от центрального участка рва двух отрядов кавалерии, с тем, чтобы они первыми приняли на себя удар передовых линий персов, безусловно, говорят об оборонительном плане боя. На флангах византийцы сконцентрировали более плотные кавалерийские массы, которые должны были ударить по персам и поддержать в бою сторожевые части перед валом. Основные силы пехоты и кавалерии византийцев стояли в центре. Здесь же располагалась и ставка самого Велизария.

В первый день сражения отряд персидских всадников, который находился у них на правом фланге, двинулся против Вузы и Фары. Те были вынуждены отступить. Но персы не стали их преследовать, а остались на месте, видимо, боясь окружения. Тогда отступившие византийцы вернули утраченные позиции. Войско Вузы и Фары вернулось на прежнее место (Просор. Pers. 1, 13. 28.). Таким образом, решающее сражение было перенесено на следующий день.

⁹ Lee A.D. War in late antiquity: a social history. Blackwell Publishing, 2007. P. 3.

¹⁰ Сиротенко В.Т. История международных отношений в Европе во второй половине 4 – начале 6 в. Пермь, 1975.

¹¹ Lee A.D. War in Late Antiquity/ First published 2007 by Blackwell Publishing Ltd. 2007. P. 5.

¹² Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. С. 230.

¹³ Mitchell, Stephen. A history of the later Roman Empire. Wiley, 2006. P. 133.

¹⁴ См. прил. № 1.

До середины дня ни те, ни другие не начинали боя, однако к персам подошло подкрепление. Первоначально враги обстреливали друг друга из луков, но особенного успеха персы не имели: их луки были короче и слабее римских, да и встречный ветер ослаблял силу стрел¹⁵. После перестрелки противоборствующие стороны приступили к более решительным действиям. Сложное положение создалось у римлян на левом фланге. Кадисины, которые сражались здесь под началом Питиакса, обратили в бегство часть римлян. Увидев это, люди Суники и Эгана стремительным броском ринулись на врагов. Неприятель был разгромлен совершенно, так как римляне, соединив вместе все находившиеся здесь войска, учинили страшное избиение варваров (Procop. Pers. 1, 14. 42.). Тем временем персы перевели на левый фланг большое число воинов, в том числе всех так называемых бессмертных. Велизарий и Гермоген велели Сунике и Эгану с их шестьюстами воинами двинуться на угол правого фланга, где находились войска Симмы и Аскана, а позади них они поставили многих из личного войска Велизария. Персы, не выдержали встречной контратаки. Римляне разрезали их отряд надвое¹⁶. Таким образом, оба войска полностью покинули свои места: войско персов для отступления, войско римлян для преследования (Procop. Pers. 1, 14. 52)¹⁷. Это была первая очевидная победа в противоборстве с Персией на памяти живущих, и прозвучала она как призыв к возрождению империи¹⁸.

Нужно полагать, что победу римлянам принесла кавалерия, вовремя введенная в дело против наступающих персов, а также ее высокая выучка и слаженное выполнение боевых маневров. Нельзя забывать, что во вспомогательных и регулярных императорских войсках основной силой была кавалерия. Страницы трудов Прокопия Кесарийского дают нам достаточно свидетельств того, что в обоих этих формированиях конница составляла важнейшую часть.

Персы были разбиты на правом и левом крыле и обратились в бегство, но Велизарий удержал своих воинов от продолжительного преследования побежденного неприятеля, опасаясь засады¹⁹. Также следует отметить, что византийцы использовали полевые фортификационные укрепления. И раньше римские армии использовали оборонительные сооружения для прикрытия своих позиций - и Сулла, и Юлий Цезарь иногда защищали свои фланги траншеями, насыпями и фортами, - но нет никаких аналогов решениям Велизария, вырывшего траншею на всю ширину фронта. Еще одним возможным фактором, качнувшем чашу весов на сторону римлян, может быть степень ожесточенности сражения, так как всех без исключения пленных персов римляне казнили²⁰.

Вскоре после сражения были сделаны попытки заключения мира. Вначале переговоры шли успешно. Перемену в настроении Кавада приписывали тому, что к нему успело найти доступ посольство самаритян, отправленное к нему в начале восстания²¹. Вероятно, эти посланники обещали встать на сторону персов в случае поддержки ими Иерусалима.

Война продолжилась. Весной 531 г. большие силы персов под командованием Азарета вторглись в провинцию Евфратисию. Велизарий ограничился наблюдением, видимо, опасаясь открытого сражения. Тем временем, персы, построив осадные машины, взяли приступом Габалу. Посчитав, что добыча уже велика, неприятель не пошел к Антиохии, а стал лагерем неподалеку от Каллиника. Продолжавшиеся грабежи персов и подготовка их основных сил к переправе, действовали на византийскую армию удручающе. Однако, Велизарий отнюдь не стремился к сражению: «Куда вы стремитесь, римляне, ради чего хотите вы подвергнуться совершенно ненужной опасности? Если мы заставим их против их воли отказаться от своего решения отступить и вынудим вступить с нами в бой, то, одержав победу над ними, мы не получим никакой выгоды: к чему обращать в бегство бегущего?» (Procop. Pers. 1, 18. 17 - 23). Воины позволяли себе сомневаться в решительности своего полководца и выражали общее недовольство ситуацией на Восточной границе, Ве-

¹⁵ Успенский Ф.И. История Византийской империи. С. 444.

¹⁶ Величко А.М. История Византийских императоров в пяти томах. Т. 2. М., 2009. С. 69.

¹⁷ См. прил. № 2. Заключительный этап сражения у Дары.

¹⁸ Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. С. 227.

¹⁹ Браунворт Л. Византия которая спасла Запад. М., 2012. С. 111.

²⁰ Lee A.D. War in Late Antiquity. Blackwell Publishing Ltd. 2007. P. 129.

²¹ Оман Ч. Военное искусство в Средние века. М., 2011. С. 30.

лизарий же заявил о нетерпеливости и недисциплинированности подчиненных²². Также, возможно, близость праздника Пасхи не способствовала высокому боевому духу римлян²³.

Исходя из обращения византийского полководца, можно сделать вывод об изначально проигрышной позиции римлян. В первую очередь, это скорый марш по пустыне, отсутствие должного количества мощной кавалерии, недостатки командования. С политической же точки зрения победа была необходима, т.к. Юстиниану требовался скорый мир на приемлемых условиях. Исходя из этих соображений, а также, возможно, держа в памяти недалекую победу при Даре, Велизарий дает сражение 19 апреля 531 г.

Магистр Востока Велизарий располагал общей численностью войск около 20 тыс., которые включали в себя римскую и союзную конницу, а также пехоту. По плану сражения византийская армия должна была преследовать отходящие персидские части, которые имели примерно равные силы по численности, но превосходящие римлян по качеству. Речь идет о союзных арабах во главе с Аламундаром и об отличной кавалерии.

Построение византийских частей представляло собой наполовину усеченное полное построение, т. к. левый фланг был прижат к реке, и левая мера отсутствовала. После продолжительной перестрелки началась решающая фаза сражения. Тогда самые лучшие персидские воины, договорившись между собой, бросились на правое крыло римлян, где стояли Арефа и сарацины (Procop. Pers. 1, 18. 35). Последовавшее поражение византийской конницы на этом участке фронта предопределило судьбу боя²⁴. Из состава римских войск особенно тяжело пострадали исавры, составлявшие пехоту, гунны потеряли 800 человек во главе с храбрым вождем Асканом, много людей потонуло в Евфрате во время бегства²⁵. Но, несмотря на общее поражение, Велизарий не полностью потерял руководство над оставшимися частями армии, которые отступили на острова и Каллиник. Персы смогли беспрепятственно переправиться через Евфрат.

Причины неудачи в этом бою схожи с причинами успеха при Даре. Вновь заявившая о себе, как основополагающий род войск, кавалерия была лучшей у персов. По всей вероятности, исход сражения зависел от нанятой варварской конницы, которая не была достаточна против превосходных по числу персидских сил²⁶. Как отмечает Мишель Каплан, военные реформы Юстиниана были направлены на общее сокращение численности войск с 500 000 до 150 000, при увеличивающейся роли кавалерии²⁷.

Но ни одной из сторон не удалось захватить одного важного укрепленного пункта, и после смерти Кавада его сын Хосров заключил мир с империей²⁸. В конце 532 г. был заключен т.н. вечный мир между Персией и Империей с признанием старых границ. Интересы Велизария обратились к бывшим африканским владениям Византии, захваченными вандалами в V веке²⁹. «После долгого и огромного труда, который с напряжением сил римляне вели против мидийцев, при посредстве послов, которые оба были посланы нашим императором, патриция Руфина и магистра официий Гермогена, с парфянами был заключен мир, и во время утверждения клятв заключенного мира оба императора во имя согласия послали друг другу дары» (Marcel. Com. 533.).

Граница между государствами признавалась прежняя, но с условиями переноса ставки начальника войск Месопотамии из Дары в Константинопу, а также особой статьей договора определялись отношения империй на Кавказе³⁰. Дорого обошлось Византии заключение мира с Ираном: по условиям договора 532 г. империя обязывалась выплачивать персам 11 тыс. фунтов золота³¹. Хотя условия договора были связаны с тяжелыми денежными жертвами, и империя признавала себя побежденной стороной, Юстиниан славил этот мир как знамение благоволения Божие к его державе³².

²² Walter E.K. Byzantine military unrest, 471-843. An interpretation 1981. P. 65.

²³ Lee A.D. War in Late Antiquity. Blackwell Publishing Ltd. 2007. P. 189.

²⁴ См. прил. № 3. Разгар боя при Каллиника. Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. С. 278.

²⁵ Кулаковский Ю.А. История Византии. С. 64.

²⁶ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Становление. С. 447.

²⁷ Каплан М. Византия. М.: Вече, 2011.

²⁸ Oman C.W. The Byzantine Empire. London, 1892. P. 74.

²⁹ Мингазов Ш.Р. Исторические хроники об участии тюркоязычных болгар (булгар) в карфагенском походе Велизария (533-534 гг.) // Вестник Военного университета. 2011. № 4 (27). С. 125-129.

³⁰ Shepard J. Cambridge History of the Byzantine Empire c.500-1492. 2008. P. 135.

³¹ Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. С. 51.

³² Кулаковский Ю.А. История Византии. С. 67.

Рис 1. Расстановка войск перед началом сражения около Дары.

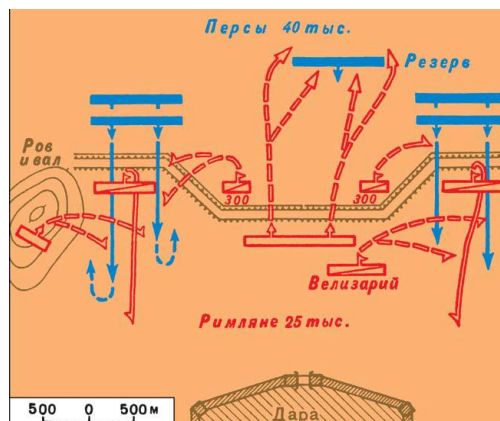

Рис 2. Заключительный этап сражение у Дары³³.

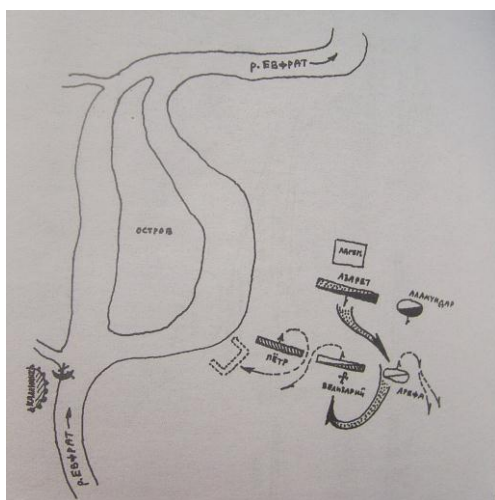

Рис. 3. Разгар боя у Каллиника³⁴.

BATTLE OF DARA AND KALLINIKOS IN EASTERN CAMPAIGN OF JUSTINIAN

E.V. GOUSHCHIN

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Johngushin@yandex.ru

The paper deals with two of the most striking episodes of military affairs Early Byzantine era Yus-Tinian during the wars with Sassanid Iran - Battle of Dara and Kallinikos.

Keywords: Justinian, Iran, war, battle.

³³ Все войны мировой истории по Харперской энциклопедии военной истории / Р.Э. Дюпои и Т.Н. Дюпои. Т. 1. СПб., 2003. С. 428.

³⁴ Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. С. 278.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОГО ПРАЗДНИКА ПАСХИ И ЕГО МЕСТЕ В ГОДОВОМ БОГОСЛУЖЕБНОМ КРУГЕ

А.Д. СТРЖАЛКОВСКАЯ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Strzhalkovskaya@bsu.edu.ru

В работе рассматривается христианский праздник Пасха и его место в годовом богослужебном круге, споры по вопросу времени празднования. Приводятся сведения о I Вселенском соборе, окончательно установившем время празднования Пасхи и великий пост.

Ключевые слова: христианство, Пасха, годовый круг, праздник.

С самого начала существования христианства год для христиан начинался с Пасхи или Воскресения Христова. Уже из названия видно, что этот праздник должен был приходиться на воскресенье. В I в. это был чуть ли не единственный чисто христианский праздник: Воскресным днем, по всей видимости, и исчерпывался круг праздников юной Церкви. Христианская Пасха уже в то отделялась время от иудейской традиции¹. Причиной этому было то, что Крестная Смерть Христа по описанию в Евангелиях происходила в пятницу перед празднованием иудейской Пасхи: «Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестый. И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш!» [Ин 19;14]. День Смерти (пятница) и следующий день суббота были для христиан днями великой скорби и сопровождалась постами; это не совпадало с иудейским праздником.

Доникейский период I-III вв. считается временем гонений и мученичества христиан. Эти события вносят свой вклад в формирование церковного богослужебного года в целом. Историки много рассуждали о причинах гонений. Наиболее ёмок взгляд на этот счет у В.В. Болотова² в его «Истории Древней церкви». Схожие с ним мнения об отношении римлян к религии есть и у зарубежных исследователей³. Но, возвращаясь к нашей теме, следует отметить, что именно гонения на христиан привнесли в годовую круг дни поминовения мучеников. Но всегда главное место в годовом круге занимала Пасха.

Во II веке разгораются споры о времени ее празднования. Несомненно, что в это время уже читается особым образом годовая день смерти и воскресения Христова, т.е. праздник Пасхи (существование его в апостольский век только вероятно). Драгоценный в этом отношении отрывок из письма св. Иринея, еп. Лионского, к римскому еп. Виктору, сохраненный Евсевием, проливает свет на первоначальный характер праздника Пасхи. Послание написано по поводу споров о времени празднования Пасхи, начавшихся еще при св. Поликарпе, еп. Смирнском (167 г.). С еще большей силой эти споры продолжились при св. Иринея, еп. Лионском (202 г.). Споры касались того, праздновать ли Пасху вместе с иудейской в 14-15 день первого весеннего лунного месяца (нисана), или в первое за этим днем воскресенье⁴.

Перед Пасхой был пост, который потом стал называться Великим, о его протяженности и степени строгости во II веке также шли споры, а порядок следования поста в разных областях был различен. Пасхальный пост, по свидетельству св. Иринея, продолжался, где день, где два, где еще дольше; где охватывал промежуток времени 40 часов. Руфин в начале V в. усматривал у св. Иринея Лионского намек на 40-дневный пост⁵.

В IV веке изменяется отношение императорской власти к христианству. Как пишет Эрмий Созомен, «с того времени, христиане как бы совершенно овладели правительственными должностями Римской империи; а язычникам запрещено было приносить жертвы, обращаться к оракулам и таинствам, проставлять идолов и совершать языческие

¹ Шафф Ф. История христианской церкви. Т. 3. СПб., 2007. С. 269-275.

² Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. СПб., 1907. Т. III, ч. 2.

³ См.: Mitchell S. A history of the later Roman Empire, AD 284-641. L., 2007. 469 p.

⁴ Скабаланович М. Толковый типикон. М., 2004. С. 64.

⁵ Там же. С. 65.

празднества... Что же касается молитвенных домов, то одни из них, имевшие достаточную величину, были исправлены, другие превосходно отделаны и распространены в высоту и широту, а где их вовсе не было, там они построены с основания⁶». Императорская власть уже не только лояльно относилась к христианам, но и помогала в разрешении некоторых спорных вопросов⁷.

В IV в. был окончательно решен вопрос о времени празднования Пасхи. I Вселенский Собор (325 г.) постановил праздновать ее в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния (21 марта). Об этом объявляли особым окружным посланием, и императорский эдикт в этот день давал амнистию всем преступникам (не убийцам). Сам ритуал Пасхи был еще во многом схож с ритуалом III века⁸. На I Вселенском соборе основным вопросом было обсуждение арианской ереси, но решались еще и другие важные церковные вопросы. Одним из них, как выше упоминалось, был спор о праздновании Пасхи. У Эрмия Созомена по этому поводу записано так: «Когда же в Египте спор до того усилился, что слух о нем дошел до двора; то царь Константин немало огорчен был этим, боясь, как бы разномыслие касательно догматов, при самом начале возрастания веры, не отвратило многих от христианства. И в этом явно винил он, как Ария, так и Александра. В своём послании к ним он укорял их, что по излишней ревности к противоречию, они начали спорить о таком предмете, о котором сперва не следовало бы ни спрашивать, ни мыслить, а если уже помыслили, то надлежало бы молчать о том... Не менее прискорбно ему было слышать, что некоторые совершают праздник Пасхи не вместе со всеми; ибо тогда в городах востока иные разногласия между собою касательно сего предмета, удалялись от взаимного общения, совершали праздник более по иудейски, и разномыслием в этом отношении явно вредили светлости торжества. Посему он начал стараться, чтобы Церковь была безмятежною в том и другом отношении. Он послал от себя мужа и поручил примирить споривших в Египте касательно известного догмата и разногласивших на востоке во времени празднования Пасхи. Этот посланный был кордовский епископ Осия⁹».

Далее, о решениях собора, Эрмий Созомен пишет, что по вопросу о догмате Собору угодно было постановить, чтобы и праздник Пасхи совершался всегда в одно время¹⁰.

Император Константин решил для решения спорных дел созвать Вселенский собор. Предстоятелям всех Церквей предписано было собраться в Никее, в Вифинии. Всего собралось 318 епископов. Римский епископ не мог явиться лично по причине глубокой старости и прислал от себя двух пресвитеров Витона и Викентия. Вместе с епископами на собор прибыло много пресвитеров и диаконов, из которых особенно был известен Афанасий диакон, (впоследствии, епископ александрийский), прославивший себя в состязании с арианами. Тогда же в Никею прибыли и некоторые языческие философы¹¹.

После низложения Ария и его учения собор рассуждал о других важнейших вопросах в Церкви. Собор постановил праздновать Пасху во всей Церкви в одно время, а именно: в первый воскресный день после, полнолуния произошедшего после весеннего равноденствия. С этого времени был введен и пасхальный круг для руководства в определении дня Пасхи на каждый год¹².

После I Вселенского собора день празднования Пасхи стал высчитываться именно таким образом. И после этого церковный год разделился на два цикла, один из которых был неподвижный, т.е. все праздники имели определенную дату, и подвижный цикл, праздники в котором изменялись относительно даты празднования Пасхи.

Никейский собор, по словам Сократа Схоластика, состоялся «в консульство Павлина и Юлиана, в 20 день месяца мая, в 636 год от Александра царя македонского». Это 325 год по Р.Х., или 20-й год царствования Константина. Деяния (акты) Никейского со-

⁶ Эрмий Созомен. Церковная история. СПб., 1851. С. 33-34.

⁷ Mitchell S. A history of the later Roman Empire, AD 284-641. L., 2007. P. 347; Rives J.B. Religion in the Roman Empire. Blackwell publishing, 2007. P. 209.

⁸ Там же.

⁹ Эрмий Созомен. Церковная история. СПб., 1851. С. 60-62.

¹⁰ Там же. С. 72.

¹¹ Там же. С. 10.

¹² Там же. С. 12.

бора в непосредственном виде не дошли до нас¹³, но собраны в более позднее время в различных редакциях.

После I Вселенского собора в церковном году появились подвижные праздники и события. Это праздники, празднуемые в рамках подвижного годового богослужебного круга: Вознесение (начало этому празднику положило освящение в 330 г. базилики, заложной еще императрицей Еленой на Масличной горе) и Пятидесятница¹⁴.

Подвижный годовой круг соотносился кроме Пасхи и с Великим Постом, который в IV веке становится «Четыредесятницей», т.е. достигает сорока дней. Об этом сообщает св. Афанасий Великий в Посланиях IV-V (332-333 гг.). Первоначально главным в посте был не вид пищи, а час вкушения (отменяли завтрак)¹⁵. Уже позднее, в V веке, к ограничениям во времени добавляются пищевые ограничения. В подражание подвижникам предпочитали хлеб и овощи. Рыба дозволялась, так как проклятие, связанное с грехопадением, было направлено на землю, а не на воды. К тому же рыба является древним символом Христа и принадлежит стихии, с которой связано крещение. В воскресенье и литургически связанную с ним субботу пост прерывался. Иоанн Златоуст называл их днями отдыха от поста. Но постепенно пищевые ограничения распространились и на эти дни. Завершением Великого Поста была Страстная седмица. Это были дни особой аскезы. Начинаясь она со дня Входа Господня в Иерусалим и заканчивалась Пасхой¹⁶. Праздники Вход Господень в Иерусалим¹⁷ и Пятидесятница¹⁸ неразрывно привязывались к Пасхе.

У М.Э. Поснова есть интересное замечание, где он, описывая годовой богослужебный круг, утверждает, что в некоторых подвижных праздниках христианская Церковь отчасти унаследовала что-то из обрядов синагоги. Христиане не сохранили всех иудейских праздников, а в тех, какие удержали, придали им смысл христианских верований. Сохранились только Пасха и Пятидесятница. Впрочем, удерживая эти древние праздники, Церковь соединила с ними воспоминания о Христе и Св. Духе¹⁹.

Как обобщение вышесказанному о Пасхе, Великом посте и Пятидесятнице, можно отметить, что главный праздник христиан - Св. Пасха - был прославляем, как день Крестных Страданий, Смерти и Воскресения Иисуса Христа. Пасхе предшествовала продолжительная подготовка, которая состояла в пощении (посте). Этот пост, называемый Великим, пережил много изменений - с точки зрения продолжительности и строгости соблюдения. Хорошо известно, что во времена св. Ирины (II в.) пост соблюдался по-разному: одни постились один только день, другие два, некоторые большее число; иные оставались только 40 часов без всякой еды (Eus. Hist. Eccl. V, 24). Тертуллиан (De jejuniis II, 13-14; De oratione XVIII) знал лишь торжественный пост, предписанный Церковью. Он свидетельствует, что под постом понимались дни, на которые торжественно обязывались с пятницы до воскресения (т.е. Пасхи). В Александрии в середине III в. постились всю седмицу пред Пасхой - одни подряд, другие с интервалами. Наконец, в последние десятилетия III в. или в начале IV в. устанавливается пост перед Пасхой - «четыредесятница». Пасха означала то целую страстную седмицу, или весь торжественный праздник, или один-два дня недели. Это ясно следует из 5-го канона 1-го Вселенского Собора.

Итак, в первые века христианства в церковном году отмечались только дни памяти мучеников и Пасха, причем она праздновалась в разных областях империи в разное время. С IV века происходит разделение церковного года на подвижный и неподвижный за счет определения времени празднования Пасхи на I Вселенском соборе. В IV-V вв. в церковном году появляются другие праздники, ставшие в дальнейшем главными для христиан, так называемые двунадесятые праздники. Увеличение количества двунадесятых праздников в богослужебном году происходит до VIII века, но формирование основной части их круга заканчивается к концу VI в. Собственно, сам церковный год и впослед-

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. СПб., 1907. Т. IV. Отдел 1. Ч. 1.

¹⁵ Альмов В.А. Лекции по исторической литургике. СПб., 2005. С. 140.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Христианский праздник, отмечаемый в воскресенье (неделю), предшествующее Неделе Пасхи, то есть шестую Неделю Великого Поста.

¹⁸ Праздник, отмечаемый на 50-й день после Пасхи.

¹⁹ Поснов М.Э. История Христианской Церкви. Киев, 1991. Ч. 1, гл. 5.

ствии продолжал еще дополняться памятными днями, событиями, требующими особого празднования или поминовения.

ON THE QUESTION OF THE HISTORY OF THE CHRISTIAN FEAST OF EASTER IN THE ANNUAL LITURGICAL CIRCLE

A.D. STRZHALKOVSKAYA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Strzhalkovskaya@bsu.edu.ru

The paper deals with the Christian holiday of Easter and its place in the liturgical year round. Disputes over time celebration. Provide information in the I Ecumenical Council finally established the celebration of Easter and Lent.

Keywords: Christianity, Easter, the annual circle celebration.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ГЕТЕРИЗМА

Д.Г. ТИМЧЕНКО

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский университет*

e-mail: ehyurova-diana@yandex.ru

В работе рассматриваются историографические аспекты комплекса проблем, связанных с историей гетеризма и проституции в Ранней Византии. Автор выделяет хронологические этапы и тематические блоки, связанные с данной проблемой, приходя к выводу о том, что в большей степени изучены морально-этические и экономические стороны ранневизантийской проституции. Комплексное исследование в русле теории континуитета пока еще не было проделано.

Ключевые слова: гетеризм, историография, Ранняя Византия, проституция, Поздняя античность, континуитет.

Античный гетеризм был одним из специфических феноменов классической цивилизации, который, хотя и отличался по ряду характеристик от древневосточной проституции, тем не менее, присутствовал в античном мире и в значительной степени открыл историю данного явления в истории Европы. Ранневизантийский гетеризм в пределах IV – I пол. VII вв., будучи генетически античным институтом, во многом сохранил свои традиционные основы и инкорпорировался в новую историческую эпоху. Главное новшество заключалось в христианизации населения империи и в выработке христианской церковью отношения к этому древнему феномену. При этом политика государства с переездом империи в Константинополь принципиально не изменилась по сравнению с римским периодом.

Историческая наука нового и новейшего времени обратилась к изучению данного феномена далеко не сразу. В течение XIX – начала XX вв. интерес к истории проституции сосредоточился скорее в кругах публицистов, общественных деятелей, медицинских кругов в связи с современным для тех лет состоянием проблемы.

Конфессиональный взгляд того времени на ранневизантийскую проституцию был крайне далек от научного и морально отрицал существование института гетеризма в христианской империи Ранней Византии, несмотря на обилие текстов сочинений отцов церкви и житийной литературы о борьбе с рассматриваемым пороком.

В XIX столетии интерес к проституции как к злободневному социальному явлению породил определенное количество работ по общей истории проституции. Часть из них была издана и в России. Главным их достоинством было само обращение к теме, а также попытки связного изложения фактической истории гетеризма, начиная с античных времен.

Среди работ того времени ныне заслуживает определенного внимания книга И. Блоха¹. Подробно рассмотрев античную проституцию, в 5 главе автор касается проблем гетеризма в христианском обществе средних веков, однако, не затрагивая специально Раннюю Византию. Более подробно автор рассматривает лишь теоретические представления отцов церкви по данному вопросу, что было важным достижением для своего времени.

Книга Эдмона Дюпюи «Проституция в древности»² посвящена изучению данного института, его развития и эволюции, ограничиваясь античностью. Для изучения истоков гетеризма Ранней Византии эта работа достаточно важна, несмотря на свой популярный характер.

Биографический принцип положен в основу двухтомной книги Анри де Кока.³ Методологически данное сочинение целиком соответствует общему характеру историографии времени своего написания.

¹ История проституции. Авторизированный перевод с немецкого: С алфавитным указателем. Т. 1 / Блох И., д-р мед.; Пер.: Лурье-Гиберман П.И., врач. СПб., 1913. 716 с. Переиздание в сокращении. М., 1994. 544 с.

² Дюпюи Э. Проституция в древности. Кишинев, 1991. 292 с.; М., 2010. 272 с.

³ Кока, Анри де. История знаменитых куртизанок. М., 1872. 651 с., 721 с.

Этнические особенности проституции рассматриваются в историческом контексте в сочинении П. Дюфура⁴, однако, уже из названия ясно следует, что как античная, так и ранневизантийская разновидности гетеризма здесь не рассматривались специально.

Более узкие темы поднимает книга Ж. Марсиро⁵, и в этом плане она сохраняет несколько большее значение в наши дни, однако, ранневизантийский гетеризм и здесь специально не рассматривается.

Теоретическое обоснование женской проституции в медицинско-психологическом аспекте наиболее полно обосновал знаменитый в свое время Чезаре Ломброзо⁶. Его теоретические концепты активно применялись в исторических исследованиях, однако, сегодня мы должны отойти от крайностей ломброзианства и его подходов. Глава 2 «Проституция у исторических народов» построена автором во многом по изложению П. Дюфура. Важно выделение проституции храмовой, гражданской и «эстетической» в классической античности. В п. 4 главы 2 он касается Ранней Византии, но отмечает, вслед за Епифанием Саламинским, что проституция, как и сексуальный разврат в целом, характерны для еретиков, а не для христианского сообщества.

Приблизительно такие же оценки сегодня мы должны будем вынести не менее, а может быть, и более знаменитому в свое время сочинению Отто Вейнингера⁷.

По прошествии значительного времени история сексуальности на новом уровне получила глубокое философское обоснование в контексте сексуальной революции 2-й пол. XX в. в трудах выдающегося французского философа и культуролога Мишеля Фуко (1926-1984)⁸.

Дальнейший прорыв был сделан уже собственно историками, которые в духе гендерной парадигмы и концепции поздней античности обратились к истории античности и Византии.

Питер Браун⁹, «отец» теории поздней античности как самостоятельной транзитивной, но цельной эпохи, в которой существует сложная динамика старого и нового в системе «континуитет-дисконтинуитет», исследовал гендерную парадигму в раннехристианской традиции, рассмотрев практически всю западную и восточную патристику и отношение отцов церкви к женщине, полу, сексу и, отчасти, проституции. Разумеется, Браун считал позднеантичный гетеризм Ранней Византии феноменом, который из античности переходит в ранневизантийское время как элемент традиционный и сам по себе мало изменившийся.

Дальнейшее развитие такой подход получил в работах Джиллиан Кларк¹⁰, которая впервые прямо сопоставила языческий и христианский образ жизни женщины в поздней античности, частично коснувшись и рассматриваемого нами феномена.

Несмотря на то, что с 80-90-х гг. XX в. уже накоплен достаточный опыт исследований о гендерной ситуации ранневизантийского периода, авторы основных сочинений такого рода – Ж. Бокам¹¹, А. Арьява¹², Л. Джеймс¹³, К. Коннор¹⁴, Дж. Хэррин¹⁵, Э. Кларк¹⁶ – рассматривают лишь различные аспекты межличностных взаимоотношений в позднеан-

⁴ Дюфур П. История проституции романских, германских и славянских народов. СПб., 1907. 354 с.

⁵ Марсиро Ж. История сексуальных ритуалов. М., 1998. 320 с.

⁶ Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка. М., 2004. 302 с.

⁷ Вейнингер О. Пол и характер. СПб., 2012. 392 с. и др. издания.

⁸ Фуко М. История сексуальности. В 3 т.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. 448 с.; Фуко М. Использование удовольствий. СПб.: Академический проект, 2004. 432 с.; Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе. Киев - М., 1998. 228 с.

⁹ Brown P. The Body and Society. Men, Women and Sexual Renunciation in Early Christianity. New York, 1988; 12-е, юбилейное, издание: N.Y., 2008.

¹⁰ Clark G. Women in Late antiquity: pagan and Christian life-styles. New York, 1993.

¹¹ Beaucamp, Joëlle. Le statut de la femme à Byzance (4e-7e siècle): II: Les pratiques sociales / Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance, monogr. 6). Paris, 1992.

¹² Arjava A. Women and law in Late antiquity. New York, 1996.

¹³ James, Elizabeth. Women, Men and Eunuchs: Gender in Byzantium. L., 1997.

¹⁴ Connor, Catline. Women of Byzantium. Oxf., 2004.

¹⁵ Herrin, Judith. In search of Byzantine women: three avenues of approach // Images of Women in Antiquity / ed. Averil Cameron and Amélie Kuhrt. L., 1983. P. 167-189.

¹⁶ Clark, Elizabeth. A. Devil's Gateway and Bride of Christ: Women in the Early Christian World // Clark, E. Ascetic Piety and Women's Faith. Lewiston-Queenston, 1986. P. 23-60 и др.

тичное время, все они, так или иначе, следуют теоретическим концептам Питера Брауна и конкретно не рассматривают проституцию как феномен истории Ранней Византии.

Аналогичные подходы постепенно распространились и на смежные исторические периоды - на классическую античную историю – в данном случае, как фундамент ранневизантийской (Сьюзан Диксон специально рассмотрела различные стороны феномена римской женщины¹⁷); на средневековую - Ж.Л. Гофф в «Истории тела в Средние века» рассказывает о главных объектах дискуссий и конфликтов Средневековья о свободе, чувственности и сексуальности¹⁸.

В данный широкий исторический контекст также можно отнести обобщающие интернациональные труды, появившиеся с 80-х гг. XX в.: «История женщин»¹⁹ и «История частной жизни»²⁰.

Собственно история проституции долгое время являлась частью истории сексуальности. Работ на эту тему было написано немного. Для раскрытия истоков и специфики ранневизантийского гетеризма важна работа О. Кифера «Сексуальная жизнь в Древнем Риме»²¹.

Сексуальность в раннехристианской традиции и Ранней Византии по житиям святых стала предметом внимания А.П. Каждана в его новаторской статье²², затем в напущенной крупной монографии Виктории Буррус²³, а в более общем контексте – в работе Ангелики Лайу²⁴. Сексуальная эксплуатация детей в Ранней Византии обратила на себя внимание Й. Ласкаратоса и Е. Пулуилаку-Рембелаку.²⁵

Специально о проституции в античной и ранневизантийской традиции написано совсем немного исследований. Одной из первых и исчерпывающей работой для своего времени стала книга Алины Руссель «Порнея»²⁶.

Весьма важны книги Томаса Мак Гинна «Проституция, сексуальность и право в Древнем Риме»²⁷ и «Экономика проституции в римском мире»²⁸, вскрывающие основную проблематику различных сторон рассматриваемого явления. Правда, исследователь изучает в основном более ранний период. Ему же принадлежит своеобразное продолжение данной работы (написанное ранее), охватывающее период поздней античности²⁹.

Несколько уступает последним по глубине анализа исследование Б. Штуммпа³⁰, тоже посвященное римскому периоду.

Наконец, проституция собственно в Ранней Византии как особый социальный институт стала предметом рассмотрения фактически исключительно лишь в диссертации Ставрулы Леонтсини³¹, защищенной в Вене в 1989 г. Работа для своего времени явилась наиболее полным и глубоким исследованием, которое до сегодняшнего дня не «перекрыто» более новой монографией.

Помимо этой монографии специально по данной теме опубликовано лишь несколько статей. Ласло Йожа в сравнительно небольшой статье попытался проследить ис-

¹⁷ Dixon S. *Reading Roman Women. Sources, Genres and Real Life*. Duckworth, 2001.

¹⁸ Ле Гофф Ж., Трюон Н. *История тела в средние века*. М., 2008.

¹⁹ *История женщин*. Т. I. От древних богинь до христианских святых. СПб., 2014.

²⁰ *История частной жизни*. Т. I. От Римской империи до начала второго тысячелетия. М., 2014.

²¹ Кифер О. *Сексуальная жизнь в Древнем Риме*. М., 2003.

²² Kazhdan A. *Byzantine Hagiography and Sex in the Fifth to Twelfth Centuries* // DOP 1990. № 44.

²³ Burrus V. *The Sex Lives of Saints*. Philadelphia, 2004.

²⁴ Laiou A.E. *Sex, Consent and Coercion in Byzantium* // *Consent and Coercion to Sex and Marriage in Ancient and Medieval Societies* / Ed. A.E. Laiou. Washington, D.C., 1993.

²⁵ Lascaratos J., Pouluilakou-Rembelakou E. *Child sexual abuse: historical cases in the Byzantine Empire (324-1453 A.D.)* // *Child Abuse & Neglect*. 24. 2000. P. 1085-1090.

²⁶ Rousell A. *Porneia*. L., 1983.

²⁷ McGinn Th. *Prostitution, Sexuality and the Law in Ancient Rome*. Oxford, 2003.

²⁸ McGinn Th. *The Economy of Prostitution in the Roman World*. Ann Arbor, 2004.

²⁹ McGinn T.A.J. *The Legal Definition of Prostitute in Late Antiquity* // *Memoires of the American Academy in Rome*. 1977. T. 42.

³⁰ Stummp B.E. *Prostitution in der römischen Antike*. Berlin, 1998.

³¹ Leontsini S. *Die Prostitution im frühen Byzanz*. Wien, 1989.

торию проституции и педофилии на протяжении всей истории Византии.³² К сожалению, венгерский язык данной публикации делает ее малодоступной.

Категории наиболее дешевых, «трехгрошовых» проституток по сведениям Прокопия Кесарийского посвятил свою работу Барри Болдуин³³.

Феномен проституции в ранневизантийской Палестине был рассмотрен Клодин Дофен³⁴, сделавшей ряд важных наблюдений о фактическом существовании проституции в районах христианских паломничеств на Святой Земле. Археологический контекст этого же региона темы на примере раскопок в Скифополе (Бейт-Шеане) затрагивает Г. Мацор³⁵.

Этими работами зарубежная историография по данной теме практически исчерпывается.

В исследованиях на русском языке заявленная тема практически не рассматривалась.

В контексте анализа житий святых этой темы эпизодически коснулся еще в 1917 г. А.П. Рудаков в своем новаторском исследовании³⁶, которое, однако, не получило продолжения в отечественной науке.

Положение женщины в позднеантичном римском обществе рассматривает в одной из статей Е.В. Семененко³⁷.

Лишь С.Б. Сорочан в своем труде «Византия IV–IX веков: этюды рынка»³⁸ дает характеристику экономической стороны института ранневизантийского гетеризма. Единственная специальная статья на эту же тему данного автора³⁹ является самостоятельным более крупным очерком, написанным в развитие указанного сюжета, однако, хронологические рамки данной статьи охватили промежуток до IX столетия.

В более общем историческом контексте различных аспектов частной жизни женщины ранневизантийская проституция затронута в исследованиях Н.Н. Болгова и его соавторов⁴⁰, а также диссертациях Т.В. Смирницких⁴¹ и Ю.Н. Агарковой (Сбитневой).⁴²

В ряде наших работ последних лет тема ранневизантийской проституции обозначена как предмет для самостоятельного исследования.⁴³ Затронута данная тема и в более широком историческом контексте.⁴⁴

³² Józsa, László. Prostitúció és pedofília a Bizánci Birodalomban (324–1453) [Prostitution and child sexual abuse in Byzantine Empire (324–1453)] // *Művelődés-, Tudomány- és Orvostörténeti Folyóirat* [Journal of History of Culture, Science and Medicine]. Vol. 2. No.2. P. 34–51.

³³ Baldwin B. Three-Obol Girls in Procopius // *Hermes*. 1992. T. 120.

³⁴ Dauphin, Claudine. Brothels, Baths and Babes Prostitution in the Byzantine Holy Land // *Classics Ireland*. Vol. 3. 1993.

³⁵ Mazor G. City Center of Ancient Bet Shean – South // *Excavations and Surveys in Israel 1987/88 – 1987*. Vol. 6. P. 18–33.

³⁶ Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. Пг., 1917; СПб., 1996.

³⁷ Семененко Е.В. Положение женщины в римском обществе в IV–V вв. // *Кондаковские чтения–III*. Белгород, 2010. С. 169–173.

³⁸ Сорочан С.Б. Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 2001.

³⁹ Сорочан С.Б. Порни. О профессиональной проституции в Византии IV–IX вв. как сфере рынка торговли и услуг // *Древности 2012*. Харьков, 2012. С. 69–75.

⁴⁰ Болгов Н.Н., Сбитнева Ю.Н., Смирницких Т.В. Частная жизнь женщины в Ранней Византии. Белгород, 2009; см. также: Болгов Н.Н., Сбитнева Ю.Н. Соматические рефлексии и репрезентации ранневизантийской женщины // *Античная древность и средние века (АДСВ)*. Вып. 40. Екатеринбург, 2011. С. 31–39; Болгов Н.Н., Сбитнева Ю.Н. Ранневизантийский феномен святости раскаявшихся блудниц // *Nogčia*. Вып. VI. Воронеж, 2009. С. 208–214; Болгов Н.Н., Смирницких Т.В. От страстей греха к подвигу аскетизма: феномен святости раскаявшихся блудниц в Ранней Византии // *Проблемы истории, филологии, культуры*. XXI. М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2008. С. 589–596; Болгов Н.Н. К истории изучения частной жизни женщины в Ранней Византии // *Российское византиноведение. Традиции и перспективы*. М., 2011. С. 42–44; Болгов Н.Н., Смирницких Т.В., Будаева Н.С. Проституция в Ранней Византии // *Проблемы истории и археологии Украины*. Харьков, 2008. С. 88–89.

⁴¹ Смирницких Т.В. Характер и специфика частной жизни женщины в Ранней Византии. Автореф. дисс. Ставрополь, 2009.

⁴² Агаркова Ю.Н. Мораль и нравы ранневизантийского общества (конец IV – V вв.). Автореф. дисс. Белгород, 2013.

⁴³ Эюпова Д.Г. К истории проституции в ранневизантийской Палестине // *Проблемы истории и археологии Украины*. Харьков, 2014. С. 72; Эюпова Д.Г. Феномен проституции в Ранней Византии // *Науковий діалог «Схід – Захід»*. Ч. III. Кам'янець-Подільський - Дніпропетровськ, 2013. С. 17–19; Эюпова Д.Г. К вопросу об историографии института гетеризма в период поздней античности // *Классическая и византийская традиция*. 2011. Белгород, 2011. С. 182–184; Эюпова Д.Г. Гетеризм в Ранней Византии // *Классическая и византий-*

Таким образом, за последние четверть века (после книги С. Леонтисни) в мировой науке не было сделано нового специального исследования феномена ранневизантийской проституции, а отечественные исследователи не занимались данной проблематикой практически совсем. История ранневизантийского гетеризма в значительной степени еще не выделилась из истории сексуальной жизни или частной жизни в гендерном аспекте. Между тем, данная тема весьма важна в плане изучения процесса позднеантичного континуитета в ранневизантийский период.

TO THE HISTORY OF THE STUDY OF EARLY BYZANTINE HETAERISM

D.G. TIMCHENKO

*Belgorod National
Research University*

e-mail: ehypova-diana@yandex.ru

In this paper we consider the historiographical aspects of the complex issues related to the history hetaerism and prostitution in early Byzantium. The author identifies the chronological stages and thematic blocks associated with this problem, coming to the conclusion that the more studied ethical and economic aspects of early Byzantine prostitution. A comprehensive study in line with the theory of continuity has not yet been done.

Keywords: hetaerism, historiography, Early Byzantium, prostitution, Late Antiquity, continuity.

ская традиция 2010. Белгород, 2010. С. 67-70; Эюпова Д.Г. Мария Египетская – путь от гетеры до святой // Классическая и византийская традиция. 2009. Белгород, 2009. С. 119-122.

⁴⁴ Эюпова Д.Г. Законодательные основы гендерного положения женщины в поздней античности // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 1(172). Вып. 29. Белгород, 2014. С. 36-40; Эюпова Д.Г. Концепция тела, пола и секса в поздней античности // Одиссос. Актуальні проблеми історії, археології та етнології. III. Одеса, 2011. С. 220-222; Эюпова Д.Г. Питер Браун и его концепция тела, пола и секса в поздней античности («Тело и общество: мужчины, женщины и сексуальное воздержание в раннем христианстве») // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 7(102). Вып. 18. Белгород, 2011. С. 72-80.

ЛЕОБА: УЧЕНАЯ МОНАХИНЯ, АББАТИСА

Ю.М. ПРОГУНОВА

Ивановский государственный университет

e-mail: J_progunova@mail.ru

В статье на основании жития аббатисы монастыря Таубер-бишофсхайм Леобы, написанного Рудольфом из Фульды, рассматриваются пути приобщения англосаксонских и германских монахинь к образованию и латинской учености, восприятию современниками образованной женщины и его отражению в житийной литературе. Также затрагивается проблема родства в клерикально-монашеской среде и его роли в миссионерском движении англосаксов на континент.

Ключевые слова: женское монашество, англосаксы, миссионерство, Леоба, монастырское образование.

Исследования в области женской истории заняли прочные позиции в отечественной медиевистике. Предметом изучения становилось социально-экономическое и правовое положение женщины в средневековом обществе, ее место в христианской картине мира, социальной и семейной иерархии. Как показывают труды ряда отечественных и зарубежных специалистов¹, одной из наиболее перспективных сфер исследования является опыт женщин, посвятивших себя Богу и выбравших путь духовного служения. Средневековое женское монашество стало явлением более поздним по отношению к мужскому и, безусловно, развивалось вслед за ним². Тем не менее, оно имело свои отличительные особенности и характерные черты, следовательно, было неотъемлемой частью духовной жизни христианского Запада.

Чаще всего источниками о женском монашестве, особенно, если речь идет об эпохе раннего Средневековья, служат сочинения мужчин-клириков; тексты, в которых монахини говорят от первого лица, крайне редки. Это обстоятельство делает особенно ценным корпус писем епископа Винфрида-Бонифация (672-754), вошедшего в историю как «апостол Германии». Переписка, упорядоченная его наследником епископом Лулом (710-786), содержит, в том числе, десять писем, написанных англосаксонскими монахинями Бонифацию. Среди корреспонденток Бонифация особое место занимает монахиня обители Уимборн (Уэссекс) Леоба (ок. 700-780), которую епископ просил содействовать ему в проповеди Евангелия среди народов Германии, а также завещал похоронить с собой в одной гробнице³. В историографии встречаются разнообразные оценки заслуг Леобы: Й. Лортц сдержанно пишет о ней, как об одной из «талантливых женщин-благовестниц» в окружении Бонифация⁴, Н.Ю. Гвоздецкая ставит ее в начало вереницы «ученых леди», которые вносят значительный вклад в английскую интеллектуальную культуру⁵, Д. Вард отводит ей первое место среди помощниц Бонифация⁶. Таким образом, исследователи концентрируются, в первую очередь, на достижениях Леобы в качестве сподвижницы «апостола Германии», уделяя недостаточно внимания ее личному духовному пути, который отражает передовой женский интеллектуальный опыт VIII века.

«Житие св. Леобы», написанное около 836 г. монахом Рудольфом из Фульды, в содержательном плане представляет собой компиляцию четырех записанных воспомина-

¹ Бок Г. История, история женщин, история полов // Альманах THESIS. 1994. Выпуск 6 (Женщина, мужчина, семья). С. 170-200; Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999. 211 с.; Усков Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. Германские земли II/III-середины XI в. СПб., 2001. 506 с.; Фонне-Вампль С. Женщины от V по X века // История женщин на Западе: в 5 т. Т. II: Молчание Средних веков / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; К. Клаппин-Зубер; пер. с фр. под ред. Р.А. Гимадеева; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкирева. СПб., 2009. С. 171-201.

² Wemple S.F. Women in Frankish Society. Marriage and the Cloister (500-900). Philadelphia, 1981.

³ S. Bonifatii et Lulli Epistolae / Ed. M. Tangl // MGH, Epistolae Merowingici et Karolini aevi. T. 6. 1892. P. 129.

⁴ Лортц Й. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей: в 2 т. Т. I: Древность и Средние века / Пер. с нем. М., 1999. С. 197.

⁵ Гвоздецкая Н.Ю. Англосаксонская история в лицах и конфликтах. Иваново, 2001. С. 297.

⁶ Ward J. Women in England in the Middle Ages. Hambledon Continuum, 2006. С. 197.

ний четырех монахинь, лично знавших аббатису. Сочинение фульдского монаха не было первым в своем роде описанием жизни и чудес святых дев в западном христианском мире: к началу IX века были широко известны жития св. Радегунды, написанные поэтом Венанцием Фортунатом и монахиней Баудонивией, короткие жизнеописания англосаксонских святых (Этельтриты и Хильды), включенные Бедой Достопочтенным в «Церковную историю народа англов», похвала Альдхельма монахиням монастыря Баркинг в Уэссексе. Но прежде Рудольфа в центре внимания биографов святых дев были те качества, которые традиционно ценились у женщин, посвятивших себя Богу, – целомудрие, смирение, трудолюбие. Рудольф также превозносит св. Леобу за ее духовное подвижничество и миссионерские достижения. Тем не менее, автор жития постоянно напоминает читателю, что современники ценили Леобу не только за добродетельный образ жизни, но также за удивительно обширные познания как в церковных, так и светских науках. Агиограф святой пишет, что благодаря чтению и своему уму, полученным от Бога талантам и непрестанному труду святая стала необычайно образованной⁷. Рудольф не случайно обращает внимание на божественное происхождение талантов Леобы, подтверждая этот факт пророческим сном ее матери Эббы: долгое время бесплодной Эббе снился звонкий колокол в ее чреве, который, по предсказанию ее престарелой няни, предвещал рождение ребенка, посвященного Богу. Этот сон и его толкование предопределили судьбу юной Леобы – она была передана на воспитание аббатисе монастыря Уимборн Тетте. Интересна параллель этого сюжета о сновидении с аналогичным рассказом Беды Достопочтенного о св. Хильде, приведенном в «Церковной истории народа англов»: матери Хильды приснился сон, в котором она нашла под своей одеждой драгоценное ожерелье, свет которого озарил всю Британию. Беда пишет, что «это видение сбылось в ее дочери, поскольку ее жизнь была примером и светом не только для нее самой, но и для многих стремящихся жить праведно»⁸.

Логически сочинение Рудольфа делится на три части: в первой монах воздает похвалу наставнице Леобы – аббатисе монастыря Уимборн Тетте; во второй речь идет о жизни Леобы в монастыре и ее образовании, сделавшем ее знаменитой среди своего народа; заключительная часть жития повествует о Леобе как об аббатисе монастыря Таубербишофсхайм, ее смерти и чудесах, которые совершились рядом с ее могилой. Такая структура жития позволяет проследить путь образования Леобы, а также ее деятельность в качестве аббатисы.

Леоба происходила из знатной англосаксонской семьи. Известно, что еще при жизни Беды Достопочтенного (672–735 гг.) было принято отдавать детей на воспитание в монастыри⁹. Помня пророческий сон Эббы, также поступили и родители Леобы. В первую очередь, задачей монастырской школы было обучить девочек Священному Писанию, навыкам чтения и письма, возможно, это служило причиной тому, что в монастырь принимали детей не младше 6–7 лет¹⁰ (исключение составляли так называемые «облаты»). Леоба смогла преуспеть даже на этом этапе обучения и, по словам Рудольфа, не имела других интересов, кроме как монастырь и постижение небесных наук (*monasterium et caelestis disciplinae*)¹¹. Из жития следует, что основным способом обучения было чтение, как индивидуальное, так и коллективное, потому как сама Леоба постигала Слово Божье, читая или слушая чтение других (*ad legendum vel audiendum verbum Dei*)¹². Позднее, уже в Таубербишофсхайме, аббатиса совершенствовала эту практику: по ее просьбе монахини читали у изголовья ее постели Евангелие. Ее биограф даже приводит своеобразный биографический анекдот: монахини, читающие Леобе, специально пропускали буквы и слова, чтобы проверить, заметит ли спящая ту ошибку, и аббатиса каждый раз поправляла читавшую.

⁷ Vita s. Leobae auctore Rudolfo / Ed. G. Waitz // MGH Scriptorum, T. 15(1). 1887. P. 126.

⁸ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступит. ст., комм. В.В. Эрлихмана. СПб., 2001. С. 139.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Ekenstein L. Woman under monasticism. Chapters on saint-lore and convent life. Between a.D. 500 and a.D. 1500. New York, 1963. С. 48–49.

¹¹ Vita s. Leobae auctore Rudolfo / Ed. G. Waitz // MGH Scriptorum, T. 15(1). 1887. P. 124.

¹² Ibid.

Очевидно, желающие продолжить обучение и совершенствовать свои знания в монастыре, имели эту возможность. Из сочинения Рудольфа известно, что Леоба изучала каноническое право, постановления Вселенских и поместных соборов, а также основы грамматики и другие свободные искусства (*rudimenis grammatica et reliquis liberalium literatum studiis*)¹³. Как письменные, так и археологические источники подтверждают наличие монастырских библиотек и скрипториев в Уитби, Ярроу, Баркинге и других монастырях. Скорее всего, подобная библиотека была и в Уимборне, потому что Рудольф подчеркивает, что Леоба непрерывно читала и запоминала прочитанное. Установить, какой круг литературы формировался в библиотеке Уимборна, сложно, но известно, что одна из самых замечательных монастырских библиотек в Ярроу, собранная Бенедиктом Бископом, включала сочинения римских авторов (Юлия Цезаря, Светония, Евтропия), раннехристианских писателей (Евсевия Кесарийского, Павла Орозия, Сульпиция Севера, Проспера Аквитанского) и Отцов Церкви (Августина Блаженного, Григория Великого)¹⁴.

Также приобрести новые знания можно было, обучаясь у старших наставников и наставниц. Конечно, в первую очередь, это было духовное ученичество: например, Леоба старательно перенимала добродетели своих сестер, чем заслужила их искреннюю привязанность (*sique vitam suam instituens, ab universis sororibus puro diligebatur affectu, et ab omnibus discens omnibusque oboediens*)¹⁵. Сама Леоба в письме к Бонифацию говорит, что изучала искусство стихосложения, основываясь не только на собственных познаниях (скорее всего почерпнутых из книг), но также на наставлениях Эадбурги (? - 759 г.), аббатисы монастыря Танет (*Minster-on-Thanel*), которая, очевидно, была гораздо опытнее в этом искусстве. В качестве итога своих упражнений она отправляет стихотворение-пожелание, безыскусность (*rusticitatem*) которого просит исправить¹⁶.

*Господь Всемогуций, который один всё создал,
Тот, кто в Царстве Отца вечно светом сияет,
Тот, кто непрестанно сияющей славой Христа правит,
Да хранит тебя всегда извечным законом.*

Исследователи сходятся во мнении, что четверостишие, которое Леоба приводит в своем письме, написано в традиции, берущей начало со св. Альдхельма (639-709 гг.)¹⁷. Заслугой Альдхельма епископа Шерборнского стало объединение классического латинского стиха с островной традицией аллитерационного формульного стихосложения германских народов. Этим стихом были написаны и поэмы Альдхельма, и его знаменитый сборник загадок. Скорее всего, манера стихосложения Альдхельма приобрела популярность: в год смерти святого Эадбурга, наставница Леобы, была еще очень юна, чтобы учиться у него, значит, ко времени ее молодости было достаточно осведомленных учителей, способных обучать других.

Хотя интеллектуальные упражнения монахини занимают в сочинении Рудольфа центральное место, он также изображает духовное совершенство Леобы, отражением которого, по его мнению, и являются ее таланты. Согласно традиции, берущей начало еще от Цезария Арелатского, обязанностью монахини были молитва и исполнение других послушаний. Рудольф, подчеркивающий исполнение на практике всего, прочитанного Леобой, изображает ее монашество как отражение евангельских заповедей: она уделяла значительное время молитве, потому как апостол Павел завещал: «Непрестанно молитесь» (1-е Фес. 5:17); всё оставшееся время она посвящала рукоделию и смиренному исполнению послушаний, следуя словам Евангелия: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2-е Фес. 3:10).

Рубежом в жизни святой становится ее прибытие на континент во Франконию по призыву своего родственника епископа Бонифация. В концепции Рудольфа миссионерская жизнь Леобы является закономерным этапом ее жизни, ведь лишь когда монахиня

¹³ Ibid. P. 126.

¹⁴ Эрлихман В.В. Отец английской истории // Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос / Пер. с лат., вступит. ст. ком: В.В. Эрлихмана. СПб., 2001. С. 238.

¹⁵ Vita s. Leobae auctore Rudolfo / Ed. G. Waitz // MGH Scriptorum, T. 15(1). 1887. P. 125.

¹⁶ S. Bonifatii et Lulli Epistolae / Ed. M. Tangl // MGH, Epistolae Merovingici et Karolini aevi. T. 6. 1892. P. 281.

¹⁷ Olsen A. N. Eadburg, Lioba, Berhtgyth, and others women associated with Boniface. Режим доступа: <http://www.umilta.net/boniface.html>

своими добродетелями достаточно укрепляет свою душу, ей открывается ее предназначение. Однажды Леобе снится исходящая из ее рта пурпурная нить, которая становится в ее руках целым клубком. Одна из монахинь объясняет сон как предвестие великих свершений Леобы: нить при этом становится символом мудрых и душеполезных советов, а клубок обозначает тайну Божественного учения, которое святая будет распространять через свое подвижничество. Выбор автором образа нити для пророческого сна Леобы не случаен. Представление о женщине как о «пряхе мира» (*freoduwebbe*) имеет глубокие корни в англосаксонской культуре, и, в первую очередь, связано с силой слова, которому изначально придавалось даже сакральное-магическое значение¹⁸. Дальнейший жизненный путь Леобы стал подтверждением этому пророческому сну.

VIII век был расцветом монашества как в Британии, так и на континенте. В это столетие англосаксонские миссионеры прибывают на континент, чтобы проповедовать Евангелие среди германских народов. Наибольших успехов на этой почве достиг епископ Винфрид-Бонифаций, прозванный «апостолом Германии». По замыслу епископа склонять бывших язычников к христианству должны были не только слова проповедников, но и праведная жизнь обитателей монахов и монахинь, поэтому Бонифацием были основаны несколько монастырей. Рудольф в Житии Леобы упоминает лишь одна пару – мужской монастырь в Фульде (родной монастырь Рудольфа) и женский монастырь Таубербишофсхайм (*Tauberbischofheim*), основанный в середине 30-х гг. VIII в. во Франконии. Фульду возглавил ученик Бонифация Стурм, обучавшийся монашеской жизни в Монтекассино, во главе Таубербишофсхайма встала Леоба, прибывшая вместе с 30-ю монахинями из Уимборна, чтобы разделить с «апостолом Германии» его нелегкий труд. Безусловно, огромное значение в распространении славы о монастыре играла сама аббатиса.

Известно, что ко времени прибытия Леобы в Таубербишофсхайм там уже жила большая община сестер, нуждавшихся в достойной настоятельнице. Согласно житию, Леоба оказалась во главе обители «по причине ее мудрости и святой жизни», однако, немаловажным фактором было и ее родство с основателем монастыря. Маловероятно, что Бонифаций и Леоба были лично знакомы в Уэссексе: когда будущий епископ отплыл во франкские земли около 716 г., Леобе было около шести лет, и ей еще предстояло отправиться в Уимборн, или же она уже начинала обучение в нем. Тем не менее, в письме, датированном 1-й пол. 30-х гг. VIII в., Леоба обращается к Бонифацию, как к своему покровителю, на которого возложены все ее упования - ни на кого из рода людского столько надежды не возлагаю, сколько на тебя (*in nullo hominum generis mei tanta fiducia spei posita est mihi, quanta in te*)¹⁹.

Духовная привязанность Бонифация и его племянницы была взаимной, потому что после прибытия во Франконию Леоба пользовалась особым покровительством своего патрона. Таубербишофсхайм и Леоба, чьи добродетели были отмечены епископом в присутствии старших монахов Фульды, были вверены особой заботе Лула, преемника Бонифация. Однако истинным признанием заслуг Леобы стало пожелание епископа упокоиться в одной гробнице с аббатисой, с которой «они в своей жизни с одинаковым рвением и усердием служили Христу» (*qui pari voto ac studio in vita sua Christo servierant*)²⁰.

Действительно, Леоба с великим рвением принялась за устройство жизни монахинь во вверенной ей обители, опираясь при этом на традиции англосаксонского монашества. На континенте было правилом более строгое отношение к замкнутости монашеских обителей, чем на островах. Постановление Агдского собора 506 г. запрещало строительство мужских и женских монастырей вблизи друг от друга. Несколькими годами позднее «Правило для дев» Цезария Арелатского, которое долгое время было единственным ориентиром в женской монашеской жизни, предписывало исключить любое общение с мужчинами, как неизбежно ведущее к духовному падению. Англосаксонские обители были в меньшей степени подчинены этому запрету, что, в том числе, позволило укорениться в Британии ирландскому типу двойных монастырей, объединявших мужскую и женскую конгрегации. К такому типу монастырей относился и Уимборн, в котором выросла Леоба. Возможно, по этой причине Таубербишофсхайм был открыт для

¹⁸ Гвоздецкая Н.Ю. Англосаксонская история в лицах и конфликтах. Иваново, 2001. С. 283-284.

¹⁹ S. Bonifatii et Lulli Epistolae / Ed. M. Tangl // MGH, Epistolae Merovingici et Karolini aevi. T. 6. 1892. P. 281.

²⁰ Vita s. Leobae auctore Rudolfo / Ed. G. Waitz // MGH Scriptores, T. 15(1). 1887. P. 129.

странников и паломников, аббатиса устраивала трапезы, прислуживала гостям и сама навещала своего патрона Бонифация в Фульде.

Известно, что помимо Таубербишофсхайма Бонифаций основал еще две женских обители – Китцинген и Оксенфурт, во главе которых стояла родственница Леобы Фёкла (Текла). Очевидно, что, несмотря на свою самостоятельность, они находились под духовным покровительством Таубербишофсхайма и его аббатисы, которая посещала монахинь, поучая их, словно была их наставницей (*ductrix*)²¹. Помимо этого Рудольф сообщает, «духовные дочери» Леобы сами стали аббатисами в монастырях, число которых во Франкнии постоянно росло.

Порядок, который Леоба установила в Таубербишофсхайме, имел во многом англосаксонские корни. В его основе лежала чуждость крайней аскезы и умеренность, в том числе, и в духовных деяниях – молитвах и бдениях. Например, аббатиса заботилась, чтобы монахини всегда были внимательны и готовы к «умной молитве», поэтому она не позволяла сестрам отходить ко сну слишком поздно и обеспечивала им дневной отдых.

Глубокие познания Леобы в Священном Писании и церковных науках обеспечили ей признание не только в монашеской среде. Советы аббатисы ценились епископами в вопросах церковного устройства (*instituta aecclesiastica*), а франкские правители – Пипин Короткий, его сыновья Карломан и Карл – принимали ее с большим почетом и дорогими дарами. Особым почтением Леоба пользовалась у королевы Хильдегарды, которая на примере аббатисы совершенствовалась в духовной жизни. Так образованность и жизненный опыт англосаксонской монахини обеспечили ей место при франкском дворе. Следует заметить, что подобный образ жизни, предполагающий самостоятельные путешествия, визиты к светским и духовным владыкам, наставническая деятельность, был более характерен для эпохи распространения христианства среди германских народов, становления церковной организации, идеологического и институционального оформления монашества. В государстве франков эта практика была очень быстро ограничена распространением «Правил для дев» Цезария Арелатского и соборными постановлениями, ограничивающими перемещения монахинь. В Британии напротив, женщины играли значительную роль в распространении христианства и образования, разделяя наравне с мужчинами миссионерскую жизнь. В том числе, это наглядно демонстрируется числом монахинь, отправившихся на континент в ответ на призыв Бонифация и его сподвижников.

Безусловно, Леобу следует относить к наиболее выдающимся женщинам своей эпохи. Даже среди своих соотечественниц, которые в бурный VIII век совершали паломничества к престолом святых апостолов Петра и Павла или возглавляли монашеские обители в Британии или на континенте, она выделялась необычайно широким кругом знаний и талантом их мудрого применения. Ее деятельность приходится на пограничный период, предшествующий бенедиктинской реформе, подавившей своеобразие англосаксонского женского монашества. Уникальность Леобы и ее жизненного пути заключается не только в ее удивительной образованности и религиозном рвении, но и в публичных формах их проявления. Истории известно всего несколько примеров ученых монахинь, занявших почетное место среди своих современников и получивших общественное признание. К ним относятся аббатиса монастыря св. Креста в Пуатье королева Радегунда (518-587 гг.), ученица и покровительница поэта Венанция Фортуната, благодаря которой в Северной Галлии появилось «Правило для дев» Цезария Арелатского; аббатиса Уитби Хильда (614-680 гг.), участвовавшая в церковном соборе 664 г., решавшем судьбы христианских миссий в Британии, а также открывшая чудесный дар стихосложения Кэдмона. Этот ряд замыкает Леоба, во многом заложившая традиции женского монашества в германских землях и положившая начало череде образованных монахинь IX-X веков.

Уникальность Леобы признавалась и ее современниками. Об этом говорит не только уже упомянутая дружба с несколькими франкскими королями и духовными иерархами, но и особый статус, который аббатиса имела в церковной среде. Рудольф, будучи монахом, воспитанным в более строгом монашеском правиле, нежели принятом в англосаксонских обителях, называл Леобу единственной женщиной, которой был разрешен вход в монастырь Фульда, где покоился ее духовный отец епископ Бонифаций. Автор

²¹ Ibid.

считает необходимым сделать оговорку, что аббатиса посещала монастырь только в дневное время, а с наступлением сумерек незамедлительно удалялась, чтобы смягчить противоречия между континентальными и островными устоями.

Жизненный путь и наставническая деятельность Леобы являются наглядным примером того, каким образом женщина имела возможность получить признание в обществе, где видимый авторитет имели мужчины. Безусловно, в большей степени это было результатом проявления талантов и личных качеств аббатисы, демонстрировавшей активность и в духовной, и в светской, и в ученой сферах. Но также значительную роль в жизни Леобы сыграло различие в монашеских практиках Британии и Германии: англосаксонское монашество, впитавшее некоторые ирландские традиции, предоставляло женщинам большую свободу и более высокий статус.

LEOBA: EDUCATED NUN, ABBESS

Ju.M. PROGUNOVA

Ivanovo State University

e-mail: J_progunova@mail.ru

The article is based on the Life of the abbess Tauberbishofheim's nunnery Leoba by Rudolfus of Fulda and devoted to the ways of Anglo-Saxon and Germanic nuns's inclusion to the Latin learning and education, as well as perception of educated women by contemporaries and its reflection in hagiographical literature. Besides, the problem of relationship in clerical and monastic community and its role in Anglo-Saxon missionary work on the continent is also analyzed.

Key words: nunnery, Anglo-Saxons, missionary work, Leoba, monastic education.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).045

ШВЕДСКОЕ ПРИСУТВИЕ В НОВГОРОДЕ: СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОПРОИЗВОДСТВО ВРЕМЕН ЯКОБА ДЕЛАГАРДИ

Е.М. КОНЧАКОВА*Липецкий государственный
педагогический университет**e-mail: kowkaforever@yandex.ru*

Исследование посвящено судебной системе в Великом Новгороде в период шведского присутствия начала XVII в. Опираясь на документы Новгородского Оккупационного архива, автор рассматривает вопросы, касающиеся национального состава Приказной избы, организации судопроизводства, эффективности судебной системы и отношения к ней новгородцев. Данные о функционировании судебной системы в Великом Новгороде позволяют приблизиться к решению главной проблемы – соответствует ли режим, созданный шведами общепринятому понятию «оккупация».

Ключевые слова: судебная система, Смутное время, Якоб Делагарди, Великий Новгород, Новгородский Оккупационный архив.

В начале XVII в. в России сложилась нестабильная политическая обстановка, поставившая под вопрос ее государственное единство и суверенитет, которую принято именовать Смутой. Данный период связан с состоянием глубочайшего кризиса, который характеризуется экономическими проблемами и тяжелейшим голодом, народными выступлениями, пресечением династии Рюриковичей, частой сменой правителей и интервенцией¹. И.О. Тюменцев называет ее не иначе, как «первой гражданской войной»², которая затронула всю страну. Нас же интересует ситуация в Великом Новгороде.

В феврале 1609 г. в Выборге был заключен договор между Россией и Швецией³, по которому шведские войска должны были поддержать царя Василия Шуйского (1606-1610) в его борьбе с внутренними и внешними врагами, и за это русский царь обещал шведскому королю Карлу IX (1604-1611) обеспечить содержание войск на русской территории и передачу им Корельского уезда⁴. В марте 1609 г. шведские войска под командованием 26-летнего генерал-лейтенанта, впоследствии фельдмаршала, графа Якоба

¹ Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. М., 1986. С. 81; Варенцов В.А., Коваленко Г.М. Хроника «бунташного века». Очерки истории Новгорода XVII века. Л., 1991. С. 30; Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 54-84; Рабинович Я.Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время / Я.Н. Рабинович; под ред. Г.М. Коваленко. Великий Новгород, 2013. С. 3.

² Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 8.

³ Полномочная запись послов шведского короля Карла IX со стольником и воеводой Семеном Головиным и дьяком Сыздавным Зиновьевым, о дружественном союзе Швеции с Россией и вспомогательном войске. 28.02.1609 // Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1841. С. 184-190.

⁴ Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 154.

Делагарди (1583-1652) вступили в Россию, чтобы соединиться с русским войском под командованием М. В. Скопина-Шуйского (1586-1610) и вместе выступить против поляков⁵, однако после смерти Скопина-Шуйского, ряда поражений и нарушений договора русской стороной шведы повернули на север и заняли Корелу, обещанную им по договору⁶. Ввиду серьезных потерь и невыплаты обещанного жалования, Делагарди посчитал себя вправе занять Новгород, полагая свои действия законными⁷. После недолгой осады в июле 1611 г. и заключения договора от имени «шведского короля и Новгородского государства»⁸ Новгород стал полуавтономной областью под властью шведов, хотя в состав шведского королевства не был включен и продолжал оставаться в составе Российского государства; в этом качестве он пребывал с 1611 по 1617 г.⁹ Управление городом перешло в руки шведской администрации, главой которой в 1611-1615 гг. был Делагарди¹⁰. В отечественной историографии этот период обычно именуется временем «шведской оккупации»¹¹, и лишь с недавнего времени отношение к нему российских историков стало изменяться¹².

Согласно общепринятым представлениям, понятие «оккупация» предполагает жесткий контроль со стороны завоевателей, привнесение ими своих порядков, ломку местных управленческих структур и т.д., поэтому проблему правомочности использования этого определения применительно к шведскому присутствию в Новгороде следует внимательно исследовать со всех сторон созданного ими административного режима. Благо их пребывание в Великом Новгороде повлекло за собой некоторые изменения в общественной жизни и, главным образом, в налоговой, таможенной, судебной сферах. В настоящей работе затронут круг проблем, касающихся функционирования судебной системы Новгорода периода шведского присутствия - национального состава Приказной избы, организации судопроизводства, эффективности судебной системы и отношения к ней новгородцев, - что, как представляется, способствует объективному восприятию режима правления шведов в Новгороде. К тому же этот аспект истории новгородской Смуты исследован недостаточно полно¹³.

Основу источниковой базы представляет Новгородский оккупационный архив (далее – НОА)¹⁴ - документы Новгородской Приказной избы начала XVII в., ныне хранящиеся в Шведском Государственном архиве, который до последнего времени мало использовался историками¹⁵. Недавно группа шведских славистов во главе с Э. Лёфstrand при содействии ряда российских ученых подготовила и опубликовала полную опись со-

⁵ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 83.

⁶ Рабинович Я.Н. Указ. соч. С. 85-106.

⁷ Там же. С. 86.

⁸ Варенцов В.А., Коваленко Г.М. Указ. соч. С. 41-42.

⁹ Turilov A. Introduction // Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611-1617. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 2005. С. 13-26.

¹⁰ Варенцов В.А., Коваленко Г.М. Указ. соч. С. 43.

¹¹ См. например: Фигаровский В.А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Вып. 3-4. Новгород, 1938. С. 58-85; Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.

¹² См. например: Коваленко Г. М. Великий Новгород 1611-1617. Между Москвой и Стокгольмом (по материалам архивов Швеции) // Наукові записки Інститута українськоархеологічного джерелознавства НАН України. Т. 19. Киев, 2009. С. 170-187; Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

¹³ Во второй половине XX в. этой темой занимался шведский славист А. Шёберг (1926-1990), который ввел в научный оборот книги судебных пошлин новгородской судной избы (Sjoberg A. Three judgment books in the Novgorod occupation archives 1611 - 1617 // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics Issue. Vol. XXXI - XXXII. Stockholm, 1985. P. 399-404), однако в его работе основной акцент сделан на лингвистической значимости источника. Ряд работ посвятила этой проблеме Н.Б. Безус, которая выявляет поэтапные изменения новгородской судебной системы, рассматривает характер судебных пошлин и становление судопроизводства (Безус Н. Б. Суд и процесс в Новгороде в начале XVII века // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-западный регион. Великий Новгород, 2006. С. 93-98; Безус Н. Б. Из истории становления процессуального права России (на примере Новгорода XVI-XVII вв.) // История государства и права. М., 2010. № 5. С. 34-37; Безус Н.Б. Из истории становления судебной власти в России (на примере Новгорода) // Вестник. Государство и право. 2011. № 14. С. 43-52; Безус Н.Б. История исполнительного производства на примере материалов берестяных грамот Новгорода XI - XVI веков // Практика исполнительного производства. 2011. №5. С. 16-21). Следует отметить также статью Д.А. Рыбакова, посвященную двум судебным прецедентам (Рыбаков Д. А. Судебная эпопея дьяка Ивана Тимофеева: коррупция и государственный аппарат в Новгороде XVII века // НИС Вып. 12 (22). М., СПб., 2011. С. 169-182).

¹⁴ Occupationsarkivet från Novgorod. SE/RA/2403.

¹⁵ Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 216-231.

хранившихся документов НОА в двух томах¹⁶, что сделало удобной его научную обработку. Большинство документов НОА относится к 1611-1617 гг. и образует два комплекса: 1) книги (налоговые, таможенные, сбора судебных пошлин и т.д.) 1611-1615 гг. и 2) свитки с записями купчих, служилых кабал, отпускных, судебных дел, судебных грамот, расспросных речей, ведомостей об оплате, обыскных грамот, росписей, мировых грамот, поручных записей и т.д. Кажется примечательным то, что в 1615 г. ведение регистрационных книг из комплекса № 1 прекращается, что, вероятно, было связано с отъездом Делагарди из Новгорода и переходом должности наместника к Эверту Горну, который придавал меньше значения делопроизводству.

Книги сбора судебных пошлин показывают, что в начале XVII в. сбор пошлин производился в соответствии с общерусским законодательством¹⁷, а, значит, шведы не пытались использовать судопроизводство в фискальных целях. Н.Б. Безус указывает, что некоторые пошлины восходят к XII в. и являются «древненовгородскими»¹⁸. Этот факт исследовательница связывает с особым характером судебной системы, установившейся в Новгороде в начале XVII в. Главной судебной инстанцией по-прежнему была Приказная изба в составе одного или двух судей, судебных дел старосты и целовальника; встречаются, однако, упоминания о передаче дела в вышестоящую инстанцию – судный разряд, что, вероятно, было связано с преступлениями против чести и достоинства служилых людей, а также тяжкими уголовными преступлениями или большой суммой иска¹⁹. Пример тому дает следующая запись в Книге судебных пошлин: «Октября в 18 день искал по челобитной митрополич сын боярский Хрипун Жоглов на Никите на Калитине, да на Ондрее на Неелове дворового наезду и грабежного живота на триста на четыре рублев и на восемь денег. Поклонного взято 2 алтына, а судебное дело взято в разряд к боярам»²⁰. Н.Б. Безус отмечает, что компетенция разряда (воеводского суда) по подобным делам существовала с конца XVI в.²¹, и, следовательно, шведы и здесь не изменили существовавшего порядка.

В дополнении следует заметить, что среди фамилий судей (Н. Оничков, С. Якушкин, В. Аврамов, В. Трусов) нет ни одной шведской. Чаще всех упоминается судья Василий Иванович Трусов: «Книги засудные и пошлинные 7123 году что судил судья Василий Иванович Трусов да с ним староста Данила Исаков сын Старорушанин да целовальник Томила Молодожник и что с тех судебных списков взято пошлин»²². Из данного отрывка видно, что реальные должностные лица от судьи до более низших чинов занимали русские служилые люди. Показательно также одно, на мой взгляд, важное преобразование, связанное с тем, что шведская администрация открыла двери приказных изб для провинциалов и местных жителей. Возможно, подобный ход помог шведам, в какой-то мере, заручиться поддержкой новгородцев. Среди имен в судебных документах также можно встретить дьяков Семена Лутохина, Андрея Лысцова судей Василия Аврамова, Михайло Оничкова, Андрея Ногина, старост Гаврилы Вязмятина, Андрея Данилова, Ивана Пепельникова, целовальников Харитона Тимовника, Григория Филишова и т.д. Присутствие в кругу судебных чинов большого количества русских людей подтверждает наблюдение А.А. Селина по поводу доверительных отношений шведов и новгородцев²³.

На полях книг, как правило, по нижнему краю шла скрепа целовальника и старосты, имена которых раз от раза менялись, скрепа судьи ставилась на правом краю каждого листа. Важным фактом является то, что все дела шли под запись, скреплялись подписями и печатями, а особо важные дела скреплялись печатью Якоба Делагарди и печатью

¹⁶ Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617/ Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 2005; Series II. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 2009.

¹⁷ Безус Н.Б. находит аналогии названных в документах НОА пошлин в Судебнике 1550 г. и не обнаруживает никаких новых шведских взиманий (Безус Н.Б. Из истории становления процессуального права России. С. 34).

¹⁸ Там же. С. 36.

¹⁹ Там же. С. 49.

²⁰ RA, NOA. Series I: 122. P. 12.

²¹ Безус Н.Б. Указ соч. С. 49.

²² RA, NOA. Series I: 4. P. 3.

²³ Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 587-591.

Великого Новгорода, например, дело о незаконной торговле с Псковом²⁴, разбирательство, по поводу которого началось в январе 1613 г. Документ начинается со ссылки на письмо князя Бельского и Степана Тимашова на имя Якова Делагарди и князя И. Н. Большого-Одоевского, в котором содержится жалоба на незаконную торговлю староруршан и порховцев с псковичами. Реакцией на нее явился сбор информации по постановлению новгородской инстанции для подтверждения жалобы, причем в указанные места отправляют самих истцов, которым предписывалось произвести сыск среди местного населения²⁵. Необходимо было опросить старост, целовальников, волостных людей, выявить причастных к делу и взять и доставить их на допрос к воеводе. Представляется очевидным, то в данном случае обращение к суду воеводы было вызвано сложностью дела – его «межгосударственным» характером, т.к. Новгород и Псков «ныне не соединены»²⁶ и находятся в состоянии конфликта²⁷. Все показания и обыски были подшиты к делу. Сыскные списки были представлены новгородскому воеводе, который проверил их тщательность. Несмотря на расхождение некоторых показаний, свидетели (сельские священники) наказания не понесли. К тюремному заключению был лишь приговорен крестьянин, который сказал, что торговать с псковичами ему велел князь Иван Мещерский воевода Порхова. В дальнейшем этот факт уже послужил причиной нового разбирательства – в отношении самого Ивана Мещерского²⁸.

Судебная тяжба отражается в книгах сбора судной пошлины следующим образом: фиксируется дата слушания дела, имена истца и ответчика, предмет тяжбы, было ли завершено дело и сумма взысканной пошлины и штрафа. Так, например, в одной книге мы читаем: «Августа в 4 день искала по челобитной вдова Степанида ивановская жена Черкасова на псадком человеке на сахарки и на хлебники по договору беглой девки своей <...> шести рублей взято»²⁹. Однако были и такие записи, которые свидетельствовали об освобождении (или частичном освобождении) от пошлины или штрафа. Так, например, приведем документ 1615 г.³⁰: «...выслушав подьячего Константина Петрова челобитья приговорили на нем Константине те деньги тридцать рублей взять в государеву казну за хлеб, а пени двадцать рублей денег правили на него и на то наказал, а против тех денег тридцати рублей ему Константину чинить невелеть. Потому бил челом государю Константин сказал велено на него Константине за его вину доправить на государя денег пятьдесят рублей и ему де Константину для его бедности по переводу здавали в те деньги добрые люди а иное де он Константин животишко свой на бесценок перепродал вышлат изготовил тридцать рублей и государь его Константина пожаловал и тех достальных двадцать рублей денег править на него невелит...». Данный документ свидетельствует о том, что из-за бедности виновного штраф с него был взят не в полном размере. В документе четко прописана причина и решение судебной инстанции. Никаких сведений об альтернативном наказании обнаружить не пришлось, вопреки тому, что по Судебнику 1550 г. невыплаты могли замениться телесными наказаниями³¹.

Следственных дел было немного, вероятно, документация по части мелких гражданских и уголовных дел была утеряна. А.А. Селин предложил разбить все дела на группы³². Особую группу составляют дела о государственных преступлениях – изменах, прои́знесении непристойных речей, связях с политическим противником и т.д. Наиболее ярким пример является указанное выше дело о контрабандной торговле крестьян Старорурского уезда с Псковом. Еще одним важным делом является дело об отъезде новгородцев –

²⁴ Дело по письму кн. Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорурского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковичами, 1613.13.01 – 1615, январь // RA, NOA. Series II: 20. P. 1-17.

²⁵ Там же. P. 5.

²⁶ Там же. P. 9.

²⁷ Псковичи присягнули Лжедмитрию II и даже планировали напасть на Новгород в 1609 г., который не подчинился Самозванцу (Лист псковского наместника князя Засекина и пскович Дерптскому державцу Бормовскому, июнь 1609 // АИ. Т. 2. С. 279-281).

²⁸ Безус Н.Б. Указ. соч. С. 50.

²⁹ RA, NOA. Series I: 5. P. 7.

³⁰ Приговор о взыскании 30 рублей с подьячего Константина Петрова. 1615. 7. 03 // RA, NOA. Series II: 331.

³¹ Судебник 1550 г., статья 55 // Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. С. 234.

³² Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 73-75.

Парфения и Самойла Нарбековых, Угрима и Богдана Лупандиных, а также князя Юрия Мещерского³³. В документах представлены допросные речи, собранные путем расспросов домочадцев уехавших. Требовалось опросить всех домашних обвиняемых (жен, детей, слуг и т.д.) и выяснить обстоятельства побега. При этом у допрашиваемого выясняли, являлся ли он очевидцем побега, знал ли о его мотивах, был ли сопричастен и т.д. Особо тщательно выяснялось все, что касалось собственности обвиняемых – был проведен подсчет имущества, выявлено то, что было вывезено или распродано. Имущество беглецов было опечатано, однако сведений о том, что их домашние как-то при этом пострадали, нет. Было только конфисковано имущество в качестве наказания, до полного решения дела и вынесения приговора. К этой же группе относятся дела, связанные с взаимоотношениями новгородцев с изменниками, а также с «непристойными речами», сказанными в запальчивости. К этой же группе примыкают дела военно-политические – допросы новгородцев, обладающих информацией о действиях противостоящих Новгороду военных сторон, в первую очередь, москвичей³⁴. В допросах принимал участие Якоб Деллагарди.

Следующие дела относятся к чисто уголовным. Присутствует дело об ограблении новгородской церкви Козьмы и Демьяна, – было заведено в апреле 1615 г.³⁵. Два дела связаны с «воровством», а точнее – с преступным поведением новгородцев – посадского человека Дениса Сапожника и девки Дуньки, дочери старосты дворцового села Тесова Титка Романова³⁶.

Особую группу составляют дела о расхищении и/или присвоении денежной и хлебной казны и иных злоупотреблений властью должностными лицами. Таких дел выявлено всего четыре: дело о злоупотреблении приказчика Ивана Порецкого и крестьян Тесовской волости при учете государева хлеба³⁷, дело по челобитной крестьян села Тесова о несправедливом обвинении их в растрате соли в приход воровских людей³⁸, допросные речи Григория Обольянинова и Михаила Неелова о сборе изменничьего хлеба в округе Зарецкого острога Дмитрием Тырковым³⁹, отрывок из следственного дела по поводу сбора хлебных и денежных кормов в Зарецкий острожек из Дремяцкого погоста⁴⁰.

Последняя группа – дела по известным челобитным новгородских служилых людей друг на друга. Самое известное из них – следственное дело по тяжбе между дьяками Иваном Тимофеевым и Пятым Григорьевым⁴¹. К нему было присоединено дело о двух образах, оставшихся после убийства М. И. Татищева у софийского протопопа Амоса Иванова⁴². В судебной практике Новгорода того времени это дело стоит особняком, так как касается взаимоотношений в высшем руководстве города. К этой же группе относится судебный спор двух новгородских подьячих, Третьяка Башмакова и Константина Петрова сына Лазарева в марте 1615 г., в ходе которого выяснилось, что последний, будучи справедливо обвиненным в присвоении государевой ржи, был ограблен на Ивангородской дороге по пути с места службы в Новгород новгородскими детьми боярскими, отъехавшими из Новгорода, но вернувшимися в район своих бывших поместий⁴³. Изучение документов НОА дает право говорить, что среди судебных дел времен шведского присут-

³³ Дело об отъезде из Новгорода Парфения и Самойла Нарбековых, Угрима и Богдана Лупандиных и кн. Юрия Мещерского. 1613. 11. 07 // RA, NOA, Series II: 245.

³⁴ Распроные речи новгородцев про дела в Москве, Смоленске, Пскове. 1616. 30. 09 // RA, NOA, Series II: 39.

³⁵ Дело об ограблении церкви Козьмы и Демьяна в Новгороде. 1615, апрель // RA, NOA, Series II: 31.

³⁶ □ Дело о воровстве Дениса Сапожника. 1612. 24. 07 – 1612. 26. 07 // RA, NOA, Series II: 177.

³⁷ Дело о злоупотреблении приказчика Ивана Порецкого и крестьян Тесовской волости при учете государева хлеба. 1613 октября 25 – 1614 марта 21 // RA, NOA, Series II: 78.

³⁸ Дело по челобитной крестьян села Тесова о несправедливом обвинении их в растрате соли в приход воровских людей. 1614, октябрь // RA, NOA, Series II: 122.

³⁹ Допросные речи Григория Обольянинова и Михаила Неелова о сборе изменничьего хлеба в округе Зарецкого острога Дмитрием Тырковым // RA, NOA, Series II: 249.

⁴⁰ Отрывок из следственного дела по поводу сбора хлебных и денежных кормов в Зарецкий острожек из Дремяцкого погоста. 1615 // RA, NOA, Series II: 250.

⁴¹ Дело по известной челобитной дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева. 1615, март // RA, NOA, Series II: 55.

⁴² Дело о двух образах, оставшихся после убийства М. И. Татищева у софийского протопопа Амоса Иванова. 1611, апрель. // RA, NOA, Series II: 202.

⁴³ Дело по известной челобитной Поместного приказа подьячего Третьяка Башмакова на подьячего Константина Петрова. 1615. 3. 01 – март // RA, NOA, Series II: 247.

ствия преобладали гражданские дела новгородцев и жителей Новгородской земли, главным образом, бытового характера, тогда как акций сопротивления шведским властям вообще не обнаружено. В тяжбах новгородцев просматривается их желание противостоять «беспорядку» вне зависимости от того, кто являлся его причиной – русский человек или швед.

Из документов НОА следует, что челобитные подавались на имя шведского короля Густава Адольфа или Карла Филиппа, но чаще всего на имена высших должностных лиц новгородской администрации – Я. Делагарди (позже Эверта Горна), И.Н. Большого-Одоевского, шведских воевод и новгородских старост. Высокопоставленные лица лично судебными тяжбами не занимались, но передоверяли их дьякам и подьячим Приказной избы; никаких новых должностей, введенных шведами в соответствие со шведским судопроизводством, в документах НОА не упоминается. Однако не все дела имели в основе своей прецедент. Так, например, согласно общерусскому праву, зафиксированному Судебником 1550 г., в случаях некомпетентности местных судебных чинов, дело отсылалось на рассмотрение великому князю (царю)⁴⁴. В этой связи интересен следующий документ 1616 г.: «Воеводы Сванте Густав Банер да Ганц Мартынович Бое выслушав стадново конюха Радейка Семенова и князя Микифора Мещерского и Григорья Негановского челобитных велели перед собой поставить Семена Лутохина, Ивана Шваля, Кирилову жену Молодожника Катерину»⁴⁵. Данный документ показывает, как обстояли дела с принятием решений в случае отсутствия прецедента или документальных указаний. Ввиду того, что Семен Лутохин (а это был один из самых грамотных дьяков) был отстранен от должности, шведские воеводы распорядились поискать в Судебнике соответствующее указание, а когда такого не нашлось, произвели опрос уважаемых новгородцев и всего новгородского населения о том, как следует поступать в подобных случаях. Можно сказать, что шведская администрация обратилась к традициям вечевого Новгорода, которые предписывали принятие коллегиальных решения, что, как представляется, положительно влияло на отношение новгородцев к деятельности шведской администрации.

О том, как новгородцы относились к судебной системе, существовавшей в их городе, в отсутствие прямых документальных подтверждений сказать сложно. Вместе с тем отсутствие упоминаний об их противоправных действиях в отношении судебных чинов позволяет предположить, что оно было уважительным, как это было в республиканском Новгороде⁴⁶. Судейские выступали гарантами общественного порядка, который для новгородцев продолжал сохранять свое значение. Об этом может свидетельствовать документ 1612 г., касающийся преступных дел некоего Дениса Сапожника. Новгородцев возмутило то, что «в той Нутной улицы у Дениски Сапожника воровские жонки живут ли, и блядню во дворе держат ли, и немецкие и русские люди приходят ли для них жонак воровства к нему во двор и вам уличаном те жонки и прихожие люди продажею и поклепом и повметом и всякими угрозы угроживают ли»⁴⁷. Примечательно то, что в документе нет упоминаний о попытках самоуправства возмущенных соседей, которые предпочли действовать в рамках закона, что свидетельствует об их доверии к судебным органам. Из этого же документа следует, что допросы по делу производил не представитель шведской администрации, а церковный староста Яков Квасник, который действовал привычным для новгородцев способом.

Доказывать обоснованность обвинения путем разбирательства предполагалось во всех случаях - и незначительных, отраженных во множестве гражданских исков⁴⁸, и серьезных, подобных делу об ограблении церкви Святых Козьмы и Демьяна на Софийской стороне,

⁴⁴ Судебник 1550 г., статья 7. С. 220-221. Царь не только принимал по нему решение, но и давал распоряжение использовать его в качестве дополнения в Судебнике (Там же. Статья 98. С. 249-250).

⁴⁵ Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сентябрь после 17 – 11. 10 // RA, NOA Series II: 165. Л. 5.

⁴⁶ Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 331-333.

⁴⁷ Дело о воровстве Дениса Сапожника. 1612. 24. 07 – 1612. 26. 07 // RA, NOA. Series II: 177. Л. 3.

⁴⁸ См., например: Дело по челобитной подьячего Судных дел Дмитрия Игнатьева на площадного дьяка Ивана Киприанова в присвоенном животе. 1614. 15 – 19. 06 // RA, NOA. Series II: 201; Дело о краже денег у палача Олешки (отрывок) // RA, NOA. Series II: 47.

которое явилось ответом на коллективную челобитную⁴⁹. В документе представлена опись украденного – иконы, облачение, две книги Евангелия и т.п. В судебной документации приведены показания разных людей, а также, что представляется важным, сведения о предыдущих проступках обвиняемых, что соответствует нормам Судебника⁵⁰. Обвиняемые, в свою очередь, имели право на защиту: один из обвиняемых, караульный, которому следовало охранять церковь ночью, сказал, что не посмел спать в церкви в одиночку и не остался на ночь, поскольку его напарник не явился⁵¹. Показательно, что ввиду достаточности улики по этому делу никто не был обвинен, хотя украденного найти не удалось.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что в период пребывания шведов в Новгороде никаких серьезных видоизменений новгородской судебно-процессуальной системы, а тем более случаев навязывания шведских судебно-административных традиций, не обнаруживается. Судопроизводство велось согласно общерусским законам и в отсутствие прецедентов допускало обращение к новгородскому правовому опыту времен «вечевой республики». В новгородской документации не удалось обнаружить никаких следов шведской судебной реформы 1614 г., хотя, скорее всего, именно шведы придали традиционной системе большую четкость, оперативность и объективность. Интересно отметить, что документальная фиксация поданных челобитных, существовавшая при шведах в Новгороде, на общерусском уровне будет утверждена лишь в 1648 г.⁵² В Новгороде начала XVII в. судебные дела разбирались в ходе тщательного расследования, доказывавшего вину ответчика, который мог быть освобожден от ответственности в случае ее недоказанности. Ход разбирательства тщательно документировался, что сводило к минимуму возможность злоупотреблений. Следствие и записи велись на русском языке должностными лицами русского происхождения, что не исключало внимания к судопроизводству шведских властей и самого Я. Деллагарди, который курировал судебные разбирательства. В отношении новгородцев к органам судопроизводства не обнаруживается враждебности, но, напротив, определенное стремление к сотрудничеству со шведской администрацией, что проявилось, например, в их активном участии в проведении опросов свидетелей и сборе улики. Это обстоятельство, как и отсутствие прецедентов, указывавших на неприятие новгородцами шведских порядков, дает нам основания утверждать об их лояльности в отношении административного режима, установленного в Новгороде Я. Деллагарди.

SWEDISH PRESENCE IN NOVGOROD: THE JUDICIAL SYSTEM AND LEGAL PROCEEDINGS TIMES JACOB DE LA GARDIE

E.M. KONCHAKOVA

Lipetsk State Pedagogical University

e-mail: kowkaforever@yandex.ru

Research is devoted to the judicial system in Novgorod during the Swedish presence in the beginning of the XVII. Relying on documents Novgorod occupation archive, the author examines the issues relating to the national composition of the clerks of the hut, court management, efficiency of the judicial system and the relationship to her Novgorod. Data on the functioning of the judicial system in Novgorod the Great allow closer to solving the main problem - whether the regime established by the Swedes generally accepted concept of "occupation".

Key words: judicial system, the Time of Troubles, Jacob de la Gardie, Novgorod the Great, Novgorod occupation archive.

⁴⁹ Дело об ограблении церкви Козьмы и Демьяна в Новгороде. 1615, апрель // RA, NOA. Series II: 31.

⁵⁰ Судебник 1550 г., статья 52. С. 233.

⁵¹ Дело об ограблении церкви Козьмы и Демьяна в Новгороде. Л. 13.

⁵² Безус Н.Б. Из истории становления процессуального права России (на примере Новгорода XVI – XVII вв.). С. 35.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАГАЙБАКОВ В XVIII – XIX ВЕКАХ

И.Р. АТНАГУЛОВ

*Магнитогорский государственный
технический университет
им. Г.И. Носова*

e-mail: i.atnagulov@mail.ru

Нагайбаки – группа, связанная происхождением с крещёными татарами Уфимской провинции XVIII в. Возникновение нагайбаков обусловлено формированием подразделений Оренбургского казачьего войска. С 1736 по 1843 гг. нагайбаки находились на территории Восточного Закамья, где были окружены соплеменниками крещёными татарами и татарами-мусульманами. Идентификационная база нагайбаков в тот период основывалась на сословной и конфессиональной идентичностях, отличавших их от ближайших сородичей, как мусульман, так и христиан. Особый интерес представляет развитие конфессиональной идентичности, которая на протяжении XVIII-XIX вв. имела с одной стороны точки соприкосновения с соседями – крещёными татарами и русскими казаками, но с другой – выделяла нагайбаков на фоне других близких им тюркоязычных групп – татар-мусульман, башкир и казахов. Формирование конфессиональной идентичности нагайбаков в XVIII-XIX вв. стало одним из факторов дальнейшего развития идентификационной базы нагайбаков, приведшей в XX в. к появлению у них группового этнического самосознания.

Ключевые слова: нагайбаки, крещёные татары, оренбургские казаки.

Формирование и история нагайбаков происходили при непосредственном участии такого фактора как государственная политика по социальному обустройству Оренбургской губернии в XVIII-XIX вв. Сам факт появления этой группы связан с формированием казачьих подразделений на основе местного этносоциального субстрата. Большинство из того населения, что вошло в состав Оренбургского казачьего войска были русские. Из неславянских компонентов присутствовали, калмыки, башкиры, мещеряки, тептяри и крещёные татары. Одна из групп крещёных татар, проживавших к началу XVIII в. на территории Уфимской провинции в 1736 г. была зачислена в казачье сословие и поселена во вновь построенной крепости Нагайбакской и окрестных сёлах и деревнях. По названию административного центра возник и соционим – «казаки-нагайбаки», «нагайбакские казаки», в дальнейшем эволюционировавший в этноним – «нагайбаки»¹.

Религиозное состояние нагайбаков формировалось в условиях конкуренции двух крупнейших конфессий, имевших влияние в волго-уральском регионе – мусульманства и христианства. Обе системы в той или иной степени сталкивались с устойчивым сохранением среди неопитов прежних родоплеменных культов. Генезис нагайбакской идентичности проходил при взаимодействии всех трёх религиозно-идеологических систем, носителями которых во второй трети XVIII в. были различные группы населения Уфимской провинции. К моменту переселения в Верхнеуральский, Троицкий, Оренбургский и Орский уезды² религиозное состояние нагайбаков было таким, что, несмотря на внешне очевидную принадлежность к христианству, среди них стойко сохранялись пережитки мусульманского и языческого прошлого. Подтверждение тому мы находим в различных публикациях того времени³.

Во второй половине XIX и в начале XX в. в российской научной и религиозной литературе стали появляться заметки о духовном состоянии крещёных инородцев Поволжья

¹ Атнагулов И.Р. Уровни этнического самосознания и этнонимическая номенклатура нагайбаков // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2014. № 15 (186). Вып. 31. С. 95-104.

² Он же. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2007. С. 53-54.

³ Бектеева Е.А. Нагайбаки // Живая старина. 1902. Вып. II. С. 179-181; Витевский В.Н. – Нагайбаки // Волжско-Камское слово. 1882. № 72, 74, 80, 138, 144; Багин С. Об отпадении в магометанство крещёных инородцев // Православный собеседник. 1910. № 1. С. 119.

и Урала. Интерес к этой проблеме был вызван случаями массового возвращения этими группами в прежнее вероисповедание – мусульманство, а иногда и возврат к родоплеменным культам. Переход в мусульманство принимал такие масштабы, что новообращенными становились группы, которые никогда мусульманами не считались (например, чувашаи Башкирии)⁴. Особенно широко этот процесс захлестнул различные группы крещёных татар.

Формирование нагайбаков в Восточном Закамье длилось примерно столетие. За этот промежуток времени в их состав вливались группы мусульман, добровольно перешедших в христианство – так называемые «крещёные азиатцы»⁵, а также бывшие в недавнем прошлом татары-мусульмане и «идолопоклонники» – так называемые «новокрещёные»⁶. Добровольность их перехода далеко не всегда являлась искренней и была обусловлена политико-экономическими факторами. Особенно это касалось «крещёных азиатцев», не желавших возвращаться к казахам, из плена которых они благополучно сбежали⁷. Допустимо, что, являясь номинально христианами, часть нагайбакского населения продолжало, возможно тайно, сохранять приверженность мусульманству.

Е.А. Бектеева в начале XX в., сравнивая оренбургскую и верхнеуральскую группы нагайбаков, пишет следующее: нагайбаки Оренбургского уезда, общаясь с татарами, начали тайно переходить в мусульманство. Поскольку в русско-нагайбакских посёлках русских больше, то и церковные проповеди проводятся на русском языке. Большинство местных нагайбаков, считает Е.А. Бектеева, христианами являются номинально, и тщательно скрывают свое равнодушие к православию. По отношению к священникам казаки-нагайбаки почтительны, но такое уважение, как она считает, лицемерно. Не видит автор у оренбургско-орских нагайбаков и явной преданности мусульманству. Их духовное состояние она определяет как маргинальное. После того как русское население Неженского посёлка обратилось к властям с тем, что они не хотят жить с христианами, не посещающими церковь, нагайбаки стали ходить на службы. Сравнивая оренбургских нагайбаков с верхнеуральскими, Е.А. Бектеева отмечает значительно большую преданность православию последними⁸.

Сожительство с русскими не усилило христианское сознание среди оренбургских нагайбаков, а наоборот, дало противоположный эффект. Этому способствовал языковой барьер, существовавший в первые годы после переселения, а отсутствие священнослужителей, владеющих родным языком нагайбаков, эту проблему только усугубляло. Особенности ситуации у нагайбаков была в том, что они, попав в иноэтничное окружение, были лишены возможности слышать религиозную проповедь на родном языке. До второй половины XIX в. не издавалось никакой религиозной литературы на нагайбакском языке. Религиозное состояние нагайбаков русскими православными священниками отмечалось как индифферентное. Большинство из них, осознавая себя православными христианами, церкви не посещало, и к исполнению религиозных обрядов относилось формально.

Дохристианские пережитки у нагайбаков описывали Е.А. Бектеева и В.Н. Витевский. Первая, описывая христианский характер погребальной обрядности, отмечает при этом запрет причитаний и плача по покойнику, а также употребления спиртного во время поминок⁹. Второй в похоронном обряде также отмечает остатки языческих и мусульманских верований¹⁰. В.Н. Витевский в другой публикации отмечает, что «в религиозном быту нагайбаков была заметна смесь понятий христианских с языческими»¹¹. Ф.М. Стариков заметил, что, несмотря на активную миссионерскую работу, строительство церквей и т.п., привить им полностью православный образ жизни не удалось¹². В религи-

⁴ Ягафова Е.А. Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII – начале XX века. С. 101-117.

⁵ Рычков П.И. Топография. Ч. I. С. 192.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Бектеева Е.А. С. 180-181.

⁹ Бектеева Е.А. С. 171.

¹⁰ Витевский В.Н. Нагайбаки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Волжско-Камское слово. 1882. №72.

¹¹ Витевский В.Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков. – С. 163.

¹² Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890. С. 132-133.

озном отношении, по описанию Ф.М. Старикова, нагайбаки, несмотря на принадлежность к православию, сохраняли мусульманские обычаи: «У нагайбаков заметна смесь понятий магометанских с христианскими: они носят на груди своей крест, а за стол садятся не молясь; соблюдают воскресные и праздничные дни, посещают хотя и не часто, храмы Божии, исполняют многие христианские обряды, и в то же время не соблюдают постов, установленных Св. Церковью и даже устраивают по прежним своим обычаям праздники и скачки»¹³.

Е.А. Бектеева считает, что нагайбаки, проживая в с. Бакалы, возможно, имели контакты с черемисами (марийцами) и чувашами¹⁴. Общий уровень православной культуры нагайбаков Е.А. Бектеевой отмечается теми же характеристиками что и у Ф.М. Старикова, добавляя, что вероучение понимают плохо и видят лишь внешнюю обрядность, а представления о загробной жизни соответствуют лубочным картинкам¹⁵.

Во второй половине XIX в. не раз отмечалось весьма холодное отношение казаков-нагайбаков к церкви. Поселившись на новых землях, они оказались оторванными от соплеменников-единоверцев – крещеных татар. В то же время администрация Оренбургской губернии, расселив нагайбаков среди русского населения, надеялась на то, что это еще больше укрепит их приверженность православию. Однако этого не произошло. Незнание русского языка, на котором велось богослужение в церквях, а также отсутствие священнослужителей из числа крещеных татар привело к тому, что посещение церкви стало носить весьма формальный характер¹⁶.

Таким образом, к началу второй половины XIX в. нагайбаки в религиозном отношении занимали маргинальное положение. В духовной жизни группы долгое время прочно сохранялся архаический пласт языческих представлений, уходящий своими корнями в поволжско-финскую среду. Вторым по времени формирования пластом духовной культуры нагайбаков был мусульманский. Многие из нагайбаков помнили о своём мусульманском прошлом.

Поспешное и формальное крещение не привело их к глубокому осознанию сущности христианского вероучения. Поэтому религиозные представления нагайбаков являли собой пример своего рода троеверия, сложившегося в результате воздействия трех этнокультурных пластов – языческого финно-угорского, татарско-мусульманского и православно-русского. Подобная картина до середины XIX в. наблюдалась среди большинства крещеного татарского населения¹⁷. Определенную роль в отдалении нагайбаков от церкви сыграли и русские священнослужители, большинство из которых было совершенно равнодушно к духовному состоянию крещеных инородцев и даже относилось к ним с презрением¹⁸. О низком нравственном уровне духовенства, служащего в инородческих приходах, упоминается и на страницах Оренбургской епархиальной литературы¹⁹.

Екатерининский указ 1773 г. о свободе совести значительно ослабил влияние православной церкви на инородческое население Поволжья и Урала. И это незамедлительно сказалось на позиции мусульманского духовенства по отношению к соплеменникам-неофитам. В 1827 и 1866 гг. были отмечены случаи массового перехода крещеных татар в ислам. Этому также способствовали народная память, сохранившая воспоминания о мусульманском прошлом, а также высокая степень культурно-языкового родства с татарами-мусульманами. Достаточно сказать, что в Поволжье слова «татарин» и «мусульманин» звучали как синонимы²⁰. Поэтому возвращение в прежнюю веру расценивалось как обретение утраченной идентичности. Все это не могло не беспокоить иерархов православной церкви. Главной целью миссионерской деятельности становится уже не распространение христианства, а удержание инородцев от перехода

¹³ Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890. С. 132-133.

¹⁴ Бектеева Е.А. С. 166.

¹⁵ Там же.

¹⁶ С.А. Из быта нагайбак // Оренбургские епархиальные ведомости. 1912. № 32-33. С. 650.

¹⁷ Уерт П. Отпадение крещеных татар // Татарстан. 1995. №1-2. С. 106-112.

¹⁸ С.А. Из быта нагайбак.

¹⁹ Брайан-Беннигсен Ф. Миссионерская деятельность в Поволжье // Татарстан. 1994. №1-2. С. 110-113.

²⁰ Татары. С. 151.

в ислам²¹. Во второй половине XIX в. в нагайбакских церквях появились священники миссионерских школ из числа крещёных татар. В результате этого нагайбаки значительно укрепились в православной вере²².

Наибольшему влиянию мусульманства подверглись нагайбаки Оренбургского и Орского уездов, попавшие в тесное соседство с татарами. Вскоре они были полностью ассимилированы последними. Не исключено, что в эту группу нагайбаков попали в основном потомки тех, кого среди нагайбаков в XVIII в. называли «крещёными азиатами». Верхнеуральская группа не испытывала столь сильного влияния со стороны мусульманского духовенства. Поэтому христианская миссионерская деятельность в этом случае проходила с большим успехом. Главную роль здесь играли религиозные просветители из крещено-татарской среды Н.И. Ильминский и И. Тимофеев²³. Во второй половине XIX в. верхнеуральская группа нагайбаков окончательно укрепились в православии. Разумная миссионерская политика, сменившая неудачные попытки грубой русификации, несомненно, принесла свои плоды.

По данным переписи 1897 г. во всех нагайбакских селениях жители отмечены как православные²⁴. В 1882 – 1893 гг. в крупнейших населённых пунктах нагайбаков Оренбургской губернии – п. Остроленка, Фершампенуаз, п. Париж и Требия были построены церкви. Появились из числа нагайбаков и учителя церковно-приходских школ. Об этом сообщают Оренбургские епархиальные ведомости: в Оренбургской Богодуховской миссионерской второклассной школе учителями состояли среди прочих «окончивший курс Казанской учительской семинарии Всеволод Тимей (ногайбак)... и Афанасий Лаврентьев (ногайбак)»²⁵. Сообщается, что всего на 1 января 1907 г. «состоит на лицо учащихся 40 человек, из них 15 ногайбаков, 15 чуваш и 10 русских... принимают участие в чтении на клиросе по-славянски и по-татарски».

В другом выпуске описывается верхнеуральская группа нагайбаков, которые «образом жизни и обычаями походят более на магометан, чем на христиан»²⁶. Далее отмечались положительные результаты миссионерской деятельности казанского священника И. Тимофеева в п. Фершампенуаз: «Расположив население нагайбаков отдать своих детей в его школу и обучая с успехом православным молитвам, закону Божию и церковному пению, он возбудил в жителях доверие и расположение как к школе, так и к себе. Отцы и матери детей, учащихся в школе, и вообще взрослые толпами собираются слушать учение в ней, а в особенности хоровое пение богослужебных песней в церкви. Жена Тимофеева, из крещёных татарок, с успехом обучает девочек. Школа эта разрастается, так что Тимофеев образовал другую школу в Варненском магометанском посёлке»²⁷.

Приобщение нагайбаков к пониманию христианского вероучения прошло длительный и непростой путь. Священники, служившие в нагайбакских церквях, были русскими, а языковой барьер порой отталкивал народ от церкви. С 1880-х гг. нагайбаки слышали проповеди на татарском языке, что положительным образом изменило их отношение к церкви. Е.А. Бектеева подробно описывает это изменение духовного облика нагайбаков, за исключением жителей Требии, где мусульманское влияние оказалось сильнее²⁸.

В одном из номеров Оренбургских епархиальных ведомостей анонимным автором ставится вопрос о причинах сохранения преданности православию большинством нагайбаков. Ответ на поставленный вопрос звучит тут же следующим образом: «Мы полагаем, что в данном случае большую роль играло то, что нагайбаки – казаки. Присяга, принимаемая на верность службы Православному царю и св. Руси, по обряду православной церкви, казаками-нагайбаками чтится, как величайшая святыня. Гордость казака-нагайбака,

²¹ Брайан-Беннигсен Ф. Там же.

²² Бектеева Е.А. С. 178.

²³ Там же.

²⁴ Населённые места Российской империи в 500 и более жителей / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб, 1905. С. 127-133.

²⁵ Миссионерская деятельность в инородческих приходах. Сведения о религиозном состоянии нагайбаков за 1906 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. № 43. С. 288.

²⁶ Толстой Д. Отечественная церковь в 1874 году. Распространение и утверждение веры и религиозная жизнь // Оренбургские епархиальные ведомости. 1876. № 10. Отдел официальный. С. 350-351.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

что он верноподданный Православного Русского Государя, почему патриотические чувства и заставляли его именоваться исповедником той именно религии, коей пребывает обожаемый им Монарх»²⁹.

Нами были опубликованы материалы по истории религиозного состояния и современной ситуации по данному вопросу среди нагайбаков³⁰. Среди выводов о религиозном состоянии нагайбаков во второй половине XIX – начале XX в. мы отмечаем весьма большой пласт дохристианских (в основном, мусульманских и родовых) пережитков в сочетании с православием, доходящих иногда до состояния синкретизма.

Религиозная принадлежность во многих случаях является важнейшим маркером самоидентификации, особенно если группа дислоцируется по соседству с близкими по языку народами, но относящимися к другим религиозным общинам. У нагайбаков конфессиональная принадлежность (православное христианство) явилась определяющим фактором на начальном этапе развития, отличающим их от татар, исповедовавших мусульманство. Этот фактор, продолжал иметь принципиальное значение и после перехода их в казачье сословие в 1736 г., поскольку, кроме сородичей-кряшен, в непосредственной близости от казаков-нагайбаков обитало мусульманское население.

Формирование нагайбаков как сословной группы с 1736 по 1843 гг. происходило в процессе социального отделения их от соплеменников – крещёных татар не казачьего сословия. Религиозный фактор в ещё большей степени усиливал отделение нагайбаков от окружающего их мусульманского большинства – татар и башкир Восточного Закамья. После переселения в 1843 г. с территории Восточного Закамья в Южное Зауралье, где их этническим окружением стали в основном русские, религиозный фактор, как основной маркирующий начал ослабляться. Однако здесь возник новый фактор этнокультурного взаимодействия – казахи и отчасти восточные группы башкир. Считаем, что фактор присутствия близких по языку и в некоторой степени по культуре, но совершенно противоположных по религиозной принадлежности народов способствовал тому, что религиозная идентичность у нагайбаков ещё продолжала быть маркирующей, хотя и не столь принципиально как в Белебеевском уезде.

CONFESSIONAL IDENTITY OF NAGAYBAKS IN XVIII-XIX CENTURES

Nagaybaks - group associated with the origin of Ufa province baptized Tatars XVIII century. The emergence of Nagaibaks units due to the formation of the Orenburg Cossack army. From 1736 to 1843 Nagaybaks were in East Transkama, where they were surrounded by tribesmen baptized Tatars and Tatar Muslims. Identification base of Nagaybaks at that time was based on class and religious identities that distinguish them from their closest relatives, both Muslims and Christians. Of particular interest is the development of religious identity, which over the XVIII-XIX centuries had on the one hand the points of contact with the neighbors - baptized Tatars and Russian Cossacks, but on the other - Nagaibaks allocated against others close to them Turkic-speaking groups - Muslim Tatars, Bashkirs and Kazakhs. Formation of confessional identity Nagaibaks in XVIII-XIX centuries was one of the factors for further development of identity Nagaibaks base, which led to the XX century to the appearance of their ethnic identity group.

Keywords: Nagaybaks, baptized Tatars, Orenburg Cossacks.

I.R. ATNAGULOV

Magnitogorsk State Technical University

e-mail: i.atnagulov@mail.ru

²⁹ С.А. Из быта нагайбак. С. 653.

³⁰ Атнагулов И.Р. О религиозном состоянии верхнеуральских казаков-нагайбаков во второй половине XIX – начале XX веков по данным литературы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2000. Вып. IX. С. 421; Он же. Религиозная идентичность нагайбаков: история формирования и современное состояние // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. XVIII. С. 305.

УДК 390 (=471.344)

ТРАДИЦИИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА У ЧУВАШЕЙ

В.В. МЕДВЕДЕВ

Магнитогорский
государственный
технический университет
им. Г.И. Носова

e-mail: vlad.etno@mail.ru

Возведение дома сопровождалось обрядовыми действиями. Они оберегали будущее жилище, обеспечивая достаток и благополучную семейную жизнь. В статье проанализированы обряды чувашей, связанные с выбором места дома, началом строительства, укладкой фундамента и поднятием матицы. Сооружение жилища происходило в локусе, соответствующем особенностям ландшафта и отвечающем мировоззрению чувашей. Достаток в доме и долгая семейная жизнь зависели от правильного закладывания фундамента. Благополучие в семье олицетворяли монеты, рябиновые ветви и шерсть домашних животных. Заканчивали возведение дома, укладывая матицу на сруб. Матица определяла домашний центр. Выбор места для постройки, начало строительства и завершение одного из этапов были важными событиями в традиции домостроительства чувашей. Для наилучшей реконструкции приведены этнокультурные параллели

Ключевые слова: дом, обряды, строительство, фундамент, матица, чувашаи.

Дому чувашаи отводили наиболее благополучное и удобное место своего двора. Жилище называли *пурт* «изба, дом», созвучное с марийским словом *порт* «изба» и финским *pirtti* «курная изба», «баня»¹. *Пуртом* именовали свои срубные избы и саамы². Для обозначения жилища чувашаи употребляли и другие термины: *сурт*, *сорт*, *кил*, *пурт-сурт*, *сурт-йёр* и *кил-сурт*³. У чувашей избы представлены двумя видами: традиционная *хура пурт* «курная изба» и поздняя *шуря пурт* «белая изба», имеющая печь с дымоходом и трубой⁴.

Завершенным типом жилого помещения, встречающимся в чувашских поселениях и в наши дни, стала срубная постройка. Естественно, первоначально она состояла из однокамерной четырехстенной избы. Такие жилища чувашаи возводили к середине XIX в., пристраивая к ним крыльцо, служившее сенями. В доме ставили глинобитную печь квадратной формы размером 4,5×5 м и более. Постройку называли *таваткал пурт* «четырёхугольная изба»⁵. Подобные жилища, также как пятистенные и шестистенные дома, были известны еще в Волжской Булгарии⁶. Квадратная или прямоугольная курная постройка *корка* в конце XIX – начале XX в. служила удмуртам зимним домом⁷.

Первые комплексные сведения о внешнем виде и интерьере жилища чувашей были собраны в период академических экспедиций XVIII в. Чувашаи тогда проживали на обнесенных изгородью дворах, в центре которых возводили дома, не имеющие ни сеней, ни чуланов. В избах встречались полати и нары, служившие кроватью и местом сосредоточения домашних вещей. В зимнее время под нарами держали молодых неокрепших животных⁸.

Г.Ф. Миллером о чувашских домах сказано, что «над печами и очагами сделаны дымовые окошки и комли. В избах везде делают у них, как и у татар, широкие лавки, или полки так, что поперек оных протянувшись человеку лежать можно; токмо оныя

¹ Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 172.

² Харузин Н.Н. Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895. С. 16.

³ Салмин А.К. Семантика дома у чувашей. Чебоксары, 1998. С. 8.

⁴ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1999. Т. 9–10. С. 88.

⁵ Матвеев Г.Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары, 2005. С. 27.

⁶ Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. Казань, 1987. С. 68.

⁷ Шутова Н.И. Об одной древнетюркской черте в традиционных удмуртских представлениях: археолого-этнографический аспект // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2010. С. 207.

⁸ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1771. С. 138.

лавки не по всей избе шириною одинаковы. Оконницы по большей части паюсные, от чего зимою у них весьма тепло бывает, или из тонких берест»⁹.

Планировка и домашний интерьер жилых помещений у чувашей, расселившихся на территории современной Республики Башкортостан, проиллюстрированы материалами экспедиции 1929 г. В числе сохранившихся графических изображений представлены планы жилищ. Рисунки свидетельствуют о развитии однокамерного дома среди населения. К избе пристраивали некапитальные сени. Известна конструкция изба + сени + изба. Число оконных проемов было различным. Однокамерную постройку освещали от двух до четырех окон. Количество окон зависело от проемов в каждом срубе и от наличия или отсутствия окна в сенях. Например, план зажиточного дома д. Кистенли-Богдановка насчитывает десять оконных проемов. В каждом срубе вырублены по четыре окна и два в сенях¹⁰.

Строительству жилого дома предшествовал тщательный выбор места. Традиционная гнездовая (кучевая) планировка дворов у чувашей была заменена уличной, внесшей изменения в расположение домов и построек. Гнездовая форма поселения предоставляла возможность занять наиболее пригодный для строительства участок. Чуваша учитывали расстояние до другого дома, наличие природного водоема, колодцев, качество почвы. Наиболее весомым критерием служило поведение домашних животных. Выбранное коровой место для отдыха считалось наиболее приемлемым. Изба, построенная здесь, будет теплой, полагали чуваша. А места, куда садились гуси, наоборот, считались непригодными¹¹. Согласно легендам, удмурты при выборе места для строительства *куалы*, наблюдали за поведением быка. Они следовали за быком: где он остановится – там и основали новую деревню¹².

Из практических соображений чуваша следили за солнцем, выбирая хорошо освещаемую сторону. Весной наблюдали за спадом воды и первыми ручьями на предполагаемом месте возведения дома. Быстрый сход снега, просохшую землю считали хорошим знаком. Выбор участка определял и жребий. Переселенцы на новой территории под руководством старых людей собирались вместе для жеребьевки. Старики выбирали длинный шест или посох и попарно выводили будущих домохозяев, которые переставляли по длине шеста ладони от верха до земли. Первый коснувшийся земли выбирал участок.

Детальное изучение места под будущий дом свойственно и восточнославянской традиции, в соответствии с которой из всего реально пригодного необходимо было выбрать только то, что может считаться таковым с ритуально-мифологической точки зрения. В данном случае устанавливалось равновесие сакрального и профанического, космического и земного¹³. Доверять выбор места дома крупнорогатому скоту характерно для восточных славян. Животные выступают как объекты, с поведением которых связывали точку осваиваемого пространства¹⁴.

Удачным локусам противоположны непригодные участки земли, к которым относили территорию погоревших домов, заброшенных бань, перекрестков и старых дорог. Границы и размеры нового жилища не должны были совпадать с прежним домом¹⁵. Строившие дома чуваша старались вывезти за пределы поселения. Строительство нового жилища, если отсутствовала возможность перехода на другой участок, начинали в стороне от произошедшего пожара. Нежелательным считали возведение дома на месте действующей или заброшенной дороги. Вятские жители избегали строительства на лесной дороге, проходившей по деревне¹⁶. Запреты были связаны с пребыванием на дорогах, перекрестках и других неблагоприятных локусах потусторонней силы, имевшей возмож-

⁹ Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. С. 9.

¹⁰ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН). Отд. III. Ед. хр. 212. № 1720.

¹¹ Салмин А.К. Указ. соч. С. 8.

¹² Орлов П.А. Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры): дис... канд. ист. наук: 07.00.07. Ижевск, 1999. С. 48.

¹³ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 26.

¹⁴ Там же. С. 37-38.

¹⁵ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 155.

¹⁶ Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003. С. 28-29.

ность причинить вред. Например, дорога часто использовалась колдунами и знахарями, связывала мир живых людей и умерших предков.

Место, неверно подобранное для строительства жилища, служило причиной неудач и семейного разлада¹⁷. Чуваши верили, что человек, переночевав на планируемом для дома участке, определит его свойства. Крепкий, хороший сон считали добрым знаком. Поднимали избу и на месте старой муравьиной кучи, как на более сухом и удобном¹⁸. К помощи муравьев прибегали и коми-зыряне. В берестяном коробе из леса приносили муравьев и небольшое количество сора из муравейника. Короб ставили на месте будущей постройки. Если место удачное, то муравьи обоснуются на нем, в противном случае они покидали короб¹⁹.

Примером изменения традиции при улично-квартальном расположении домов в поселении служит сюжет, приведенный П.П. Фокиным о выделении выселка из с. Русская Васильевка Самарской области. Старожилы говорили о наблюдении за животными в полушутливом тоне. «Следовало их пригнать и подождать, как они устроятся, успокоятся. Но нам, переселенцам, нужно было выдержать ряд по линии улицы, соблюсти границы участков, расстояние между домами. Так что при желании мы не смогли бы следить за этими приметам», – пишет автор²⁰. Отказ от строительства на месте, облюбованном гусями, подтверждает и другое требование – от начала возведения до переезда в избу, в нее не запускали голоногих птиц, поскольку они притягивали бедность к новому дому²¹.

Определившись с местом будущей избы, закладывали фундамент. Действие сопровождал обряд *никёс пӓтти* «каша божеству фундамента». Серебряную монету и шерсть укладывали в *тур кѣтесси* «угол божества *Турӓ*» (юго-восточная сторона), или на столбе фундамента, или после первого, третьего венца. В центре основания новой избы варили кашу и читали молитву о благополучии семьи²². Серебро должно было наполнить дом достатком, шерсть – теплом²³. Чуваши Большешатминского прихода Ядринского уезда Казанской губернии, закладывая фундамент, в углах раскладывали медные крестики, оберегавшие от злых духов. Произнося молитву, оборачивались лицом на восток²⁴.

Серебряную монету чуваши посвящали божеству *Хёртсурт* «хранителю домашнего очага»²⁵. С принятием православия чуваши начинали заимствовать традиции русских. Начиная строительство, по углам совместно раскладывали монеты и крестики. Для освящения будущего или уже законченного дома приглашали священника²⁶.

Монеты, размещенные под углы первых венцов жилища, называли *пӓрт никёсӓ*²⁷. До начала возведения сруба чуваши начинали рыть подпол. Вокруг него собирали венец, внутри которого варили кашу *никёс пӓтти*. На кашу приглашали соседей и старика, возглавлявшего обряд. Обернувшись на восток, говорили слова молитвы. Старик бросал в огонь ложку каши, после чего приступали к трапезе, угощению пивом. Согласно замечанию В.К. Магнитского, помимо монет по углам закладывали по горсти ржи²⁸. Если монета олицетворяла богатство, шерсть – тепло будущего здания, то рожь, естественно, подразумевала сытную жизнь и достаток в доме.

Во время полевых выездов информанты вспоминали и о том, что в подпол опускали выкопанный куст молодой рябины вместе с корнями. Объясняют действие тем, что семья, как и куст с корнями, должна прочно закрепиться на новом месте. Рябина охраняла домочадцев и жилище. В беседе с этнографами Е.А. Ягафовой и И.Г. Петровым было высказано предположение о том, что куст рябины в данной ситуации выступал одной из

¹⁷ Орлов П.А. Указ. соч. С. 48.

¹⁸ Чуваши: этнографическое исследование. Духовная культура. Чебоксары, 1970. Ч. 2. С. 72.

¹⁹ Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958. С. 213-214.

²⁰ Фокин П.П. Строительные обряды современной чувашской семьи // Этнология религии чувашей. Чебоксары, 2003. Вып. I. С. 67-68.

²¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 168. Л. 363.

²² Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994. С. 103.

²³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 150. Л. 514; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 238.

²⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 168. Л. 305.

²⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 12.

²⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 357.

²⁷ Ашмарин Н.И. Указ. соч. С. 90.

²⁸ Магнитский В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казанской губернии. Казань, 1881. С. 108-109.

форм домашнего божества *Йёрёх*. Неслучайно дерево использовали как оберег и хранили в доме, на усадьбе или сажали во дворе. Например, ставя новые ворота, в пустоту металлических столбов бросают рябиновые ветви. Закладывают их и в фундамент наряду с монетами и шерстью.

Поскольку для народной культуры свойственна вариативность, в разных поселениях известны разные вещи, используемые при закладывании дома, и разные углы, пригодные для этого. Характерно и разнообразие названий. Так, в с. Бишкаин Аургазинского р-на РБ обрядовые действия обозначают одним словом – *никёс* «фундамент, основание»²⁹. Вариация встречается и в выборе человека, закладывающего предметы. В этой роли выступают будущий хозяин, старший в роду мужчина, старшая женщина или беременная женщина. В случае неимения при строительстве среди родных беременной женщины, её приглашали из числа соседей и близких друзей. При отсутствии в семье мужчины, старшая женщина накидывала на себя пиджак и, держа под левой подмышкой мужскую шапку либо рукавицу, проговаривала молитву и слова благопожелания строящемуся зданию и жителям.

Закладывание монет, шерсти или крупы практикуется и сейчас. В срубе их помещают под венцы, при кирпичной стройке – под первый ряд, следующий за фундаментом.

Согласно преданиям, помимо монеты и шерсти чуваша жертвовали собаку или волка, которых закладывали под фундамент³⁰. При основании новых поселений они также зарывали в землю труп собаки или дикого волка³¹.

Жертва предметами на благо нового дома и проведение моления встречается в культуре башкир. На избранном для строительства месте укладывали белый камень – «камень фундамента», а в углы закладывали монеты. Совершали жертвоприношение и устраивали общее угощение всех присутствующих и встречавшихся на улице. Заложив фундамент, приглашали человека, произносившего молитву, желавшего достатка и счастья³². Наблюдаем подобные действия и у мордвы. Перед возведением фундамента в честь богини земли проводили моление. Под передний угол будущего дома зарывали хлеб, куриную голову, оставляли монету, рассыпали зерно либо сбрызгивали кровью жертвованной курицы бревно. Процедуры приносили богатство и благополучие³³.

Закончив работу с основанием жилища, приступали к возведению стен. Срубы поднимали, укладывая поочередно венцы согласно тому, как их рубили, в соответствии с нумерацией. Стены чуваша обозначали словом *пёрене*, одновременно означающим и бревно. Подобное совпадение подтверждает развитие, прежде всего, срубного домостроительства по отношению к иным типам жилищ в столбовой, каркасно-столбовой и саманной технике.

На возведенном срубе за один-два завершающих ряда водружали *мачча кашти* «матицу». Небольшие избы имели одну матицу, в более крупных срубах врубали по две. Под матицу использовали крепкое бревно или брус. Располагали её перпендикулярно входной двери³⁴. В укладывании матицы вдоль сруба подмечали отличие чувашских изб от русского жилища³⁵. Из качественного хвойного дерева укладывали одну матицу, из лиственных пород, например, осины, – две³⁶. Число зависело от размеров и конструкции дома.

Несомненно, установка матицы символизировала окончание работы над срубом, поскольку стены были возведены, и, одновременно, начинался новый этап работы над кровлей дома. Уникальность матицы в пространстве избы, по отношению к другим строительным элементам, раскрывают фольклорные материалы:

Энтри шалта, нуё тулта «Андрей в избе, голова наружу» (матица)

²⁹ Полевой материал автора (далее ПМА) – 2010 (РБ, Аургазинский р-н, с. Бишкаин).

³⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 89.

³¹ Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб., 2010. С. 191.

³² Масленникова Т.А. Художественное оформление башкирского народного жилища (XIX–XX вв.). Уфа, 1998. С. 45.

³³ Корнишина Г.А. Дом и ритуал в традиционной культуре мордвы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 2 (18). С. 83.

³⁴ Матвеев Г.Б. Крестьянская строительная техника (Северо-западные районы Чувашии) // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Чебоксары, 1986. С. 37.

³⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 78.

³⁶ Матвеев Г.Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. С. 43.

Ретюк ретём, Сенчук пёччен «Редюков целый ряд, а Сенчук один» (матица и потолочные доски)

Пёр салтак сине пин салтак пуç хурать «На одного солдата ложатся головами тысяча солдат» (матица и потолочные доски)³⁷.

Матица разграничивала территорию жилого дома. Она являлась рубежом «внутренней», «передней» части и «внешней», «задней», связанной с входом/выходом. Посторонний человек, посетив дом, не должен преодолевать границу и заходить за матицу без приглашения хозяев³⁸. У чувашей сваты, пришедшие в дом невесты, располагались на лавке у двери или под потолочной матицей. Только переговорив с хозяевами, получив приглашение к столу, они переступали границу и переходили в другую часть дома, находящуюся за матицей³⁹. При лечении больного знахарь сажал его под матицу, перечисляя варианты болезни⁴⁰.

Справедлива идея А.К. Байбурина о том, что место под матицей и её центром необходимо считать серединой дома, топографическим центром, на котором совершали значительное число обрядов, не связанных с сидением за столом или с печью⁴¹.

Поднятие матицы всегда сопровождалось проведением обрядовых действий. Бревно, предназначенное для матицы, заворачивали в шубу и поднимали в таком виде. Таким приемом выражали пожелание, чтобы дом сохранял тепло. «При подъеме матицы, как бы ни было тяжело, ни один из рабочих не должен ни охнуть, ни крикнуть. Когда кладут на место матицу, по ней не стучат ни топором, ни каким-либо другим предметом... Если не соблюдать этих требований, то, по мнению строителей, изба будет вонючей, угарной, сырой и дымной», – читаем в записях Н.В. Никольского⁴². Украинские плотники также старались не стучать по матице, поскольку в таком случае у хозяев будет постоянная головная боль⁴³.

Известны разные приемы подъема матицы. Помимо укрывания шубой, подвешивали кувшин с пивом, хлеб либо пирог *хуплу*, на концах матицы раскладывали по ложке каши. Подняв матицу, шнур перерезали. Каравай подхватывали или следили за падением и стороной, на которую падал хлеб. От этого зависела судьба домочадцев⁴⁴. У русских в скатерть или мех заворачивали хлеб, иногда водку и соль, подвешивали к матице. Один из строителей рассыпал у дома зерно и хмель. Наверху веревку, державшую скатерть, перерубали. Как и у чувашей, в одних населенных пунктах подхватывали сверток, а в других селениях следили за манерой падения. Положение на земле предсказывало будущее⁴⁵.

Информанты уверенно связывают установку матицы с окончанием одного из этапов строительства. Перед подъемом на срубе рассаживались два, четыре либо шесть мастеров, задействованных в работе с матицей. При недостаточном количестве мужчин наверх поднимались взрослые женщины. Перед подъемом в игровой форме объявляли: «Матка водку просит!». К матице веревкой привязывали хлеб или *хуплу* и бутылку с самогоном, водкой, домашним пивом. Поднимали очень осторожно, проявляя взаимоуважение и соблюдая тишину. Плотники, сидящие на срубе, пили по рюмке и спускали бутылку вниз. К матице помимо бутылки привязывали угощение, которое, попробовав, также спускали вниз. У верхних чувашей с. Антоновка Гафурийского р-на РБ под уложенной матицей в центре дома хозяева накрывали стол для строителей⁴⁶. В с. Наумкино Аургазинского р-на РБ за недостаточное угощение мастера прятали пустую бутылку с матицы на крыше дома горлышком к ветреной стороне, чтобы она гудела при сильных порывах⁴⁷.

Веревку с подвешенным хлебом обрубали. Каравай, упавший плоской стороной вниз был хорошим признаком, округлая сторона хлеба предвещала несчастье. Помимо

³⁷ Романов Н.Р. Чувашские пословицы, поговорки и загадки. Чебоксары, 1960. С. 206.

³⁸ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. С. 145.

³⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 67-68.

⁴⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 22.

⁴¹ Байбурин А.К. Указ. соч. С. 146.

⁴² Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. Вып. 1. С. 38.

⁴³ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 316.

⁴⁴ Матвеев Г.Б. Указ. соч. С. 43.

⁴⁵ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 315-316.

⁴⁶ ПМА – 2011 (РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка).

⁴⁷ ПМА – 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Наумкино).

пирога, хлеба, бутылки и закусок с установкой матицы связано закладывание монет и шерсти, т.е. повторяли те же действия, что и при закладке фундамента. Монета и шерсть символизировали достаток и тепло будущего здания. В с. Бишкаин Аургазинского р-на РБ в комок с шерстью скатывали муку, пшено и другие крупы.

Украинцы Республики Башкортостан оборачивали платком матицу и подкладывали под нее зерно и монеты, что гарантировало счастливую жизнь. Под воздействием башкир у украинцев деньги матице заменила шерсть, «символ счастья и благополучия у скотоводческих народов»⁴⁸. Использование монет и шерсти подтверждает роль матицы как локуса сосредоточения материального благосостояния семьи⁴⁹.

Обрядовые действия под матицей дома в свадебных торжествах, проводах рекрута и других ситуациях подтверждают «решительность событий, происходящих в жизни индивида, семьи и рода... решается судьбоносная задача: быть за матицей или удержаться на этой стороне»⁵⁰.

Таким образом, чувашаи, как и многие другие народы, строительство нового дома сопровождали обрядовыми действиями. Место для будущего жилища выбирали в соответствии с религиозными воззрениями, но обращая внимание на особенности ландшафта. К значимым событиям принадлежит правильное закладывание фундамента, обеспечивающее безбедную и счастливую жизнь на новом месте. Символами благополучия выступали монеты, шерсть, ветви рябины. Возведение сруба заканчивалось установкой матицы, олицетворявшей середину пространства избы, её центр. Естественно, домашняя обрядность многообразна, содержит большое количество разного рода процедур. Тем не менее, выбор локуса дома, начало строительства и завершение одного из этапов являются важными событиями в традиции домостроительства чувашей.

HOUSEBUILDING TRADITIONS OF CHUVASHIANS

V.V. MEDVEDEV

*Nosov Magnitogorsk State
Technical University*

e-mail: vlad.etno@mail.ru

Housebuilding accompanied by ceremonials. They protected oncoming houses, providing prosperity and domesticity. In the article was analyzed Chuvashian ceremonials of choicing place for a home, starting building, taking basement of home and putting joist. House installation was occuring in a locus, that consistent landscape peculiarity and respondent to Chuvashians ideology. Prosperity and domestisity depended of taking a proper basement. The welfare domestisity embodied by coins, rowanberry branches, wools of pets. Housebuilding was finishig by puting joist on a frame. Joist defined the center of the house. Choicing place for a building, starting to building and finishing it was important events of Chuvashians housbuilding traditions. There are ethnocultural parallels for better re onstruction.

Key words: home, ceremonies, building, base, joist, chuvash.

⁴⁸ Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа, 1992. С. 125.

⁴⁹ Шкляев Г.К. Обряды и поверья удмуртов, связанные с жилищем // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск, 1989. С. 32-33.

⁵⁰ Салмин А.К. Семантика дома у чувашей. С. 56-57.

УДК 930.1(09)

ДИСКУССИЯ М.П. ПОГОДИНА И Н.И. НАДЕЖДИНА ПО ВАРЯГО-РУССКОМУ ВОПРОСУ**С.В. ПАШКОВ***Липецкий государственный педагогический университет**e-mail: 21290@griazy.lipetsk.ru*

Одним из самых актуальных в исторической науке является варяго-русский вопрос. В связи с богатой историографией проблемы все более важной становится ее тщательная разработка. В частности, показательными являются дискуссии крупного историка-норманиста XIX в. М.П. Погодина, в ходе которых он сделал ряд существенных уступок оппонентам. Одним из малоизученных и мало привлекавших внимание является его спор с антинорманистом Н.И. Надеждиным. Данная статья может в какой-то мере восполнить этот пробел. Предметом дискуссии стала интерпретация комплекса сведений об уходящем в глубокую древность бытовании на юге Руси этнонимов прямо совпадающих или близких к этнониму «русь». Этот аспект варяго-русского вопроса является одним из наиболее дискутируемых в историографии.

Ключевые слова: М.П. Погодин, Н.И. Надеждин, варяго-русский вопрос, варяги, русь, норманизм.

Одним из самых актуальных в науке является варяжский вопрос – вопрос о происхождении и роли варягов в формировании Древнерусского государства. Для его изучения и дальнейшей разработки необходим анализ обширной историографии, уроки которой позволяют найти решения многих проблем, возникающих при рассмотрении данной темы.

В этой связи актуально обращение к научному наследию крупнейшего норманиста XIX в., профессора Московского университета М.П. Погодина (1800–1875). Михаил Петрович утверждал норманскую теорию в крайних формах, однако постепенно его взгляды на ряд важных аспектов вопроса приближались к точке зрения оппонентов, что в итоге подрывало обоснованность основного защищаемого им тезиса о германской природе варягов. Поэтому необходимо изучение проблемы выявления причин, вызвавших эту эволюцию воззрений.

И основной были дискуссии историка с оппонентами, воздействие на него их критики. Поэтому следует проследить ход каждой из них, выявляя как защищаемые положения, так и уступки Михаила Петровича на каждом этапе.

Одним из аспектов варяго-русского вопроса является проблема древнего употребления по отношению к территории северного Причерноморья и его обитателям терминов, близких к этнониму «русь». На эту же тему в 1840 г. произнес речь ученый, критик, журналист, одно время преподававший в Московском университете, издатель журнала «Телескоп» (сосланный за помещение в нем «Философического письма» П.Я. Чаадаева) Н.И. Надеждин (1804–1856) в торжественном собрании Одесского общества любителей истории и древностей «О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским». Погодин выступил с рецензией.

Говоря о значении изучения истории народов территории южной России (северного Причерноморья), Надеждин заключал: «Коротко сказать: здесь, на этом таинственном кладбище неразгаданных могил Европа должна отыскивать прах предков всего древнего своего народонаселения. Археологическое исследование наших степей есть необходимое введение в ее историю»¹. Обращаясь к истории России, он констатировал: «Но народы не рождаются вдруг... В IX веке народ русь существовал уже сильным, могучим народом; следовательно, он должен был родиться прежде»².

Затем он приводил сведения об упоминании терминов, схожих с этнонимом

¹ Надеждин Н.И. О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским // Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 года. Одесса, 1840. С 30.

² Там же. С. 41.

«русь», по отношению к этой территории: «...это таинственное, неизъяснимое имя русь... с отдаленнейших времен древности постоянно слышится в нашей стороне, под сенью Кавказа. Я не упоминаю уже о давно замеченном месте пророчества Иезекиилева, где по переводу семидесяти, имя “Рось” упоминается в этнографическом значении, вместе с именами Мосоха и Фовела...». Также «и классическая греко-римская география находит именно в Подкавказье по сю сторону хребта, то есть в наших южных степях два народных имени, весьма подобозвучные имени руси: это известные имена “аорсов” и “роксолан”». Надеждин пояснял, как они связаны с термином «русь»: «Имя это очень может быть сложным из “роксов” или “россов” и “алан”, народа, с которым роксоланы полагаются в непосредственном и непрерывном соседстве не только под Кавказом, но и при дальнейшем распространении внутрь Европы»³.

Николай Иванович привёл восточные известия о «народе “Аз’-габ эр-Расс”, то есть “владелец (житель) Расса», помещаемом «на Араксе, притоке кавказского Кура» (а в этом случае «“рассы” могли быть дальнейшим юго-восточным протяжением аорсов и роксолан наших степей»), о существовании в VI веке «“руссов”, соседей хазаров и славян по сю сторону Дербента». Также «поэт Фирдуси в своей “Книге царей” три раза упоминает народ “русь” при Сассанидах... другой восточный поэт Низами, воспевавший Александра Великого под именем Искандера, описывая поход его на север... говорит “о семи русских странах”...»⁴.

Надеждин полагал, что, хотя «это поэты восточные и притом позднейшего времени», ведь «до X века нет современных восточных свидетельств ни о каких руссах; ибо и Шагир-эд-Дин относится уже к XIV веку». Но «их голос верно есть отголосок древнего предания⁵. Погодин соглашается, что «в том и задача – разобрать древность предания и степень верности» и «до тех пор можно принимать подобные показания, очень любопытные, к сведению». Однако, считает ученый, «нельзя основывать на них ничего»⁶.

Более того, продолжал он, «что касается до нас, мы не находим здесь ни Руси, ни России, а слышим только звук Р в разных соединениях. Историю этого звука Р, но не историю России, можно довести гораздо дальше, до самого Адама. Такие созвучия ровно не значат ничего...».

Однако Михаил Петрович готов был признать, что «роксоланы были русские» и что поэтому «мы заключим тогда, что древность русских простирается до роксолан и далее», но для него в рамках его концепции из этого ничего не следует: «...что же из этого для нашей истории? Как связать с нами этих роксолан исторически, внутренне?»⁷.

По-разному Надеждин и Погодин интерпретировали сведения арабских авторов о начальной истории нашего государства. Первый говорил: «Но с X века имя руссов становится осязательно-известным для аравитян и именно в нынешней южной России». И приводил известия Ибн Фадлана, ал-Массуди, Ибн Хаукаля и другие, в результате подытоживая: «Все это неоспоримо доказывает, что в X веке под именем “руссов” существовал сильный народ по сю сторону Кавказа, преимущественно близ реки Дона, который потому и назывался у арабов “русскою рекой”». Этому народу «была знакома дорога за хребет Кавказский, туда, где находились рассы Курана в VII веке; его нашествия, как видно, не считались там новостью: они описываются современниками как дело обыкновенное, бывалое, следовательно, этот народ не был здесь ордою недавно набеглою».

Молчание же «об нем аравитян до X века легко и естественно объясняется тем, что волнения, терзавшие Персию в три первые века гиджры, не допускали их проникать на нашу сторону Кавказа». Но если «поклонники ислама открыли своих “русь” не прежде X века, то византийцы еще в IX веке знали именно здесь же, в черноморском подкавказье народ “рос”», который около 866 г. «нападал через Черное море на Константинополь».

³ Надеждин Н.И. Указ. соч. С. 42-43.

⁴ Там же. С. 43-44.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Погодин М.П. О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским. Речь г. Надеждина, помещенная в книге под заглавием: Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей, 4 февраля 1840. Одесса, 1840 // Москвитянин. Ч. I. № 2. М., 1841. С. 551.

⁷ Там же.

Сравнивая изложенные греками и арабами походы руссов, Надеждин приходил к выводу: «Обстоятельства этого нападения, описанные современником, ученым и красноречивым патриархом Фотием так согласны с обстоятельствами набега на Ширван по Каспийскому морю, спустя девяносто лет, описанного современником же Массуди, что, без всякой натяжки, по всем вероятностям исторической логики, должно признать “русь” аравитян и “рось” византийцев за одно и то же». Между тем, «патриарх говорит о своих “росах” как об народе давно известном». А что «византийцы упоминают их под этим именем не прежде IX века, это опять не доказательство, чтобы их здесь до тех пор не было»⁸. Погодин не соглашался: «Эти свидетельства мы принимаем, и все они очень достоверно прикладываются к киевским норманнам-руси, известной и у греков»⁹.

Михаил Петрович полагал, что в этом случае «автор воскрешает Шлецеромы при видения, народ Русь, который неизвестно откуда приходил и неизвестно куда ушел, после нападения своего на Царьград в 866 году». И приводит свое объяснение: «Это подобие обстоятельств я приводил уже очень давно, только умноженное и распространенное. Обстоятельства русского нападения на берег Каспийского моря, и русского на Константинополь, одни и те же с нападениями норманнов на берега всех европейских морей, и доказывают их одно северное происхождение, а не восточное»¹⁰.

Надеждин делал следующий вывод: «По всем соображениям, извлекаемым из сравнительной этнографической номенклатуры, народ, который в X веке по Р.Х. открыт аравитянами по сю сторону Кавказа под именем “русь”, был тот же самый, который в IX веке страшил византийцев под именем “рось”, в VI и V веках был подручником Сассанидов опять под именем “русь”, в IV веке, увлекшись общим движением Востока на Запад, покорствовал Германариху под именем “рокс-алан” или “россов аланских”, под которым именем во II веке смущал царствование Адриана на Востоке за Кавказом, а в I веке до нашей эры заграждал Кавказ для победоносного оружия Митридата, и который, наконец, под именем “аорсов” уходит в седой мрак, окружающий колыбель первоначального заселения Европы»¹¹.

В итоге автор речи заключал: «...остается утвердить, что народ этот, которого имя возведено за пределы христианского летосчисления, был тот самый, который, назад тому тысячу лет, явился под именем “руси” на берегах Волхова и Днепра, и теперь в лице нас державствует на всем востоке Европы. Тут далеко ходить незачем. Византийских “рос”, описываемых Фотием, наша древняя летопись торжественно признает русью киевской, предводительствованною в своей отважной экспедиции удалыми витязями Аскольдом и Диром. Поход аравийских “руссов” за Кавказ, описанный Ибн Гаукалом, почти год в год сходится со сказанием той же летописи о походе богатыря Святослава на хазаров, и потом на касогов и ясов... Сверх того, тот же самый Ибн Гаукал называет столицу одного из современных ему поколений народа “рус” именем, в котором ощутительно название Киева; тогда как Массуди в числе русских тогдашних поколений ставит одно с именем “эль-Лодагиэ”, что весьма отзывается Ладогой...»¹².

Надеждин правомерно заострял внимание на древнем названии Черного моря: «...эта таинственная купель исторического крещения народов, является в самых первых наших воспоминаниях под именем “моря Русского”. И не мы одни так называли его: под тем же самым именем оно известно всем восточным географам и историкам. “Море Русское” – оно не могло так назваться от временного прилива русских дружин на берега его из глубины севера во времена исторические! Начало этого наименования уходит во мрак времен предысторических. Здесь русский дух издревле был туземный!»¹³.

И хотя «общее мнение, подтверждаемое отчасти темными преданиями наших летописей, признает, что в эту эпоху, относящуюся к концу IX века, и жизнь русская и имя русское пролились с севера на юг, перенесены из Новгорода в Киев», но «мы знаем, что вещей Олег... наименовал Киев “матерью градов русских”, следовательно утвердил здесь,

⁸ Надеждин Н.И. Указ. соч. С. 44-46.

⁹ Погодин М.П. О важности исторических и археологических исследований... С. 552.

¹⁰ Там же. С. 553-554.

¹¹ Надеждин Н.И. Указ. соч. С. 47.

¹² Там же.

¹³ Надеждин Н.И. Указ. соч. С. 48.

на юге, средоточие русского мира». Действительно, «самое имя руси с тех пор является так усвоенным югу, что Константин Порфиrogenет, в своем описании Русской земли полагает Новгород «вне Руси»¹⁴.

Древним проживанием руси на юге объяснял Надеждин и намерение Святослава перенести столицу государства на Дунай: «Варвар был наш герой; но в его буйную голову едва ли могла запасть безрассудная мысль основать средоточие своего могущества вне окружности, установить центр русской силы за пределами земли русской. Верно, он, стоя на Дунае, чувствовал себя дома, видел вокруг себя русский мир, дышал русским воздухом». В русле своих рассуждений вел речь Николай Иванович и о Галицком княжестве от Карпат до Дуная, и о Тмутаракани¹⁵.

Таким образом, Надеждин, рассмотрев известия о существовании южной руси, поставил ряд вопросов, являющихся камнем преткновения для норманизма. Разумеется, Погодин «не верил» этой «древнейшей генеалогии» и объявил такой взгляд «безвредным»¹⁶. Однако вопрос о пребывании на юге России народов с названиями, близкими к «русь», и собственно с этим этнонимом до прибытия варягов ученый не мог разрешить в рамках норманской теории и поэтому был вынужден объявить их несущественными (что, конечно, не удовлетворяет научным требованиям). Показательно, что в опубликованной им через три года работе в записках того же Одесского общества он не назвал норманнами руссов, совершивших нападения на берега Черного моря, описанные в житиях святых Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, относящиеся ко времени до призвания Рюрика¹⁷.

DISCUSSION OF M.P. POGODIN AND N.I. NADEJDIN ABOUT VARYAGO-RUSSIAN QUESTION

S.V. PASHKOV

Lipetsk state pedagogical University

e-mail: 21290@griazy.lipetsk.ru

Varyago-russian question is one of the most actual in the historical science. It is very important its careful design due to the rich historiography of the problem. In particular, revealing are discussions of major historian-normanist XIX century M.P. Pogodin, during which he made a number of significant concessions to opponents. One of the little-known and attracted little attention is its dispute with antinormanist N.I. Nadejdin. This article may to some extent fill this gap. The subject of discussion was the interpretation of complex information about the antiquity existence in the south of Russia ethnonyms identical or close to the ethnonym "rus". This aspect of varyago-russian question is one of the most discussed in the historiography.

Keywords: M.P. Pogodin, N.I. Nadejdin, varyago-russian question, varyagi, rus, normanism.

¹⁴ Там же. С. 49.

¹⁵ Там же. С. 50-52.

¹⁶ Погодин М.П. О важности исторических и археологических исследований... С. 556.

¹⁷ Погодин М.П. О походе руссов на Сурож // Записки Одесского общества. Т. I. Одесса, 1844. С. 191-197.

ДОМ КАК СТРУКТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАЗАНСКИХ МЕЩАН ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Т.В. БЕССОНОВА

*Набережночелнинский
институт Казанского
федерального университета*

e-mail: bessonovatv@list.ru

Статья посвящена изучению дома казанского мещанина как среды обитания, в которой реализовывались повседневные жизненные практики. Анализ материального окружения казанского мещанства позволяет изучить бытовое поведение как сферу воплощения культурных кодов, отражающих нормы и ценности данного сословия. Отдельное внимание уделено вопросу пересечения приватной и публичной сторон жизни горожанина дореформенной России, отражающейся в структуре домового пространства. Исследование мещанского домовладения как структуры повседневности показывает, что дом несет смыслы, отражающие восприятие мира, характерное для традиционных доиндустриальных обществ. Одновременно наблюдаются новые веяния, постепенно приближающие мещанский дом к дому горожанина индустриальной эпохи.

Ключевые слова: мещанство, повседневность, образ жизни, домовладение, частная и публичная жизнь.

История российского мещанства является одной из тем, активно изучаемых отечественной наукой в последнее десятилетие. Являясь массовым слоем рядового городского населения, мещанство не пользовалось повышенным вниманием традиционной социальной истории. Антропологический поворот в исторической науке позволил заново прочесть источники и сконцентрировать внимание на человеке в истории, показать малый жизненный мир как пересечение макропроцессов в конкретно-историческом проявлении. Человек прошлого перестал быть абстрактной моделью, он стал исторической реальностью, преломляющей в своем внутреннем мире современную ему эпоху и одновременно участвуя в процессе ее трансформации.

Реальность существования человека отражается в вещах. Мир вещей – та среда обитания, которая формируется человеком в процессе его повседневной жизни и отражает социальную и национальную идентичность, ментальные установки, эстетические приоритеты. Концентром вещного, предметного мира человека является дом – жизненное пространство, формируемое человеком в заданных исторических условиях, в котором осуществляются стратегии поведения, реализуемые в повседневной жизни. Анализ материального окружения человека, им созданного, накопленного и сбереженного, позволяет осознать бытовое поведение как сферу воплощения скрытых культурных кодов, отражающих нормы и ценности целого общества, о чем одним из первых в отечественной науке писал Ю.М. Лотман¹.

Подобные культурные коды сложились в типичные образы боярских хором, дворянской усадьбы, крестьянского двора. Устойчивые культурные определения получил и мещанский быт. С легкой руки А.И. Герцена термин «мещанство» приобрел внесловное, этическое значение, что было подхвачено русской литературой и воплощено в ярких и хлестких оценках. «Мещанство – это узость, плоскость и безличность, узость формы, плоскость содержания и безличность духа», – писал вслед за А.И. Герценом Р.В. Иванов-Разумник². Применяя термин в двух смыслах, узком сословном и широком этическом, А.И. Герцен подчеркивал, что первое значение является только частным случаем второго, распространяя мещанство как этическую характеристику на самые широкие слои насе-

¹ Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т.1. С.248-268; Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т.1. 296-336.

² Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. СПб., 1907. Т.1. С. 15.

ния³. И все-таки показательно, что для универсального понятия, обозначающего весь комплекс зарождающейся массовой культуры - усредненной, безличной, потребительской - было использовано определение именно мещан. Сконструированное властью как «средний род людей», мещанство являло собой массовую группу городских обывателей, образ жизни которых был наиболее типичен для городского населения. Не случайно сам термин «мещанин», использованный Екатериной II для обозначения новой сословной группы, понимался современниками как «местный житель», «горожанин вообще». Разъясняя слово «мещанин» во Французском лексиконе, переведенном на русский язык Сергеем Волчковым в 1785 г., автор, переводя с французского *le bourgeois* как «Bürger», приводит пример употребления в немецком языке: «*Er ist sein und euer Mitbürger*» – «он с тобою и с ним одного города мещанин, житель, земляк». Приводимые примеры фразеологических оборотов еще более уточняют смысл понятия: «*Er lebt und redet burgerlich* (нем.), *il vit, il parle bourgeoisement* (фр.) – живет и говорит по-посадски, попросту, как обыкновенно»⁴.

Мещанство стало синонимом обыденности, обычности, которые при эмоционально-экспрессивном окрашивании приобрели значение обывательщины, выраженной в материальной культуре. «Накопить fortuna и иметь как можно больше вещей – это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизис парижанина» - писал, путешествуя по Европе, Ф.М. Достоевский в «Зимних заметках о летнем впечатлении»⁵. Так было определено одно из главных качеств мещанского образа жизни – вещизм, активно обличаемое в советские времена. На другое качество – эстетическую примитивность и вульгарное украшательство - обращал внимание А.И. Герцен: «Все получает значение гуртовое, оптовое, рядское, почти всем доступное, но не допускающее ни эстетической отделки, ни художественного вкуса»⁶.

Литература и публицистика второй половины XIX – начала XX вв. содержат массовые примеры, подтверждающие точность приведенных характеристик, тогда как образ жизни мещан дореформенной России привлекал гораздо меньше внимания. А ведь именно к началу XIX в. завершился процесс формирования данной сословной группы в юридическом, экономическом и социокультурном смысле, сложилась мещанская идентичность. Мещанин являл собой типичного горожанина, носителя городского образа жизни. Создание мещанства было практикой оформления городского гражданства, отличного от дворянства и крестьянства, а принадлежность к мещанству осознавалась как достойная характеристика. Так, в конце XVIII в. в России вышла переводная книга по военно-морскому делу, эпиграф к которой имел символическое звучание:

«Дворянства не хочу в свой век я получить,
В мещанстве я рожден, хочу в мещанстве жить!
Дворянства же купя, свой промысел забудешь,
Ни рыба ты, ни мясо будешь»⁷.

Уважительное отношение к мещанину звучит и в «Моей родословной» А.С. Пушкина. Противопоставляя себя «новым русским аристократам», подчеркивая длительное историческое бытование своего рода, поэт называет себя мещанином, самостоятельно и достойно зарабатывающим себе на жизнь:

«Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой, я мещанин»⁸.

³ Герцен А.И. Концы и начала [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/intell/ger_konnach.php.

⁴ Французский лексикон, содержащий в себе все слова французского языка... с немецкими и латинскими, переложенный на российский язык Сергеем Волчковым. Ч.1. СПб., 1785. С.191.

⁵ Достоевский Ф.М. Дядюшкин сон; Село Степанчиково и его обитатели; Скверный анекдот; Зимние заметки о летних впечатлениях. Л., 1982. С. 407.

⁶ Герцен А.И. Концы и начала...

⁷ Баренбаум И.Е. Перевод и издание французской книги по военному и морскому делу (вторая половина XVIII века) // Научная книга. 2004. №24 (2004/2). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.naukaran.ru/sb/2004_2/14.shtml.

⁸ Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1959-1962. Т. 2. С. 330.

Изучение повседневной культуры казанского мещанства позволит соотнести клише мещанского образа жизни с реальными обыденными практиками и воссоздать систему ценностей дореформенного мещанина, наиболее близкого по духу той идеологии, которую вкладывала в мещанство Екатерина II. Исследование мещанской повседневности интересно и тем, что само мещанство – символ обыденности, обычности, оно культивировало ценности повседневной жизни маленького человека. Эта жизнь протекала в условиях перехода России к индустриальному обществу. Исследование материальной среды, создаваемой мещанством, позволит понять, насколько глубоко модернизационные процессы затронули городское население, и в каких формах были воплощены.

Средой обитания человека, в которой реализовывались его повседневные стратегии жизни, является дом – связующее звено в картине мира. «Строя себе дом, — писал И.А. Ильин, — человек создает себе оплот телесного существования и средоточие духовной жизни, он устраивает себе лично-интимный угол на земле, свой священный очаг, как бы свое внешнее я»⁹. Наиболее ценными источниками для изучения мещанской бытовой культуры являются описания имущества, составленные при переходе домовладения в опекуновское управление, а также по случаю распродажи имений несостоятельных должников. Данные документы сосредоточены в разных фондах Национального архива Республики Татарстан – фонде Казанской татарской ратуши, городского магистрата, русского и татарского сиротского судов. Источники содержат детальное описание движимого и недвижимого имущества мещан с указанием количества, стоимости и качественного состояния. Основой имущественного благосостояния был дом, он осознавался как надежное и устойчивое убежище, фундамент бытия – этим объясняется пристальное внимание к характеристике дома. Описания имущества подробнейшим образом перечисляют, из каких материалов сделаны стены, двери, пол и потолок, сколько в доме окон, печей, дверей, лестниц. Детально описаны двери «плотницкой работы на петлях и крючьях железных», окна с двойными рамами на болтах, заслонки и вьюшки на печах.

Само владение собственным домом было для мещанина признаком социального престижа и далеко не все мещане были домовладельцами. По именному списку казанских мещан, составленному в 1858 г., из 1527 мещанских семей владели собственными домами только 352 мещанина, что составляет всего 23%¹⁰. Характерно, что все источники говорят о мещанском доме, иногда – о флигеле, но никогда об избе, это подчеркивает городской характер жилья. Состояние домов, качество и размеры были существенно различными. Мещанка Катерина Ивойлова в 1826 г. заложила приказу общественного призрения каменный двухэтажный дом с антресолями, крытый железом, «в нем покоев 14, в коих дверей с санными 20, окошек 34 с двойными рамами»; в доме были бревенчатые потолки и штукатуренный пол, а вход во двор был через створчатые ворота на каменных столбах со сводами¹¹. По-видимому весьма престижный дом, приемлемый для проживания дворянского семейства, имел Михаил Синьков, у которого титулярный советник и кавалер Зиновьев снял «в верхнем этаже больших 5 покоев»¹². На другой полюс качества жилья можно поставить имущество Гавриила Петрова, который имел «флигель деревянный одноэтажный с чердаком <...> во флигеле 3 окна без рам, полов и печей в нем нет, в чердаке окно, пол и потолок досчаные и одна русская печь. При них холодныя в два этажа сени, нижний этаж сеней в одну сажень вышины забран пластником без пола, а верхний этаж забран тесом, так же без пола и потолка. Все означенное строение крыто тесом <...> и находится в разрушенном и неудобном для жительства положении»¹³.

Мещанское домовладение было сосредоточием стратегий жизни, определяющих формы повседневного существования и выживания человека той эпохи. «Дом и равным образом основные, т.е. употребительные формы утвари, оружия, одежды и посуды принадлежат к тотемной стороне бытия. Они характеризуют не вкус, но навыки борьбы, жизни и работы», – отмечал О.Шпенглер¹⁴. Нередко при доме находились предприятия –

⁹ Ильин И.А. Указ. соч. С. 279. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 279.

¹⁰ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 570. Оп. 1. Д. 1.

¹¹ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 361. Л. 6.

¹² Там же. Ф. 114. Оп. 1. Д. 235. Л. 180б.

¹³ Там же. Ф. 114. Оп. 1. Д. 3430. Л. 8-80б.

¹⁴ Шпенглер О. Закат Европы // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 432-433.

так, во дворе уже упоминавшейся Ивойловой было 2 мыловаренных завода, каменная палатка и жировой склад. Мещане Зайцевы обладали внушительным дворовым местом в 476 квадратных саженой и выстроили две кожевни с девятью и семью чанами, дубильней и сушильней, помимо них во дворе были вмурованы два котла с кирпичным очагом. Значительная часть мещан занималась мелкой торговлей и хранила в домах необходимые для нее приспособления. Так, в имуществе Муссы Максютова описано 16 чугунных гирь разного веса, а также два вида весов со скалами¹⁵. Козьма Липин пользовался двумя медными безменами, весами со скалами и железными цепями, многочисленными чугунными гириями¹⁶.

Практически все мещане-домовладельцы имели лошадей и собственные средства передвижения, об этом говорят как постройки, так и характерные вещи. Конюшня с тремя стойлами и каретный сарай были у Ивойловой, лошадь, конская упряжь и двои катовые сани – у вдовы Абзялиловой¹⁷. Клементий Грязев имел мерина с телегой, хомуты и узду¹⁸, а Козьма Липин выстроил во дворе каретник, в котором стояли дрожки, два ролспуска без колес, сани, дрожки без рессор со всем прибором¹⁹. Мещанин Ягоферов содержал в конюшне гнедого мерина, а в каретнике хранились телега на шиновых колесах²⁰. Мусса Максютов имел несколько повозок, ветхий характер которых подтверждает их активное использование: татарскую тележку на манер дрожек с сиденьем, обитым лакированной кожей, летнюю повозку с откидным верхом, зимнюю повозку с кожаным верхом, простые сани и два резца на полозьях, соответствующую конскую упряжь.

Лошадь была не только тягловой силой для обеспечения бытовых хозяйственных нужд, но и одним из источников дохода мещанина. Так, ежегодно в начале осени в городской думе рассматривались массовые прошения мещан разрешить перевозки товаров с Бакалдинской пристани в Казань и обратно. Перевозом занимались преимущественно мещане-татары, нередко совместно с крестьянами-татарами из Казанского уезда, подчеркивая, что этот промысел – единственный источник дохода «для пропитания бедного нашего семейственного положения и не имея больше никаких средств снискать как оным промыслом»²¹. В зимнее время мещане вели мелкую торговлю зерновым хлебом на Хлебной площади без палаток и балаганов, а прямо с саней²². Существенный заработок давал извоз, особенно во время праздничных гуляний. Одной из казанских традиций было «катание на татарах» во время масленичной недели, когда татары-извозчики катали ездоков из одного конца города в другой²³.

А вот имущество Ахмета Карташева, – две шерстяные попоны, седло с прибором, кожаной подушкой и арапником, хомуты и нагайка, – позволяет предположить, что лошадь им использовалась для верховой езды, в том числе, для охоты. Среди вещей Карташева мы встречаем английское ружье, патронташ, пороховую фляжку и кожаный кошелек для дроби, кинжал, и даже колчан со стрелами²⁴.

Практически все исследователи отмечают существенную роль в жизненном укладе горожан в указанный период сельскохозяйственных занятий. Так, Л.В. Кошман подчеркивает, что в начале 1860-х гг. в 20-ти губерниях Центральноевропейской части России и Поволжья сельскохозяйственные занятия отмечены более чем в 2/3 городов²⁵. Однако для Казани это нехарактерно. Как отмечала специальная комиссия, основываясь на сведениях из казанской городской думы, «жителей, занимающихся сельскими промыслами, в Казани весьма немного... Таких лиц только 142, из которых 139 душ приписаны к мещанскому обществу, а 3 души к цеховому. Земли для обработки они нанимают у крестьян в ближайших к городу селениях»²⁶, это притом, что мещан в городе насчитывалось 9816

¹⁵ НАРТ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9. Л. 27.

¹⁶ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 1. Л. 22.

¹⁷ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 361. Л. 66.

¹⁸ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 553. Л. 50

¹⁹ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 1. Л. 22.

²⁰ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16. Л. 14.

²¹ Там же. Ф. 114. Оп. 1. Д. 436. Л. 191.

²² Там же. Л. 221.

²³ Вишленкова Е.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX – XX вв / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. Казань, 2008. С.161.

²⁴ НАРТ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.

²⁵ Кошман Л.В. Мещанство в России в XIX в. // Вопросы истории. 2008. №2. С. 12.

²⁶ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 гг. СПб., 1863. Ч. 2. С. 9.

душ мужского пола и 11955 женского²⁷. Это подтверждается и описанием мещанского имущества. Так, среди анализируемых домовладений только у Ивойловой был коровник, две козы у Абзялиловой, 10 кур и 1 петух у Грязева. Зато в каждом домовладении встречаются обязательные дворовые постройки: амбары и погреба, реже сараи и лабазы. Каждая семья еще сама перерабатывала и запасала на длительный срок необходимые продукты питания и корм для лошадей. У многих семей были огороды и сады, поставившие продукцию, как для личного употребления, так и для продажи. Но в усадьбе Катерины Ивойловой сад, засаженный не только практичными яблонями, но и романтическими акациями и липами, уже выполнял эстетическую функцию.

Внешний вид домов в основном сохранял традиционные черты, характерные для русских городов, что было предметом специального изучения исследователей²⁸. Абсолютное большинство домов были из соснового леса разной степени сохранности, крыты «по лубу драньем», иногда тесом, каменные дома крылись железом. Все дома имели сени и крыльцо. Однако в облике домов можно наблюдать уже новые веяния. Заметным явлением было стремление увеличивать число жилых помещений, как за счет перегородок, так и за счет надстроек. Так, в доме Ивойловой было 14 «покоев», а на втором этаже еще и антресоли. На 6 покоев разгорожен одноэтажный двухсрубный дом Зайцева, жилым помещением был и чердак – там была внушительная комната в три окна и изразцовая печь «голанской». У Ягоферова на первом этаже было 2 комнаты, а на втором – четыре, к дому была пристроена летняя кухня с амбаром, над которой располагался теплый чердак с «галанской» печью. Подобное стремление увеличить число жилых помещений объясняется не столько большой численностью домохозяев в мещанских семьях, сколько активной сдачей жилья внаем, что служило существенным источником дохода мещан. Ягоферов даже выстроил два крыльца, ведущие на второй этаж, что позволяло арендаторам иметь отдельный вход в свои помещения.

К числу новых явлений следует также отнести применение в облике домов модных для того времени архитектурных элементов, самым ярким из которых является венецианское или итальянское окно. Подобное окно было на чердаке дома Петрова, на крыльце, ведущем на второй этаж у Ягоферова, и у него же на втором этаже над амбаром. Согласно словарю архитектурных терминов итальянским называлось арочное полуциркульное окно, разделенное на три части вертикальными перемычками, являющееся характерным элементом архитектуры русского классицизма второй половины XVIII – начала XIX вв.²⁹

Важным элементом повседневной культуры была баня. Если в сельской местности баня была непременным атрибутом каждого деревенского дома, то в городе собственная баня – символ престижа³⁰. Бани строили как русские мещане, так и татары, но они были далеко не у каждого домовладельца, многие пользовались городскими банями. Из рассматриваемых источников видно, что бани ставили те хозяева, которые имели наиболее зажиточные дома. Так, внушительную баню с предбанником, горницей и двумя кирпичными печами имела Ивойлова, баней обладал и владелец двухэтажного дома Липин.

Таким образом, тенденция к уменьшению дворовых построек, связанных с традиционными сельскохозяйственными занятиями, свидетельствует об усилении публичной составляющей жизни, что отмечал в своем исследовании М.Г. Рабинович³¹. Значительно меньше стало сооружений для обработки урожая и содержания скота – сушилен, сараев, коровников; меньше стало ледников, погребов, бань. Одновременно развивается сфера городских услуг, происходит процесс открывания жизни – мещане ходят в трактиры, посещают городские бани, публично моют белье в городском озере. Развивается торговля, что позволило уменьшить необходимость создавать и хранить большие запасы продовольствия. Жизнь становится более многообразной, сложной, наполненной разными действи-

²⁷ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 гг. СПб., 1863. Ч. 2. С.4.

²⁸ Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988; Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: на примере г. Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977; Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001, и другие.

²⁹ Власов В.Г. Архитектура. Словарь терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/vlasov1.htm>.

³⁰ Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города... С.94.

³¹ Там же. С.124.

ями, процессами и событиями, так же усложняется и пространство повседневности.

Однако эти явления соседствуют с сохранением традиционной хозяйственно-бытовой замкнутости. Мещанский дом уже не усадьба-крепость, как в средневековье, дом не стоит в глубине двора, а выходит окнами на улицу. Однако во всех упоминавшихся источниках он обнесен как со стороны улицы, так и со стороны двора забором из бревенчатого леса, что отгораживало дом и создавало устойчивое приватное пространство. Все двери снабжены скобами и железными затворами. Окна забраны ставнями, открытие и закрытие которых выполняло важную знаковую функцию разделять утренние и вечерние часы, обозначая время дня и ночи³². Но помимо темпорального смысла ставни были также символом отгороженности дома от внешнего мира, замкнутости и закрытости частной жизни мещанина. Как отмечал Ж. Бодрийяр в «Системе вещей», «разделенность внутреннего и внешнего пространства, их формальная противопоставленность в социальном плане собственности и в психологическом плане имманентности семьи превращают такое традиционное пространство в нечто замкнуто-трансцендентное»³³. В этом плане организация пространства мещанского двора и дома позволяет говорить о еще значительном сохранении черт традиционной культуры.

Дом находится на границе двух миров – частной жизни и жизни общества, и характер переплетения приватного и публичного отражает социальные структуры своей эпохи. «С одной стороны дом принадлежит человеку, олицетворяет его целостный вещный мир. С другой стороны, дом связывает человека с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека»³⁴. Несмотря на стремление закрыть частную жизнь от посторонних глаз, разделение приватной и публичной стороны жизни, характерное для современного человека, еще не произошло. Мещанский дом являлся сосредоточием хозяйственных функций, он был совмещен с производством и иными способами добывания средств к существованию, поэтому публичная и приватная жизнь мещанина были достаточно тесно переплетены. Этот вывод подтверждается структурой домового пространства.

Зонирование внутреннего пространства дома является отражением процесса разделения частной и публичной жизни, когда дом избавляется от хозяйственных функций и становится сосредоточием приватной стороны жизни. Соответственно выделяются зоны, доступные для посторонних, и зоны укромные, где протекала частная жизнь – спальня, кабинет, детская. В описаниях мещанских домов подробно описана внутренняя структура, состоящая из отдельных «покоев», «горниц», но их функциональное предназначение практически нигде не уточняется. Можно предположить, что при всем внимании к мельчайшим деталям дома, эти покои не имели четко закрепленной степени публичности и в доступных источниках мы не встречаем помещений, явно выделенных для частной жизни. Зонирование пространства осуществлялось по утилитарному принципу: источники отмечают наличие сеней, чуланов, мест для приготовления пищи. Последние именовались по-разному: у Клементия Грязева на дворе была построена двухэтажная холодная варница³⁵, у Козьмы Липина в доме находился стряпильный покой³⁶, а Яхья Ягоферов приделал к сеням дощатую летнюю кухню³⁷. Выделение зоны для частной жизни мы встречаем только у Липина; одна из комнат в его доме на втором этаже именована спальней³⁸. Однако, мы можем наблюдать начало процесса функционального разделения пространства. Как было упомянуто выше, в мещанских домах много внутренних перегородок, комнат, закутков, но их предназначение еще не зафиксировано в однозначных смысловых определениях.

Пищу готовили в печах – везде упоминаются кирпичные стряпильные печи, а у Ягоферова еще и с двумя вмазанными в них котлами. Отопление практически везде было представлено голландскими изразцовыми печами, которых иногда было по несколько в доме; только у Гавриила Петрова стояла русская печь. Изразцовая печь была важным

³² Рабинович М.Г. Указ соч. С. 119.

³³ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999. С.4.

³⁴ Цивьян Т. Дом в фольклорной модели мира (на материалах балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. Т.10. С.65.

³⁵ НАРТ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 553. Л. 115.

³⁶ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 21. Л. 30

³⁷ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16. Л. 110б.

³⁸ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 21. Л. 30

элементом модного украшения интерьера, и в изучаемый период она была уже не только у богатых горожан, но и у мещан среднего достатка³⁹. А вот собственных источников питьевой воды в описанных домовладениях не было ни у кого, кроме Ивойловой, которая пользовалась вырытым во дворе колодцем. Это было существенным признаком высокого качества жизни, поскольку проблема чистой питьевой воды была одной из острых в Казани. Жители города брали воду из Волги, которая отстояла от города на шесть верст, что делало доставку воды довольно затруднительной. Как отмечал живший в Казани в 1825 г. И.И. Лажечников, «остается казанцам довольствоваться водой из озера Кабан, где летом купают лошадей и куда зимой свозят всякую нечистоту. Как здорова она, можно судить по зеленым шапкам, всплывающим на ней, когда ее кипятят, и по роям зеленых букашек, появляющихся в ней, когда она постоит в сосуде хотя четверть часа». Эту воду по казанским улицам развозили водовозы – непреходящий атрибут повседневной жизни горожан⁴⁰. Но даже колодезная вода была невысокого качества, грязная и с большим количеством известковых примесей⁴¹.

Важным аспектом бытовой повседневности являются санитарные удобства. Так же, как появление нижнего белья является признаком обособления скрытой от всех глаз сферы интимности, так и «нужное место» – сфера деликатной приватности. Большинство описанных домовладений традиционно вообще не имело предназначенных для этого строений, что свидетельствует об известной архаичности бытового поведения мещан. Но и в этом аспекте повседневной жизни появляются перемены: в описанных домовладениях отмечен нужник при сенях у Ягоферова, а у Ивойловой – целых два «нужных места», одно деревянное дощатое, а другое капитальное каменное.

Таким образом, исследуя мещанский дом как структуру повседневности, мы наблюдаем противоречивые явления. С одной стороны, дом несет смыслы, отражающие восприятие мира, характерное для традиционных доиндустриальных обществ. Дом отгораживал мещанина от внешнего мира, был средоточием одновременно частной жизни и хозяйственной деятельности, приватная сфера повседневной жизни еще не выделена особой зоной. Одновременно очевидны новые веяния: жизнь мещанина становится более открытой, и уже далеко не все жизненные процессы протекают строго внутри дома. Житейская функциональность соседствует с модными веяниями и эстетическими запросами, начинается обособление частной жизни и осознание ее значимости. Мещанский дом постепенно приближается к дому горожанина индустриальной эпохи.

THE HOUSE AS A STRUCTURE OF EVERYDAY LIFE KAZAN PETTY BOURGEOISIE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

T.V. BESSONOVA

*Naberezhnye Chelny Institute
of Kazan Federal University*

e-mail: bessonovav@list.ru

Article is devoted to studying of the house of the Kazan petty bourgeois as habitat in which daily vital practitioners were implemented. The analysis of a material environment of the Kazan narrow-mindedness allows to study household behavior as the sphere of an embodiment of the cultural codes reflecting norms and values of this estate. The separate attention is paid to a question of crossing of private and public aspects of life of the citizen of prereform Russia which is reflected in structure of house space. Research of a petty-bourgeois household as structures of daily occurrence shows that the house bears the meanings reflecting perception of the world, characteristic for traditional preindustrial societies. The new trends which are gradually approaching the petty-bourgeois house to the house of the citizen of an industrial era are at the same time observed.

Keywords: narrow-mindedness, daily occurrence, way of life, household, private and public life.

³⁹ Рабинович М.Г. Указ соч. С. 114.

⁴⁰ Лажечников И.И. Как я знал М.Л. Магницкого // Лажечников И.И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М., 1991. С. 493.

⁴¹ Вишленкова Е.А. Указ соч. С. 89.

МЕЛКОПОМЕСТНОЕ ДВОРЯНСТВО ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ И РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

В.А. ШАПОВАЛОВ¹⁾

И.В. ИСТОМИНА²⁾

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹⁾e-mail: shapovalov@bsu.edu.ru

²⁾e-mail: istomina_iv@bsu.edu.ru

В статье рассматривается позиция правительства в отношении мелкопоместного дворянства в ходе подготовки и реализации реформы отмены крепостного права. Авторы указанной реформы прекрасно осознавали, что единого подхода при освобождении крепостных крестьян не может быть. В противном случае мелкие помещики были бы окончательно разорены. Отсюда были выработаны особые правила освобождения крепостных крестьян в имениях мелкопоместных дворян. Это и стало центральной темой настоящей статьи.

Ключевые слова: правительство, реформа отмены крепостного права, крепостные крестьяне, мелкопоместное дворянство.

В ходе подготовки реформы отмены крепостного права верховная власть должна была учитывать существенную социальную неоднородность среди помещного дворянства. Вырабатываемые государством освобождения крепостных крестьян, наделение их землей не могли иметь усредненный характер. В противном случае данные правила касались бы одновременно владельцев тысяч дес. земли и собственников 1-2 дес. земли. Не оговаривая специфику проведения предстоящей реформы в мелкопоместных имениях, правительство поставило бы на грань полного разорения мелких помещиков. Правительство этого не могло допустить, так как к концу 50-х гг. XIX века 41,6 % от общего числа помещиков Европейской России относилось к мелкопоместной страте¹. Подвергнуть обнищанию почти каждого второго помещика, серьезно подорвать социальный статус дворянства институт самодержавия не мог. В 1857 г. на это специально указывало III отделение Собственной канцелярии его Императорского Величества: «мелкопоместные дворяне, владеющие малыми имениями, подвергнуться совершенному разорению, если на счет их не будут поставлены какие-либо особенные меры»². Сотрудники III отделения знали, о чем писали. Мелкопоместное дворянство в дореформенные годы деградировало и количественно быстро сокращалось. Так, например, в Курской губернии, где был один из самых высоких в России процент мелких помещиков, с 8(1835 г.) по 10 (1859 г.) ревизии их число снизилось с 4 680 до 3 299³.

Тем не менее, в верхних стратах дворянства, откуда рекрутировалось высшее чиновничество, отношение к мелкопоместному дворянству было далеко неоднозначным. У определенной части крупнопоместного дворянства и высших чиновников мелкопоместное дворянство уже не ассоциировалось с благородным сословием. В нем они видели безграмотную, невежественную часть российских подданных, с которой их уже ничего не соединяло. В 1816 г. в проекте «О постепенном уничтожении рабства в России», подготовленным на имя императора флигель-адъютантом П.Д. Киселевым указывалось на необходимость введения майоратов, «... это полезно и потому, что таким образом уменьшится число мелкопоместных дворян, которые от скудности и невежества отягощают непомерным образом бедственное состояние рабов, им принадлежавших»⁴. Граф А.И. Чернышев, обсуждая на секретном комитете 1840 г. судьбу дворовых, предлагал: «... секретно скупать в казну мелкопоместные имения, в которых скорее можно найти разные вымогательства, а иногда и самые истязания»⁵. Но отражением вершины внутрисословной отчужденности было предложение М.Н. Муравьева в начале царствования императора Николая I по решению проблемы социальной деградации мелких помещи-

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). СПб., 2003. Т.1. С. 89.

² Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827-1869 / сост. Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 451.

³ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 64 Л. 7; Шепукова Н.М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половины XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 409.

⁴ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. 435.

⁵ Там же. Т. II. С. 113.

ков. Решение вопроса должно было быть весьма радикальным: «Выселить многих на Кавказскую или Сибирскую линию, сделать из них род охранного войска, оставя им привилегии, которые там вредны быть не могут ни для общества, ни для них...» и далее: «Нет никакого сомнения, уверял он, что несчастные сии дворяне, имевшие собственности лишь несколько десятин земли... без неудовольствия на сие согласится...»⁶.

Несмотря на очевидную внутрикорпоративную дистанцированность в благородном сословии, правительство, на основании вышеуказанных причин, разработало специальную программу освобождения крепостных крестьян в имениях мелких помещиков:

1. За освобождаемых без земли крестьян выдавалось денежное пособие от 50 до 100 руб. серебром за каждую ревизскую душу, с вычетом всех лежащих на их имениях долгов. Владельцам, которые наделяли своих крестьян землей на общем основании за установленные повинности, выдавалось пособие до 50 руб. серебром на каждую ревизскую душу, с вычетом долгов или в зачет псуд отводились казенные земли.

2. Мелкопоместным владельцам, у которых в ходе реформы практически бы вовсе не оказалось земли, предоставлялось по их желанию право переселения в многоземельные губернии, как правило на окраинах империи, с безвозмездным выделением земли⁷.

Таким образом, правительство, чтобы поддержать мелкопоместное дворянство, готово было идти на значительные финансовые издержки и передать часть казенных земель в частновладельческий фонд. Но при этом, выдерживало общую линию на вычет долгов с имений за счет выделяемых финансовых средств в виде дотаций или выкупной операции.

Чтобы получить указанную помощь имения мелкопоместных дворян специально обследовались. Главными критериями для получения помощи являлись наличие менее 21 ревизской души и отсутствие средств к существованию кроме собственного хозяйства. Данным критериям отвечала подавляющая часть мелкопоместных хозяйств. Так, в Курской губернии в самом начале пореформенного периода числилось 3 134 мелкопоместного дворянина с 22 711 ревизскими душами. Из которых было признано имеющими право на помощь 2 844 (90,7%) владельца с 18 873 ревизскими душами, которые получили от государства 415 206 руб. серебром (146 руб. на помещика). Сумма выдавалась из расчета 22 руб. серебром на одну ревизскую душу⁸. Размер помощи, сопоставимый со стоимостью 5 дес. земли. Хотя и был существенным для мелких помещиков, особенно их низших подгрупп (до 5 дес.), но вряд ли мог предотвратить дальнейшее сокращение мелкопоместного землевладения.

В ходе реформы 19 февраля 1861 г., кроме предоставления финансовой помощи, применялись особые правила наделения крестьян землей в имениях дворян данной категории. В пунктах №№ 3, 4 «Дополнительных правил об устройстве крестьян, водворенных в имения мелкопоместных владельцев, и о пособии сим владельцам», особо подчеркивалось: «Крестьяне, водворенные на землях мелкопоместных владельцев, получают в постоянное пользование, за установленные повинности, причитающиеся им в надел усадебные и полевые земли и угодья, на точном основании Местных положений: но тем из крестьян, которые, при обнародовании Положений, не были вовсе наделены землею, мелкопоместные владельцы не обязываются, ни в каком случае, отводить такой надел»⁹. Другими словами, мелкие помещики могли не отводить наделы для крестьян, не пользовавшихся землей до реформы.

«Если в местностях, для которых определен низший размер душевого крестьянского надела, крестьяне мелкопоместного владельца пользовались до сего времени землею в количестве менее низшего душевого надела, а в местностях, где определен указанный душевой надел менее указного надела, то мелкопоместный владелец не обязывается увеличивать крестьянский надел»¹⁰. Исходя из вышесказанного видно, что прирезка к существующему наделу до установленного минимального размера была не обязательна.

Если мелкопоместный владелец из каких-либо соображений хотел полностью порвать с землей и получить за неё единовременную денежную выплату, то на основании этих

⁶ Долбилов М.Д. «... Считал себя обязательным в сем участвовать». Почему М.Н. Муравьев не отрекая от «Союза благоденствия» // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 208.

⁷ Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Бонн-на-Рейне, 1868. Т. IV. С. 584-585.

⁸ Богданов Г.М. Проведение реформы 1861 г. в Курской губернии // В помощь учителю. Сборник методических разработок по краеведению. Курск, 1959. С. 45-46.

⁹ Крестьянская реформа 1861 года. Сборник законодательных актов / сост. К.А. Софроненко. М., 1954. С. 394.

¹⁰ Крестьянская реформа 1861 года. Сборник законодательных актов / сост. К.А. Софроненко. М., 1954. С. 394.

же «Дополнительных правил», изложенных в 10 пункте: «За имение... обращенное в ведомство государственных имуществ, мелкопоместный владелец получает из казны вознаграждение соответствующее годовому оброку, который, по правилам Местных положений, причитался бы с крестьян за представленный им надел. Для исчисления такого вознаграждения означенный годовой оброк капитализируется из шести процентов, то есть помножаться на шестнадцать и две трети, и выведенная таким образом сумма выдается владельцу»¹¹.

То есть, как и на основании «Общего положения» земля в имениях мелких помещиков оценивалась не по её рыночной стоимости, а исходя из капитализации крестьянской денежной ренты, но, отличии от дворян верхних страт, мелкопоместный дворянин получал «вознаграждение», а не малыми частями в течение десятилетий. В этом случае земля продавалась государству, а крестьяне мелких помещиков переходили в статус государственных со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

В рассматриваемом контексте интересен сам факт восприятия мелкими помещиками реформы отмены крепостного права. С.Н. Терпигорев (С. Атава), знаток помещичьей повседневности и социальной психологии помещного дворянства, в рассказе «Дворянин Евстигней Чарыков», посвященному дореформенному мелкопоместному тамбовскому дворянству, показывает посредством монолога мелкого помещика Чарыкова отношение «мелкотравчатых» к освобождению крепостных крестьян: «... дворянин без слуги своего быть не может. Какой же после этого он может быть дворянин, когда слуга его не будет с ним. И на что он, дворянин, нужен после этого? Дворянин - высокое слово. Он отец - все равно, худой или добрый - своим детям, людям своим, но если у него этих детей, людей его, берут - зачем и кому тогда он нужен? Что он без них?... Торговать ему пойти?... Служить?... На что он служить будет? Из-за жалованья? На это чиновники есть... Землю частью, говорят, оставляют. Что он с землей будет делать? Сам похать её не может. Нанимать, - как это делается теперь у купцов на хуторах, - да разве это дворянское дело?»¹².

Для мелкопоместного дворянина Чарыкова отмена крепостного права жизненный крах, выработанные правительством условия реформы его совершенно не устраивают. Он не понимает, как жить дальше без крепостных, служить или заниматься предпринимательством не дворянское дело, а вести хозяйство на рациональной основе он не может. Помещичий традиционализм, выработанный веками, не вписывался в пореформенную межсословную эмансипацию. И это, несмотря на то, что кроме дворянского статуса, Чарыков по уровню жизни ничем не отличался от крестьянина средней руки.

На протяжении всего дореформенного периода мелкопоместное дворянство, в отличие от среднепоместного и крупнопоместного, быстро утрачивало свои земли, о чем свидетельствует весьма заметное сокращение числа мелкопоместных владельцев. Их земли перераспределялись на корпоративном дворянском губернском земельном рынке. Хозяйственная деградация также была наиболее характерна для мелкопоместного дворянства. В ходе реализации реформы отмены крепостного права мелкие помещики, в силу особых правил наделения крестьян землей в имениях в этой категории дворян, получили государственную субсидию и смогли сохранить фактически весь свой земельный фонд.

THE GENTRY OF THE EUROPEAN PART OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF PREPARATION AND REALIZATION OF THE SERFDOM ABOLITION REFORM

V.A. SHAPOVALOV¹⁾
I. V. ISTOMINA²⁾

Belgorod National Research University

¹⁾*e-mail: shapovalov@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail: istomina_iv@bsu.edu.ru*

The article deals with the government's attitude towards the gentry in the course of preparation and realization of the serfdom abolition reform. The authors of the reform were well aware of the fact that there could be no common approach in liberating the serfs. Otherwise, all the gentry would go bankrupt. As a result, the special rules of liberating the serfs in the estates of gentry were worked out - these comprise the key theme of the given article.

Keywords: government, reform of serfdom abolition, serfs, gentry.

¹¹ Там же.

¹² Терпигорев С.Н. (Атава С.) Потревоженные тени. М., 1988. С. 286.

УДК 314.424.2

СМЕРТНОСТЬ ОТ ПЬЯНСТВА СРЕДИ МУЖЧИН ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ (1870-1893 гг.)

С.В. БОГДАНОВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: dr.bogdanov_sv@mail.ru*

В статье содержатся сведения о динамике смертности среди мужчин Центрально-Черноземных губерний (Воронежской, Курской, Тамбовской) от чрезмерного потребления спиртных напитков во второй половине XIX в. Выявляется территориальное распределение умерших от пьянства в городах и сельской местности губерний Центрального Черноземья. Анализируется достоверность различных источников, на основании которых делаются выводы о масштабах потребления алкоголя в российской провинции. Обозначены отдельные аспекты неполноты учета алкогольной смертности среди мужской части населения исследуемых губерний.

Ключевые слова: пьянство, алкоголизм, скоропостижная смертность от пьянства, недоучет смертности от пьянства, насильственная смертность, Центрально-Черноземные губернии.

Ситуация с пьянством и алкоголизмом в современной России вызывает серьезную озабоченность как у властной элиты, так и у научной общественности. Высокий уровень потребления алкоголя играет не последнюю роль в сохраняющейся неблагоприятной демографической ситуации в стране, высоком уровне смертности населения трудоспособного возраста от заболеваний алкогольной этиологии, насильственной смерти (убийств, самоубийств). В этой связи изучение пагубных последствий пьянства в условиях масштабных экономических, социальных и политико-правовых изменений второй половины XIX столетия в России, а также мероприятия государства и общества продолжает сохранять свою познавательную ценность.

В качестве территориальных границ рассматриваемой темы выступают губернии Центрального Черноземья (далее – ЦЧ): Воронежская, Курская, Тамбовская. Данные губернии центральной части страны характеризовались достаточно высоким уровнем потребления спиртных напитков, а, следовательно, и серьезными последствиями широкого распространения этой социальной патологии для населения данных территорий. К тому же проблемы алкогольной смертности среди мужчин этой части страны до настоящего времени еще не стали предметом глубокого научного анализа.

Приступая к анализу масштабов распространения пьянства как в Российской империи в целом, так и в отдельных губерниях и современники, и сегодняшние исследователи сталкиваются с серьезной методологической проблемой – достоверностью и полнотой источников.

Ряд авторов, пытавшихся выяснить действительные размеры потребления алкоголя в России, прибегали к официальной статистике поступлений питейных сборов в казну. Так, например, согласно официальным данным, охватывавшим статистику винокурения, виноторговли и потребления спирта за 1885 г., в Великорусских губерниях было потреблено в среднем на одного человека 3,3 литра спирта. В то же время один из самых авторитетных специалистов дооктябрьского периода по проблемам масштабов потребления алкоголя в стране В.К. Дмитриев скептически относился к рассчитанным среднестатистическим размерам потребления спирта, исходя из показателей оптовой продажи спиртных напитков¹.

Таким образом, до выхода в свет трех сборников, посвященных внезапным и насильственным смертям, которые были выпущены Центральным статистическим коми-

¹ Дмитриев В.К. Критическое исследование о потреблении алкоголя в России. СПб., 1911. С. 58-60.

тетом МВД России в 1882, 1894, 1897 гг., в масштабах страны не проводилось сбора и обобщения сведений о смертности населения от пьянства².

Наиболее общее представление о развитии ситуации с алкогольной смертностью в губерниях ЦЧ в пореформенный период можно получить из таблицы.

Таблица

Сведения о количестве мужчин, скоропостижно умерших от болезней и болезненных припадков, в том числе от пьянства в губерниях Центрального Черноземья в 1870-1893 гг.

Год	Воронежская губ.			Курская губ.			Тамбовская губ.		
	Скоропостижно умершие от болезней и болезненных припадков, чел.	в том числе от пьянства, чел.	Доля умерших от пьянства в общем количестве скоропостижно умерших, %	Скоропостижно умершие от болезней и болезненных припадков, чел.	в том числе от пьянства, чел.	Доля умерших от пьянства в общем количестве скоропостижно умерших, %	Скоропостижно умершие от болезней и болезненных припадков, чел.	в том числе от пьянства, чел.	Доля умерших от пьянства в общем количестве скоропостижно умерших, %
1870	364	187	51,3	122	32	26,2	606	272	44,8
1871	367	217	59,1	271	36	13,2	501	218	43,5
1872	376	134	35,6	320	32	10	429	210	48,9
1873	401	119	29,6	349	62	17,7	438	211	48,1
1874	324	131	40,4	358	64	17,8	458	222	48,7
1875	337	115	34,1	332	52	15,6	425	187	44,0
1876	355	95	26,7	339	35	10,3	490	196	40,0
1877	363	83	22,8	371	43	11,5	515	165	32,0
1878	356	79	22,1	416	43	10,3	505	173	34,2
1879	469	122	26,0	518	116	22,3	618	220	35,5
1880	486	119	24,4	496	121	24,3	701	234	33,3
1881	445	100	22,4	492	125	25,4	623	211	33,8
1882	378	84	22,2	494	118	23,8	662	196	29,6
1883	432	93	21,5	521	120	23,0	675	222	32,8
1884	413	86	20,8	405	130	32,0	589	204	34,6
1885	339	72	21,2	461	100	21,6	586	184	31,9
1886	348	87	24,9	357	111	31,0	583	201	34,4
1887	318	78	24,5	348	99	28,4	471	165	35,0
1888	326	84	25,7	342	92	26,9	560	181	32,3
1889	349	86	24,6	341	96	28,1	491	142	28,9
1890	389	73	18,7	371	76	20,4	618	170	27,5
1891	347	49	14,1	336	82	24,4	531	137	25,8
1892	330	55	16,6	348	81	23,2	519	125	24,0
1893	276	64	23,1	324	72	22,2	543	145	26,7

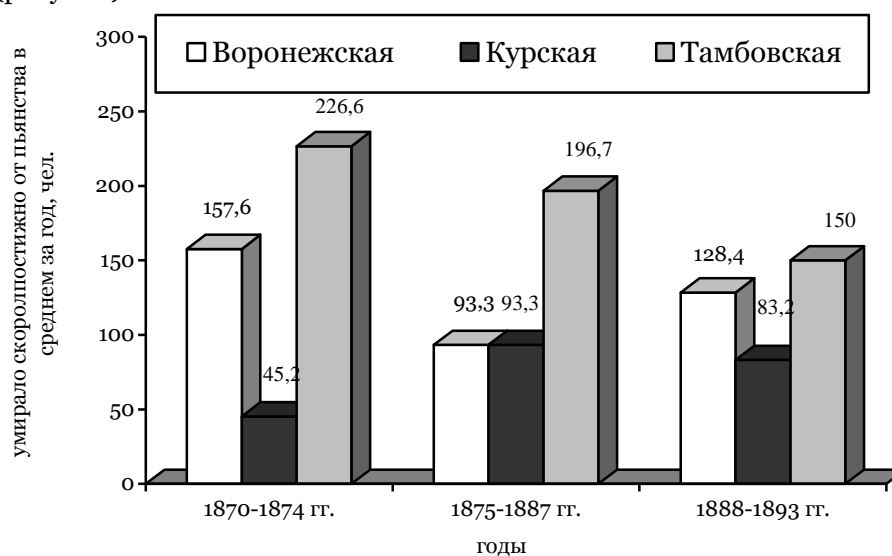
Представленные выше показатели свидетельствуют о том, что в Воронежской и Тамбовской губерниях за эти 24 года пореформенного развития произошло сокращение количества скоропостижно умерших от болезней и болезненных припадков, а также скончавшихся от пьянства. Что касается Курской губернии, то здесь количество скоропостижно умерших от болезней и болезненных припадков за 1870-1893 гг., напротив,

² Статистический временник Российской Империи. Серия II. Выпуск 19 / ЦСК МВД. СПб., 1882. С. 6, 14, 28; Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 35 Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875-1887 гг. / ЦСК МВД. СПб., 1894. С. 16, 28, 58; Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел №41 Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1888-1893 гг. / ЦСК МВД. СПб., 1897. С. 25, 30, 50.

возросло в 2,6 раза, а смертность от чрезмерного потребления алкоголя увеличилась в 2,25 раза. В Воронежской и Тамбовской губерниях также сокращалась доля умерших от пьянства в общей доле скоропостижно умерших от болезней и болезненных припадков. В Курской губернии доля умерших от пьянства в общем количестве умерших от болезней и болезненных припадков не претерпела существенных колебаний.

Внутри рассматриваемого периода выявилась одна особенность. На рубеже конца 1870 – начала 1880-х гг. как в целом в Европейской части Российской империи, так и в губерниях ЦЧ произошел скачок скоропостижной смертности от алкоголя. Однако ни современники, ни последующие поколения исследователей не обратили внимания на данный феномен.

О темпах смертности от пьянства мужского населения губерний ЦЧ в 1870-1893 гг. можно судить, исходя из динамики среднегодового числа умерших скоропостижно от пьянства (рисунок).

Рис. Количество ежегодно скоропостижно умиравших от пьянства в губерниях ЦЧ в 1870-1893 гг., чел.

К середине 1890-х гг. в сравнении с началом 1870-х гг. в Тамбовской и Воронежской губерниях произошло сокращение среднегодового числа мужчин, скоропостижно умиравших от пьянства. В Курской губернии, напротив, количество ежегодно умиравших от данной причины в 1888-1893 гг. увеличилось в 1,8 раза в сравнении с 1870-1874 гг.

Однако оперирование исключительно абсолютными показателями не позволяет нам представить все многообразие и противоречивость ситуации с алкогольной смертностью среди мужчин в ЦЧ.

Расчеты коэффициентов смертности мужчин от пьянства в исследуемых губерниях на 100 000 мужчин соответствующей территории свидетельствуют о следующем. Так, в начале 1870-х гг. в Воронежской губернии он составил 17,51, в Курской губернии – 11,48, в Тамбовской губернии – 25,41. К началу 1890-х коэффициенты мужской смертности от алкоголя выглядели следующим образом: в Воронежской губернии – 4,08, в Курской губернии – 5,52, в Тамбовской губернии – 9,99. Таким образом, в Тамбовской губернии оказался самый высокий коэффициент скоропостижной смертности мужчин от пьянства – почти в два раза выше, нежели в двух других губерниях ЦЧ.

Остановимся подробнее на территориальном распределении смертности от пьянства среди городского и сельского населения губерний Центрального Черноземья.

В Воронежской губернии в 1870-1874 гг. всего от пьянства скоропостижно скончалось 788 мужчин, в том числе в городах – 143, в селениях – 645. В 1875-1887 гг. количество умерших от пьянства мужчин составило 1 213 человек, в том числе горожан – 117, селян – 1 096. В последующие 6 лет на территории данной губернии всего скоропостижно умерло от пьянства 411 мужчин, в том числе в городах – 61, в селениях – 350.

В Курской губернии за пять (1870-1874 гг.) полицейская статистика зарегистрировала 226 умерших мужчин, скончавшихся скоропостижно от пьянства, в том числе в городах – 20, в сельской местности – 206. В последующие 13 лет в губернии наблюдался рост алкогольной смертности среди мужчин. В 1875-1887 гг. в данной губернии всего от пьянства умерло 1213 мужчин, в том числе в городах – 157, в селениях – 1 056. За следующий 6-летний период (1888-1893 гг.) в Курской губернии мужчин, скоропостижно умерших от пьянства, оказалось 499 человек. Из этого количества в городах проживал 61 мужчина, в селениях – 438.

В Тамбовской губернии за 1870-1874 гг. от пьянства умерло 1 133 мужчин, в том числе в городах – 125, в селениях – 1 008. В последующие 13 лет жертвами чрезмерного потребления алкоголя стали 2 558 мужчин, в том числе горожан – 250, селян – 2 308. В 1888-1893 гг. в этой губернии полицейскими органами была установлена смерть 900 мужчин, последовавшая от пьянства. Среди данного количества 85 человек проживало в городах, 815 человек – в селениях.

Не случайно, значительное преобладание смертности сельского населения над городским оказалось предметом особого внимания тамбовских властей. Так, в приложении к Всеподданнейшему отчету Тамбовского губернатора за 1885 г. констатировалось, что «... уже третий год подряд замечается меньшая смертность в городах сравнительно со смертностью в уездах, Явление это сделалось ныне предметом особого исследования со стороны статистического комитета и Тамбовского Медицинского Общества»³.

Анализ смертности среди мужчин, проживавших в губерниях Центрального Черноземья, с неизбежностью ставит перед исследователями вопрос о полноте официальной статистики алкогольной смертности. Недоучет смертности от алкоголя являлся одной из серьезных проблем, которая начала осознаваться уже во второй половине XIX в. На неполноту официальной статистики смертности от алкоголя указывали многие российские медики, земские статисты.

Так, земский врач И.С. Иванов приводит следующие цифры: «Пьянство было причиною смерти в 3-х случаях в г. Костроме и в 10 случаях в уезде. Но, так как, случаи смерти от пьянства часто скрываются родственниками умерших, то необходимо допустить, что многие из умерших от пьянства отмечены умершими от апоплексии. Сверх того, едва ли не все случаи смерти от замерзания, не говоря о других видах случайной смерти, должны быть отнесены к излишнему употреблению вина, а таких случаев в г. Костроме было 1, в уезде же 4»⁴.

Еще одной из существенных сложностей объективного характера по установлению пьянства в качестве причины летального исхода являлось качество судебно-медицинской экспертизы.

К началу XX столетия Российская империя имела один из самых высоких уровней смертности населения. Это не являлось какой-то государственной тайной: данная статистика подробно освещалась в различных изданиях, начиная от популярной энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.Е. Эфрона и заканчивая академическими журналами, адресованными узкому кругу специалистов. При этом уже тогда значительное количество исследователей связывали высокую смертность в России с особенностями потребления спиртных напитков.

Эти особенности заключались в формировании т.н. «северного» стиля употребления алкоголя, когда в общем объеме выпиваемого спиртного начали преобладать крепкие алкогольные напитки, а также неравномерном потреблении в течение года спиртных напитков, когда период воздержания от алкоголя чередуется с запойным пьянством.

На материалах полицейской статистики была проанализирована динамика смертности мужской части населения губерний Центрального Черноземья в пореформенные десятилетия. Анализ коэффициентов смертности от алкоголя среди мужчин позволил сделать вывод о том, что в 1870-1893 гг. наибольший уровень данного вида смерт-

³ Обзор Тамбовской губернии за 1885 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету Тамбовского губернатора. Тамбов, 1886. С. 6.

⁴ Иванов И.С. Движение населения Костромской губернии в 1880 году и причины смертности. (С хромофотографированными картами и диаграммами) / изд-е Костромского губернского стат. комит. Кострома, 1883. С. 50.

ности наблюдался в Тамбовской губернии. В Воронежской и Курской губерниях данный показатель оказался практически в 2 раза меньше.

Не смотря на определенные издержки полицейской статистики, тем не менее, благодаря ей, мы имеем возможность проследить динамику смертности населения от пьянства в разрезе губерний, жителей городов и уездов, мужчин и женщин.

THE MORTALITY RATE OF ALCOHOLISM AMONG MEN PROVINCES OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION (1870-1893)

S.V. BOGDANOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: dr.bogdanov_sv@mail.ru

The article contains the information about the dynamics of the mortality rate among men of the Central-Chernozem provinces (Voronezh, Kursk and Tambov) from excessive consumption of alcoholic beverages in the second half of the XIX century. Identifies the territorial distribution of deaths from drinking in urban and rural areas of the provinces of Central Chernozem region. Analyzes reliability of different sources, on the basis of which conclusions about the extent of alcohol consumption in the Russian province. Identified certain aspects of underreporting alcohol mortality among the male population of the surveyed provinces.

Key words: alcoholism, sudden deaths from drinking, underreporting of mortality from alcohol abuse, and violent deaths, the Central-Chernozem province.

УДК 941.471.08

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

М.А. СЕРГИЕНКО*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: Sergienko@bsu.edu.ru*

Статья посвящена изучению повседневной жизни городов Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. На основе широкого круга источников освещается проблема изменения повседневной жизни населения под влиянием технических инноваций. Изменение бытовых условий жизни горожан происходило благодаря внедрению таких технических изобретений, как электричество, водоснабжение, трамвай, телефон и т.д. Внедрение новых стандартов среды обитания, изменения требований к благоустройству формировали новую городскую среду. Технические новшества становились символами городского образа жизни, но в основном были доступны лишь состоятельным горожанам.

Ключевые слова: городская среда, повседневность, городское благоустройство, технические изобретения, провинциальные города

В последние годы в исторической науке значительно возрос интерес к проблемам социальной истории, произошло выделение истории повседневности в самостоятельную отрасль исторического знания, а истории повседневности российского города – в самостоятельное направление современной исторической науки. На рубеже XIX–XX вв. провинциальные города были активно развивавшимися центрами, в которые стремились по разным причинам представители всех социальных групп. В этот период формировалось новое культурное пространство городской повседневности: развивалась сфера услуг, в которой одинаково прибыльными были гостиницы и трактиры, аптеки и магазины, разнообразными мастерскими и увеселительными заведениями, поэтапно происходило становление городских систем охраны здоровья и просвещения. В пореформенных городах активизировалась культурная жизнь: развивались частные сады, которые становились центрами народных гуляний; стремительно росла роль театра в сфере организации досуга, большое внимание уделялось вопросам образования. Пореформенные города стали отражением всех модернизационных преобразований, происходивших в общественной жизни Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Российские города стали социокультурными центрами, в которых одновременно проявлялись традиции, а также активно происходило освоение новаций, что в значительной степени активизировало жизнь провинции. Исследование общероссийских процессов сквозь призму повседневной жизни конкретного региона позволяет показать разнообразие общеисторического процесса, обогатить историческую науку новыми конкретными фактами и событиями.

На протяжении XIX в. в Российской империи преобладающим типом был город, являвшийся местным торгово-промышленным центром сельской округи. В той или иной степени в большинстве городов сохранялись сельскохозяйственные занятия жителей, носившие часто не только торговый, но и натуральный характер. Среди форм промышленного производства преобладали ремесленные и кустарные заведения. Лишь отдельные города, чаще фабричные села выделялись крупным масштабом индустриального развития¹. Во второй половине XIX – начале XX вв. в повседневность горожан прочно входят технические новинки, которые кардинальным образом меняют быт и условия жизни населения.

Городская инфраструктура и ее развитие определяли уровень благоустройства и

¹ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М, 2008. С. 63.

санитарное состояние города, важнейших элементов его общественной культуры. Одной из насущных проблем в сфере благоустройства являлась проблема покрытия городских улиц. В основном, губернские города имели в центре мощеные улицы, тогда как для уездных городов это являлось большой редкостью. Не обошла эта проблема и города Курской губернии. Недостаток бюджетных средств не позволял замостить даже все улицы губернского города, притом, что цены на камень были сравнительно невысоки. И это несмотря на то, что вымощенная улица перед домами возвышала ценность квартир. Однако собственники жилья не торопились принимать участие в расходах по устройству мостовых и замощению улиц. Стараниями городского головы П.А. Устимовича в Курске было проложено лишь несколько асфальтовых тротуаров, но недостаток средств не позволял заасфальтировать их в полном объеме². Напротив, Щигровская городская дума 20 января 1898 г. приняла постановление о принятии на общественные городские средства замощение в городе улиц и тротуаров³. Законодательные ограничения и неустойчивое финансовое положение осложняли деятельность городских дум и управ в сфере благоустройства. Пытаясь найти выход из создавшегося положения, органы городского самоуправления не всегда действовали в соответствии с буквой закона. Так, в июле 1904 г. Суджанская городская дума признала необходимым и неотложным устройство в городе тротуаров. Финансово это было обременительно для городского бюджета, в связи с чем приняли решение «установить для этого специальный сбор в размере 1/2 % с рубля оценки городских имуществ, облагаемых городским сбором на один лишь 1904 г.»⁴. Но постановление было отменено Курским губернским по земским и городским делам присутствием как незаконное, на основании ст.127 Городового положения 1892 г., которая точно указывала «установленные в пользу городских поселений сборы и никакие другие подати, тягости или службы не могли налагаться на городских обывателей не иначе как в законодательном порядке»⁵.

Благодаря внедрению в жизнь технических новинок, менялся процесс очистки города от нечистот, устройство отхожих мест в частных домах и общественных местах. Городские думы посредством обязательных постановлений регламентировали основные вопросы благоустройства, устройство и порядок очистки отхожих мест, выгребных ям и разрабатывали меры борьбы с нарушителями. В 1874 г. Курской городской думой были изданы обязательные постановления для жителей города относительно благоустройства⁶. Правила регламентировали порядок очистки улиц от мусора, ограничивали временные рамки уборки улиц и площадей. Горожанам предписывалось проводить мощение и перемощение улиц в сухое время года⁷. В зимнее время года они обязывались очищать улицы от лишнего снега и вывозить его в установленное управой место. Постановления касались и устройства тротуаров, которое производилось также за счет домовладельцев. Горожане, проживавшие на незамощенных улицах, имели право на их вымощение лишь с письменного разрешения городской управы. С одной стороны, это тормозило частную инициативу, но с другой, позволяло выдерживать единообразие во внешнем виде городских улиц. Предусматривались административные меры воздействия по отношению к домовладельцам, не исполняющим постановления. Так, например, если хозяин испорченной мостовой не приступал к ее ремонту, то исправления производили за счет управы, взыскивая затраченные средства с нерадивого домовладельца⁸.

В уездных городах также практиковалось привлечение средств городских обывателей к исполнению обязанностей по улучшению облика городов. Например, на основании обязательных постановлений, изданных Суджанской городской думой 28 февраля 1879 г. очистка улиц города, которых в тот момент насчитывалось восемь, производилась самими жителями под наблюдением управы. А очистка городской площади и главной

² Моисейченко И.Н. Курское Александровское образцовое городское училище и деятельность его основателя. М., 1885. С. 109.

³ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 54. Оп. 1. Д. 819. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 1236. Л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Обязательные постановления Курской городской думы. Курск, 1913. С.1.

⁷ Там же. С.2.

⁸ Там же.

улицы, по которой пролегла каменная мостовая, очищалась наемными рабочими за счет общественных городских сумм. Подобная практика применялась и при устройстве тротуаров⁹.

Исходя из содержания обязательных постановлений городских дум следует, что причиной неблагоприятной санитарно-эпидемической обстановки в городах Курской губернии являлся не только дефицит финансовых средств, но и низкий культурный уровень большинства горожан. Так вышеуказанные постановления Суджанской городской думы запрещали торговцам убивать скот во дворах, мясных рядах и, вообще, в границах города. Всем обывателям также предписывалось содержать в чистоте улицы, дворы, помойные ямы¹⁰. Ранее названные нами обязательные постановления Курской городской думы «не дозволяли спускать на улицу помои, всякую грязную или зараженную воду, остающуюся от какого-либо торгового производства или хозяйства, промывки рыбы и пр.»¹¹. Аналогичные обязательные постановления действовали в других городах губернии.

Развитие капиталистических отношений на территории Курской губернии в конце XIX в. выдвинуло на первый план и такую проблему, как создание принципиально новой системы коммуникаций. Наиболее распространенным нововведением для российских городов являлся водопровод. Но, несмотря на явные преимущества водопроводной сети для улучшения водоснабжения и защиты городов от пожаров, внедрение водопроводов получило весьма слабое развитие. В губернском Курске водопровод был сооружен в 1873 г.¹² Он был устроен на средства концессионера и поэтому город не нес расходов по его эксплуатации и ремонту. На момент ввода в эксплуатацию водопровода на территории городского поселения числилось 5010 домовладельцев. В районе магистрали городского водопровода около 1200. За период с 1873 по 1910 г. к водопроводной сети присоединили лишь около 80 домов. Число уклонившихся от присоединения составляло около 400 домовладельцев, которые отказывались преимущественно из-за нежелания нести расходы по устройству водоснабжения.

В уездных городах жители использовали для хозяйственных и бытовых нужд речную воду и воду из артезианских колодцев. Тем не менее, органы городского самоуправления уездных городов продолжали предпринимать попытки сооружения водопроводной сети. Так, Корочанская городская дума в заседании от 12 марта 1901 г. приняла постановление «ходатайствовать перед правительством о разрешении построить в Короче водопровод путем концессии, с объявлением конкурса на постройку»¹³. В ноябре 1901 г. Министерство внутренних дел уведомило курского губернатора, что не находит препятствий к осуществлению этого предложения, с условием, что на утверждение министерства будет своевременно представлена такса за пользование водопроводом вместе с проектом концессионного договора¹⁴. Проект создания городского водопровода в Короче удалось реализовать посредством облигационного займа.

Единственным городом Курской губернии, где водопровод являлся важнейшей отраслевой структурой городского хозяйства и содержался исключительно на городские средства был Белгород. Водопровод был открыт в 1871 г. бельгийской фирмой. Для переброски родниковой воды с меловой горы использовались водоподъемные машины¹⁵. В Белгороде имела специальная служба, проверявшая химический состав воды, поступавшей в водопровод. Проведенные анализы показывали, что вода содержала сернокислотные извести и мел, а в целом, имела хороший химический состав. Вода из водопровода была проведена в общественные здания и частные дома, принадлежавшие дворянам и купцам.

За пользование водой из водопровода взималась плата в пользу городских доходов. За неуплату денег в городскую казну за пользование водой владельцы подвергались угрозе отключения водопровода. В первом десятилетии XX в. в Белгороде водопроводом

⁹ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 522. Л. 18.

¹⁰ Там же.

¹¹ Обязательные постановления Курской городской думы. Курск, 1913. С. 3.

¹² ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1979. Л. 47.

¹³ Там же. Д. 1022. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Белгородский водопровод // Белгородская энциклопедия / под ред. В.В. Овчинникова. Белгород, 2000. С. 47.

были снабжены только 15% зданий. К 1917 г. протяженность белгородских водопроводных сетей составляла 5 км, мощность водозаборных сооружений – 450 м³ или 45000 ведер в сутки, была устроена водокачальная станция. Количество потребляемой воды в связи с хозяйственными нуждами особенно увеличивалось в летние месяцы¹⁶.

Световое оформление улиц и площадей также являлось одним из важнейших элементов благоустройства. Прогресс в этой области в исследуемый период был довольно ощутим. Одной из насущных проблем в деятельности органов городского самоуправления являлась электрификация губернского Курска, а в перспективе и уездных городов. Следует заметить, что в к концу XIX в. освещенность городов оставалась на очень низком уровне. В городах Курской губернии применялось в основном освещение улиц керосиновыми фонарями. В конце XIX в. в Белгороде появляется газовое освещение, которое использовалось для освещения улиц и крупных общественных зданий. В частных домах газовое освещение почти не использовалось. Для газового освещения улиц в городе устанавливались дуговые фонари.

Долго и сложно решался вопрос уличного освещения в губернском городе. В Курске не был устроен газопровод, потому газовое освещение не использовалось, из-за чего городские улицы оставались практически не освещенными. В помещениях применялось керосиновое освещение. В октябре 1903 г. курский губернатор обратился в управу со следующим замечанием: «...мною неоднократно уже обращалось внимание городской управы на неисправное освещение Курска и, главным образом, его окраин»¹⁷. К этому времени электрическое освещение существовало только в центре – на Московской и Херсонской улицах города, остальные же продолжали оставаться без освещения.

Еще 19 ноября 1901 г. брюссельское анонимное общество «Курский трамвай» заключило с Курской городской думой контракт на устройство постоянной сети электрического освещения¹⁸. Срок окончания строительства электростанции и ввода ее в эксплуатацию наметили на 24 июля 1903 г. Но, несмотря на многократные обещания управе директора управления анонимного общества «Курский трамвай» строительство не завершили и до конца декабря 1903 г. О фактах нарушения условий договора Курская городская управа решила проинформировать Главное управление в Брюсселе, направив ходатайство о назначении в Курск доверенного лица сведущего в деле электрического освещения¹⁹.

12 января 1904 г. анонимное общество «Курский трамвай» уведомило городскую управу о завершении работ по устройству в городе электрического освещения, и обратилось с просьбой о разрешении ввести в действие электростанцию²⁰. В течение трех дней, с 19 по 22 января 1904 г., московскими инженерами Н.П. Бочаровым и Л.В. Дрейером была проведена экспертиза²¹. Оказалось, что большинство устройств, сданных анонимным обществом городу, оказались непригодны к эксплуатации²².

В заседании городской думы 17 февраля 1904 г. приняли решение оставить открытым вопрос об электрическом освещении и поручить думской юридической комиссии при участии управы обсудить сложившуюся ситуацию с поверенным анонимного общества бароном Розеном. В результате переговоров «Курский трамвай» взял обязательства устранить недостатки к 15 апреля 1904 г. Но и как показали дальнейшие события, и к этому сроку станция не была введена в эксплуатацию²³. 30 апреля 1904 г. вновь в заседании думы был поднят вопрос об электрическом освещении города. На этот раз дума вынесла постановление о наложении штрафа на общество «Курский трамвай» за отсутствие электрического освещения с 13 января по 14 апреля 1904 г. включительно в размере 71694 руб. Согласно заключению думской юридической комиссии, срок ввода в эксплуатацию электрической станции был продлен до 15 августа 1904 г., после чего она должна была перейти в собственность городской управы. Но и этот срок был перенесен на 15 сентября,

¹⁶ ГАБО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 69. Л. 25.

¹⁷ ГАКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 173.

¹⁸ Там же. Д. 4. Л. 50 об.

¹⁹ Там же. Д. 2. Л. 221.

²⁰ ГАКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

²¹ Там же. Л. 46.

²² Там же. Д. 4. Л. 35-37.

²³ Там же. Л. 51 об.

а позднее на 15 октября 1904 г.²⁴ В результате неоднократных переговоров было достигнуто соглашение по устранению недостатков и вводу в эксплуатацию электрической станции к 3 октября 1904 г.²⁵ Таким образом, вопрос о создании базы для электрификации губернского города был решен.

Огромное влияние на изменение условий жизни городского населения оказывали перемены в сфере городского транспорта. До конца XIX века основным транспортным средством, обслуживающим потребности городского населения являлись извозчики. Для перевозки пассажиров использовались легковые извозчики. Лица, занимающиеся перевозкой грузов, назывались ломовыми извозчиками²⁶. Деятельность извозчиков регламентировалась правилами, устанавливаемыми городской управой. Пожелавший заниматься извозным промыслом (не моложе 18 лет) был обязан на основании паспорта и свидетельства местной полиции о своей благонадежности получить специальное разрешение городской управы на этот вид деятельности. Прошедшим эту регистрацию, городской управой выдавался специальный пронумерованный ярлык, ношение которого во время работы было обязательным. Было введено своеобразное техническое освидетельствование экипажей, лошадей и сбруи, которое проводилось городской управой. Если были замечены неисправности, то извозчиков не допускали к работе. С целью общественного контроля со стороны населения за качеством выполняемых услуг, каждому, занимающемуся извозом, выдавалась специальная книжка. В ней содержались сведения о номере выданного управой ярлыка, ценах и правилах извозного промысла, а так же – чистые страницы для записи пассажирами жалоб на извозчика. После таких записей, извозчик обязан был в тот же день предъявить книгу с жалобой полиции. Однако такой относительно организованный извозный промысел отсутствовал в большинстве уездных городов Курского края.

Важнейшим техническим нововведением в городах Российской империи являлся трамвай. Губернский Курск был одним из первых русских городов, где появился трамвай, так как город располагался на высоких холмах, что затрудняло использование конки. Трамвайное движение начиналось и продолжалось летом с 7 утра до 11 вечера, а в зимнее время – с 8 утра до 9 вечера. Проезд в один конец (от Херсонских до Московских ворот по одноименным улицам) обходился 8 копеек, учащиеся платили 5 копеек²⁷. График движения включал три трамвая в час при скорости движения не более 14 верст в час. Кроме пассажиров, трамвай перевозил особыми вагонами и по другой цене грузы.

Еще одно важное и полезное изобретение прочно вошедшее в обиход горожан – это телефон. Зарождение курской электросвязи относится к концу XIX в. Первые телефоны появились в городе в 1891 г. – у губернатора, генерал-майора Фон-Валя и в редакции газеты «Курские губернские ведомости». Емкость первой станции составляла всего лишь 20 номеров. Но уже через пять лет количество телефонных абонентов четырехкратно возросло. Вскоре телефонные станции были построены и в уездных городах Курской губернии – Рыльске, Льгове и Судже. К 1908 году телефонная связь существовала в 9 уездах губернии. Курском Льговском, Белгородском, Старооскольском, Корочанском, Суджанском, Грайворонском, Рыльском Фатежском. Она связала правительственные учреждения, волостные правления, квартиры земских служащих и крупных землевладельцев. Существовало телефонное сообщение и между самими уездами: Рыльском и Льговом, Рыльском и Суджей, Льговом и Дьяконово.

Возникла необходимость в устройстве единой телефонной связи между этими городами. Так появилась телефонная сеть²⁸. За 5 лет число абонентов и абонированных телефонов в губернском городе составило соответственно 88 и 101, телефонных линий – около 48 верст. Телефонные аппараты были очень примитивны и пользование ими доставляло много хлопот владельцам. Так в телефонном справочнике за 1912 год сказано, что для вызова телефонной станции "необходимо повернуть правой рукой от себя 2-3 ра-

²⁴ Там же. ЛЛ. 82, 163, 174.

²⁵ Там же. Л. 256.

²⁶ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 298. Л. 2.

²⁷ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1913. Л. 357.

²⁸ Курская область на пути к информационному обществу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.connect.ru/article.asp?id=7334>

за рукоятку на правой стороне аппарата. Во время звонка ручной (слуховой) телефон должен оставаться на рычаге. Затем не ожидая ответного звонка, снять слуховой телефон и ждать вопрос: "Что угодно?" На этот вопрос надо сообщить о том, с кем вы хотите поговорить и ждать ответа: "Готово". После этого требовалось повесить слуховой телефон обратно на рычаг, сделав 2-3 оборота рукояткой, и вновь снять слуховой телефон. И только после всех этих действий можно было начинать разговор²⁹. Таким образом, телефон постепенно становился неотъемлемым элементом повседневной коммуникации состоятельных горожан.

С другой стороны, нельзя не признать, что городское хозяйство, по крайней мере, губернского города благодаря внедрению технических изобретений в начале XX в. сделало шаг вперед. В области водоснабжения в 1899 г. в Курске были установлены выгодные для потребителей условия отпуска воды. На окраинах губернского города были обустроены 6 артезианских самобьющих колодцев, дающих населению чистую питьевую воду. В деле освещения в 1904 г., по настоянию думы выработали совместно с концессионером «Анонимным обществом по эксплуатации освещения» соглашение, по которому электрическое освещение стало дешевле керосинового. Согласно договору, анонимное общество отчисляло ежегодно в пользу города 3% с валового дохода предприятия³⁰. Таким образом, развитие капиталистических отношений на территории Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. выдвинуло на первый план такую проблему, как создание принципиально новой системы коммуникаций. Но отсутствие необходимых инвестиций тормозило инициативу органов городского самоуправления. Рост территории и городского населения потребовал обратить внимание на расширение уже имеющихся и введение в эксплуатацию новых водопроводов и электростанций. И хотя были достигнуты незначительные успехи, но в условиях ограниченного финансирования и эти факты можно признать успешными. Одним из самых сложных и болезненных вопросов являлось поддержание чистоты на городских улицах и другие вопросы в области благоустройства. Активно проводилось замощение улиц, особенно в губернском городе. Благоустройство городов губернии напрямую зависело от состояния бюджетов. Вместе с тем, требовалось сотрудничество населения и городских властей, так как штрафные санкции не всегда носили успешный характер. Внедрение технических изобретений на территории Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. определяло формирование новой городской среды и изменение условий жизни населения.

THE TRANSFORMATION OF THE EVERYDAY LIFE OF A PROVINCIAL RUSSIAN CITIES UNDER THE INFLUENCE OF TECHNOLOGICAL INNOVATION IN THE SECOND HALF OF XIX - EARLY XX CENTURIES IN KURSK PROVINCE

M.A. SERGIENKO

*Belgorod National Research
University*

e-mail: Sergienko@bsu.edu.ru

The article is devoted to the everyday life of the city of Kursk province during the second half of XIX - early XX centuries. On the basis of a wide range of sources highlights the problem of changing everyday life of the population under the influence of technological innovation. Changing the living conditions of citizens took place thanks to the introduction of technological inventions, such as electricity, water supply, tram, phone, etc. The introduction of new standards habitat requirements change improvement to form a new urban environment. Technical innovation becomes a symbol of urban life, but were available only to wealthy citizens.

Key word: urban environment, everyday life, municipal improvements, technical invention, provincial towns.

²⁹ Конорев Э.В. История курского телефона // Краеведческие чтения. Вып. III. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old-kursk.ru/book/kraeved/kr90-1.html>

³⁰ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 51.

УДК 94(470+571-32)

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ РАБОЧИХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Е. И. КРАЮШКИНА*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого**e-mail: lenakrayush@yandex.ru*

Статья посвящена анализу процесса становления системы социального страхования рабочих на предприятиях Тульской губернии. Охарактеризованы особенности законодательной и нормативной базы, регулировавшей деятельность страховых учреждений, исследованы проблемы, возникавшие при ее реализации на местах.

Ключевые слова: Тульская губерния, социальное страхование, больничные кассы, рабочие, предпринимательство.

Модернизация промышленности Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. оказала значительное влияние на качественную трансформацию социальных отношений между рабочими и предпринимателями. Впервые в российской правовой мысли был поставлен вопрос о социальной ответственности предпринимателей за обеспечение рабочих в случае болезни и травм, полученных на производстве. Эти идеи были реализованы в законодательных актах 1903-1912 гг., создавших первую в истории страны систему обязательного социального страхования рабочих на предприятиях.

Если дореволюционных исследователей – современников становления российской системы социального страхования – прежде всего интересовала практическая сторона функционирования страхования (эффективность страховых институтов, проблема толкования и оптимального реформирования современного им страхового законодательства¹, а исследователи советского периода сосредотачивали свое внимание на истории страхования в контексте классовой борьбы рабочих и предпринимателей², то на современном этапе появляются комплексные работы, изучающих как экономические, так и правовые аспекты эволюции и функционирования российской страховой системы данного периода с использованием новых исследовательских методов, привлечением широкого круга новых источников³. На современном этапе происходит смещение центра внимания исследователей с макроисторических проблем в сторону микроистории – их интересует реализация законодательства по социальному страхованию на конкретных предприятиях и в конкретных регионах, отношение к страхованию со стороны рабочих.

В данной статье предпринята попытка проследить эволюцию системы социального страхования рабочих, сложившейся в 1903-1912 гг., и ее реализацию на примере заводских и фабричных предприятий, функционировавших на территории Тульской губернии в конце XIX – начале XX вв.

¹ См.: Александров В.Я. Общеобязательное пенсионное (по типу германского) страхование рабочих в России необходимо и при проведении его в жизнь выполнимо. СПб., 1917. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/39933>; Кеппен А. О страховании рабочих от несчастных случаев. СПб., 1892 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/117649>; Литвинов-Фалинский В. П. Организация и практика страхования рабочих в Германии и условия возможного обеспечения рабочих в России. СПб., 1903. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/25128>; Мюллер А. Рабочие секретариаты и страхование рабочих в Германии. Наши новые проекты по рабочему законодательству и классовая политика предпринимателей / С предисловием и статьей проф. И.Х. Озерова. М., 1907; Нолькен А.М. Закон о страховании рабочих от несчастных случаев: (высочайше утвержденный 23 июня 1912 г.; собр. узак., N 141, ст. 1230): практическое рук. СПб., 1913; Павлов О. Германское страхование и другие способы обеспечения рабочих. Ростов-на-Дону, 1905; Чистяков И. Страхование рабочих в России: опыт исторического страхования рабочих, в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М., 1912.

² Краткая история рабочего движения в России (1861-1917 гг.). М., 1962; Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900 - 1914 гг. Л., 1981; Лаврычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917 гг.). М., 1972; Рабочий класс России. 1907-февраль 1917 г. М., 1982.

³ Ашмарина С.В., Бородкин Л.И. Травматизм и страхование горнозаводских рабочих в России в начале XX в.: количественный анализ // Экономическая история. Обзорение. Вып. 9 / Под ред. Л.И.Бородкина. М., 2003. С. 44-59 (Постраничные примечания); Бельшев И.С. Страхование фабрично-заводских рабочих и служащих России: 1912 - февраль 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004; Герасюнина Ю. Н. Страхование рабочих от несчастных случаев в России в конце XIX - начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006; Морозов А.В. Больничные кассы и страхование рабочих в Казанской губернии 1912-1919: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000.

До 1903 г. законом не предусматривались обязательные компенсации рабочим за несчастные случаи на производстве. Тем не менее, еще в конце XIX в. общественность и владельцы отдельных предприятий стали осознавать необходимость материальной поддержки рабочих, получивших травмы на производстве, профессиональные заболевания и т.д. Одним из первых мероприятий заводской администрации на пути введения мер социального обеспечения рабочих на явилось создание благотворительных обществ на некоторых предприятиях. В Тульской губернии подобные общества функционировали при Тульском оружейном заводе и акционерном обществе Тульских меднопрокатных и патронных заводов. Их денежный фонд образовывался из добровольных пожертвований членов общества и владельца предприятия. На Тульском оружейном заводе единовременные пособия к праздникам – Рождеству и Пасхе - и пенсии могли выдаваться рабочим, долгое время прослужившим на заводе и в связи со слабостью здоровья находящимся в тяжелом материальном положении, а также вдовам и сиротам рабочих⁴. Рабочим Тульских меднопрокатных и патронных заводов и членам их семей также оказывались единовременные и долговременные пособия в случае тяжелого материального положения, выдавались денежные займы, оказывалась врачебная помощь. В 1900 г. на общих собраниях членов общества вспомоществования, действовавшего при заводе, впервые прозвучали предложения по организации кассы взаимопомощи на случай смерти рабочих, служащих и их близких родственников, открытию яслей для детей рабочих и библиотеки; несколько позже была открыта начальная школа, заводская лавка, пекарня и столовая⁵. В период Первой мировой войны общество выдавало пособия семьям рабочих, призванных на войну⁶. Несмотря на определенные финансовые трудности в 1897-1899 гг., связанные с выходом многих членов из состава общества уменьшением размера денежного фонда, общество просуществовало вплоть до 30 мая 1917 г., когда собранием ликвидационной комиссии было постановлено ликвидировать дела общества и передать его в руки рабочих⁷.

Еще одним важным источником финансирования социальных пособий рабочим являлись заводской и общеимперский штрафные капиталы. Штрафной капитал образовывался из денежных взысканий, налагаемых на рабочих за опоздание, прогул, несоблюдение правил безопасности и нарушение трудовой дисциплины. Он хранился на предприятии отдельно от всех остальных денежных сумм; когда его размер достигал более 100 руб., излишек вносился в одну из сберегательных касс государственного банка. После принятия 3 июня 1886 г. законодательных норм, ограничивавших статьи расхода штрафного капитала на фабриках⁸, эти средства могли быть направлены исключительно на выдачу единовременных пособий рабочим, потерявшим навсегда способность к труду и в период временной нетрудоспособности в связи с болезнью или несчастным случаем на производстве, пособий по беременности и родам, в случае болезни или смерти членов семьи рабочего, утраты или порчи имущества от пожара и т.д. Существовал и общеимперский штрафной капитал, средства которого формировались из штрафных капиталов закрывшихся заводов и также направлялись на нужды рабочих.

Рабочие предприятий Тульской губернии активно пользовались пособиями как из общеимперского, так и заводского штрафных капиталов⁹. Тем не менее, данная система обеспечения имела множество недостатков. Довольно сложной была процедура получения согласия на выдачу пособия (ходатайство рабочего сначала направлялось администрации завода, затем рассматривалась старшим фабричным инспектором губернии; если речь шла о выдаче пособия из общеимперского капитала, к этим этапам добавлялось и рассмотрение ходатайства вышестоящим окружным фабричным инспектором, который выносил окончательное решение). Зачастую имело место значительное уменьшение суммы пособия от изначально запрашиваемого (иногда более чем в 2 раза), что, вероятно, было вызвано опасением возможной недостаточности средств фондов для последующих выплат. Штрафные капиталы существовали далеко не на всех промышленных заведениях Тульской губернии (в 1906 г. – только на 42 из 184 фабрик и заводов, подчиненных

⁴ Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 2247. Оп. 1. Д.1. Л. 1-154.

⁵ ГАТО. Ф. 92. Оп. 1. Д.1. Л. 22, 40, 55.

⁶ Там же, л. 100.

⁷ Там же, л. 109.

⁸ Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих. ПСЗ РИ 1886. Т. VI. № 3769. Ст. 39

⁹ ГАТО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 105. Л. 9-14; Там же. Д. 111. Л. 20-46, 100, 139; Там же. Д. 113. Л. 3-4, 14, 26-29; Там же. Д. 160. Л. 20, 53, 56, 67, 76, 87, 90, 116, 130.

надзору фабричной инспекции¹⁰, причем на 26 предприятиях штрафные капиталы составляли сумму менее 100 рублей, и никаких выдач пособий рабочим за год на них не наблюдалось¹¹). Владельцам предприятий, на которых сумма штрафного капитала не превышала нескольких рублей, фабричная инспекция, как правило, предлагала, «чтобы впредь не вести переписку по поводу штрафного капитала», передать эти деньги в казначейство и зачислить в общеимперский капитал, что многие из них и делали¹².

Первым важным законодательным шагом в процессе введения обязательного страхования рабочих в Российской империи стали принятые в 1903 г. «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной, горнозаводской промышленности»¹³. Этот законодательный акт затрагивал только предприятия частной промышленности, не распространяясь на казенные предприятия. Согласно данному закону, владельцы промышленных заведений были обязаны либо самостоятельно вознаграждать рабочих за утрату трудоспособности в результате несчастного случая по причине и в результате заводских работ, либо страховать их в акционерных страховых и взаимных страховых обществах. В случае временной потери трудоспособности пострадавшим выплачивалось пособие (со дня несчастного случая по день восстановления трудоспособности в размере половинного заработка), в случае постоянной потери трудоспособности — пенсия (от $\frac{2}{3}$ заработка при полной нетрудоспособности и ниже — при неполной). В случае гибели рабочего правление обязывалось выплачивать пособие на погребение и пенсию членам семьи рабочего. Была также предусмотрена возможность замены по взаимному согласию пенсии на выплату единовременного пособия, измеряемого из расчета 10-летнего размера пенсии.

Тем не менее, при реализации норм закона на местах, в том числе и в Тульской губернии было выявлено довольно большое количество сложностей. Например, не до конца проработанной оказалась процедура определения степени утраты трудоспособности, произошедшей вследствие несчастного случая. Зачастую заводские врачи занижали степень утраты трудоспособности рабочих вследствие произошедших с ними несчастных случаев, а также отказывались признавать профессиональные заболевания (грыжи и т.д.) возникшими вследствие работ на предприятии. Обжалование некомпетентных решений врачей в судах занимало огромное количество времени, на протяжении которого рабочие не получали никакой компенсации; во многих случаях с них взимались и значительные судебные издержки¹⁴. Очень часто в своих интересах предприниматели использовали предусмотренную законом возможность, замены ежегодных выплат пенсий выдачей единовременного пособия¹⁵, что на поверку оказывалось «гораздо меньшей суммой, чем возможная последующая выплата пенсии»¹⁶. К недостаткам закона можно отнести также узко ограниченное количество лиц, подлежащих страхованию, и непредусмотренность таких страховых случаев, как отравление на производстве (например, фосфорных спичек) и профессиональные болезни, «которые у нас губят немалое число рабочих»¹⁷. Все эти недостатки, вместе с социальными потрясениями революции 1905-1907 гг. и масштабным рабочим движением, охватившим к тому моменту практически всю страну, стимулировали дальнейшую работу правительственного механизма над реформированием страхового законодательства.

В 1912 г. был принят пакет законов, вносивших новые изменения в систему социального обеспечения рабочих на предприятиях¹⁸. Согласно этим законодательным актам, страхование от несчастных случаев осуществлялось следующим образом: губернии и области Европейской России и Кавказского края, в которых вводилось страхование, разде-

¹⁰ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1906 г. СПб., 1908. С. 30.

¹¹ ГАТО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 106. Л. 85-88.

¹² Там же, л. 44, 50, 51, 79.

¹³ Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной, горнозаводской промышленности. ПСЗ РИ. Собрание третье. Том XXIII. №23060.

¹⁴ ГАТО. Ф. 92. Оп. 3. Д. 6. Л. 1-487.

¹⁵ ГАТО. Ф. 92. Оп. 3. Д. 3. Л. 1-17; Ф. 89. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

¹⁶ Павлов О. Германское страхование и другие способы обеспечения рабочих. Ростов-на-Дону, 1905. С. 99.

¹⁷ Там же, с. 100.

¹⁸ Высочайше утвержденные 23 июня 1912 г. законы «О страховании рабочих от несчастных случаев», «Об обеспечении рабочих на случай болезни», «Об учреждении Совета по делам страхования рабочих», «Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих» // Устав о промышленности. Свод законов Российской империи. Том XI, часть II. Библиотека репринтных изданий / КонсультантПлюс: Классика российского права. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/>

лялись на страховые округа, для каждого из которых учреждалось отдельное страховое товарищество. В его состав входило определенное количество предприятий, владельцы которых уплачивали взносы за лиц, занятых на работе в предприятиях по найму и несли коллективную ответственность по обязательствам страхового товарищества, пришедшей на смену индивидуальной ответственности каждого предпринимателя.

Страхование рабочих на случай болезни осуществлялось посредством учреждения больничных касс. Они могли быть «отдельными», то есть существовать на одном определенном предприятии, и общими для нескольких предприятий. Участники больничных касс и члены их семьи могли получать пособия по случаю болезни, на погребение, по случаю родов, а также обеспечивались бесплатной медицинской помощью за счет владельца предприятия. Средства больничных касс должны были образовываться из взносов участников, то есть рабочих (устанавливаемых общим собранием кассы в пределах от 1 до 2 % с суммы заработка) и предпринимателей (средства, перечисляемые ими, должны были составлять две третьих части от суммы, вносимой рабочими).

Предприятия Тульской губернии должны были войти в состав Московского страхового товарищества, которое, отчасти в связи с военными событиями, так и не было учреждено. Проблемы возникали и в процессе учреждения больничных касс на некоторых предприятиях губернии. Наиболее сложным этот процесс был на ткацкой фабрике и ситце-набивной фабрике торгового дома наследников Е.С.Каряжиной, которые должны были иметь общую больничную кассу. На этих фабриках рабочие дважды бойкотировали участие в выборах уполномоченных в больничную кассу, а в феврале 1914 г. напряженная ситуация на этих фабриках вылилась в забастовку. Помимо требований о повышении заработной платы и сокращения рабочих часов накануне праздников одним из основных требований рабочих было прекращение вычетов из заработной платы, перечисляемых в фонд больничной кассы. Тем не менее, все требования были отклонены администрацией предприятий¹⁹. Тем не менее, были и заводы, где процедура выборов проходила гладко и без каких-либо осложнений (заводы Р. Гиль, Тульский железопрокатный завод и т.д.). В обширном списке требований рабочих акционерного общества Тульских меднопрокатных и патронных заводов к администрации, выдвинутых в ходе забастовки в июне 1915 г., большая часть которых касалась повышения заработной платы, изменения расценок работ, отмены штрафов и благоустройства помещений мастерских, лишь одно было связано с деятельностью больничных касс – в их ведение предлагалось передать заводское лечение рабочих²⁰. Всего в Тульской губернии было создано и функционировало вплоть до 1918 г. 19 больничных касс, как общих, так и на отдельных предприятиях²¹.

Таким образом, с принятием законодательных актов 1903 – 1912 гг. система социального обеспечения рабочих на предприятиях стала более упорядоченной. Впервые рабочим было гарантировано право на получение пенсий и пособий при несчастных случаях на производстве, болезни и т.д. Несмотря на определенные сложности, возникавшие в процессе реализации страхового законодательства на местах, в том числе и на предприятиях Тульской губернии (бойкот больничных касс, конфликты с предпринимателями по поводу выплат пособий и т.д.), система обязательного страхования рабочих на предприятиях, созданная в начале XX в., явилась важным этапом в совершенствовании трудового и социального законодательства страны, повлекшим определенные качественные изменения в отношениях между рабочими и предпринимателями на производстве.

ESTABLISHMENT OF THE WORKERS SOCIAL INSURANCE SYSTEM IN THE FACTORIES OF TULA REGION IN THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

E. I. KRAYUSHKINA

*Tula State Leo Tolstoy
Pedagogical University*

e-mail: lenakrayush@yandex.ru

The article tempts to analyze the process of the workers social insurance establishment in the factories of Tula region in the beginning of 20th century. Law and regulatory environment and problems of its realization are analyzed.

Key words: Tula region, social insurance, sick-funds, workers, enterprising.

¹⁹ Газета «Тульская молва». № 1886 (февраль 1914 г.). С. 3.

²⁰ ГАТО. Ф 93. Оп 1. Д. 244а. Л. 1-10.

²¹ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 г. СПб., 1915. С. 291.

УДК 623.5

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВА АРТИЛЛЕРИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В.А. БОБКОВ*Брянский государственный
университет
им. акад. И.Г. Петровского**e-mail: vladimir.bobkoff-
2009@yandex.ru*

В статье на основе малоизвестных исторических источников и научных исследований последних лет реконструируются особенности военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами в области производства артиллерии накануне и в период Первой мировой войны. Поднимается вопрос военно-технической зависимости России от иностранных государств в рассматриваемый период. Проводится мысль о необходимости военно-технического сотрудничества при сохранении сильной отечественной промышленной и кадровой основы артиллерийского производства во время обострения международной обстановки.

Ключевые слова: армия, артиллерия, арсенал, война, военно-техническое сотрудничество.

В современных международных отношениях важное место занимают вопросы, связанные с военно-техническим сотрудничеством России с иностранными государствами. Как известно понимание истории межгосударственных отношений позволяет находить более тонкие подходы к аналогичным отношениям и проблемам в настоящем и будущем. Этим объясняется обращение к подобной теме.

В последние годы на страницах научных статей, монографий, диссертационных исследований активно поднимали различные вопросы военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами¹. Это свидетельствует об актуальности настоящей темы. Сегодня становятся доступными ранее не известные исторические источники. Все это делает возможным обращение к теме военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами в области производства артиллерии накануне и в годы Первой мировой войны.

Наличие сильной военной промышленности внутри государства свидетельствует о его самостоятельности на международной арене. Накануне мировой войны в России планировали изменить сложившуюся неблагоприятную для нашей обороноспособности ситуацию и значительно усилить собственную военную промышленность. Отставание технических заведений военного ведомства России от аналогичных предприятий зарубежных производителей становилась все более очевидным фактом. В деле планирования способов развития и технического переоборудования производств неминуемо оказывалось, что и в этом важнейшем вопросе необходимо во многом ориентироваться на заказы за границей. Так, в докладе Военного министерства в Совете министров от 9/16 сентября 1913 г. «о предоставлении Главному артиллерийскому управлению (ГАУ) права приобретения за границей станков без ограничения суммы в течение двух лет» прямо отмечали, что большинство оборудования приобрести: «на русском рынке не представляется возможным»².

Многие мыслящие люди, как гражданских учреждений, так и военного ведомства России понимали, что зависимость от иностранных государств в области военных поставок может привести к печальным, если не катастрофическим последствиям. К сожалению, подобное понимание не привело к конкретным принципиальным действиям во изменение ситуации.

¹ Булатов В. В. Иностранный предпринимательский капитал в военной промышленности России: «Группа Виккерс» и Русское акционерное общество артиллерийских заводов (1912-1918 гг.). Спец. 08.00.03 - история народного хозяйства. Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Волгоград, 2000; и др.

² Российский государственный военно-исторический журнал (далее РГВИА). Ф. 504. Оп. 8. Д. 2602. Л. 5-5 об. Завер. копия. 9/16 сентября 1913 г. — Доклад Военного министерства в Совет министров о предоставлении ГАУ права приобретения за границей станков без ограничения суммы в течение двух лет // Военная промышленность России в начале XX века 1900-1917. Сборник документов. М., 2004. (далее ВПР СД) С. 437-438.

В начале XX в. мир стоял на пороге крупнейшей войны. «Если дело не дошло до мировой войны уже в 1913 г., то причинами этого были неготовность к войне России и ее союзников»³.

Неготовность проявила себя, в том числе и в военно-техническом отставании России и ее союзников от высоких темпов промышленного развития Германии. За короткое время Россия должна была совершить значительный рывок. При этом внутригосударственные проблемы России свидетельствовали о крайней сложности в деле возможной ликвидации военно-технического отставания от Германии.

В начале XX в. в межгосударственном противостоянии на театре военных действий важное значение приобрела артиллерия. Артиллерию по праву называли «богом войны» ее преобладание подчас приводило к безоговорочной победе того или иного государства. Не стала исключением и Первая мировая война.

Накануне мировой войны артиллерийское вооружение армий крупнейших государств мира находилось в состоянии периодического перевооружения. Этому способствовали успехи в развитии науки и техники. Россия внимательно отслеживала появление технических новинок в артиллерии зарубежных стран и стремилась по мере финансовых возможностей заимствовать их. При этом не все задуманное могли воплотить в жизнь.

Перед началом войны Россия производила артиллерию всего на трех крупных казенных заводах, в большей или меньшей мере приспособленных для изготовления артиллерийских орудий, а именно: 1. Обуховском сталелитейном, 2. Петроградском орудийном и 3. Пермском пушечном. Помимо указанных предприятий были и другие, но их удельный вес в общем производстве артиллерии и сопутствующих материалов был незначительным. В силу указанных причин еще накануне войны, как тогда считали «были созданы хорошие перспективы для взаимовыгодного сотрудничества Веккерса и крупного российского капитала»⁴.

Результатом англо-русского союза стало создание в 1913 г. Русского акционерного общества артиллерийских заводов (РАОАЗ).

Компания планировала открыть крупное предприятие по производству артиллерии в Царицыне. Своевременное открытие технологически передового предприятия могло положительно отразиться на развитии отечественной артиллерии. По замыслу создателей предприятие планировали сделать центром аккумуляции теоретических знаний в области производства артиллерии. В последующем эти знания было возможно использовать при производстве артиллерии на других казенных предприятиях России.

По многим обстоятельствам в период мировой войны предприятие к полноценной работе не приступило. Причины подобной ситуации выяснила специально созданная комиссия под председательством генерал-майора Федорова. По заключению комиссии, обследовавшей на месте ход работ по постройке Царицынского завода, сбой произошел из-за нераспорядительности «правления Русского общества артиллерийских заводов, не сумевшего в полной мере использовать свои договорные отношения с фирмой Веккерс и К^о»⁵.

Подобное Российско-английское сотрудничество не всегда оценивалось однозначно, в том числе и специалистами в области производства и применения артиллерии. В частности, резко негативно оценивал начало строительства завода в Царицыне Е.З. Барсуков занимавший в период мировой войны пост начальника Управления полевого генерал-инспектора артиллерии при Ставке Верховного Главнокомандующего. В своей книге он отметил: «в 1913 г. через совет министров прошло явно невыгодное для России предложение английской фирмы Веккерс: постройка в Царицыне ... мощного орудийного завода»⁶.

Действительно, постройка потребовала большие финансовые средства, а эффект от предприятия в годы войны получен не был.

При этом была острая нехватка финансирования и организационного участия в деле развития собственных казенных предприятий военного ведомства России. В стране не были окончательно реконструированы собственные арсеналы. Так, Брянский арсенал переоборудовали уже в течение войны. Переоборудование требовало закупок за границей.

³ Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т.1. М.-Л., 1947. С. 8.

⁴ Булатов В.В. Указ. Соч. С. 22.

⁵ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 215-251. Типогр. экз. Март 1916 г. – май 1916 г. – Своды сведений о деятельности казенных артиллерийских заводов: Обуховского сталелитейного, Петроградского орудийного и Пермских пушечных, а также выводов из этих сведений // ВПР СД. С. 692-716.

⁶ Барсуков Е.З. Артиллерия Русской армии (1900-1917 гг.). Т.2. М., 1949. С. 164.

В результате, «почти все новые станки для арсенала изготавливались во время войны в Америке, откуда доставлялись в Россию через Англию, Японию, Францию и Швецию»⁷.

В начале XX в. в целях усиления обороноспособности государство стремилось выработать эффективную модель взаимодействия промышленников и банковских структур. Для насыщения предприятий производящих вооружения и артиллерию привлекали как отечественные, так и зарубежные инвестиции. По логике архитекторов модели это приводило бы к минимизации затрат государства, но при решении вопроса с поставками в армию необходимых предметов вооружения. Так, Пермский завод вообще планировали передать под частное управление консорциуму банков, во главе с Русско-Азиатским. При этом арендную эксплуатацию банкиры предполагали «осуществить при техническом содействии французской фирмы Шнейдер»⁸.

В начале XX в. «Шнейдер и К^о» был крупнейшим французским военно-промышленным концерном основанным братьями Шнейдер в 1836 г. в городе Ле Крёзо. Планы были признаны неприемлемыми. К январю 1914 г. было решено переоборудовать Пермский завод, для изготовления орудий до 16-дм калибра и уже при техническом содействии английской фирмы Армстронг, Витворт и К^о⁹.

В годы Первой мировой войны в армии России присутствовала острая нехватка тяжелых артиллерийских орудий. В вопросе создания и внедрения тяжелой артиллерии мы сотрудничали с несколькими государствами. Особенно тесное сотрудничество было с Францией. Так, в 1913 г. во всеподданнейшем докладе генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича о состоянии артиллерии присутствовали сведения об испытаниях в России образца «новой конной пушки системы завода «Шнейдер и К^о»»¹⁰. Основной продукцией концерна «Шнейдер» были тяжелые артиллерийские орудия и танки.

Французы использовали результаты испытаний проведенных в России и дали «заводу «Шнейдер» заказ на все количество пушек, потребных для французской конной артиллерии»¹¹. В России же из-за нехватки финансовых средств и бюрократических процедур процесс развития тяжелой артиллерии затормозили.

«Русские, во многом разделявшие в то время взгляды французов, однако не последовали за ними в отношении обеспечения своей армии гаубичной и тяжелой полевой артиллерией»¹².

Факты свидетельствуют, что Россия была вынуждена вступить в войну «с резким, по сравнению с противником, недостатком артиллерии вообще и тяжелой в особенности»¹³.

В результате формирование тяжелой артиллерией в России производили в первые два года войны под впечатлением боевых ситуаций. Формируемые тяжелые батареи вооружались в первую очередь пушками старых образцов крепостного типа, а с 1916 г. и новейшими образцами пушек и гаубиц, поступивших по большей части по заказам из Франции и Англии¹⁴.

На этом фоне в противостоящей России и ее союзникам Германии четко понимали необходимость иметь именно тяжелую артиллерию. В результате еще до начала мировой войны армия Германии была насыщена этим видом артиллерии. Так, «штатное включение тяжелой артиллерии в состав корпусов дало немцам решающее тактическое преимущество в бою»¹⁵.

Военное министерство России стремилось активно привлекать иностранные компании к развитию своей военной промышленности. Подобная ситуация ярко проявила себя при планировании организации в России нового порохового производства. Так, нехватка пороха, в том числе и для боевых зарядов к вновь введенным 3-дм горным пушкам

⁷ Там же. С. 169.

⁸ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 215-251. Типогр. экз. Март 1916 г. – май 1916 г. – Своды сведений о деятельности казенных артиллерийских заводов: Обуховского сталелитейного, Петроградского орудийного и Пермских пушечных, а также выводов из этих сведений // ВПР СД. С. 692-716.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Д. 72. Л. 1-14. Подлинник. 20 февраля 1913 г. – Из всеподданнейшего доклада генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича о состоянии артиллерии // ВПР СД. С. 433-435.

¹¹ Там же.

¹² Барсуков Е.З. Указ. Соч. Т.1. М., 1948. С. 174.

¹³ Зайончковский А. Мировая война 1914-1918 гг. М., 1938. Т. 1. С. 24.

¹⁴ Барсуков Е.З. Указ. Соч. Т.1. М., 1948. С. 189.

¹⁵ Шацилло В.К. Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы. М., 2003. С. 134.

и полевым гаубицам вызывали необходимость постройки нового порохового завода. В видах постройки такого завода был «объявлен международный конкурс на составление проекта некоторых отдельных производств предполагаемого порохового завода»¹⁶.

В Германии механическая промышленность находилась на таком уровне развития, что она не только могла самостоятельно решать технические задачи высокого уровня, но и экспортировать свою продукцию, в том числе и в Россию. Германские представители проводили умелую политику и в области различного рода торговых соглашений с Россией. В результате, поставляя нам свою продукцию, Германия имела «пониженные таможенные ставки»¹⁷.

В ходе Первой мировой войны когда отечественная промышленность переоборудовать не успели, а поставки из Германии отсутствовали пришло осознание проблемы. По этому поводу красноречиво писал в 1915 г. в записке «о положении механической промышленности в России» член Государственного совета Г. А. Крестовников: «Заключение первого торгового договора было первым актом нашего экономического порабощения Германией»¹⁸.

При этом гражданские промышленные предприятия Германии в период войны переклочили на военное производство. В результате Россия на полях сражений мировой войны первоначально испытывала значительный дефицит в поступлении снарядов, а Германия как отмечали по поводу наличия снарядов их «неистощимостью поражала весь мир»¹⁹.

Вплоть до начала войны Россия продолжала размещать заказы на вооружения в Германии. Так, положением Военного совета от 25 апреля 1913 г. решили «заказать в Германии заводу Эргардта значительную партию вновь изобретенных бризантных шрапнелей, дабы получить право поставить производство этих снарядов и трубок в России»²⁰.

Международные отношения в начале XX в. были противоречивы. В этих условиях Россия в своей внешней политике постепенно отдалялась от Германии. При этом даже накануне первой мировой войны внутри России продолжали действовать военные производства с немецким участием. Так, в письме военного министра В. А. Сухомлинова председателю Совета министров В. Н. Коковцову от 22-27 ноября 1913 г. «о недопустимости участия иностранных подданных в работе Русского общества для выделки и продажи пороха», отмечалось: «Русское общество для выделки и продажи пороха продолжает существовать на прежних основаниях, т.е. вся администрация и многие служащие этого предприятия по-прежнему состоят из германских подданных»²¹.

На первый взгляд основания заказа вновь изобретенных бризантных шрапнелей и использование немецкого участия в организации военных производств на территории России приемлемы. Представляется, что в подобных военно-технических вопросах ориентироваться на отечественных техников-артиллеристов выглядели бы предпочтительнее. При условии увеличения финансирования их разработок. На этом фоне в деле организации в России массового изготовления снарядов по измененной французской технологии отрядно выглядят сотрудничество с Францией. Как известно, в итоге именно в результате подобных контактов отечественным специалистам под руководством генерала С.Н. Ванкова пришлось решать проблему нехватки снарядов, но уже в условиях войны²².

Исследователь деятельности промышленности Москвы и московской губернии в годы Первой мировой войны Т. В. Ершова прямо указывает, что «на заказы, сделанные

¹⁶ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 72. Л. 1-14. Подлинник. 20 февраля 1913 г. — Из всеподданнейшего доклада генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича о состоянии артиллерии // Военная промышленность России в начале XX века 1900-1917. Сборник документов. М. 2004. (Далее ВПР СД). С. 433-435.

¹⁷ Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 96. Л. 339-342. Типогр. экз. Июнь 1915 г. — Записка члена Государственного совета Г. А. Крестовникова о положении механической промышленности в России // ВПР СД. С. 506-510.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 55. Л. 303-324 об. Подлинник. 27 марта 1917 г. — Показания бывшего начальника ГАУ Д. Д. Кузьмина-Караваева Верховной следственной комиссии // ВПР СД. С. 635-653.

²¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1276. Оп. 6. Д. 199. Л. 97-98 об. Подлинник. 22-27 ноября 1913 г. — Письмо военного министра В. А. Сухомлинова председателю Совета министров В. Н. Коковцову о недопустимости участия иностранных подданных в работе Русского общества для выделки и продажи пороха // ВПР СД. С. 438-439.

²² Подробнее см.: Бобков В.А. Роль генерал-майора Симеона Ванкова в ликвидации снарядного голода в период I Мировой войны // Русское наследие в странах восточной и центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 г. Брянск, 2010. С. 519-525.

за границей, не было никакой надежды»²³. В исследовании Ершовой подчеркивается определяющее значение Организации созданной генералом Ванковым в ликвидации снарядного голода в армии России. Так, автор указывает, что «В Москве и Подмосковье на Организацию Ванкова работало около 100 заводов и мастерских. Здесь в разное время изготавливалось от 32 до 42% трехдюймовых снарядов, от 19 до 32% запальных стаканов и от 30 до 55% детонаторных трубок. Все снаряды снаряжались в Москве. Несмотря на большие трудности, Организация Ванкова изготовила для фронта более 7593 тыс. снарядов, что способствовало увеличению боеспособности русской армии»²⁴.

В ходе мировой войны ГАУ России вынуждено было рассчитывать на помощь со стороны союзников. В целях систематизации заграничных заказов были созданы Русский правительственный комитет в Лондоне и Комитет по заготовлению предметов боевого и материального снабжения армии в Америке.

С началом мировой войны Англия и Франция в силу высокой потребности в военно-технической продукции для своих армий частично отдали рынок военных поставок в России активно развивавшейся Америке. Исследователь указанного вопроса П.В. Виноградов утверждает, что: «удельный вес США в импорте составлял более 60%, в то время как до войны едва достигал 13,2%»²⁵.

Постепенно проступали негативные стороны военных закупок в период войны. Союзники, как по объективным, так и иным причинам периодически не могли своевременно в надлежащем количестве и качестве выполнить обязательства по поставкам продукции военного назначения. Так, бои под Верденом неблагоприятно отразились на уступке нам французским правительством 74 42-лин. пушек, и сдача их, была отложена «на неопределенное время»²⁶. Подобные факты были системой и неблагоприятно сказывались на боеспособности армии России.

Применение иностранных технологий таило определенные проблемы при последующем их использовании. В частности, начальник ГАУ Д. Д. Кузьмин-Караваев в конце марта 1917 г. уже находясь под следствием, заявлял в своих показаниях о подобных фактах. Так, он отметил, что: «я подверг подробному рассмотрению желание болгарского правительства заказывать нам пулеметы Максима и сербского правительства — винтовки Манлихера. Но заявление Базиля Захарова, грозившего возбудить судебное преследование за нарушение авторских прав завода Веккерса, побудило отказаться от этих предположений»²⁷.

Передовая свои технологии иностранные поставщики стремились всячески ограничить их использование и получить значительные выгоды после передачи. Так, «Круп и Шнейдер передали России свои патенты лишь при том условии, если первые валовые заказы на орудия их систем будут исполняться или у них самих или на русском Путиловском заводе, с которым названные фирмы состояли в сепаратном соглашении»²⁸.

Использование иностранных технологий подчас требовало от российских техников значительных временных промежутков на их освоение. Так, техники Петербургского оружейного завода лишь через год смогли освоить систему «воздушных накатников Шнейдера»²⁹.

Были и другие негативные стороны военно-технического сотрудничества. К примеру, еще одним поставщиком военной продукции в Россию в период войны была Япония, которая пользуясь моментом, поставляла орудия откровенно технически устаревшие. Так, «полевые и горные 75-мм пушки системы Арисака получены были из Японии

²³ Ершова Т. В. Промышленность Москвы и московской губернии в годы Первой мировой войны. Специальность 07.00.02 - Отечественная история. Автореферат. Диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2000. С. 24.

²⁴ Там же.

²⁵ Виноградов П.В. Деятельность русского заготовительного комитета и организация заказов военного имущества в США во время Первой мировой войны // Теория и практика общественного развития. №10. 2012.

²⁶ РГВИА. Архивохранилище справочных фондов и печатных изданий. Из Всеподданнейшего доклада по Военному министерству за 1915 год // ВПР СД. С. 543-547.

²⁷ Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 55. Л. 303—324 об. Подлинник. 27 марта 1917 г — Показания бывшего начальника ГАУ Д. Д. Кузьмина-Караваева Верховной следственной комиссии // ВПР СД. С. 635-653.

²⁸ Барсуков Е.З. Артиллерия Русской армии (1900-1917 гг.). Т.2. М., 1949. С. 153.

²⁹ Там же. С. 154

(всего 586)»³⁰. Япония «же предложила уступить 12-см гаубицы, далеко не удовлетворявшие условиям современной артиллерийской техники»³¹.

В период мировой войны иностранные компании в Англии (Виккерс), Канаде (Канадское Общество вагонных и литейных заводов в Монреале), Франции и т.д. обязались поставить миллионные партии снарядов. В результате многие заказы остались совершенно невыполненными³².

После смены власти в России военно-техническое взаимодействие с иностранными государствами перешло в новый формат. Известным Декретом о мире принятым 26 октября (8 ноября) 1917 г. на II Всероссийском Съезде Советов новая власть предлагала «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире»³³.

В результате для военной промышленности России наступали не лучшие времена. Имущество многих предприятий, в том числе и с иностранными капиталовложениями, а особенно тех заводчиков которые не желали подчиняться правовым актам новой власти подлежали конфискации. Так, 15 (28) декабря 1917 г. вышло Постановление Совета Народных Комиссаров о конфискации имущества Русско-Бельгийского металлургического общества. В Постановлении отмечалось: «Ввиду заявления Правления Русско-Бельгийского металлургического общества о ликвидации дел общества к 5 – января 1918 г. и явного нежелания подчиняться декрету СНК о введении рабочего контроля, СНК постановил: конфисковать» имущество общества³⁴.

К 1918 г. в России происходят коренные изменения общественно-политического и социально-экономического устройства. Эти процессы неминуемо сказывались на военной промышленности государства. Значительными были изменения в характере иностранного финансового присутствия. Понятно, что многие начинания не были завершены, а другие и вообще не были начаты.

Причин неготовности военной промышленности России (в том числе производившей артиллерию) к войне было не мало. В первую очередь в России не смогли выбрать четкую программу преобразований в военной сфере. Присутствовали определенные метания в поиске ориентира, который искали в зарубежных странах. На этом фоне военное командование в полном объеме не использовало потенциал отечественных военных специалистов, а настойчиво ориентировалось на иностранную помощь. Результатом явилась преобладающая слабость России на театре военных действий в годы мировой войны.

MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF RUSSIA WITH FOREIGN STATES IN THE FIELD OF PRODUCTION OF ARTILLERY ON THE EVE AND DURING THE FIRST WORLD WAR

V.A. BOBKOV

*Bryansk state University
Acad. I.G., Petrovskogo*

*e-mail: vladimir.bobkoff-
2009@yandex.ru*

Based on little known historical sources and last scientific researches the particularities of Russian military and technical cooperation with foreign states in the field of artillery production before and during World War I are reconstructed. The question of the military and technical dependence of Russia from the foreign states during this period is raised. The main idea of the article is that the military and technical cooperation is needed with preserving strong homeland industrial and professional basis for the artillery production at the time of international tensions.

Key words: army, artillery, arsenal, war, military and technical cooperation.

³⁰ Там же. С. 176.

³¹ Там же. С. 178.

³² РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 533—545. Типогр. экз. Октябрь 1915 г. — февраль 1916 г. - Свод сведений о снабжении армии артиллерийскими снарядами, приспособлении отечественных заводов к изготовлению их и о заказах за границей означенных снарядов // ВПР СД. С. 717-732

³³ Декрет о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 г. // В кн.: Документы внешней политики СССР. Том 1. 7 ноября 1917 — 31 декабря 1918 г. М., 1959. С. 11.

³⁴ Постановление Совета Народных Комиссаров о конфискации имущества Русско-Бельгийского металлургического общества от 15(28) декабря 1917 г. // В кн.: Документы внешней политики СССР. Том 1. 7 ноября 1917 — 31 декабря 1918 г. М., 1959. С. 66.

УДК 94(47).084.3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918 – 1919 ГГ. И ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ ЧАСТЕЙ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ (ЧОН)

В статье рассматривается социально – экономическая и политическая обстановка сложившаяся после Октябрьской революции 1917 г. в Калужской губернии. Проблемы противостояния народа и власти, выразившиеся как в сопротивлении крестьян при сборе продовольственного налога, критики экономической политики большевиков, так и в вооруженных столкновениях в ходе фискальных мероприятий и демобилизации.

В статье анализируются источники, свидетельствующие о негативном отношении рабочих, крестьян и служащих Калужской губернии к социально – экономической политике Советской власти. Приводятся данные о политическом настроении народа.

Рассматривается период Гражданской войны, во время которого Калужская губерния три раза объявлялась на военном положении. На ее территории неоднократно вспыхивали восстания против Советской власти. Особенно крупное в конце 1918 г. произошло в Медынском, Боровском и Малоярославецком уездах.

В статье рассматривается введение чрезвычайных мер – создание коммунистических отрядов особого назначения (с 1922 г. именовались ЧОН), которые являлись жизненно необходимыми даже при наличии Красной Гвардии, Красной Армии, войск ВЧК и милиции.

Ключевые слова: советская власть, контрреволюция, военно – революционный комитет (ВРК), большевики, Медынское восстание 1918 г., коммунистические отряды осназ, Части Особого Назначения, чоновцы, Красная Армия.

О. А. ЛОШМАНОВА

*Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского*

e-mail: loshmanova.oksana@rambler.ru

События Октября 1917 года и захват власти большевиками, способствовали расколу общества и политической нестабильности в государстве. В Калужской губернии Советская власть была установлена вооруженным путем 28 ноября 1917 г. Одним из показательных актов противостояния в Калуге стала манифестация в поддержку Учредительного собрания состоявшаяся 10 декабря, которая была разогнана вооруженными красноармейцами с применением бронетехники.

Военно-эволюционный комитет (ВРК) в губернии не располагал реальной властью и военной силой, на которую он мог бы опереться. Поэтому «старые» органы власти и командование контрреволюционных частей игнорировали приказы и распоряжения ревкома. ВРК, исходя из сложившейся в губернии обстановки обратился с просьбой об оказании помощи в утверждении Советской власти в Калуге к революционным органам власти Москвы, Брянка и Тулы. В просьбе указывалось: « В Калуге власть перешла в руки Советов, образован военно-революционный комитет. Во избежание противодействий со стороны имеющихся в Калуге воинских частей, отказавшихся принять власть Советов, необходима реальная сила, немедленно о присылке которой Калужский военно-революционный комитет убедительно просит...»¹.

Калужский губернский ВРК опасался присутствия в городе контрреволюционного батальона, который оказывал, как указывалось в документах, «...полное противодействие ...к организации нашей власти...»². В связи, с чем просил Брянский ВРК оказать помощь в удалении из Калуги контрреволюционного батальона. Революционные войска начали прибывать в Калугу 28 ноября 1917 года. Контрреволюционные части, находившиеся в Калуге, не решились оказать сопротивление: одни из них были разоружены, другие бежали.

¹ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее ГАДНИКО). Ф. 1368. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

² Там же. Л. 7.

Теперь вся полнота власти в Калуге была сосредоточена в руках Военно-революционного комитета, который принял необходимые меры по охране революционного порядка.

К весне 1918 года правительство большевиков столкнулось с теми же проблемами, которые привели к падению не справившегося с ними Временного правительства: нарастающий экономический, социальный и политический кризисы, недовольство народа правительством, а так же отсутствие программы выхода из кризиса. А проблема продовольственного обеспечения обернулась угрозой голода и превратилась в устойчивый фактор крестьянского протеста.

Об этом свидетельствуют секретные документы ВЧК, в которых встречаются отчеты о политическом настроении населения Калужской губернии. Приведем лишь некоторые из них. В информационной сводке за период с 15 ноября по 1 декабря 1918 г. отмечалось: « За истекший период настроение рабочих, служащих и крестьян удовлетворительное. Все случаи недовольства соввластью в основном на почве отсутствия продовольствия и средств к существованию. Крестьяне голодают...»³.

В январе 1919 года, в связи с голодом, ситуация заметно обостряется, в отчетах сообщалось «...Крестьяне высказываются против соввласти, критикуют и ругают. В Козельске все чаще наблюдаются беспорядки, были случаи побоев коммунистов. Крестьяне, кричат: «Долой, Советскую власть!...»⁴.

Сведения о политической обстановке в Калужской губернии обнаружены в фонде Калужского совнаркома, в котором имеется дело с многочисленными телеграммами, где сообщалось о нарастающей напряженности и беспорядках в уездах ⁵.

Аналогичные сведения обнаружены и в архиве ФСБ КО в деле № П – 5169. В телеграмме, отправленной из Жиздры в Москву (ЦИКА связи, копии товарищу Ленину и в продовольственный комитет) 30. 12. 19 г. сообщалось: « На почве голода работники связи опасно болеют целыми семьями...ходят оборванные в лаптях. Калужская Губпродсекция кормит запросами, обещаниями, а на деле непросеянной овсянкою, далеко ниже установленной нормы с запозданиями. Недовольство властью растет...»⁶.

В заявлении служащего телеграфа Демьяна Георгиевича Матвихина от 13 марта 1919 г. в Жиздринский комитет почто – телеграфных служащих сообщалось о бедственном положении служащих в губернии: « С первого января 1919 года служу при Зикеевском п.т. (почтово – телеграфном – Авт.) отделении, я со своим семейством в составе жены и четверых малолетних детей...нигде не получаю продовольственного пайка и при таком тяжелом времени я нахожусь в безвыходном положении. ...Моя жена и малолетние дети совершенно замирают голодной смертью, способов выхода избавления от голодной смерти я не представляю возможным, благодаря высшего органа и формальности...Крохина. Который, считаясь с положением основного закона, который так точно исполняет, что я до сего времени в списках не значусь. Такое положение рабочего класса считаю унижительным и оскорбительным, советская власть не дает мне и моей семье уверенности в будущем...»⁷.

Сложившейся ситуацией в Калужской губернии были недовольны и сами коммунисты. 5 марта 1919 г. Председателем Жиздринского Уездкома Соколовым и его сослуживцами была отправлена телеграмма Ленину о задержке на три месяца положенных продуктов, для работников Уездкома и их семей, в телеграмме описывалась ситуация в губернии «голод, болезни, нет еды, одежды, крестьяне и рабочие недовольны соввластью» ⁸. За эту телеграмму Соколова задержали, было заведено уголовное дело, так как информация в телеграмме, по мнению следователя ЧК, носила контрреволюционный характер. 12 апреля 1919 г. Соколов получил телеграмму (часть её испорчена, установить отправителя невозможно) в которой сообщалось следующее: «Для удовлетворения продовольствием партработников Калужской губернии Центральным Продовольственным комитетом все меры приняты: отпущено по нарядам на март 3 000 т. пудов муки и 250 пар галош» ⁹. Несмотря на это уголовное дело,

³ Архив Управления ФСБ по Калужской области (далее АУ ФСБ КО). Д. П-1242. Л. 67.

⁴ Там же. Л. 72 – 72 об.

⁵ Государственный архив Калужской области (далее ГАКО). Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 3. Л. 24, 28, 56.

⁶ АУ ФСБ КО. Д. П – 5169. Л. 20.

⁷ Там же. Л. 20.

⁸ Там же. Д. 3232. Л. 1-4.

⁹ АУ ФСБ КО. Д. 3232. Л. 77.

закрыто не было, предъявленные обвинения с Соколова не сняли. О дальнейшей судьбе Соколова в документах ЧК сведений нет.

Советской власти зачастую приходилось прибегать к силовым методам решения социально – политических и экономических противоречий между гражданами и властью. Телеграмма из Мещовска 27.11.1917 г.: «Просим немедленно прислать 30 солдат для подавления в уезде погромов»; из Малоярославца, 27.1.1918 г.: «Срочно вышлите 25 солдат. Положение уезда очень тревожное»; из Перемышля, 2.III.1918 г. «Просим выслать 20 солдат для ареста вооруженных преступников»; из Мосальска, 2. III.1918 г.: «Уезд объявлен на военном положении»¹⁰.

В период Гражданской войны Калужская губерния три раза объявлялась на военном положении. На ее территории неоднократно вспыхивали восстания против Советской власти. Особенно крупное в конце 1918 г. произошло в Медыньском, Боровском и Малоярославецком уездах.

Медыньское восстание 1918 г. охватило Медыньский, Малоярославецкий и Боровский уезды. Архивные материалы 1918 года – оперативные сводки ВЧК говорят о том, что восстание началось 10 ноября 1918 года. В газете «Коммуна» сообщалось: «10 ноября восставшими ...был разграблен и разогнан в селе Глухове ...волостной совет. В Адуевской волости, убит военный комиссар Буровиков, зверски разрубленный в бесформенную массу. В Адуевской, Глуховской волости, всё оружие, выданное для всеобщего обучения, было разобрано, населению от 18 до 50 лет объявлена мобилизация. ...Передовые части белогвардейцев пытались повести наступление на казармы расположенные на окраине гор. Медыни, но будучи встречены пулемётным огнём, укрылись вновь в лесу»¹¹.

В документах АУ ФСБ КО отмечалось, что восстание было «кулацко – белогвардейским, направленное против Советской власти и всего трудового народа». Интересные данные о начале Медыньского восстания и о зачинщиках отражены в протоколе допроса Следственной Комиссией Ревтрибунала свидетеля – Петра Алексеевича Князева 27 лет, проживавшего в деревне Синявино, Адуевской волости Медыньского уезда (5 июня 1919 г.).

На допросе Князев П. А. сообщил о том, что в начале ноября 1918 г. в деревне Синяево собралось много сбежавших из Калуги унтер – офицеров дезертиров. Они не хотели идти на военную службу и были настроены враждебно к советской власти. Восстание началось в воскресенье в Глуховской волости. Главными организаторами были Тихон и Степан Колосковы. «Они отдавали все распоряжения и распоряжались унтер – офицерами, кого куда распределить, кого куда поставить. Степан Колосков (унтер – офицер) был с револьвером, он говорил: «если кто откажется, тому он даст пулю в лоб...». Филипп Гришин собирал оружие для восставших. Кунцов Куприян гнали всех на фронт... Тихон Колосков был в Штабе. Унтер – офицеры взволновали массы... До самого фронта мы не дошли, остановились возле деревни Пушкино»¹².

В документах ВЧК имеются сведения о расстрелянных гражданах разных селений Медыньского уезда во время подавления восстания в ноябре 1918 года. Список расстрелянных граждан от 17 ноября 1918 года состоит из двадцати одного человека. В нем перечисляются фамилии и причины расстрела. Среди расстрелянных белогвардейцев, кулаков, разведчиков и участников восстания приговорён к расстрелу Федор Иванович Щеголев, гражданин г. Медыни «за злорадство высказанное по поводу ранения тов. Петрова и за распространение слухов, что Советская власть скоро падет»¹³.

16 ноября 1918 г. в 4 часа утра был расстрелян Алексей Иванович Лапшин за то, что он «под давлением и под угрозой со стороны толпы выступал против Советской власти с вилами в руках...»¹⁴.

В архивных документах имеются упоминания о сочувственном отношении и помощи восставшим оказываемой священнослужителями. Так, житель села Адуево, Николай Сморгачёв на допросе следователю ЧК сообщал: «... в понедельник 11 ноября у нас в селе Адуево... священник Александр Лебедев в церкви служил напутственный молебен...»¹⁵.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 1.Д. 3. Л. 693, 62, 70.

¹¹ Коммуна. 13 ноября 1918 г.

¹² АУ ФСБ КО. Ф. 1. Д. 13523. Л. 24, 24 об.

¹³ Там же. Д. П – 5169. Л. 174 об.

¹⁴ АУ ФСБ КО. Д. 13523. Л. 231.

¹⁵ Там же. Л. 205 об.

Чтобы покарать восставших и запугать население власти расстреляли 199 человек, из них заложников было казнено 15. Списки расстрелянных опубликованы в газете «Коммуна»¹⁶.

Силовое сопротивление Советской власти продолжало набирать обороты. В деревнях разгоралась классовая борьба, повсеместно организовывались комитеты бедноты, в Тарусском, Мещевском и Жиздринском уездах на почве голода велась контрреволюционная агитация, земельный вопрос, как и прежде, стоял остро. В уездах был силен кулацкий элемент, поддерживаемый левыми эсерами, а в некоторых местах еще имели влияние правые эсеры и меньшевики. Ситуация в Калужской губернии осложнялась острым продовольственным кризисом и недостатком денежных средств.

На фоне обострившегося экономического и социально – политического кризиса поддерживать общественный порядок в стране стало практически невозможно. Обычным явлением были налеты и разгромы складов, барж, железнодорожных вагонов, значительно возросла преступность, участились кражи и грабежи¹⁷. Между тем, военная обстановка в стране продолжала стремительно ухудшаться. По мере продвижения белогвардейских войск к столице, активизировалось антибольшевистское подполье. Об этом красноречиво свидетельствуют сводки о политической обстановке. Так, в переписке начальника Медынской уездной милиции со Следственной Комиссией при Калужском Революционном Трибунале от 12 октября 1918 г. сообщалось, что «...контрреволюционные элементы, подстрекаемые эсерами и меньшевиками, собирают силы для открытого противостояния и захвата власти. Еще немного и мы не сможем их остановить...наших сил недостаточно...»¹⁸. 24 ноября 1918 г. отчет начальника милиции Козельского уезда «...крестьяне подстрекаемые попами и кулаками бунтуют, отношение к коммунистам враждебное. В уезде много дезертиров и всякого контрреволюционного сброда. Участились грабежи, разбой и убийства. Милиция бессильна, нужны вооруженные силы для наведения порядка...»¹⁹.

Оказавшись в разоренной стране, желая любой ценой удержаться у власти, большевики уверовали в насилие, как единственный способ достижения своих планов социалистического переустройства общества.

Первые выступления крестьян против политики Советской власти (а именно против безвозмездного изъятия продуктов) в Калужской губернии были отмечены в начале 1918 года. А летом этого же года в ходе фискальных мероприятий происходили столкновения повсеместно. Например, представитель ЧК И. Синицын в докладе председателю губернской ЧК о политическом настроении крестьян Мещевского уезда сообщал: «...тяжелое положение уезда в продовольственном отношении. Советская власть прилагает все силы к проведению хлебной монополии, но приходится вести борьбу с незначительными крестьянскими элементами, подстрекаемыми кулаками. 18 августа произошло серьезное столкновение крестьян с продотрядом. Завязалась драка....Крестьяне кричали: «Бей коммунистов, что бы больше не совались!»...К драке подключились женщины... Кто-то начал бить в набат, толпа крестьян увеличилась... Продотряд ушел ни с чем...»²⁰.

Острая нужда в хлебе и отказ крестьян добровольно сдавать хлеб вынуждало Советскую власть принимать самые жесткие меры. Всем Советам и исполкомам предписывалось оказывать помощь реквизиционным отрядам всяческое содействие для обнаружения скрытых хлебных излишков. Крестьяне негативно относились к подобного рода мероприятиям Советской власти. На собраниях высказывались против сбора налога. Ситуацию усугубляла и массовая мобилизация, которая вызвала новую волну крестьянского протеста. Это уже было не только возмущение против произвола продотрядов и комбедов, а ярко выраженная социальная оппозиция крестьянства разверстке и гражданской войне.

Анализ военно – политической и социально – экономической обстановки сложившейся в целом по стране, и в Калужской губернии в частности, показал наличие глубокого кризиса парализовавшего все сферы жизнедеятельности российского общества.

¹⁶ Коммуна. 4, 10, 12 декабря 1918 г.

¹⁷ Оганесян М. Н. Части особого назначения Московской губернии в 1917 – 1924 гг. Дисс. ...канд. ист. наук. М., 2001. С. 42.

¹⁸ АУ ФСБ КО. Д. П - 1242. Л. 54.

¹⁹ Там же. Л. 59.

²⁰ Там же. Д. 12631. Л. 56.

Развитие гражданской войны в глубь и в ширь, её тесное переплетение с иностранной интервенцией представляло для правящей партии серьезную угрозу потери власти, а для страны – независимости.

В разных регионах страны в силу специфических социально-экономических, территориальных и национальных особенностей после октябрьской революции 1917 г. создавались вооруженные антисоветские формирования. Большевики также создавали свои вооруженные и карательные силы для борьбы с контрреволюцией, например, «Красная гвардия», милиция, ВЧК и т. п.

Однако, созданное большевиками большое количество охранительных институтов, формирований и структур не смогли решить проблему политической стабильности общества и уничтожить контрреволюционные формирования. Большевикам нужна была «такая боевая сила, которая способна быстро реагировать и подавить любые антисоветские выступления будь то восстания, мятежи, забастовки и прочие. Такая сила, которая будет беспрекословно, выполнять приказы ... и будет предана делу революции»²¹.

Для удержания власти большевики пошли на введение чрезвычайных мер – создание коммунистических отрядов особого назначения (с 1922 г. именовались ЧОН), которые являлись жизненно необходимыми даже при наличии Красной Гвардии, Красной Армии, войск ВЧК и милиции. ЧОН являлись карательным органом, предназначение которых было в предотвращении и подавлении антигосударственных мятежей, контрреволюции, выступлений против власти большевиков, а так же против политики проводимой Советами.

Отряды осназ изначально создавались из коммунистов, вступивших в партию до 1917 г., которые имели боевой опыт. Именно они, по мнению руководства партии, должны стать надежной, преданной и непоколебимой опорой власти, элитными и хорошо обученными боевыми частями.

В крупных столичных городах отряды из коммунистов создавались после революции 1917 г. Массовое формирование отрядов осназ началось в 1919 г. ЦК РКП(б) 17 апреля 1919 г. принял постановление о создании частей особого назначения для оказания помощи органам Советской власти по борьбе с контрреволюцией. В Калужской губернии рота осназ была создана 1 сентября 1919 г.

SOCIAL-ECONOMIC AND POLITICAL SITUATION OF KALUGA PROVINCE IN 1918 – 1919 AND REASONS OF SPECIAL FORCES FORMING

O.A. LOSHMANOVA

*Kaluga State University
named after K.E. Tsyolkovsky*

*e-mail: loshmano-
va.oksana@rambler.ru*

The article presents social and economic situation in Kaluga Province after the October Revolution of 1917. The problem of confrontation of people and the power, expressed in peasants' protest against the food tax collection, in criticism against economic policy of Bolsheviks, as well as in armed conflicts during fiscal events and demobilization.

The article analyses the sources, providing evidence of the negative attitude of workers, peasants and officers of Kaluga Province to social and economic policy of the Soviet Power. It gives the data on political mood of people.

The article presents the period of the Civil War, when Kaluga Province was three times declared to be under martial law. Rebellions against the Soviet Power broke out on its territory time and time again. The biggest one took place in Medyn, Borovsk and Maloyaroslavets districts at the end of 1918.

The article touches upon establishment of emergency measures – making special communist crushes (called Special Forces since 1922), which were vital even with the Red Guard, the Red Army, the All-Russian Extraordinary Commission and militia troops present

Key words: Soviet Power, counter-revolution, Military Revolutionary Committee, Bolsheviks, Medyn rebellion of 1918, the Communist Special Forces Detachment, Special Forces, Special Forces members, the Red Army.

²¹ Коммуна. 10 апреля. 1918 г.

УДК 631.1(092):631.5

ВСЕУКРАИНСКОЕ БЮРО ПО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМУ ОПЫТНОМУ ДЕЛУ С УЧАСТИЕМ Б.Н. РОЖЕСТВЕНСКОГО

И.В. ГРЕБЕНЮК

*Институт растениеводства
им. В.Я. Юрьева Национальной
академии аграрных наук Украины,
г. Харьков*

e-mail: yuriev1908@gmail.com

В статье рассмотрен период создания и деятельность Всеукраинского Бюро с 1921 по 1924 года под руководством Б.Н. Рожественского. Ученому пришлось проводить исследования в области аграрной науки в сложный для Украины период. После нарушений системы опытных учреждений в ходе революционных и военных действий необходима была реорганизация их деятельности. Работа в направлении развития сельскохозяйственного опытного дела проходила на государственном уровне, создавались большие хозяйства для обслуживания аграрного сектора.

Ключевые слова: сельскохозяйственное опытное дело, Всеукраинское Бюро, развитие аграрной науки, научно-исследовательское учреждение.

Академик ВАСХНИЛ Борис Николаевич Рожественский – один из ведущих ученых-организаторов сельскохозяйственного опытного дела в области растениеводства и земледелия конца XIX – начала 40-х годов XX века.

Ученый прошел большой научный путь – от разъездного агронома сети опытных полей Всероссийского общества сахарозаводчиков (1901–1902 гг.) до руководителя Всеукраинского Бюро по сельскохозяйственному опытному делу (1921–1923 гг.).

За результатами анализа архивных материалов Государственного архива Харьковской области (ГАХО) выявлено, что в течение 1919–1921 годов ученый работал в Бюро по сельскохозяйственному опытному делу при земельном отделе Харьковского губернского земства. На заседаниях Бюро решались актуальные вопросы организации опытного дела в Харьковской губернии, структурной организации и подбора кадрового персонала для опытных учреждений. Особенное значение придавалось обеспечению деятельности Харьковской областной сельскохозяйственной опытной станции (ХОСХОС), директором которой был Б. Н. Рожественский. На то время ХОСХОС (сейчас Институт растениеводства им. В. Я. Юрьева – ведущее научно-исследовательское учреждение Украины, в котором разрабатывались вопросы улучшения ведения сельского хозяйства и научного обеспечения агропромышленного производства Харьковской губернии (теперь Харьковская область)¹. Также одним из направлений деятельности Бюро являлось организация проведения съездов, совещаний по вопросам сельскохозяйственного опытного дела. Так, на заседании Бюро 25 мая 1920 года Б. Н. Рожественский был одним из инициаторов проведения первого Всеукраинского агрономического съезда для решения вопросов организации опытного дела в Украине, подготовке научного персонала, координации опытных научных учреждений². В связи с этим, в начале сентября 1920 года при Народном комиссариате земельных дел Украины было создано Организационное бюро созыва первого Всеукраинского агрономического съезда, которое стало в дальнейшем постоянной структурой (Бюро Всеукраинских съездов по опытному делу) при Накромземе Украины для организации совещаний, подготовке докладов и материалов, издания трудов, контроля исполнения постановлений совещаний, координации проведения областных и губернских агрономических совещаний³. Бюро Всеукраинских съездов по опытному делу Народного комиссариата и Бюро по опытному делу Харьковского губернского земства находились на одной территории, в г. Харькове, занимались, дублируя деятельность, организацией сельскохозяйственного опытного дела.

¹ Государственный архив Харьковской области (далее ГАХО). Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

² ГАХО. Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 20. Л. 64.

³ Труды 1-го Всеукр. агроном. съезда 13–22 ноября 1920. Вып. 1. Постановления. Харьков, 1922. С. 29–30.

Для решения созданной организационно-структурной проблемы 15 августа 1921 года на заседании Бюро Всеукраинских съездов по опытному делу принимается решение объединить две структуры в одну – Всеукраинское Бюро по сельскохозяйственному опытному делу для координации научно-исследовательских опытных учреждений⁴. Возглавил Бюро Б. Н. Рожественский. Штат сотрудников составлял 25 человек. Вопросы организации сельскохозяйственного опытного дела и научных опытов координировали К. Г. Маньковский, М. М. Вольф. Сотрудничество Бюро с опытными хозяйствами и местным населением обеспечивал М. З. Резников, производственную деятельность опытных учреждений координировал В. Я. Юрьев. Общими вопросами Бюро занимался Д. В. Домрачев, изданиями Бюро – Е. Й. Заславский⁵. Вопросы планового характера решались на пленарных заседаниях при полном составе представителей Бюро. Для решения текущих вопросов работала комиссия в составе Д. В. Домрачева, Е. Й. Заславского, М. Н. Добровольского. Ученый М. М. Вольф представлял Бюро в коллегии Наркомзема и других органах власти⁶.

В ходе анализа литературных источников нами определено, что с начала организации Всеукраинского Бюро по опытному делу основным направлением его деятельности было закрепление административного и хозяйственного состояния опытных учреждений, а в дальнейшем – регулирование их научной деятельности. В связи с тем, что работа по сельскохозяйственному районированию принадлежала Сельскохозяйственному научному комитету при Наркомземе Украины, деятельность Бюро сводилась только к координации деятельности научно-исследовательских учреждений во Всеукраинском масштабе.

В феврале 1922 года Б. Н. Рожественский возглавил организационный комитет выставки улучшенных агрономических приемов выращивания сельскохозяйственных культур (г. Харьков). На выставке демонстрировались приемы улучшения ведения сельского хозяйства по направлениям: полеводство, животноводство, селекция и семеноводство, энтомология, фитопатология, сельскохозяйственные машины и орудия, сельскохозяйственная мелиорация⁷. Ученый видел большое значение в таких выставках для дальнейшего развития сельского хозяйства Украины. За инициативой ученого в зимний период 1921–1922 гг. были организованы курсы для агрономов по всем областям Украины, 27 апреля 1922 года вместе с Всеукраинским агрономическим обществом Бюро организовали курсы для специалистов по сельскохозяйственному опытному делу. В течение 1922–1923 гг. Б. Н. Рожественский координирует создание сети опытов по культуре кукурузы по обласному принципу управления и ведения сельскохозяйственного опытного дела. К первому января 1922 года ученым созданы областные управления по опытному делу:

- Харьковское - объединяло Харьковскую, Полтавскую, Кременчугскую, часть Курской губерний;
- Киевское – объединяло Киевскую, Черниговскую, Подольскую и Волынскую губернии;
- Екатеринославское – Екатеринославскую (сейчас Днепропетровская область), Донецкую и Запорожскую губернии;
- Одесское – Одесскую и Николаевскую губернии.

Следует также отметить заседание по сельскохозяйственному опытному делу 30 декабря 1922 года–3 января 1923 года, в г. Харькове. В ходе работы плановой комиссии принято решение об организации Одесской областной сельскохозяйственной опытной станции в составе восьми отделов (селекции, полеводства, огородничества, семеноводства и семенного контроля, машиноиспытания, естественно-исторических исследований, агрохимии, приспособления). Научно-исследовательскую работу по полеводству принято организовать на Вознесенском опытном поле, которое соответствовало требова-

⁴ Из деятельности Всеукраинского Бюро по опытному делу // С.-х. опыт. дело. Харьков, 1922. Вып. 1. С. 84–89.

⁵ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее ЦГАВО Украины). Ф. 27. Оп. 3. Д. 432. Л. 43.

⁶ Из деятельности Всеукраинского Бюро по опытному делу // С.-х. опыт. дело. Харьков, 1923. Вып. 2. С. 118–140.

⁷ ГАХО. Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 84. Л. 79.

ниям обслуживаемого района по географическому положению⁸. На заседании Б. Н. Рожественский выступил с докладом «О сети опытных учреждений Украины» и был содокладчиком по теме «Направление работ по сельскохозяйственному районированию». В докладе ученый охарактеризовал сельскохозяйственные районы Украины в естественно-историческом плане (климат, геологические и почвенные особенности районов), экономическом отношении и считал необходимым сократить сеть опытных учреждений⁹. При обсуждении доклада Рожественского, постановили усилить деятельность в направлении развития сельскохозяйственного опытного дела в степной зоне, в связи с созданием Одесской областной сельскохозяйственной опытной станции, развитие Вознесенского опытного поля и Аджамаской сельскохозяйственной опытной станции, а также путем организации в «Аскании-Нова» опытного поля для обслуживания района.

Относительно второго доклада, то резюмируя недостаточность материалов в научной литературе по сельскохозяйственному районированию, принято объединить все научно-исследовательские учреждения по данной проблеме. Всеукраинскому Бюро во главе с Б. Н. Рожественским и Сельскохозяйственному Научному Комитету поручили разработать план научно-исследовательской работы в каждой области Украины. В результате было издано 10 карт естественно-исторического районирования (географическая сетка, физико-географическая, почвенная, ботанико-географическая карты), три тома сборника «Материалы по районированию Украины» с научными трудами и картами.

При поддержке Всеукраинского Бюро под руководством ученого для решения вопросов организации опытного дела в феврале 1923 года состоялось Всеукраинское агрономическое совещание. Б. Н. Рожественский выступил с докладом «Очередные задачи сельскохозяйственного опытного дела в Украине» и содокладом «Методы работ отделов применения опытных станций и увязка их работ с работой агроаппарата»¹⁰. В докладе ученый настаивал на необходимости реорганизации опытного дела в связи с тем, что в 20-х годах координация направлений развития и становления сельскохозяйственного опытного дела происходила на государственном уровне, а не на уровне земств и сельскохозяйственных обществ. Поэтому опытное дело имеет более четкий и планомерный характер. Основным заданием опытного дела должно стать, по мнению Б. Н. Рожественского, разработка улучшенных приемов техники сельского хозяйства, которые должны непосредственно использоваться в хозяйствах Украины.

Всеукраинское Бюро выпускало научное издание «Сельскохозяйственное опытное дело», главным редактором которого 10 февраля 1923 года был назначен Б. Н. Рожественский¹¹. В журнале публиковали отчеты о научных достижениях в области опытного дела, объективная оценка полученных результатов. Журнал состоял из рубрик «Из жизни и деятельности опытных учреждений», «Хроника», «Справочный листок», в котором предоставлялся перечень сельскохозяйственных опытных учреждений с указанием структуры учреждения, списка научных сотрудников. С 1924 года редакция журнала выдавала приложение «Молодий дослідник», в котором молодые специалисты представляли результаты своих исследований, выполненных на опытных станциях, а также публиковались слушатели сельскохозяйственных курсов, аспиранты и студенты институтов, техникумов¹².

За период 1921–1923 гг. Б. Н. Рожественский, как руководитель Бюро, разработал научные программы для опытных учреждений, организовал испытание иностранного селекционного материала основных зерновых культур, координировал обследование почв опытных станций, работу опытных учреждений с местным населением, разработал основные положения про организацию опытного дела в Украине¹³.

За архивными данными выяснено, что по состоянию на 1923 год опытный отдел Народного Комиссариата земельных дел (НКЗД) координировал деятельность 32 научно-

⁸ ЦГАВО Украины. Ф. 27. Оп. 4. Д. 335. Л. 16–38.

⁹ ЦГАВО Украины. Ф. 27. Оп. 4. Д. 335. Л. 32–38.

¹⁰ Там же. Л. 19.

¹¹ Научный архив Россельхозакадемии. Ф. ВАСХНИЛ. Оп. 1. Т. 1. Д. 562. Л. 50–51.

¹² Присяжнюк М. В. Сільськогосподарська періодика в Україні: історичний екскурс (20-ті рр. XX ст.) // Історія науки і біографістика [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/INB/2010-2/10_prisaz.pdf. Загл. с экрана.

¹³ ЦГАВО Украины. Ф. 27. Наркомзем УССР. Оп. 4. Д. 382. Л. 3.

исследовательских учреждений, а координацию научной деятельности проводило Всеукраинское Бюро по сельскохозяйственному опытному делу. В свою очередь, Бюро было также подчинено опытному отделу НКЗД. Такая структурная подчиненность вызывала трудности в организации научной деятельности опытными учреждениями. Для налаживания работы этих двух структур в мае 1923 года НКЗД принял решение о разделении направлений деятельности своих структурных единиц. Теперь, Всеукраинское Бюро организовывало только проведение съездов, совещаний, а опытный отдел Народного Комиссариата координировал научную деятельность опытных учреждений.

Научно-организационное состояние развития аграрной науки того времени можно охарактеризовать как планомерно нескоординированный и административно разбросанный. Нерешенные вопросы организации сельскохозяйственного опытного дела Украины ограничивали развитие и использование результатов научных исследований для нужд сельского хозяйства. В руководстве опытным делом существовала двойственность, когда центральной государственной сельскохозяйственной научной структурой был Сельскохозяйственный Научный Комитет Украины, а параллельно научную деятельность опытных учреждений координировало Всеукраинское Бюро по опытному делу. То есть, научную работу координировали два центра, в городах Харьков и Киев. Такая ситуация привела к развитию внутренних расходящихся тенденций.

На заседании коллегии Народного Комиссариата земельных дел 8 апреля 1923 года, в ходе разработки вопроса реорганизации Сельскохозяйственного Научного Комитета (СХНК) созданной комиссией, в составе А. Янаты, М. Вольфа, Е. Опокова, П. Попова, Б. Рожественского, К. Тараненко, П. Тушкана, принято постановление от 23 апреля 1923 года о переводе СХНК из г. Киева в г. Харьков¹⁴.

Летом 1923 года Комитет был переведен в г. Харьков. Плановая работа нарушается из-за ряда производственных трудностей¹⁵. Научная деятельность приостановлена из-за невозможности сотрудников переехать в г. Харьков и разрывом связи между Комитетом и подчиненными структурными единицами. Возникает необходимость согласования научной деятельности Комитета с деятельностью НКЗД и его структурами. В ходе реорганизации 1924–1925 годов уменьшилось количество секций и комиссий Комитета, вводились новые научные сотрудники в состав НКЗД от научных учреждений.

29 декабря 1923 года на заседании пленума формируется новый состав Президиума Комитета (председатель – В. Ковальский, заместитель – П. Тушкан, ученый секретарь – А. Яната, заместитель ученого секретаря – Е. Опоков, среди членов Президиума – Б. Рожественский, заместители членов Президиума – К. Маньковский, А. Филипповский, А. Марченко¹⁶). Но среди ученых опять возникают разногласия относительно организации направлений сельскохозяйственного опытного дела и создания координационного центра.

В 1924 году Всеукраинское Бюро ликвидировано, в составе Комитета создано отдельную секцию сельскохозяйственного опытного дела для обеспечения координации работы подчиненных научно-исследовательских учреждений. Председателем секции избирается Б. Н. Рожественский, в состав штата вошли 4 специалиста и 4 – технический персонал. По поручению СХНК ученый направляет работу секции на пересмотр общих основ организации и научной деятельности в сельскохозяйственном опытном деле в Украине.

22–27 июня 1924 года состоялось совещание представителей опытных учреждений Украины по согласованию программ полеводческого направления, разработанных Б. Н. Рожественским. Одним из наиболее важных вопросов, которые необходимо было решить – разработка методов борьбы с засухой для хозяйств Степной зоны Украины.

Б. Н. Рожественский, как координатор научной работы опытных учреждений, входящих в сеть СХНК Украины, разработал и предложил программу изучения методов борьбы с засухой в Степной зоне. Одним из способов решения данного вопроса ученым было предложено научно-исследовательским учреждениям Степи Украины введение в программу разработки приемов сохранения и накопления влаги, системы научно обоснованных севооборотов и защита растений от сорняков, селекция засухоустойчивых сортов основных полевых культур¹⁷. Б. Н. Рожественский предложил расширить сеть опытных станций в Степной зоне и усилить научное обеспечение уже существующих. Особенное

¹⁴ З діяльності Бюро СГНК України // Вісник с.-г. науки. 1924. Том 3, Вип. 3–4. С. 81–86.

¹⁵ Статут сільськогосподарського наукового комітету України // Вісник с.-г. науки. 1924. Том 3, Вип. 1–4. С. 77.

¹⁶ З діяльності Бюро СГНК України // Вісник с.-г. науки. 1924. Том 3, Вип. 1–2. С. 73.

¹⁷ ЦГАВО України. Ф. 1230. Оп. 2. Д. 10. Л. 17.

внимание он уделял вопросам изучения влияния искусственного обводнения в засушливых районах, которыми занималась Херсонская опытная станция.

Среди литературных источников найден доклад ученого 24 февраля 1924 года на Всеукраинском совещании по вопросам сельскохозяйственного опытного дела «Рассмотрение и согласование полеводственных программ опытных учреждений»¹⁸. Б. Н. Рожественский предложил работу опытных учреждений методически разрабатывать и согласовывать по критериям: разработка плана работ и этапов исполнения, отработать форму отчетности выполненной работы для дальнейшего планирования деятельности учреждений. Для научных структур одного направления деятельности, но расположенных в разных районах Украины, ученый предложил работать по общей схеме, включая специальные районные исследования. Б. Н. Рожественский обосновал специализацию районных опытных полей по разработке общих для нескольких районов вопросов. Для учреждений, которые работали по разным направлениям, но в одном районе, согласование только в области полеводства и животноводства. Между научно-исследовательскими учреждениями, а также их отделами, которые работают в области непосредственного использования данных в разных отраслях сельского хозяйства согласование научной деятельности соответственно сельскохозяйственному областному районированию Украины.

Следует отметить, что согласованность плановой работы научно-исследовательских учреждений, которую в свое время разработал Б. Н. Рожественский, не потеряла актуальности. Научные организации проводят разработки согласно прикладным и фундаментальным исследованиям. В каждой области координацию направлений научных исследований, методологическое, информационно-маркетинговое и научное сопровождение агропромышленного производства координируют областные Центры научного обеспечения. В 2012 году Национальной академией аграрных наук Украины созданы зональные научно-инновационные центры для координации научного обеспечения агропромышленного производства соответствующих регионов, инновационной деятельности и предоставления консультаций по вопросам ведения эффективного аграрного производства и перерабатывающей отрасли с учетом региональных и природно-климатических особенностей регионов Украины.

Одним из этапов научной деятельности Б. Н. Рожественского был период становления деятельности Всеукраинского Бюро по сельскохозяйственному опытному делу с 1921 по 1924 года. Ученый на государственном уровне координировал научную деятельность научно-исследовательских учреждений, предвидя направления развития сельскохозяйственного опытного дела, обосновывая методологические подходы проведения исследований на опытных станциях.

ALL-UKRAINIAN BUREAU FOR AGRICULTURAL EXPERIMENT CASE WITH THE CONCERNMENT OF B.N. ROZHESTVENSKY

I.V. GREBENYUK

*Plant Production Institute nd.
a. V. Ya. Yuriev, Kharkov, Ukraine*

e-mail: yuriev1908@gmail.com

The article deals the period of the creation and activities of the All-Ukrainian Bureau from 1921 to 1924 under the direction of B. N. Rozhestvensky. The scientist had to hold research in agricultural science in a difficult period for the Ukraine. After breaches experienced institutions in the course of revolutionary and military action was needed reorganization of their activities. Work towards the development of the agricultural experimental work took place at the state level to create more facilities for the service of the agricultural sector.

Key words: agricultural experiment case, Ukrainian bureau, development of agricultural science, research institution.

¹⁸ Материалы Всеукраинского совещания по опытному делу (20–24 февраля 1925 г.) / С.-х. опыт. дело. Харьков, 1925. Вып. № 1(7). С. 174–189.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОЛХОЗОВ МОЗДОКСКОГО РАЙОНА В 1943 – 1945 ГГ.

Т.И. КУЗНЕЦОВ¹
Н.С. МАХЦИЕВА

*Северо-Осетинский
государственный университет
им. К. Л. Хетагурова*

¹e-mail: mozdokruso492@yandex.ru

В данной статье на основе архивного материала показан вклад тружеников Моздокского района в восстановлении колхозов района в 1943-1945 гг. Авторы с использованием также и периодической печати в работе исследуют процесс восстановления колхозов, их дальнейшее развитие. Акцентировано внимание на деятельности колхозов Моздокского района, внесших большой вклад в восстановлении народного хозяйства района. Землеустройство колхозов и введение севооборотов явилось важнейшей частью этого процесса. Делается вывод, что трудовой героизм населения Моздокского района стал главным фактором успехов в возрождении экономики района к концу Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: колхозы, оккупация, сельскохозяйственная техника, сельское хозяйство, производительная работа, сбор средств, стахановское движение.

В годы Великой Отечественной войны в период оккупации Моздокского района в августе 1942 – январе 1943 гг. немецкими захватчиками был нанесён существенный ущерб всему народному хозяйству района. В результате отступления немцев из Моздокского района была нарушена работа многих хозяйственных предприятий района. Некоторые из предприятий были уничтожены, к примеру как колхозы Моздокского района «Заря социализма» и им. Городовикова¹.

Немецко-фашистские оккупанты разграбили хозяйства колхозов Моздокского района. Ими были расхищены запасы сельскохозяйственных продуктов колхозов, уничтожен урожай сельскохозяйственных культур 1942 г., истреблено поголовье рабочего и продуктивного скота, разрушена значительная часть производственных построек, разбит сельскохозяйственный инвентарь. Имущество и постройки МТС района также были уничтожены оккупантами².

Воодушевлённые победами Красной Армии и огромной помощью, оказанной партией и правительством пострадавшему населению освобождённых районов, трудящиеся Моздокского района, под руководством партийных организаций и городского Совета, с первых же дней взялись за восстановление своего хозяйства и проделали за 1943 год огромную работу.

Так в первые дни после освобождения города и сел Моздокского района от оккупантов, 10 января 1943 г. Моздокский РК ВКП(б) и райисполком приняли совместное постановление о сборе «принятого на хранение, присвоенного и расхищенного, социалистического имущества». Моздокскому городскому совету депутатов трудящихся за успешное восстановление коммунальных предприятий было вручено переходное Красное знамя крайсовета. 15 рабочих за досрочное восстановление завода «Коммунистический маяк» были награждены «Знаком отличника соц. соревнования» и грамотами крайкома партии и райисполкома³.

В трудных условиях, в значительной степени было восстановлены хозяйства 32 колхозов. С первых дней освобождения Моздокского района от немецких войск колхозы приступили к весеннему севу⁴. Машинотракторные станции возрождались в исключительно трудных и сложных условиях, потребовавших от всего коллектива каждой МТС, начиная от директора и кончая трактористом и ремонтным рабочим, полного напряжения сил и настойчивости в преодолении препятствия в работе.

¹ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее ЦГА РСО-Алания). Ф. Р. 337. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.

² ЦГА РСО-Алания Ф. Р. 337. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.

³ Город Моздок. Исторический очерк. Владикавказ, 1995. С. 189.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. Р. 337. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

Необходимо отметить, что по итогам 9-й сессии райсовета депутатов трудящихся, проходившей 31 января 1943 г., в целях быстрее восстановления народного хозяйства были приняты следующие решения: закончить организацию и подготовку полеводческих и тракторных бригад, звеньев; составить и довести до каждой полеводческой и тракторной бригад и звена – рабочие планы, нормы выработки и расценки на весеннюю посевную; поднять на высокий уровень трудовую дисциплину, повести решительную борьбу с дезорганизаторами колхозного производства, лодырями, рвачами и разгильдяями; завершить в 2-3 дня ремонт и подготовку к весенне-посевной тракторов, рабочего тягла, семян, прицепного тракторного и конного инвентаря, сбури, приведя их в полную боевую готовность⁵.

Также в период весеннего сева показали образцы большевистской борьбы за сжатые сроки сева с хорошим качеством большинство колхозников и колхозов района. Первыми и с лучшим качеством закончили этот сев колхозы «Заря» (председатель колхоза Акоев), «Красная Осетия» (председатель колхоза Гасиев), им. Орджоникидзе (председатель колхоза Балахтин), «Терхлопковод» (председатель колхоза Каргинов) и, наряду с посевными работами повели развернутое наступление на сорняки, организовали уход за посевами.

При среднем уровне полевых зерновых культур 6,5 центнеров уборочной площади, в ряде колхозов был получен на значительных площадях гораздо более высокий урожай, а именно:

а) озимого ячменя почти по 11,5 центнера с га на площади 65 га – колхоз им. Ворошилова.

б) ярового ячменя по 10 центнеров с га на площади 112 га – колхоз «Заря».

в) могоара по 2,8 центнера с га на площади 22 га – колхоз им. Орджоникидзе.

г) кукурузы по 20 центнеров с га на площади 268 га – колхоз «Красная Осетия».

д) кукурузы по 16,8 центнера с га на площади 136 га – колхоз им. 17 – П/съезда⁶.

А в результате стахановской работы по уходу за посевом и уборке 20 звеньев вырастили на своих участках урожай выше планового задания и заработали натурой по закону о дополнительной оплате 757 центнеров зерновых, в том числе проса – 2,25 центнера, кукурузы – 783 центнера и подсолнуха – 7,5 центнера. Из них звено Калоевой Зины (колхоз «Красная Осетия») получило урожай кукурузы по 31 центнеру с га на площади 66 га, звено Алдашевой В. В. (колхоз «Терхлопковод») получило по 13 центнеров с га проса на площади 20 га, по 20 центнеров с га кукурузы на площади 10 га, по 13,7 центнера с га подсолнечника, на площади 6 га. Звено Хлыневой М. Ф. (колхоз «Страна Советов») взяло по 20 центнеров с га кукурузы на площади 25 га⁷.

В годы Великой Отечественной войны с особой силой сказалась жизненность колхозного строя. Успехи колхозов, достигнутые в 1943 году на весеннем севе и в борьбе за урожай, ещё раз показали, что колхозный строй с честью выдержал суровые испытания войны.

Колхозы в 1943 г. вырастили и сдали государству 400 тысяч пудов хлеба. Из ассигнованных средств на восстановление народного хозяйства Моздокского района, преодолевая затруднения с стройматериалами, оборудованием, мобилизуя все местные ресурсы, было освоено по коммунальному хозяйству – 779,1 тыс. руб., по здравоохранению – 1588,5 тыс. руб., по просвещению – 2698,5 тыс. руб., по сельскому хозяйству – 123,7 тыс. руб., по промышленности – 856, 5 тыс. руб.

Таким образом, предусмотренный по бюджету 1943 г. план доходов был перевыполнен. Трудящиеся не только расплатились с государством по обязательным платежам, но, будучи полны патриотических чувств к своей стране, внесли в 1943 г. на строительство танковой колонны «Ставропольский колхозник» и эскадрилью самолётов 554 тысячи рублей. Необходимо также отметить, что было собрано и засыпано в семенной фонд – 6541 центнера зерна различных культур; колхозы готовят – 1090 единиц жилого тягла для работы на весеннем севе. Собрано и отремонтировано по МТС и совхозам – 189 тракторов, 175 тракторных плугов, 50 тракторных сеялок, 49 тракторных луцильников. Собрано и отремонтировано конного инвентаря – 230 плугов, 30 сеялок, 1150 борон и друг. Восстанавливаются мастерские в МТС, совхозах, производственные постройки в колхозах⁸.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. Р. 337. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. Р. 337. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. Р. 337. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.

⁸ ЦГА РСО-Алания. Ф. Р. 337. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

Перед животноводством Моздокского района поставлена важная народно-хозяйственная задача: как можно больше увеличить производство продуктов питания для армии и населения, сырья для промышленности и восстановить потери в животноводстве, причинённые району немецкими захватчиками. Для роста поголовья скота и повышения его продуктивности решающее значение имеют мероприятия по созданию прочной кормовой базы и по организации правильного кормления животных⁹.

3 марта 1944 года в связи с переходом Моздокского района в Северную Осетию было приближено руководство со стороны вышестоящих партийных и советских органов и созданы лучшие условия для практической помощи в восстановлении и развитии народного хозяйства района. На полях Моздокского района к каждому комбайновому агрегату был прикреплен выделенный из партийно-комсомольского актива политрук, который вёл разъяснительную работу среди колхозников, занятых на уборке урожая. Всего по району убран 51 % площади колосовых зерновых культур.

В военные годы широко распространение получило стахановское движение. Так например, патриотический почин саратовского колхозника Феропонта Головатого, построившего второй боевой самолёт на свои личные сбережения нашёл отклик среди рабочих колхозных полей Моздокского района. 6 июля 1944 г. колхозники сельскохозяйственных артелей «Заря» и «Красная Осетия» получили телеграмму от Сталина, в которой он благодарил колхозников за заботу о Красной Армии, которая выразилась в том, что колхозники этих сельхозартелей собрали 101 тысячу рублей в фонд строительства эскадрильи боевых самолётов «Социалистическая Осетия». Позже, колхозники решили провести дополнительный сбор средств в подарок Красной Армии. Так, колхозниками сельхозартеля «Заря» было собрано 100 тысяч рублей, но которые был приобретена боевая машина последней инструкции и передана от имени колхоза их земляку летчику Геннадию Цоколаеву. Не отстали и от своих соседей и колхозники сельскохозяйственной артели «Красная Осетия». Ими собрано 100 тысяч рублей, на которые приобретён самолёт новейшей конструкции, позже переданный лётчику майору Клименко. При сборе средств на боевой самолёт и подарок Красной Армии председатель колхоза «Заря» Н. Акоев внёс 8 тыс. рублей. Этим он подал пример колхозникам своей сельхозартели. Последуя его примеру, колхозники Н. Дзбоева и Г. Дзокаев внесли по 2 тысячи рублей каждый наличными. А. Гасиев и И. Албегов внесли наличными по 10 тысяч рублей. Инвалиды Великой Отечественной войны А. Дулаев, М. Гасиев и колхозница Л. Колиева также внесли на строительство боевого самолёта по 3 тысячи рублей¹⁰.

Сбор средств на боевые машины вызвал необыкновенный трудовой подъём. Члены колхозов обязались ещё выше поднять качество всех сельскохозяйственных работ. По итогам социалистического соревнования районов и колхозов республики по выполнению плана развития животноводства на 1 июля 1944 г., бюро Обкома ВКП(б) и Совнарком Северо-Осетинской АССР постановил:

1. Вручить переходящее Красное Знамя Обкома ВКП(б) и Совнаркома Северо-Осетинской АССР Моздокскому району (секретарь райкома ВКП(б) Копейка, председатель райисполкома Усанов), выполнившего план развития животноводства по лошадям на 96,2 %, крупному рогатому скоту – на 150,6 %, овцам и козам – 232 %, добившемуся хороших результатов по сохранению молодняка скота, увеличению продуктивности животных и выполнившего план сеноуборки на 137,3 %.

2. Вручить переходящее Красное Знамя Обкома ВКП(б) и Совнаркома Северо-Осетинской АССР за лучшие производственные показатели в деле развития общественного животноводства колхозу «Красная Осетия», сел. Весёловское, Моздокского района (председатель колхоза Гасиев), добившемуся плана развития животноводства: по лошадям – 97 %, крупному рогатому скоту – 143 %, овцам и козам – 298 %, свиньям – 330%.

Таких же показателей заслужили ещё два колхоза Северной Осетии: колхоз им. Кагановича Кировского района (председатель колхоза Моргоев) и колхоз им. Красных партизан селения Дигора (председатель колхоза Дзоцоев)¹¹.

Тракторист Моздокской МТС Дмитрий Пекишев, работая на тракторе СТЗ, выработал 128 га в переводе на мягкую пахоту, сэкономив 320 кг. Горючего или 18 проц. в норме. Трактористка-комсомолка Раиса Полещук на тракторе СТЗ выработала 102 га, сэкономив

⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. Р. 337. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

¹⁰ Социалистическая Осетия. 1944. 11.08.

¹¹ Социалистическая Осетия. 1944. 8.07.

175 кгг. горючего, или 15 проц. к норме. По условиям социалистического соревнования трактористов и бригадиров тракторных бригад Северной Осетии Пекишев и Полещук выполняли и достигали высоких результатов. В Моздокской МТС Пекишев и Полещук были победителями соревнований. Следуя их примеру, все трактористы МТС работали образцово и высокопроизводительно и добивались больших показателей в республике¹².

Колхозники Моздокского района также внесли свой вклад. Доярка Матвеева (колхоз «Красный украинец») благодаря добросовестному отношению к животным, от 13 коров вырастила 14 телят, за что получила дополнительно 42 литра молока. 24 головы сверх плана вырастил свинарь Кубрик, получивший дополнительно к плате трудодней 4 поросёнка. Всему району известны лучшие чабаны Цимбалов и Сержуков¹³.

14 ноября 1944 г. передовикам была вручена медаль «За оборону Кавказа», которую вручил председатель Президиума Верховного Совета Северо-Осетинской АССР Гаглов. Медаль была вручена председателю колхоза «Заря» Николаю Кирилловичу Акоеву за активное участие в строительстве оборонительных сооружений в районе станицы Червлённой и города Моздока. Также вручены награды работникам свиновхоза «Терек» - директору Хайкину, секретарю парторганизации совхоза Шляхтину, управляющему фермой крупного рогатого скота Абаджеву, старшему зоотехнику Бражникову. Медаль получают: доярка колхоза Ветошкина, зоотехник Денисов, комендант пожарной охраны Распопов, скотник совхоза Севостьянов и звеньевая молочной фермы Супрун. Получили медаль секретарь Моздокского РК ВКП(б) Конюшев, уполномоченный Наркомата Заготовок по району Акопьян, плотник колхоза Литвиненко, зав. военным отделом райкома Погибенко, директор «Заготзерно» Тимонин, ответственный секретарь райсовета депутатов трудящихся Гайдуков. Была вручена медаль председателю колхоза «Красная Осетия» Алихану Тимофеевичу Гасиеву, а также его дочери счетоводу Вере Гасиевой, которые работали на строительстве оборонительных сооружений. Вернувшись из эвакуации, они взялись за восстановление колхоза. Колхоз в те годы являлся одним из самых эффективных колхозов района. Медали вручаются также председателям колхозов Хатламаджиеву (им. Чапаева) и Яковенко («Знамя Ленина»), председателю Весёловского сельсовета Дулаеву и многим другим. Получение медали также удостоилась группа железнодорожников станции Моздок и дистанции пути. Путевые обходчики, слесари по ремонту вагонов, дорожные мастера, машинисты, механики связи, осмотрщики вагонов, дежурные по станции, - все они приложили максимум энергии, чтобы во время эвакуировать ценное имущество станции и станционные пути в глубь страны, а затем при освобождении вновь восстановить железнодорожное хозяйство станции¹⁴.

В послевоенные годы колхоз «Пятилетка» (председатель Приданцев) точно по графику выполнял все свои задания. Это помогло ему выполнить хлебозаготовки, а до 5 сентября 1944 г. вспахать более 280 гектаров под озимь и успешно начать осенний сев. Так, по словам колхозников, они имеют план озимого сева 400 га, но любой ценой стремятся добиться расширения посевной площади до 500 гектаров. На 20 сентября колхоз без потерь убрал зерновые культуры на площади в 568 гектаров, завершил обмолот и хлебозаготовки. Из 400 га колхозом уже вспахано более 350 гектаров. Вместо 130 гектаров было поднято паров 150 гектаров. Колхоз полностью засыпал и семенной фонд - 530 центнеров. Секрет такого успеха в работе колхоза весьма прост: благодаря умелому руководству со стороны правления, все работы ведутся по строго разработанному графику. А на полях наблюдался настоящий образцовый порядок: каждый гектар вспаханной и посеянной земли тщательно проверялся качественником колхоза Марией Дегтяревой. 8 коров и 16 лошадей использовались на озимом севе. Звенья колхоза «Пятилетка» в 1944 г. боролись за сверхплановый сев. Звенорги «Пятилетки» Шашлова, Дегтярёва, Харадурова и Орлова обещали посеять по 30 га сверх плана. За этот план шла борьба на основе широко развернувшегося социалистического соревнования между бригадами, звеньями и отдельными колхозниками.

По состоянию на 3 октября на полях колхозов Моздокского района полным ходом проходил сев озимых. Передовиками были колхозы имени Ленина (председатель колхоза Демченко) и «Красная Осетия» (председатель колхоза Гасиев). В колхозе имени Ленина при плане озимого сева 400 гектаров вспахано под озимые 320 и посеяно уже около 200

¹² Социалистическая Осетия. 1944. 26.07.

¹³ Там же.

¹⁴ Социалистическая Осетия. 1944. 15.11.

гектаров. Трактористы бригады Онищенко работают круглосуточно и на высоком агротехническом уровне. В колхозе «Красная Осетия» подготовлено для сева 470 при плане в 500 гектаров, а посеяно 250 га. На полях этого колхоза работали 4 трактора бригадира Гуриева. Пахота и сев были организованы круглосуточно. Выполнили намеченные планы и колхозники сельхозартели «Заря» (председатель артели Акоев), из плана 1000 га вспахано 560 и посеяно 220. Большое внимание качеству сева уделяет бригадир тракторной бригады Дулаев. В целом, трактористы работали бесперебойно и круглосуточно¹⁵.

18 апреля 1945 г. колхоз «Заря» попал на республиканскую Доску Почёта. Также довелось попасть на Доску Почёта и другим колхозам Северной Осетии. В их числе – «Путь сознания» (Орджоникидзевский район), им. Ленина (Кировский район), им. Молотова (Дарг-Кохский район), им. Ворошилова (Пригородный район). Они были удостоены такой чести потому, что выполнили все свои обязательства перед государством, обеспечили себя семенами, оплатили трудодни колхозникам и нашли ещё возможность сдать дополнительно, сверх плана, в фонд советской армии тысячи пудов зерна. Колхозники этих сельхозартелей постоянно сочетали свои усилия с растущими потребностями страны и советской армии, они стремились работать лучше, чем вчера, завтра – лучше, чем сегодня, зная, что к этому зовёт идея социалистического соревнования¹⁶.

На 25 марта 1945 г. в колхозах Моздокского района пахота в велась с большим подъёмом. Было вспахано 600 гектаров. 23 марта сельхозартели «Красная Осетия», «Заря», им. Ленина и другие начали сеять зерновые и подсолнечник. Посеяно по району овса 170 га и 30 га подсолнечника.

Так, с первых дней работы бригада Петра Дулаева (колхоз «Красная Осетия») выполняет нормы выработки на 120-150 %. Тракторист Афанасий Калоев ежедневное задание выполнял на 164 %, а тракторист Хубецев – на 154 %. Тракторная бригада Харитона Гуриева на полях колхоза «Красная Осетия» посеяла 35 га зерновых. Образцы производительной работы на полях колхоза «Ленинский Завет» показывает тракторная бригада Захара Желаяева¹⁷.

Таким образом, огромный ущерб, который немецкие оккупанты нанесли народному хозяйству Моздокскому району, нехватка государственных средств на восстановительные работы стали основой для поиска органами власти новых форм и методов организаторной деятельности среди местного населения. Восстановительные работы, проводившиеся в районе в 1943 году, выявили немало фактов не только трудового героизма рабочего класса, но и их хозяйственной инициативы и предприимчивости. В то же время необходимо подчеркнуть что, восстановление сельского хозяйства Моздокского района в 1943-1945 годах произошло во многом за счёт ресурсов колхозников и рабочих совхозов и МТС. Практика войны свидетельствовала, что ограбленные оккупантами сельскохозяйственные предприятия Моздокского района, получившие незначительную помощь от государства, смогли возродиться благодаря личным подсобным хозяйствам сельского населения района.

RESTORATION AND OPERATION OF COLLECTIVE MOZDOK DISTRICT IN 1943-1945 YEARS

In this article the author on the basis of archival material shows the contribution of workers in Mozdok district to restoration of collective district in 1943-1945 years. The author also using periodical press in the process of investigation collective, their further development. The authors focus on the activity of collective of Mozdok district, which made a great contribution and helped to rebuild national economy of district. Agrarian system of collective farms and introduction of crop rotations were the most important part of this process. It is stated that labour heroism of Mozdok district population became a primary factor of success in revival of economy by the end of Great Patriotic War.

T.I. KUZNETSOV¹⁵
N.S. MAKHTSIEVA

*North Ossetian State University
of K. L. Khetagurov*

¹⁵e-mail: mozdokruso492@yandex.ru

Keywords: collective, occupation, agricultural machinery, agriculture, productive work, collection of means, Stakhanov movement.

¹⁵ Социалистическая Осетия. 1944. 3.10.

¹⁶ Социалистическая Осетия. 1944. 30.11.

¹⁷ Социалистическая Осетия. 1945. 18.03.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВА СКИФОИДНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ*

А.Н. МЕРКУЛОВ

*Воронежский государственный
педагогический университет*

e-mail: aleksandrmerkulov@mail.ru

Статья посвящена истории исследования палеоэкономики скифоидных племён лесостепного Подонья. В настоящей публикации впервые обобщены данные о специальных научных трудах по обозначенной проблематике, изданных в XX и начале XXI вв. В работе приведены важнейшие археологические источники для изучения хозяйственной деятельности среднедонских племён.

Автором продемонстрирован процесс накопления знаний о системе земледелия, формах животноводства, видах ремесленного производства у носителей среднедонской культуры скифского времени. В публикации отражены основные представления исследователей о хозяйственно-культурных типах населения Среднего Дона середины I тысячелетия до н.э.

Ключевые слова: донская лесостепь, скифская эпоха, хозяйство, история изучения.

Первые источники, характеризующие хозяйственную деятельность населения донской лесостепи в скифскую эпоху, появляются в начале XX в. При раскопках курганных могильников, отождествляемых А.А. Спицыным с курганами «скифов-пахарей»¹, среди прочего погребального инвентаря, встречались кости животных и орудия труда. Последние были представлены в основном железными ножами, но изредка попадались и другие инструменты². Однако на тот момент хозяйственный уклад среднедонского населения вызывал у археологов лишь косвенный интерес, конкретных исследований по изучению данной проблематики не предпринималось.

По сути ситуация не изменялась до 50-х годов XX века. Тем не менее этот период времени следует выделить в качестве первого этапа исследования данной проблематики, поскольку именно с этого момента начинают появляться первые источники, характеризующие хозяйство скифоидных племён лесостепного Подонья.

Существенные сдвиги в изучении экономики среднедонского населения происходят лишь в послевоенное время. В целом в этот период начинается новый этап скифской археологии, характеризующийся накоплением знаний о поселенческих памятниках. Проводятся масштабные исследования городищ и поселений донской лесостепи. В связи с этим археологи всё больше внимания уделяют изучению хозяйства местного населения.

Опора на поселенческую источниковую базу позволила исследователям приступить к характеристике системы земледелия в лесостепном Подонье. Одной из первых к этой проблеме обратилась А.Н. Москаленко. В ходе раскопок Архангельского городища ею была обнаружена мотыжка из рога лося, которая могла применяться в земледельческих работах, а также каменные песты и зернотёрки³. Помимо этого, ею получена информация о культивируемых злаках. На глиняной посуде были встречены отпечатки ячменя, проса, ржи, пшеницы⁴. В результате стало ясно, что население посёлка занималось земледелием. Исследовательница полагала, что земля могла обрабатываться с помощью деревянного плуга, который, возможно, был оснащён железными чересломом, а комья,

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01218.

¹ Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 87-88.

² Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907-1909 гг. // Известия Императорской археологической комиссии. 1911. Вып. 43. С. 63; Замятнин С.Н. Скифский могильник Частые Курганы под Воронежем // Советская археология. 1946. Вып. VIII. С. 30-31.

³ Москаленко А.Н. Раскопки на Архангельском городище 1952-1953 г.г. // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1956. Вып. 62. С. 87.

⁴ Москаленко А.Н. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж, 1955. С. 43.

остававшиеся после вспашки, разбивались мотыгами⁵. Тем самым был сделан первый значимый шаг в изучении земледелия среднедонских племён.

С 1954 по 1974 год на Среднем Дону проводит разведки и раскопки Воронежская лесостепная скифская экспедиция ИА АН СССР под руководством П.Д. Либерова и А.И. Пузиковой. За два десятилетия было исследовано более полутора десятков памятников. Благодаря этим работам стало возможным углубленное изучение различных отраслей хозяйства местного населения.

Раскопки поселений способствовали появлению новых данных о земледелии. На днищах сосудов с Кировского городища обнаружены отпечатки проса и ячменя, на городищах Круглое, Волошино II и Большое Сторожевое найдены железные серпы, а на последнем ещё и костяная мотыга⁶. На поселении Подгорное 3, городищах Волошино I и II, Русская Тростянка, Большое Сторожевое и Кировское встречены зернотёрки и тёрочки, причём на двух последних обнаружены каменные блюда, в которых, по мнению А.И. Пузиковой⁷, растирали зерно. Глиняные модели лепёшек найдены на городищах Волошино I, Большое Сторожевое, Круглое, что свидетельствовало о бытовании у местного оседлого населения земледельческого культа⁸. На городищах Кировское⁹ и Волошино I¹⁰ обнаружено несколько крупных ям колоколовидной и грушевидной формы, которые могли использоваться для хранения зерна.

Благодаря полученным источникам стало возможным оценить роль земледелия в экономике среднедонского скифоидного населения.

П.Д. Либеров, сравнивая свидетельства земледелия в Поднепровье и на Дону, обратил внимание на тот факт, что в материалах донских памятников они представлены гораздо скромнее, лишь единичными находками земледельческих орудий труда и немногочисленными отпечатками злаков на керамике. Вслед за В.И. Цалкиным¹¹, он акцентирует внимание на небольшом количестве волов в стаде домашних животных на поселениях лесостепного Подонья. Низкая роль волов в хозяйстве среднедонских племён трактовалась П.Д. Либеровым не в пользу наличия пашенного земледелия. Исследователь приходит к выводу, что в лесостепном Подонье господствовало мотыжное земледелие, пашенное же находилось на начальной стадии развития¹².

А.И. Пузикова также подчёркивает недостаточное для пашенной обработки земли количество тягловых животных у донских племён. С другой стороны, в качестве косвенного свидетельства существования пашенного земледелия, автор рассматривает богатство инвентаря курганных могильников и присутствие в его составе импортных вещей, которые, по её мнению, могли быть получены в обмен на продукты местного земледелия¹³. Анализ соответствующих источников привёл А.И. Пузикову к выводу, что пашенное земледелие на территории лесостепного Подонья находилось на ранней стадии развития, в фазе перехода от мотыги к пахотным орудиям труда¹⁴.

К семидесятым годам в результате раскопок среднедонских памятников была накоплена внушительная остеологическая коллекция, анализ которой был произведён В.И. Цалкиным¹⁵. Им сделаны первые выводы о скотоводстве у местных племён в скифскую эпоху. В состав стада входили крупнорогатый скот, лошадь, мелкий рогатый скот, свинья. По мнению исследователя, выращивание скота имело преимущественно мясное направление, о

⁵ Москаленко А.Н. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж, 1955. С. 42.

⁶ Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1969. № 151. С. 66.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Там же. С. 80.

⁹ Там же. С. 50.

¹⁰ Отчёт об археологических исследованиях Воронежской лесостепной скифской экспедиции в 1968 г. // *Архив Института археологии РАН*. С. 29, 38.

¹¹ Цалкин В.И. Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1969. № 151. С. 131-132.

¹² Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья: дис. ... док. ист.наук. М., 1971. Ч.II. // *Архив Института археологии РАН*. Р-2. № 2088, 2089. С. 477.

¹³ Пузикова А.И. Культура оседлых племён правобережья среднего Дона: дисс...канд. ист. наук. М., 1971 // *Архив Института археологии РАН*. С. 252-253.

¹⁴ Там же. С. 251-257.

¹⁵ Цалкин В.И. Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону... С. 128-136.

чём свидетельствует молодой возраст большинства забитых животных. Для земледелия животные не использовались, хотя в стаде и имелась небольшое количество волов. Обитатели среднедонских поселений, так же, как и синхронные им племена Северного Причерноморья и лесостепного Поднепровья, разводили комолую породу скота¹⁶.

В.И. Цалкин полагал, что скотоводство полностью отвечало потребностям местного населения в мясе, поскольку среди остеологического материала присутствовало небольшое количество костей диких животных, что свидетельствует об ограниченной роли охоты в хозяйстве¹⁷.

Опираясь на результаты работ В.И. Цалкина, учитывая топографические, географические и иные особенности памятников, П.Д. Либеров выделил на Среднем Дону две формы животноводства. В правобережье Дона, а также в бассейне реки Воронеж в её среднем и нижнем течении имело распространение придомное скотоводство с элементами круглогодичного выпаса домашних животных¹⁸. По мнению исследователя, на этой территории проживало оседлое земледельческое население. Междуречье Дона и Волги, а также степное пространство между Доном и Северским Донцом, по представлению П.Д. Либерова, было занято скотоводами-кочевниками¹⁹.

Помимо данных о земледелии и животноводстве, раскопки поселенческих памятников донской лесостепи дали ценную информацию о видах и уровне развития ремесленного производства.

Г.Н. Лисицина проанализировала деревянные конструкции, обнаруженные на городище Большое Сторожевое, а также в некоторых погребениях курганных могильников у сёл Мастюгино, Русская Тростянка и Дуровка. Установлено, что основным строительным материалом являлся дуб. Для изготовления предметов быта и деталей вооружения использовались более мягкие породы дерева: берёза, клён, тополь. Такой избирательный подход в использовании сырья свидетельствует о хорошем знании местными мастерами свойств древесины²⁰.

Важное место в домашнем производстве занимала выплавка и обработка различных металлов. В культурном слое и среди подъёмного материала на городищах Волошино I, Русская Тростянка, Кировское были встречены куски железного и бронзового шлака, вток копыа со следами брака, части бронзового котла. На городище Большое Сторожевое найдена задвижка кричного горна, на поселении Подгорное-3 обнаружена глиняная льячка. К тому же, практически на каждом из поселенческих памятников, исследованных Воронежской лесостепной скифской экспедицией, встречались точильные плитки, бруски и оселки²¹. Среди других орудий труда по обработке металлических изделий стоит отметить два железных топора, обнаруженных в кургане № 7 группы Частых и на поселении у с. Репенки, близ Кировского городища. Оба изделия имели расклёпанные обухи, что, по мнению целого ряда исследователей, может свидетельствовать об использовании их в качестве кузнечных зубил²² или молотов дляковки металла²³.

Результаты анализов железных изделий с памятников Среднего Подонья, проведённых Г.А. Вознесенской и Б.А. Шрамко показали, что кузнецы хорошо знали свойства железа. Им была хорошо известна технология кузнечной сварки различных по своей твёрдости металлов, получение стали с помощью термической обработки и цементации железа²⁴.

¹⁶ Цалкин В.И. Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону... С. 131-132.

¹⁷ Там же. С. 128.

¹⁸ Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья: дис. ... док. ист. наук. М., 1971. Ч. II. // Архив Института археологии РАН. Р-2. № 2088, 2089. С. 513.

¹⁹ Там же. С. 514.

²⁰ Лисицына Г.Н. Результаты анализа строительных остатков из курганов и поселений эпохи бронзы и раннего железа // Материалы и исследования по археологии СССР. 1969. № 151. С. 143-144.

²¹ Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона... С. 69.

²² Шрамко Б.А. Орудия труда скифской эпохи для обработки железа / Б.А. Шрамко // Советская археология. 1969. № 3. С. 61-62; Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья: дис. ... док. ист. наук. М., 1971. Ч. II. // Архив Института археологии РАН. Р-2. № 2088, 2089. С. 396; Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона... С. 74.

²³ Замятнин С.Н. Скифский могильник Частые Курганы под Воронежем // Советская археология. 1946. Вып. VIII. – С. 30; Іллінська В.А. Скіфські сокири // Археологія. 1961. Т. XII. С. 30.

²⁴ Пузикова А.И. Культура оседлых племён правобережья среднего Дона... С. 271.

Е.Н. Черных и Т.В. Барцева провели анализ изделий из бронзы, серебра и золота, установили состав примесей, входящих в эти сплавы. Большинство бронзовых изделий изготавливались из оловянно-свинцовистых бронз. Исследование лигатур наконечников стрел из курганов у сёл Русская Тростянка и Мастюгино показало соответствие технологий производства традициям бронзолитья степных скифских памятников.

В ходе исследования обнаружено, что чисто золотые вещи в среднедонских курганах использовались очень редко. В их состав входили олово, свинец, висмут, иногда встречался цинк и никель. Помимо прочих примесей, золото сплавлялось с серебром и медью, единственным условием применения такой лигатуры являлось сохранением изделия золотого цвета²⁵. Полученная информация позволила А.И. Пузиковой сделать вывод о том, что местные мастера хорошо знали свойства металлов при изготовлении различных предметов²⁶.

Прядение и ткачество также являлось одним из основных домашних ремёсел, о чём свидетельствует достаточно большое количество обнаруженных пряслиц, грузил для натягивания нитей, кочедыков для плетения. Самих тканей, при раскопках, встречено не было, но их отпечатки обнаружены на некоторых изделиях²⁷.

В результате раскопок Воронежской лесостепной скифской экспедиции ИА АН СССР была добыта информация о приёмах обработки камня и кости. Камень применялся в основном для изготовления примитивных орудий труда. И только лишь на Кировском городище из мергеля были сделаны антропоморфная фигурка и орнаментированный грузик. А.И. Пузикова отмечает, что камень к этому периоду серьёзно утратил своё значение в хозяйстве, его обработка была минимальной, как правило, подыскивалось подходящее по форме сырьё, слегка подрабатывалось и использовалось по назначению. В то же время, отмечает исследовательница, изредка применялось сверление и шлифовка²⁸.

Подобная ситуация, по мнению А.И. Пузиковой, характерна и для кости. В качестве исключения исследовательница указывает на рукоятки ножей, обнаруженные в подкурганых захоронениях, а также на чрезвычайно редкие изделия в зверином стиле²⁹.

В ходе раскопок лесостепной экспедиции получено достаточно свидетельств торговых отношений среднедонских племён с окружающим миром. П.Д. Либеров и А.И. Пузикова считали, что торговля имела меновой характер. Предметами обмена служили продукты земледелия и скотоводства, изделия металлургов и бронзолитейщиков³⁰. О наличии внешних связей с греческими колониями Северного Причерноморья свидетельствуют находки античного импорта в курганах и на поселениях. А.П. Манцевич, проведя анализ погребального инвентаря курганного могильника у с. Мастюгино обнаружила яркие свидетельства экономических отношений среднедонских племён с Боспорским царством, Македонией и Фракией, Подунавьем и другими восточноевропейскими регионами³¹. По отдельным артефактам исследователями прослежены контакты со Степной Скифией и савроматским миром, с ананьинскими и городецкими племенами³².

Исследования Воронежской лесостепной скифской экспедиции ИА АН СССР в основном составляют содержание второго этапа изучения хозяйственной деятельности населения среднедонской скифоидной культуры. Данный этап характеризуется существенным расширением источниковой базы за счёт масштабных раскопок погребальных и поселенческих памятников, разработкой детальной характеристики всех отраслей хозяйства. Особенностью этого периода стало использование различных естественнонауч-

²⁵ Черных Е.Н., Барцева Т.В. Исследование металлического инвентаря из материалов Воронежской экспедиции // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1969. № 151. С. 137-142.

²⁶ Пузикова А.И. Культура оседлых племён правобережья среднего Дона... С. 265.

²⁷ Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона... С. 73.

²⁸ Пузикова А.И. Культура оседлых племён правобережья среднего Дона... С. 279.

²⁹ Там же. С. 281-282.

³⁰ Пузикова А.И. Культура оседлых племён правобережья среднего... С. 282; Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья: дис...док. ист.наук. М., 1971. Ч.П. // *Архив Института археологии РАН*. Р-2. № 2088, 2089. С. 606, 608.

³¹ Манцевич А.П. Мастюгинские курганы по материалам из собрания государственного Эрмитажа // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 1973. Вып. 15. С. 41-42.

³² Пузикова А.И. Культура оседлых племён правобережья среднего Дона... С. 282-290; Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья... С. 605-620; Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1969. № 151. С. 109-127.

ных методов, благодаря которым получены ценные сведения о различных отраслях хозяйства.

После завершения работ Воронежской лесостепной скифской экспедиции целенаправленные крупные исследования памятников среднедонской скифоидной культуры на некоторое время были приостановлены. Возобновились они с середины 1980-х годов. Именно с новой волной интереса исследователей к памятникам скифского времени связано начало третьего этапа изучения палеоэкономики среднедонских скифоидных племён, который продолжается и в настоящее время.

На современном исследовательском этапе существенно расширилась коллекция земледельческих орудий труда, значительно увеличилось количество информации о возделываемых культурах.

С начала 1990-х годов на среднедонских памятниках начинает применяться методика флотации поселенческого культурного слоя. В этом плане особо следует отметить работы Е.Ю. Лебедевой, которая впервые провела масштабные палеоэтноботанические исследования на городищах и курганных могильниках лесостепного Подонья³³. Она приходит к выводу, что состав культурных растений на изученных памятниках соответствует типичному палеоботаническому комплексу не только лесостепной, но и степной Скифии, различаясь лишь по удельному весу отдельных культур. Также Е.Ю. Лебедева обращает внимание и на факт практически полного отсутствия свидетельств земледелия в среднедонских курганных могильниках скифского времени, ставя вопрос об относительно невысоком значении данной отрасли в хозяйстве населения, известного по курганным захоронениям³⁴.

Недавно С.А. Горбаненко, сравнивая отпечатки культурных растений на керамике Мостищенского городища, с данными промывок Е.Ю. Лебедевой, обратил внимание на некоторые расхождения в полученных результатах. Помимо обычных для среднедонских племён проса, ячменя пленчатого и пшеницы двузернянки на фрагментах сосудов им были зафиксированы негативы ржи. С.А. Горбаненко считает, что отсутствие во флотационных пробах зерновок ржи связано с хронологическими различиями между исследованными материалами. Он высказал предположение, что результаты промывок отражают палеоэтноботанический спектр более раннего этапа существования городища. Рожь могла появиться в нём немного позднее, при этом слегка потеснив значение ячменя пленчатого и пшеницы двузернянки. Реконструируя систему земледелия обитателей городища Мостище, исследователь предполагает существование здесь такого способа обработки земли, при котором возделывание почвы не было второстепенным явлением, исключая, тем самым, использование подсеки³⁵.

В целом, исследования последних трех десятилетий подтвердили значительную роль земледелия в экономике среднедонских скифоидных племён.

Наряду с изучением земледелия на современном этапе продолжает уделяться большое внимание и реконструкции системы животноводства. Появляются новые методики анализа остеологического материала, через призму которых рассматриваются в том числе и коллекции, обработанные ранее³⁶.

³³ Лебедева Е.Ю. Палеоэтноботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 91-100; Лебедева Е.Ю. Новые данные о земледелии на Среднем Дону в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2001. С. 188-195; Лебедева Е.Ю. Итоги археоботанических исследований на Среднем и Нижнем Дону в 2001-2003 гг. // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004. С. 119-126; Лебедева Е.Ю. Антипина Е.Е. Городище Россошки I – «постоянный адрес или временная прописка?» // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004-2008 гг. М., 2009. С. 198-220.

³⁴ Лебедева Е.Ю. Палеоэтноботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации... С. 94; Лебедева Е.Ю. Новые данные о земледелии на Среднем Дону в скифское время... С. 194.

³⁵ Горбаненко С.А. Новые палеоэтноботанические данные с Мостищенского городища скифской эпохи // Восточноевропейские древности. Воронеж, 2013. С. 66-67.

³⁶ Антипина Е.Е. Проблемы обработки и интерпретации археозоологических материалов из памятников скифского времени на территории Северного Причерноморья // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. М., 2000. С. 80-86; Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М., 2004. С. 7-33.

Е.Е. Антипиной проведены анализы новых остеологических коллекций, полученных в ходе раскопок среднедонских городищ Мостице, Россопки, Архангельское, и курганных могильников Терновое-1, Колбино-1, Горки³⁷.

Результаты исследования костных останков животных из вышеупомянутых могильников показали, что лошадь играла исключительную роль в погребальной практике среднедонского населения, оставившего курганы. По этим признакам изученные могильники схожи с погребальными памятниками Степной Скифии³⁸.

Анализ поселенческого материала по новым методикам привёл к пересмотру соотношения некоторых видов домашних животных на городищах Среднего Дона. На большинстве памятников лидирующие позиции стала занимать лошадь, а не крупный рогатый скот, как это было подсчитано ранее В.И. Цалкиным³⁹. Существенно уменьшилась доля мелкого рогатого скота и свиньи⁴⁰, высокий процент которых ранее считался отличительной чертой местного скотоводства⁴¹. Также Е.Е. Антипина обратила внимание на малую насыщенность слоя городищ костными останками, что, по её мнению, можно связать с особенностью диеты обитателей посёлков, в которой основное место могли занимать продукты земледелия или молочная пища⁴².

Ценные данные о типе питания населения Среднего Дона получены в результате химического анализа костной ткани погребённых из курганного могильника Терновое-Колбино и Семилукского городища, проведённого М.В. Добровольской. Диета особей, входящих в эти группы имела определённые различия. Если показатели потребления мясной пищи различались незначительно, то индикаторы зерновых культур были существенно выше у обитателей Семилукского городища, что подчёркивало значительную роль злаковых в структуре их питания⁴³.

Помимо исследования сельского хозяйства на современном этапе анализируется и уровень развития ремесла. Для этого применяются современные методики, среди которых важное место занимает экспериментально-трассологический метод. В.В. Килейников впервые провёл анализ каменного и костяного инвентаря Семилукского и Мостищенского городищ⁴⁴. Он заметил, что абсолютное большинство изделий из камня и кости было задействовано в горнометаллургическом, металлообрабатывающем и кожевенном производствах. Полученные данные представляют исключительный интерес, поскольку среди исследователей долгое время бытовало мнение, что каменные орудия труда применялись в основном для переработки зерна.

О занятии жителей Семилукского и Мостищенского городищ металлургическим производством свидетельствуют не только результаты функционально-трассологического анализа. На городище у хутора Мостице встречены рудосодержащие минералы, слески меди, а также парные ямы, часть из которых могла являться остатками металлургического комплекса. Две из ям были отделены друг от друга перегородкой с развальцованным отверстием, служившим, вероятно, для воздуходувного сопла⁴⁵. Подобные сооружения

³⁷ Антипина Е.Е. Новые археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону. С. 171-187; Антипина Е.Е. Остеологические материалы из скифских памятников на Среднем Дону. С. 107-118; Лебедева Е.Ю. Антипина Е.Е. Городище Россопки I – «постоянный адрес или временная прописка?». С. 198-220.

³⁸ Антипина Е.Е. Новые археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону... С. 185-186.

³⁹ Цалкин В.И. Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону... С. 129.

⁴⁰ Антипина Е.Е. Новые археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону... С. 172.

⁴¹ Цалкин В.И. Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону... С. 136.

⁴² Антипина Е.Е. Остеологические материалы из скифских памятников на Среднем Дону... С. 118.

⁴³ Козловская М.В. Об образе жизни среднедонского населения скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993-2000 гг.). М., 2001. С. 48-49.

⁴⁴ Килейников В.В. Функциональный анализ каменных, костяных и керамических орудий труда Мостищенского городища // Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001. С. 179-190; Килейников В.В. Функциональный анализ каменных орудий труда с Семилукского городища // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. С. 28-35.

⁴⁵ Килейников В.В. Функциональное назначение орудий труда с Мостищенского городища скифского времени // Тезисы докладов международной конференции: «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». Запорожье, 1991. С. 74-75; Килейников В.В. Функциональный анализ каменных, костя-

интерпретируются В.В. Килейниковым как горны экстенсивного типа⁴⁶.

Схожие объекты встречены и на Семилукском городище⁴⁷. Они были локализованы на относительно небольшом нежилом участке и представляли собой серию парных и одиночных ям. Стенки некоторых из них были прокалены. В заполнении отдельных ям, а также неподалёку от них обнаружены металлургические шлаки, сильно обожжённая керамика, каменные орудия труда металлургического и металлообрабатывающего цикла, бракованные изделия. Все эти свидетельства позволили авторам публикации сделать вывод о существовании на этом месте кузницы.

В целом, к середине 90-х годов накоплена обширная информация о хозяйственном укладе, мировоззренческих представлениях, социальной структуре скифоидного населения лесостепного Подонья, что позволило исследователям перейти к широким теоретическим обобщениям.

К этому времени Ю.А. Краснов, основываясь на многочисленных археологических источниках и этнографических параллелях, выделил основные хозяйственно-культурные типы племён, населявших различные географические зоны Восточной Европы в раннем железном веке. В лесостепи, по его мнению, господствовал хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев⁴⁸.

Применительно к Среднему Дону А.П. Медведев разработал концепцию сосуществования в VI-IV вв. до н.э. двух хозяйственно-культурных типов – оседлого земледельческо-скотоводческого и полукочевого, основанного на отгонном скотоводстве с ограниченным радиусом выпаса скота. Первый тип нашёл отражение в материальной культуре обитателей городищ, второй связан с погребениями аристократической верхушки, совершёнными под курганами⁴⁹.

В рамках данной концепции А.П. Медведев рассматривает систему расселения скифоидных племён. Он выделяет в лесостепном Подонье пять районов памятников. Три из них – территории постоянного проживания, а два – их хозяйственная округа⁵⁰. В рамках Среднедонского Правобережного района исследователь выявил ряд микрорайонов⁵¹. Он предположил, что городища с выраженным культурным слоем и долговременные поселения отражают хозяйственно-культурный тип оседлых земледельцев и скотоводов. В свою очередь, серию сезонных стоянок и городищ-загонов, а также курганные могильники он связывает с полукочевым скотоводческим населением⁵². Различные хозяйственно-культурные уклады А.П. Медведев соотносит с двумя разноэтничными группами.

Об этнокультурной неоднородности среднедонского населения говорят В.Д. Березуцкий⁵³ и Ю.Д. Разуваев⁵⁴.

В то же время ряд исследователей придерживается традиционной концепции об этнокультурном единстве населения Среднего Дона. Правда, В.И. Гуляев⁵⁵ предполагает,

---

ных и керамических орудий труда Мостищенского городища... С. 182.

⁴⁶ Килейников В.В. К вопросу о происхождении чёрной металлургии // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии. СПб., 1999. С. 86; Килейников В.В. Функциональный анализ каменных орудий труда с Семилукского городища... С. 31.

⁴⁷ Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты раскопок 1984 - 1993 г.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995. С. 48-56.

⁴⁸ Краснов Ю.А. Хозяйственно-культурные типы Восточной Европы эпохи раннего железа // Краткие сообщения Института археологии. 1990. Вып. 197. С. 8-9.

⁴⁹ Медведев А.П. Земля донских будинов // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992. С. 169; Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. М., 1999. С. 125, 127.

⁵⁰ Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. М., 1999. С. 53-54.

⁵¹ Там же. С. 54-60.

⁵² Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. М., 1999. С. 60-62.

⁵³ Березуцкий В.Д. О социальной реконструкции населения Среднего Дона в скифское время (по данным погребального обряда) // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992. С. 157; Березуцкий В.Д. Курганы скифского времени Лесостепного Дона. Воронеж, 1995. С. 58-60.

⁵⁴ Разуваев Ю.Д. Поселения скифского времени в правобережье Верхнего Дона: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997. С. 18-19.

⁵⁵ Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М., 2010. С. 135.

что среднедонские племена вели полукочевой образ жизни, а А.И. Пузикова⁵⁶ считает их оседлыми земледельцами и скотоводами.

Благодаря трудам нескольких поколений археологов к настоящему моменту сформирована внушительная база источников для изучения хозяйственной деятельности скифоидного населения донской лесостепи. Получена важная информация о земледелии, добыты ценные сведения о скотоводстве и различных видах ремёсел. Однако, несмотря на все вышеотмеченные достижения в изучении хозяйственной проблематики до сих пор эту тему нельзя считать исчерпанной. Целостного анализа имеющегося круга материалов не производилось, да и опубликованные работы по соответствующей тематике построены на устаревшей источниковой базе.

HISTORY OF RESEARCHING FARMS OF THE POPULATION AT THE SCYTHIAN AGE OF THE FOREST-STEPPE DON AREA

A.N. MERKULOV

*Voronezh Pedagogical
State University*

e-mail: aleksandrmerkulov@mail.ru

The article is devoted to the study of the history of farming tribes at the Scythian age of the forest-steppe Don region. In this publication at the first time summarizes the data about special scientific works on designated issues, published in the early XX and XXI centuries. The paper presents the most important archaeological sources for the study of economic activity tribes of the Scythian age on the Middle Don.

We have demonstrated the accumulation of knowledge about the system of agriculture, animal husbandry forms, types of handicraft production in carriers culture of the Middle Don of the Scythian time. This publication reflects the basic ideas of researchers about economic-cultural types of the population of the Middle Don middle of I millennium BC.

---

⁵⁶ Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона... С. 80; Пузикова А.И. Городища и курганные могильники Среднего Подонья: к вопросу об их этнокультурном единстве // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. М., 2000. С. 258-267.

УДК 94 (470)-314.72

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ АГРАРНОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР В 1960-Е – СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГГ.

В статье рассматривается централизованная политика аграрного переселения на Дальний Восток в 1960-е – середине 1980-х гг. Дефицит людских ресурсов в сельской местности регионов, традиционно считавшихся трудоизбыточными, был вызван многочисленными жертвами советского народа в Великой Отечественной войне, урбанизацией и последствиями демографического перехода. Эти обстоятельства обусловили поиск новых форм организованной миграции в многоземельные районы Дальнего Востока. Тем самым, наряду с межобластным широкое распространение приобрело внутриобластное переселение. В целях стимулирования переезда в дальневосточные хозяйства государством предоставлялись льготы, включавшие бесплатный проезд к месту нового жительства, денежные пособия главам и членам семей, налоговые послабления, сравнительно выгодные условия кредитования строительства жилых домов и приобретения скота. Со временем размер этих преимуществ увеличивался. На основе широкого круга архивных документов удалось определить регионы, внесшие наибольший вклад в формирование постоянного населения дальневосточной деревни, а также выявить соотношение межобластного и внутриобластного переселения в этом процессе.

Ключевые слова: миграция, новоселы, политика, сельскохозяйственное переселение.

С.А. ПИСКУНОВ

*Благовещенский
государственный
педагогический
университет*

e-mail: grew5@mail.ru

Включение в состав России новых и неравномерность освоенности ряда территорий предопределили проведение инициированной государством политики по наращивания в них демографического потенциала. Это было вызвано тем, что геополитическая безопасность и интегрирование в общую экономическую систему богатых полезными ископаемыми земель не могли быть реализованы без наличия на них соответствующей инфраструктуры, создание и функционирование которой обеспечивалось постоянными жителями этих регионов. Более того, управляемая миграция позволяла решить проблемы и в областях выхода. Ярким примером этого служит организация переселений на окраины при П.А. Столыпине. Зародившись в XIX в., практика перераспределения жителей малоземельных регионов в пользу многоземельных была продолжена в XX в., несмотря на потрясения в общественно-политическом развитии страны. К последним следует отнести Великую Отечественную войну, детерминировавшую изменения многих сторон жизни советского общества. Исключением не стала и переселенческая политика, многогранность условий и последствий осуществления которой в послевоенное время, вызвали повышенный интерес ученых. Исследования, главным образом, региональной организованной миграции, включая и принудительный ее характер, нашли свое отражение в публикациях О.М. Вербицкой, Г.И. Большаковой, Л.В. Зандановой, Ю.В. Костяшова, Л.А. Крушановой, А.И. Османова, Л.Л. Рыбаковского, Е.П. Смирновой, Е.Н. Чернолуцкой и других¹. В тоже время имеется определенный историографический пробел в изучении добровольного централизованного переселения в 60-е – 80-е гг. ушедшего сто-

¹ См., например: Вербицкая О.М. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946-1958 гг. // Вопросы истории. М., 1986. №12. С. 14-26; Большакова Г.И. Заложники новой границы: проблемы заселения и освоения Карельского перешейка в 1940-1960 гг. СПб., 2009.; Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х-середина 60-х гг. XX в.). Иркутск, 1997.; Костяшов Ю.В. Заселение Калининградской области после второй мировой войны // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.academia.edu/5087414>; Крушанова Л.А. Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х-1970-е гг.). Владивосток, 2014.; Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-е – 70-е гг. XX века). Махачкала, 2000.; Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990.; Смирнова Е.П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006.; Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920 – 1950-е гг. Владивосток, 2011.

летия на Дальнем Востоке. Таким образом, целью статьи является исследование государственной политики аграрного переселения на Дальний Восток в 60-е – середине 80-х гг. XX в. Важным представляется проследить эволюцию мер стимулирования, источники формирования и специфику миграционных потоков, а также эффективность централизованного переселения, рассмотренных сквозь призму приживаемости новоселов.

Своеобразие хронологического периода 1960-х – середины 1980-х гг. детерминировано преимущественно демографическими, социально-экономическими и геополитическими обстоятельствами. Наряду с тем, что по-прежнему сказывались негативные демографические последствия Великой Отечественной войны, ситуация усугублялась урбанизацией и уменьшением естественного прироста жителей так называемых областей-доноров (главным образом населенных белорусами, русскими и украинцами), что, в свою очередь, вызывало трудности в вербовке переселенцев, отражалось на объеме миграционных потоков, профессиональном составе их участников и иных аспектах. Отчасти поэтому, в 1950-е гг. в решении кадровой проблемы села стало активно использоваться привлечение городского населения конкретной области или края, а также самостоятельно прибывших туда семей, выразивших желание трудиться в аграрной сфере. Эта форма планового увеличения численности жителей деревни, известная еще в довоенный период и приобретшая широкие масштабы в связи с массовым освоением целины и залежей во времена Н.С. Хрущева, получила название внутриобластного переселения.

На государственную аграрную миграционную политику влияние оказал и внешнеполитический фактор. В конце 60-х гг. эскалация напряженности на границе с Китаем вылилась в военное противостояние, что в свою очередь, повлекло, с одной стороны, снижение привлекательности региона для потенциальных переселенцев, с другой, наращиванием государственного присутствия в нем.

Внимание политического центра к богатой восточной окраине, по мнению дальневосточного историка А.С. Ващук, «... означало увеличение капиталовложений в развитие хозяйственного комплекса региона и привлечения трудовых ресурсов»². На Дальнем Востоке одной из важнейших задач, имевшей давнюю историю, явилось создание продовольственной базы, способной обеспечить экономику региона сырьем, а население провиантом. Так, на январском (1961 г.) пленуме ЦК КПСС председатель Совета Министров РСФСР Д.С. Полянский, подвергая критике руководителей дальневосточных краев и областей за снижение сбора риса и сои, отмечал, что «сельское хозяйство Дальнего Востока не обеспечивает потребности своего населения в продуктах земледелия и животноводства. Многие продукты – мясо, молоко, картофель и овощи – приходится завозить на Дальний Восток из Сибири, Урала и даже Центра. Причем завоз не сокращается, а из года в год увеличивается»³.

Проявленный руководством страны интерес к развитию Дальнего Востока выразился в принятии совместного постановления ЦК КПСС и Совмина СССР от 8 июля 1967 г. №368, в котором была поставлена, наряду с прочими, задача «увеличения производства сои, риса, овощей, картофеля, роста поголовья скота и повышения его продуктивности, с таким расчетом, чтобы потребности этих районов (дальневосточного экономического региона, включая Якутскую АССР, и Читинской области. – прим. С. П.) в молоке, картофеле, овощах, яйцах и в значительной степени в мясе удовлетворялись за счет собственного производства». Техническое переоснащение аграрного сектора не было способно в кратчайшие сроки решить продовольственную проблему. Выход виделся в сочетании механизации с увеличением тружеников села, одной из форм которого являлось централизованное перемещение семей в сельскую местность за счет жителей некоторых союзных республик, центральных областей России и городской местности дальневосточного края. Так, согласно постановлению, за 1968-1970 гг. в Амурскую область, Приморский и Хабаровский края предусматривалось переселить из УССР, БССР и областей РСФСР 17 800 семей (что при среднем составе семьи 3,8-3,9 в сумме давало 67,6 тыс. – 69,

² Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40-х -80-х гг. XX в.). Владивосток, 1998. С. 154.

³ Государственный архив Амурской области (далее ГА АО). Ф. П-63. Оп. 2. Д. 415. Л. 4.

4 тыс. человек)⁴. Следует отметить, привлечение населения союзных республик, согласно указаний, возобновилось после почти десятилетнего периода⁵.

Эта положение было подкреплено очередным совместным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР, датированным 25 мая 1972 г., согласно которого предполагалось, как и в 1968-1970 гг., пополнение хозяйств региона жителями административно-территориальных единиц РСФСР и союзных республик. За 1971-1975 гг. планировалось привлечь 30 250 семей, из них: в Амурскую область – 14 200, Приморский край – 11 000, Хабаровский край – 4 700 и сравнительно небольшое число – 350 – на Камчатку⁶.

Тем самым, директивно было установлено, что подавляющая масса семей должна была направиться в Амурскую область, Приморский и Хабаровский края, географические условия которых, особенно в южных районах, были наиболее пригодны для растениеводства и животноводства. Фактически прекратилось плановое переселение в Камчатскую и Сахалинскую области, поскольку в указанных областях первостепенное значение придавалось обеспечению кадрами предприятий по добыче и переработке рыбы, а не аграрного сектора.

Для выполнения плановых заданий по переселению государством предоставлялись льготы: бесплатный проезд и провоз имущества, получение безвозвратного пособия, наделение жильем, скотом, земельным приусадебным участком, на получение продовольственной ссуды и налоговые послабления.

Единовременное безвозвратное пособие, необходимое для устройства в местах вселения, первоначально полностью выдавалось как главам семей, так и всем ее членам, в областях выхода. С 1958 г. 50% его размера переселенцы получали до отъезда, а вторую половину – «по истечении 3 месяцев непрерывной работы в колхозе или совхозе» (позднее – через год)⁷. Денежная помощь со временем индексировалась (табл. 1).

Таблица 1

Динамика размера единовременного денежного пособия переселенцам Дальнего Востока, межобластное переселение, 1959-1989 гг., руб.⁸

Наименование области, края вселения	1959 г.		1973 г.		1989 г.	
	Глава семьи	Член семьи	Глава семьи	Член семьи	Глава семьи	Член семьи
Амурская область	130	27,5	200	75	2000	500
Камчатская область	300	60	300	80		
Приморский край	130	27,5	200	75		
Сахалинская область	130	27,5	---	----		
Хабаровский край	130	27,5	200	75		

Таблица составлена на основе источников: Собрание Постановлений Правительства РСФСР 1959. № 3. Ст. 34; Собрание действующего законодательства СССР. Раздел. 12. Законодательство о сельском хозяйстве. Книга. 4. Т. 32. Известия, 1974. С. 241; Постановление Совета Министров СССР от 5 апреля 1989 г. №290. «О программе социального развития села» (с изм. и доп., внесенными Постановлением Совмина СССР от 29 декабря 1989 г. №1172) // Левоневский Валерий Станиславович. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss1335.htm>

Существенным стимулом привлечения граждан в дальневосточное село являлось предоставление кредита на строительство жилья, размер которого со временем также изменялся и, как правило, в сторону повышения (табл. 2.). Более того, если с 1953 г. ссуда на дом с надворными постройками выдавалась семье под 2% годовых на 10 лет, а выпла-

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 106сч. Д. 1514. Л. 296, 359.

⁵ Подробнее об этом в статье: Пискунов С.А. Демографический потенциал союзных республик в реализации политики сельскохозяйственного переселения на территории РСФСР (вторая половина 40-х-80-е гг. XX в.) // Преподаватель XXI век. М., 2014. №2. Ч. 2. С. 270-281.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 859. Л. 111.

⁷ ГА АО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 61. Л. 10; ГА РФ. Ф.А-518. Оп. 1. Д. 182. Л. 106.

⁸ Данные за 1959 г. приведены с учетом денежной реформы 1961 г. Размеры выплат пособия по внутриобластному/внутрикраевому переселению были следующими: в 1959 г. 20 руб. на главу и 10 руб. на каждого члена семьи; в 1973 г. переехавшим из городов и райцентров в колхозы или совхозы – 50% от установленного размера; прибывшим по приглашению хозяйств – 75% // Собрание действующего законодательства СССР. Раздел. 12. Законодательство о сельском хозяйстве. Книга. 4. Т. 32. Известия, 1974. С. 238-239; Собрание Постановлений Правительства РСФСР 1959. № 3. Ст. 34.

ты начинались с 3-го года после передачи строений, то в 1973 г. – под 0,5 % в течение 15 лет, начиная с 6-го после получения кредита⁹.

Таблица 2

Динамика размера кредита переселенцам Дальнего Востока на строительство жилого дома, 1959-1985 гг., руб.¹⁰

Наименование области, края вселения	1959 г.		1973 г.			1985 г.		
	всего	В т.ч. за счет государства, %	всего	В т.ч. за счет, руб.		всего	В т.ч. за счет, руб.	
				государства	хозяйства		государства	хозяйства ¹¹
Амурская область	2000	50	6000	2000	2000	12000	5000	Оставшаяся часть
Камчатская область	3000	60	6000	2000	2000	12000	5000	Оставшаяся часть
Приморский край	2000	50	6000	2000	2000	12000	5000	
Хабаровский край	2000	50	6000	2000	2000	12000	5000	
Сахалинская область	2500	50	---	---	---	---	---	---

Таблица составлена на основе источников: Собрание Постановлений Правительства РСФСР 1959. № 3. Ст. 34; Собрание действующего законодательства СССР. Раздел. 12. Законодательство о сельском хозяйстве. Книга. 4. Т. 32. Известия, 1974. С. 242-243; Собрание Постановлений Правительства СССР. 1977. № 20. Ст. 125; Собрание Постановлений Правительства СССР. 1985. № 15. Ст. 69.

Советскими нормативно-правовыми актами в целях закрепления предусматривалось обеспечение новоселов скотом, размер кредита на приобретение которого со временем также изменялся (таб. 3).

Таблица 3

Динамика размера кредита переселенцам Дальнего Востока на приобретение коров, 1959-1985 гг., руб.¹²

Наименование области, края вселения	1959 г.	1985 г.			
		всего	Погашение за счет:		
			гос. бюджет	хозяйство ¹³	семьи
Амурская область	280	600	200	оставшаяся часть	200
Камчатская область	500				
Приморский край	280				
Хабаровский край	280				
Сахалинская область	500	---	---	---	---

Таблица составлена на основе источников: Собрание Постановлений Правительства РСФСР 1959. № 3. Ст. 34; Собрание действующего законодательства СССР. Раздел. 12. Законодательство о сельском хозяйстве. Книга. 4. Т. 32. Известия, 1974. С. 244-245; Постановлений Правительства СССР. 1985. № 15. Ст. 69.

Помимо этого, семьям оплачивался проезд от места выхода до хозяйств вселения и провоз багажа до 2 тонн. Вновь прибывшие также освобождались от уплаты сельскохозяйственного и/или подоходного налога на 5 лет с 1953 г. и на 8 лет с 1973 г.¹⁴.

⁹ Пискунов С.А. Государственная политика переселения в земельные районы Дальнего Востока СССР (середина 40-х – середина 60-х гг. XX века). Благовещенск, 2011. С. 105; Собрание действующего законодательства СССР. Раздел. 12. Законодательство о сельском хозяйстве. Книга. 4. Т. 32. Известия, 1974. С. 233-234.

¹⁰ Данные за 1959 г. приведены с учетом денежной реформы 1961 г.

¹¹ В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 23 июля 1977 г. №555, сумма, погашаемая хозяйствами, составляла 5 000 рублей // Собрание Постановлений Правительства СССР. 1977. № 20. Ст. 125.

¹² Данные за 1959 г. приведены с учетом денежной реформы 1961 г.

¹³ В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 31 мая 1973 г. №364, сумма, погашаемая хозяйствами, составляла 200 руб. // Собрание действующего законодательства СССР. Раздел. 12. Законодательство о сельском хозяйстве. Книга. 4. Т. 32. Известия, 1974. С. 244.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 571. Л. 373; Собрание действующего законодательства СССР. Раздел. 12. Законодательство о сельском хозяйстве. Книга. 4. Т. 32. Известия, 1974. С. 231.

Наличие широкого перечня мер миграционного стимулирования в сочетании с активной деятельностью по вербовке на переселение обуславливали выполнение утвержденных правительством планов.

Установлено, что за 1960-1986 гг. большинство людей - 185 492 человека – было направлено в Амурскую область. Наиболее весомый вклад внесли Украина (28,46%), Белоруссия (14,66%), Воронежская (12,14%), Брянская (7,36%), Тамбовская (6,44%), Курская (5,04%) областям, на долю которых пришлось почти 3/4 переселенцев¹⁵.

В Приморский край регионы-доноры в общей сложности отправили 162 127 человек, при этом существенная роль принадлежала Украинской ССР (44,00%) и Краснодарскому краю (25,03%), в сумме составивших почти 70%. Далее с весьма большим отрывом следовали Ярославская область (5,60%) и Кабардино-Балкарская АССР (3,75%)¹⁶.

В Хабаровский край за 1960-1986 гг. выехало 70 595 человек. По этому показателю край уступал Амурской области в 2,6 раза, что, очевидно, обуславливалось его промышленной специализацией. Наибольшее участие в формировании переселенческих потоков принадлежало Украинской ССР (23,36%), Горьковской (25,50%), Белгородской (12,77%), Ивановской (7,40%) областям, в совокупности составлявших чуть более 69%¹⁷.

Наряду с межреспубликанским и межобластным производилось внутриобластное переселение. О его значении в плановом привлечении в аграрный сектор региона свидетельствуют следующие данные. Так, в 1960-1969 гг. в Амурской области на его часть пришлось 16,21% от общего числа, в 1970-1979 – 10,95%, а за 7 лет 1980-1987 гг. – 18,98%¹⁸. В Приморье этот показатель равнялся в 1960-1969 гг. – 31,19%, в 1970-1979 гг. – 13,17%, в 1980-1987 гг. – 16,24%¹⁹. В Хабаровском крае, в сравнении с Амурской областью и Приморским краем, доля внутриобластного переселения была выше: в 1960-1969 гг. – 40,28%, в 1970-1979 гг. – 26,90%, в 1980-1987 гг. – 28,31%²⁰.

Анализ данных показывает, что самое низкое значение внутриобластного переселения по всем трем административно-территориальным единицам пришлось на 70-е гг.

¹⁵ ГА РФ Ф. А-518. Оп. 1. Д. 163. Л. 132; там же. Д. 195. Л. 111; там же. Д. 216. Л. 113; Д. 239. Л. 112; там же. Д. 266. Л. 101; там же. Д. 290. Л. 85; там же. Д. 308. Л. 130-131; там же. Ф. 10005. Оп. 1. Д. 22. Л. 5-6; там же. Д. 72. Л. 47-48; там же. Д. 118. Л. 18-19; там же. Д. 166. Л. 13-14; там же. Д. 218. Л. 157-158; там же. Д. 270. Л. 151-152; там же. Д. 325. Л. 155-156; там же. Д. 393. Л. 149-150; там же. Д. 454. Л. 144-145; там же. Д. 522. Л. 149-150; там же. Д. 581. Л. 111-112; там же. Д. 650. Л. 116-117; там же. Д. 719. Л. 99; там же. Д. 794. Л. 102; там же. Д. 908. Л. 132; там же. Д. 984. Л. 138; там же. Д. 1050. Л. 130; там же. Д. 1120. Л. 121; там же. Д. 1183. Л. 119; там же. Д. 1247. Л. 110.

¹⁶ ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 163. Л. 138; там же. Д. 195. Л. 116; там же. Д. 216. Л. 120; Д. 239. Л. 117; там же. Д. 266. Л. 106; там же. Д. 290. Л. 90; там же. Д. 308. Л. 138; там же. Ф. 10005. Оп. 1. Д. 22. Л. 15; там же. Д. 72. Л. 55; там же. Д. 118. Л. 26; там же. Д. 166. Л. 20; там же. Д. 218. Л. 164; там же. Д. 270. Л. 158; там же. Д. 325. Л. 162-163; там же. Д. 393. Л. 156; там же. Д. 454. Л. 152; там же. Д. 522. Л. 157; там же. Д. 581. Л. 120; там же. Д. 650. Л. 125; там же. Д. 719. Л. 103; там же. Д. 794. Л. 106; там же. Д. 908. Л. 137; там же. Д. 984. Л. 143; там же. Д. 1050. Л. 135; там же. Д. 1120. Л. 126; там же. Д. 1183. Л. 124; там же. Д. 1247. Л. 115-116.

¹⁷ ГА РФ Ф. А-518. Оп. 1. Д. 163. Л. 140; там же. Д. 195. Л. 120; там же. Д. 216. Л. 123; Д. 239. Л. 119; там же. Д. 266. Л. 108; там же. Д. 290. Л. 92; там же. Д. 308. Л. 140; там же. Ф. 10005. Оп. 1. Д. 22. Л. 18; там же. Д. 72. Л. 57; там же. Д. 118. Л. 29; там же. Д. 166. Л. 21; там же. Д. 218. Л. 165; там же. Д. 270. Л. 160; там же. Д. 325. Л. 164; там же. Д. 393. Л. 158; там же. Д. 454. Л. 153-154; там же. Д. 522. Л. 158-159; там же. Д. 581. Л. 121-122; там же. Д. 650. Л. 126-127; там же. Д. 719. Л. 104; там же. Д. 794. Л. 107; там же. Д. 908. Л. 139; там же. Д. 984. Л. 145; там же. Д. 1050. Л. 137; там же. Д. 1120. Л. 128; там же. Д. 1183. Л. 126; там же. Д. 1247. Л. 117-118.

¹⁸ ГА РФ Ф. А-518. Оп. 1. Д. 163. Л. 132; там же. Д. 195. Л. 111; там же. Д. 216. Л. 113; Д. 239. Л. 112; там же. Д. 266. Л. 101; там же. Д. 290. Л. 85; там же. Д. 308. Л. 130-131; там же. Ф. 10005. Оп. 1. Д. 22. Л. 5-6; там же. Д. 72. Л. 47-48; там же. Д. 118. Л. 18-19; там же. Д. 166. Л. 13-14; там же. Д. 218. Л. 157-158; там же. Д. 270. Л. 151-152; там же. Д. 325. Л. 155-156; там же. Д. 393. Л. 149-150; там же. Д. 454. Л. 144-145; там же. Д. 522. Л. 149-150; там же. Д. 581. Л. 111-112; там же. Д. 650. Л. 116-117; там же. Д. 719. Л. 99; там же. Д. 794. Л. 102; там же. Д. 908. Л. 132; там же. Д. 984. Л. 138; там же. Д. 1050. Л. 130; там же. Д. 1120. Л. 121; там же. Д. 1183. Л. 119; там же. Д. 1247. Л. 110; там же. Д. 1310. Л. 91.

¹⁹ ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 163. Л. 138; там же. Д. 195. Л. 116; там же. Д. 216. Л. 120; Д. 239. Л. 117; там же. Д. 266. Л. 106; там же. Д. 290. Л. 90; там же. Д. 308. Л. 138; там же. Ф. 10005. Оп. 1. Д. 22. Л. 15; там же. Д. 72. Л. 55; там же. Д. 118. Л. 26; там же. Д. 166. Л. 20; там же. Д. 218. Л. 164; там же. Д. 270. Л. 158; там же. Д. 325. Л. 162-163; там же. Д. 393. Л. 156; там же. Д. 454. Л. 152; там же. Д. 522. Л. 157; там же. Д. 581. Л. 120; там же. Д. 650. Л. 125; там же. Д. 719. Л. 103; там же. Д. 794. Л. 106; там же. Д. 908. Л. 137; там же. Д. 984. Л. 143; там же. Д. 1050. Л. 135; там же. Д. 1120. Л. 126; там же. Д. 1183. Л. 124; там же. Д. 1247. Л. 115-116; там же. Д. 1310. Л. 91.

²⁰ ГА РФ Ф. А-518. Оп. 1. Д. 163. Л. 140; там же. Д. 195. Л. 120; там же. Д. 216. Л. 123; Д. 239. Л. 119; там же. Д. 266. Л. 108; там же. Д. 290. Л. 92; там же. Д. 308. Л. 140; там же. Ф. 10005. Оп. 1. Д. 22. Л. 18; там же. Д. 72. Л. 57; там же. Д. 118. Л. 29; там же. Д. 166. Л. 21; там же. Д. 218. Л. 165; там же. Д. 270. Л. 160; там же. Д. 325. Л. 164; там же. Д. 393. Л. 158; там же. Д. 454. Л. 153-154; там же. Д. 522. Л. 158-159; там же. Д. 581. Л. 121-122; там же. Д. 650. Л. 126-127; там же. Д. 719. Л. 104; там же. Д. 794. Л. 107; там же. Д. 908. Л. 139; там же. Д. 984. Л. 145; там же. Д. 1050. Л. 137; там же. Д. 1120. Л. 128; там же. Д. 1183. Л. 126; там же. Д. 1247. Л. 117-118; там же. Д. 1310. Л. 91.

XX в., что, предположительно, обусловлено принятием совместных постановлений от 8 июля 1967 г. и 25 мая 1972 г.

Специфика внутриобластного переселения в условиях Дальнего Востока заключалась в том, что поток мигрантов, направляемый в аграрный сектор, включал не только постоянных жителей городской местности и районных центров области или краев (как это первоначально было в Нечерноземной зоне РСФСР), а, в немалой степени, самостоятельно приехавших из-за пределов региона. Так, в журнале регистраций в 1976 г. зафиксировано прибытие в Амурскую область 275 глав семей, в том числе из рабочих поселков и городов области – 139 (50,55%), демобилизованных – 5 (1,82%), из союзных республик (преимущественно, Украины и Казахстана) – 66 (24,00%) и административно-территориальных единиц РСФСР – 65 (23,63%)²¹.

Еще одна особенность заключалась в том, что некоторые из трудоустроенных в колхозах или совхозах приобретали статус «переселенец» спустя некоторое время с момента переезда.

Все это указывало на острый недостаток рабочих рук в аграрном секторе и стремление государства закрепить имевшиеся трудовые ресурсы в деревне. В тоже время, несмотря на принимаемые меры, проблема выбытия новоселов являлась по-прежнему актуальной, поскольку эффективность проводимых мероприятий определялась количеством семей, ставших постоянными жителями регионов-реципиентов. В этом смысле важной стороной является определение доли выбытия новоселов.

В архивных источниках, характеризующих государственную политику переселения в 1960-х – середине 1980-х гг., содержатся данные о числе выбывших только за год-два после их приезда в хозяйства. С 1982 г. в документах указывалось лишь число покинувших сельскую местность в год переезда.

Так, за 1960-1969 гг. в Амурскую область прибыло 18 883 семьи²², в год переселения выехало 12,33%, в течение второго года – 21,95%; за 1970-1979 гг. показатель по области несколько изменился и составил соответственно 9,01% и 18,34%; за 1980-1982 – 10,56% и 22,90%, в первый год 1983-1990 гг. покинули 9,56%. Хозяйства Приморья приняли за 1960-1969 гг. 16450 семей, из них в первый год выбыло 12%, во второй – 24,04%; в 1970-1979 гг. – 8,38% и 16,66% соответственно; за 1980-1982 гг. – 8,07 и 26,52%, в первый год 1983-1990 гг. в среднем покидало хозяйства 9,26% семей. Самая низкая текучесть трудовых ресурсов, централизованно привлеченных в аграрный сектор, зафиксирована, согласно источников, в Хабаровском крае. Так, за 1960-1969 гг. было переселено 8979 семей, в первый год выехало 796 (8,87%), во второй – 1436 (15,99%); доля выбытия в 1970-1979 гг. составила, соответственно, 6,59% и 13,16%; в 1980-1982 гг. – 7,77% и 14,92%; в течение первого календарного года с момента вселения выезжало в среднем 8,46%²³. Объяснение более успешной адаптации новоселов в Хабаровском крае (по крайней мере, в течение 1-2 года после их приезда), вероятно, следует связать со сравнительно высокой долей внутриобластного переселения, участники которого в меньшей степени были подвержены негативному влиянию природно-климатического фактора. Очевидно, что итоговый показатель приживаемости семей со временем снижался.

Нет сомнения в том, что государственные усилия, направленные на рост численности жителей деревни, принесли определенный результат. Об этом свидетельствует анализ данных переписей 1959 и 1989 гг. Отметим, что за 1959-1989 гг. абсолютные показатели численности сельского населения ряда областей миграционного притяжения не только не снизились, но и возросли: в Приморье с 452 тыс. до 509 тыс., в Хабаровском

²¹ Подсчитано на основе источников: ГА АО. Ф. 22. Оп. 2. Д. 207; там же. Д. 208; там же Д. 209.

²² Здесь и далее – включая одиночек.

²³ Подсчитано на основе источников: ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 163. Л. 153, 159, 162; там же. Д. 195. Л. 131, 138, 142, 145, 148, 150; там же. Д. 216. Л. 134, 137, 139-140, 143, 145; Д. 239. Л. 129, 132, 134, 136, 139, 141; там же. Д. 266. Л. 118, 121-123, 126-127; там же. Д. 290. Л. 102, 104, 106-107, 109-110; там же. Д. 308. Л. 152, 155-156, 158, 160, 162; там же. Ф. 10005. Оп. 1. Д. 22. Л. 32, 35, 37-38, 41-42; там же. Д. 72. Л. 1, 4, 6-7, 10, 12; там же. Д. 118. Л. 44, 48-49, 51, 55, 57; там же. Д. 166. Л. 34, 37, 39, 40, 43-44; там же. Д. 218. Л. 179, 182-183, 192, 196-197; там же. Д. 270. Л. 174, 178-179, 188, 191-192; там же. Д. 325. Л. 180, 183-184, 190, 194-195; там же. Д. 393. Л. 171, 174-175, 183, 186-187; там же. Д. 454. Л. 168, 171-172, 181, 184-185; там же. Д. 522. Л. 173, 177, 179, 188, 191-192; там же. Д. 581. Л. 136, 141-142, 152, 156-157; там же. Д. 650. Л. 143, 148, 150-153; там же. Д. 719. Л. 118, 125-127; там же. Д. 794. Л. 120, 129-131; там же. Д. 908. Л. 144-145, 154-156; там же. Д. 984. Л. 160-164; там же. Д. 1050. Л. 155-158; там же. Д. 1120. Л. 142-143; там же. Д. 1183. Л. 134-135; там же. Д. 1247. Л. 127; там же. Д. 1310. Л. 100-101; там же. Д. 1363. Л. 119; там же. Д. 1425. Л. 10; там же. Д. 1472. Л. 4.

крае с 294 тыс. до 394 тыс., в Амурской области с 289 тыс. до 342 тыс. человек, тогда как в целом по РСФСР уменьшились с 55 474 тыс. в 1959 г. до 38 967 тыс. в 1989 г.²⁴. Характерная для Дальневосточного региона тенденция была обусловлена, наряду с прочими, централизованным переселением.

Таким образом, государственная политика сельскохозяйственного переселения 60-х – середины 80-х гг. XX века представляет собой своеобразный этап в истории централизованного заселения Дальнего Востока. Своеобразие это обуславливалось во многом социально-политическим и экономическим развитием страны. Неизменным оставался вектор организованных миграционных потоков – в пользу многоземельных регионов. Этот тезис нашел свое подтверждение в постоянном пересмотре – в сторону увеличения – льгот для изъявивших желание переехать на работу в хозяйства региона.

Следуя переселенческой традиции, хозяйства Дальнего Востока принимали жителей центральных областей РСФСР и союзных республик – Украины и Белоруссии. В отличие от дореволюционного и довоенного этапов, на которых переселение осуществлялось, наряду с прочими задачами, из соображений ликвидации малоземелья в областях выхода, со второй половины 1940-х гг., и особенно с конца 1950-начала 1960-х гг., необходимость в этом отпала. Колоссальные потери в Великой Отечественной войне, урбанизация и последствия демографического перехода обусловили сокращение численности жителей деревни так называемых регионов-доноров. В связи с этим был найден новый источник рабочей силы для аграрного сектора, со временем трансформировавшийся в форму централизованной миграции – внутриобластное переселение, доля которого, например, в Хабаровском крае в 1960-е гг. доходила до рекордных для региона 40,28%.

Несмотря на государственные меры поддержки в виде налоговых послаблений, выплаты денежных пособий и льготного кредитования на постройку домов и приобретение скота, по прошествии 2 лет был высок процент выбытия новоселов. В рассматриваемый период он варьировался от 13,16% до 26,52%.

В тоже время, своеобразием Дальнего Востока явился рост сельского населения, а не убыль, как это было характерно для большинства регионов республики.

THE REALIZATION OF THE POLITICS OF THE AGRICULTURAL RESETTLEMENT ON THE SOVIET FAR EAST IN THE 1960S TO MID-1980S

The article considers the centralized policy of agrarian resettlement to the Far East in the 1960s mid-1980s. Lack of human resources in rural areas, traditionally considered labor surplus, was caused numerous victims of the Soviet people in the Great Patriotic War, urbanization and the consequences of the demographic transition. These circumstances led to a search for new forms of organized migration to areas of the Far East. Thus, along with interregional migration intraregional relocation gained widespread. In order to stimulate the economy moving in the Far Eastern the State provided benefits including free travel to the new residence, cash benefits for the heads of the family and for family members, tax breaks, relatively favorable credit terms for housing building (construction) and or purchase of livestock (domestic animals). Over time, the size of these benefits increased. On the basis of a wide range of archival documents it was possible to determine the regions that contributed most to the formation of the permanent population of the Far East villages, as well as to identify the ratio of inter-provincial and intraregional migration in the process.

S.A. PISKUNOV

*Blagoveshchensk State
Pedagogical University*

e-mail: grew5@mail.ru

Key words: migration, settlers, politics, agricultural resettlement.

²⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. М., 1960. С. 34-37; Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. М., 1989. С. 19-21.

VYACHESLAV MOLOTOV'S DIPLOMATIC ACTIVITY AT THE GENEVA CONFERENCE OF 1954

The article reveals an important event in the history of the cold war connected with Soviet Union participation in the war conflict settlement within the territory of Indo-China. V. Molotov, the Minister of foreign affairs of the USSR took an active part in preparing and holding the International conference aimed at conflict settlement within the territory of Indo-China in spring and summer of 1954. The author has investigated diplomatic activity of the head of the soviet delegation at all the stages of the conference. The author has come to the conclusion that Molotov's activity met the state interests of the USSR and the final documents worked out through his mediation became an example of political critical situations settlement in other world regions.

I. A. KONOREVA

Kursk State University

e-mail: ikonoreva@yandex.ru

Key words: Foreign affairs at the period of the cold war, peaceful settlement of a war conflict, Molotov's diplomatic activity, history of relations between the USSR and Indo-China.

In April 2004 there was a sixtieth anniversary of the beginning of the Geneva Conference on the problems of conflict settlement existing around Korea and Indo-China's countries. The Geneva Conference of 1954 is considered to be one of the most important political events of the latter half of the twentieth century. It put the end of the First Indochina war of 1946-1954, which is thought to be the first great local conflict of the cold war. By the spring 1954 eight-year confrontation between French Armed forces and Indo-China divisions of the Left (Vietmin, Khmer Issarak and Pathet Lao) demanded to be settled. In this situation, the attraction of international diplomatic resources was the most reasonable way taking into account the volatile political situation, which put a range of serious tasks in the face of the world community.

The beginning of the process of the peaceful conflict settlement in Indo-China is mostly connected with the Soviet diplomatic activity. 9 delegations took part in the Geneva Conference on Indo-China problems. The Soviet delegation was headed by the Minister of Foreign Affairs of the USSR, the outstanding diplomat Vyacheslav Molotov.

It should be mentioned that the political vision of Indo-China politics hadn't been worked out beforehand by the Soviet delegation but was done at the process of the Geneva Conference.

According to the evidence by the Soviet leader Nikita Khrushchev, at the eve of the Geneva Conference the Soviet government didn't have definite plans on the conflict settlement around Vietnam, Laos and Cambodia¹. It may be explained as for the international problems the one of nuclear war was of the utmost importance but not solving the problems of faraway Indo-China region.

Vyacheslav Molotov, who took the post of the Minister of Foreign Affairs of the USSR after Stalin's death, had to be in the center of political events connected with Indo-China situation. Formerly, in 1949-1952 by Stalin's order he had already worked on this problem as Chairman of the Council of People's Commissars and as Vice Head of Cabinet Council, he had studied Indo-China problem².

Vyacheslav Molotov had to study the core of the problem properly as the parties interested in peaceful conflict settlement had different motives.

In the Archives of Soviet foreign Policy there are documents characterizing the positions of the future participants of the Geneva Conference. Among them there is one on the Vietnam conditions written on the 5th of March 1954 by Prime-Minister of France J. Laniel. Fulfilling of them could have let to start negotiations. Among them there were Vietnamese army evacuation from Laos, creation of no-men's land around Tonkin Gulf and Vietnamese army evacuation there, concentration of Vietnamese forces in the definite region of Northern Vietnam, disarmament

¹ Hrushhev N.S. Ljudi. Vremja. Zhizn'. T. 3. M., 1999. S. 115.

² Selivanov I.N. Moskva—Ho Shi Min. Kontakty 1950—1952 gg. // Voprosy istorii. 2012. № 8. S. 3—23.

ment of all the Vietnamese forces in Southern Vietnam or their evacuation from there³.

France was ready to settlement through the negotiations but it wanted to weaken the opponent to provide the possibility to influence it.

Vietnamese delegation had no real possibility to follow its own policy and hoped to get help from Moscow and Beijing to defend its interests. It was due to absence of diplomatic experience and wish to show its confidence to the USSR and China again.

Understanding the complexity and ambiguousness of the present situation Ho Chi Minh suggested creating a hundred mile frontline to the north from 16 parallel and giving Tonkin to Democratic Republic of Vietnam. Plus, he suggested evacuating Democratic Republic of Vietnam army from Southern Vietnam.

In my opinion, Russian diplomat, the first ambassador to Democratic Republic of Vietnam A. Lavrishev gave an unbiased assessment that the position of French government meant that they didn't want to meet Democratic Republic of Vietnam interests and their attempt to gain time to continue the negotiations from the position of strength⁴.

According to C. Morelle, French scientist's opinion, who studied achieve documents inaccessible for Russian scientists, in 1953 Soviet leaders didn't already hold to account by the war in Indo-China for France but they preferred to accuse the USA in the present situation⁵.

Moscow and Beijing saw a reasonable compromise in dividing the territory of Vietnam into two parts on the 16th parallel in the case the opposite Vietnamese parties wouldn't be able to create a common national government. The experience of «temporary division» of the single country had been before: Democratic People's Republic of Korea and Republic of Korea, German Democratic Republic and Federative Republic of Germany, People's Republic of China and Republic of China in Taiwan.

Thus, before the beginning of the process of peaceful settlement in Indo-China the USSR and Democratic People's Republic of Korea had already decided on behalf of the Vietnamese what would be profitable for them and what wouldn't. But on the other hand, neither Moscow nor Beijing wanted to provoke the USA and their co-belligerents to apply cruel measures to the Left in this region.

Representatives of the USSR and those of Democratic People's Republic of Korea agreed upon dividing Vietnam at the beginning of April 1954 while consulting on the problem by Vyacheslav Molotov, Ho Chi Minh and Minister of Foreign Affairs of People's Republic of China Zhōu Ēnlái in Moscow. In 1979 famous diplomat M. Kapitsa declared it in details. He based upon his own reminiscences and achieves documents available for him as a person working in Ministry of Foreign Affairs of the USSR (but without references on them as it was used that time)⁶.

One more principle question important in the process of preparation for the Conference in Geneva was one of choosing plenipotentiaries for Laos and Cambodia. In these countries royal regimes had a great authority, they took part in negotiations with French authorities discussing of getting the status of independent countries. But the local Left were famous for their military opposition to French authorities. So the question on plenipotentiaries for Laos and Cambodia was to be discussed. As a result, Vyacheslav Molotov managed to persuade his conversers that the best way would be to give the rules to present Democratic Republic of Vietnam in Geneva to Khmer, Issarak and Pathet Lao in exchange for French agreement and that of other European countries which would be present at the future conference to admit delegations of People's Republic of China and Democratic Republic of Vietnam as full participants at the negotiations.

Soviet Union was ready to agree to accept representatives for Laos and Cambodia who would be representatives of their royal governments but interests of the Left would present a delegation from Democratic Republic of Vietnam. But the final decision on this question they supposed would be made by participants of the Geneva Conference themselves.

The delegations of People's Republic of China and Democratic Republic of Vietnam also

³ AVP RF (Achieve of Foreign Policy of the Russian Federation) F. 79. Op. 3. Por. №3. P. 3. L. 127–142.

⁴ Lavrishev A.A. Indokitajskij vopros posle vtoroj mirovoj vojny. M., 1960. S. 112–113.

⁵ Morel' Sh. Franko-sovetskie otnoshenija v konce vojny v Indokitae // Sovetskij Sojuz, Francija i mezhdunarodnye krizisy pjatidesjatyh godov XX veka. M., 2003. S. 26.

⁶ Kapica M.S. KNR: tri desjatiletija – tri politiki. M., 1979. S. 109–110.

approved the position of the USSR (more precisely of Vyacheslav Molotov) which idea was to admit independence of Vietnam, Laos and Cambodia, not to allow to spread the war and to make France stop military activity, to create conditions which might encourage full liberation of Vietnam by communists.

Thus, Soviet and Chinese leaders didn't want the following confrontation with West. In People's Republic of China they were afraid of invasion to their territory by American forces if as it had been in Korea Chinese volunteers would fight in Vietnam on behalf of Democratic Republic of Vietnam. In the USSR they thought that the USA could use nuclear weapon in Vietnam against Vietnamese forces (this plan was discussed in Truman's Cabinet at the period of the war in Korea).

International Meeting on Korea and Indo-China started its work on the 6th of April 1954 in Geneva. At the first stage parties discussed the problems of Korean settlement having confirmed division of this state on the 38th parallel.

The participants of the Meeting started discussing Indo-China problems on the 8th of May. The very important for the further constructive work was the fact of establishing of Vyacheslav Molotov and Minister of foreign affairs of the UK A. Eden as co-Chairmen at the meetings on peaceful settlements in Indo-China.

Central events according to the force positions took place in Dien Bien Phu where Frenchmen had a humiliating defeat a day before. An important role in this defeat played Soviet military help to Vietnamese army in missile launchers. As a result the situation in France declined at the moment of starting negotiations on Indo-china problems in Geneva. Soviet and Chinese participants of the negotiations took the advantage of this fact.

Later in his memoirs Nikita Khrushchov compared the happening events in Dien Bien Phu with «miracle» because the situation on the solving Indo-China problem changed greatly in favor of Democratic Republic of Vietnam. It's quite natural that the head of the Russian delegation had an advantage in confirming interests of socialist world.

Till the 14th of May До 14 мая Vyacheslav Molotov was the head at the Conference meetings. According to the tactics worked out in April 1954 at the tripartite discussion in Moscow, he gave the delegations from People's Republic of China and Democratic Republic of Vietnam a possibility to present their common position.

The whole first month of the Conference till the 8th of June Vyacheslav Molotov forwent from propaganda speeches. He concentrated on the organizational work on agreement between the parties, on the search of compromises and available trade-offs. It was especially important at the moments when sharp contradictions of the parties could lead the negotiations into deadlock. That was the head of Soviet delegation who organized the first meeting of A. Eden and Zhōu Ēnlái and persuaded to arrange negotiations between French representatives and those of Democratic Republic of Vietnam, the final decision was taken on the 29th of May⁷.

Soviet delegation and its leader were negatively accepted in Geneva by the representatives from Vietnam. On the 9th of June its minister of foreign Affairs Nguen Kuok Din criticized Soviet Union which was guilty, in his opinion, in troubles of Vietnamese people, which was the only country that objected Vietnamese desire to enter United Nation⁸.

In his speech dated on the 10th of June 1954 Minister of foreign Affairs of the UK A. Eden declared that Vietminh tried to revive the idea of Indo-China Federation and to unify three countries being a part of French Indo-China under his leadership.

After such, declarations the representatives of Soviet Union couldn't be aside. The same day in his speech Vyacheslav Molotov noticed: «Soviet delegation think that this meeting should examine both political and military conditions of peaceful revival in Indo-China. It's necessary military activity not to appear a short break after which military actions will start in a bigger and more cruel way»⁹.

Soviet minister doubted on independent status of the Vietnamese representatives being at the Conference and royal governments of Laos and Cambodia giving an extraordinary argument: if they themselves think, that they are independent why «doesn't any Asian country admit

⁷ Obichkina E.O. SSSR v uregulirovanii indokitajskogo konflikta (1954 god) // Sovetskij Sojuz, Francija i mezhdunarodnye krizisy pjatidesjatyh godov HH veka. M., 2003. S. 16.

⁸ AVP RF. F. 79. Op. 11a. Por. №2. P. 10. L. 130.

⁹ Tam zhe. L. 184.

it?»). Further he accused the USA government in deceleration of peaceful settlement in Indo-China. He said that the USA held the policy in this region which caused military activity still to continue and peace being waited by people in Vietnam, Laos and Cambodia hadn't been established yet¹⁰.

In this situation, it should be mentioned that the fate of the negotiations could have been solved by improper behavior by the head of Soviet delegation. E. Obichkina noticed that failure of the negotiations could have discredited him as the head of Geneva Conference and as the Head of Soviet delegation¹¹. In her opinion, it could have influenced his position in Soviet government. Nikita Khrushchev could have accused him in failure of the first attempt to overcome paroxysm of the cold war. Inner policy was of utmost importance for Vyacheslav Molotov that time and it determined the character of the main reductions made by People's Republic of China and Democratic Republic of Vietnam on the last days.

On the 18th of June Vyacheslav Molotov invited the leaders of the delegations for a close meeting. In his speech he analyzed the areas of common interests in the positions of the opposite parties. This areas could be a base for future Geneva agreements. This analysis resulted from a great work done in Moscow; in the headquarters of Ministry of foreign Affairs that may be proved with achieve documents.

The same day at the close meeting for communist delegations the Vietnamese agreed to compromise. Vyacheslav Molotov let Zhōu Ēnlái discuss the division of the country on the 17th parallel with the French party. Chinese Minister managed to do it on the 20th of July. Thus, the territory of Democratic Republic of Vietnam must be enlarged in comparison with the territory discussed before the Conference. Even this circumstance couldn't fully satisfy Democratic Republic's of Vietnam demands. The leaders of the country wanted to get all and at once.

At the end of 1970s in the heat of confrontation between two countries actions of People's Republic of China in Geneva would be characterized as «sell-out of Vietnamese people's interests» in the official documents of the Vietnamese government¹².

On the 20th of July the agreement on military standstill in Vietnam was signed according to which French forces should be led behind the temporary military border line made on the 17th parallel. After that the French delegation declared that in the process of settlement of the problems connected with peace revival in Indo-China they would respect their independence, sovereignty, unity and territorial integrity.

It should be mentioned that Vyacheslav Molotov made the delegation from People's Republic of China agree upon the condition set by the leaders of the delegations from Cambodia and Laos. This condition was as follows: their states got the right to have recourse to the foreign military help in the case of possible threat from outside.

On the 21st of July 1954 the Final Declaration of the Geneva conference was approved. According to this document free elections should be held in Laos and Cambodia in the year of 1955. The settlement in Vietnam supposed to be set on the basis of its unity and territorial integrity. Free elections were planed to be held in July 1956 under international commission control formed from the representatives of the countries which controlled the agreement.

All the participants of the meeting promised to respect sovereignty, independence and territorial integrity of the Indo-Chinese countries, to follow the principle of non-interference in their internal affairs, to consult on the questions examined by international commissions responsible for supervision and control.

As M. Kapitsa noticed in his papers «the main work at the Conference was done by Pham Van Dong and Mendès France, but Molotov and Zhōu Ēnlái and Eden in some ways constantly tried to bring together positions of the parties. The American delegation was like a donkey tied to the coach who constantly refused to go straight and pulled the coach back»¹³.

Vyacheslav Molotov gave an interesting estimation to the Geneva Conference. According to M. Kapitsa's reminiscences the Soviet Minister stopped at the square in front of the House of Nations, pointed at towering up Mont Blanc with its white cap on the top and he said: «The great mountain! We are too close to it. The farther we go from it, the better we see its greatness.

¹⁰ Tam zhe. L. 186-188.

¹¹ Obichkina E.O. Ukaz. soch. S. 22.

¹² Pravda o v'etnamo-kitajskih otnoshenijah za poslednie 30 let. Hanoj, 1979. S. 26-30.

¹³ Kapica M.S. Na raznyh paralleljah. M., 1996. S. 266.

The same happens with Geneva agreements. We have just approved them and don't understand their meaning yet. They will be thought out more properly as time passes»¹⁴.

Based on the above, we may say that the position of the USSR at the eve and in the course of the Geneva Conference in 1954 was quite realistic and fully met its state interests, besides provided the government of Democratic Republic's of Vietnam with conditions to hold the policy aimed at Vietnam consolidation. It gave to people of Cambodia and Laos to build new relations with outside world on the basis of principles of equality and neutrality. Although, the opinion in the modern Russian Historiography says that in Geneva «Soviet diplomacy managed to play the role of an attentive arbitrator capable to make compromises»¹⁵, it falters with essence of what happened.

It's more than likely that Soviet government didn't want to abandon their positions in Indo-China but the challenge of confrontation with western countries on the question of control in this region were excluded from their plans¹⁶.

According to Troyanovskii's opinion the idea of remission in relations between the USSR and western countries was not liked by Molotov. Nevertheless, being a disciplined communist he had to obey a new leader, Nikita Khrushchev who wanted to come into closer contact with the USA, France and Great Britain next to Malenkov¹⁷.

The estimation of the results of the Geneva Conference given by French scientist Maurice Vaïsse is rather interesting. He thinks that the agreements approved at the conference «proved the victory of the revolutionary movement over European empire and opened the way to eliminate the second great colonial empire of the world»¹⁸.

In my opinion, Molotov's role is very important in such outcome of diplomatic confrontation of the two systems. It is out doubt that Molotov's activity met state interests of the USSR and the final documents worked out with his active participation became an example for settlement of political crisis situations taking place in different world regions.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.М. МОЛОТОВА НА ЖЕНЕВСКОМ СОВЕЩАНИИ 1954 ГОДА

И.А. КОНОРЕВА

*Курский государственный
университет*

e-mail: ikonoreva@yandex.ru

В статье рассматривается важное событие истории холодной войны, связанное с участием Советского Союза в урегулировании вооруженного конфликта на территории Индокитайского полуострова. Министр иностранных дел СССР В.М. Молотов принял активное участие в подготовке и проведении весной-летом 1954 г. Международной конференции по урегулированию Индокитайского кризиса. Автор исследовал дипломатическую деятельность главы советской делегации на всех этапах работы конференции и пришёл к выводу, что деятельность В.М. Молотова соответствовала государственным интересам СССР, а выработанные при его активном участии итоговые документы стали примером для политического разрешения кризисных ситуаций, возникавших в других регионах мира.

Ключевые слова: Международные отношения в годы холодной войны, мирное урегулирование вооружённых конфликтов, дипломатическая деятельность Молотова, история отношений СССР со странами Индокитая.

¹⁴ Tam zhe. S. 266-267.

¹⁵ Obichkina E.O. Ukaz. soch. S. 22.

¹⁶ Konoreva I.A. Indokitaj: pervyj krupnyj lokal'nyj konflikt perioda «holodnoj vojny» (1945–1954) // Azija i Afrika segodnja. 2008. №7. S. 73–77; Selivanov I.N., Konoreva I.A. Mezhdunarodnye otnosheniya v Indokitae: geopolitika, diplomatija, pravovye problemy (1939-1954). Kursk, 2008. S. 270-286.

¹⁷ Trojanovskij O.A. Cherez gody i rasstojaniya. M., 1997. S. 174–187.

¹⁸ Vaiss M. Mezhdunarodnye otnosheniya posle 1945 goda. M., 2005. S. 72.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

321.01; 323.22

ВЛАСТЬ И СОПРОТИВЛЕНИЕ: СООТНОШЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

А.В. СКИПЕРСКИХ

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, г. Пермь*

e-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

Политический процесс представляет собой постоянное взаимодействие власти и сопротивления. Оппозиционные акторы противостоят правящим акторам вне зависимости от доминирующего типа политического режима. Разумеется, эффективность подобного сопротивления может быть различной.

Диспозиция власть/сопротивление наполняется конкретным содержанием в случае определённого политического режима. Существующие формы и средства давления в отношении друг друга представляют собой как вполне распространённые схемы, равно как и уникальные, специфические техники.

Ключевые слова: власть, сопротивление, оппозиция, политический процесс, политический режим.

Политический процесс характеризует постоянное развитие. Эта особенность характерна для всех типов политических процессов, вне зависимости от их уровня. Развитие характеризует как международные политические процессы, так и политические процессы, относящиеся к локальному уровню политики.

Сущность политического процесса раскрывается в постоянном взаимодействии политических акторов по поводу отношений власти. Правящие акторы взаимодействуют с оппозиционными политическими акторами, тем самым, подчёркивая неустанную динамику самого политического процесса.

В этой связи, на наш взгляд, политический процесс следует представлять в контексте взаимодействия власти и сопротивления. Оппозиция «власть – сопротивление» имеет онтологический характер, ведь и власть и сопротивление, изначально присутствуют везде, где есть политические отношения. Онтологический характер оппозиции «власть – сопротивление» был отмечен французским философом Р. Бартом, который отмечал удивительную способность власти быть абсорбированной везде. Как отмечал Р. Барт, власть присутствует «в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия»¹. Продолжая логику Р. Барта, отметим, что и сопротивление может носить онтологический характер, представляясь в качестве объективной оппозиции власти и существуя везде, где существует власть.

Сопротивление и власть диалектически соединены, их существование друг без друга нельзя представить. Так же, как существует власть, объективируясь в политическом процессе через многочисленные инстанции, могут существовать и практики сопротивления, возникающие там, где власть обнаруживает себя. Подобная диспозиция власти и сопротивления может являться некоей базовой объективной конструкцией, с помощью которой должна определяться политическая практика в целом. Даже самая популярная

¹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.

власть будет балансироваться сопротивлением. В данном смысле, высокие рейтинги каких-либо политических институтов не должны стать дополнительным оправданием и признанием правоты власти. Наоборот, высокие рейтинги и чрезмерное общественное ликование только усиливают сопротивление, совершенствующееся в формах и приобретающее латентный, иррегулярный характер демонстрации.

В различные периоды исторического времени соотношение власти и сопротивления может меняться. Ключевым условием, определяющим формат взаимодействия между властью и сопротивлением, может выступать сам политический режим. Сопротивление имеет место быть всегда, присутствуя при тоталитарном, авторитарном и демократическом режиме. Попытаемся рассмотреть, как власть и сопротивление взаимодействуют в каждом из указанных типов режимов. Безусловно, мы понимаем, что современная политическая мысль склонна определять ещё и некие гибридные версии каждого из указанных типов режимов, притом как статическая жизнь отдельно взятого режима кажется практически невероятной.

Политический процесс – бесконечное соперничество за власть, бесконечная смена диспозиции. Протест и бунт, демонстрируемые человеком, следуя мысли М. Фуко, всецело принадлежат истории. Бунтующий человек проникает в историю, и «оживляет её своим дыханием»².

Власть и сопротивление при тоталитарном режиме.

Наиболее сильно диктат власти отмечается в тоталитарное время. Пространство тоталитарного режима является оптимальным для наиболее сильной позиции власти, по сути дела, не встречающейся с сопротивлением своим репрессивным практикам. Мощь тоталитарной машины обрушивается на общественное тело, не оставляя ему возможности проводить альтернативную политику. Власть пытается полностью исключить риски появления новых, альтернативных центров власти, она ревностно относится к любым попыткам неформальной организации, в чём видит потенциальную угрозу собственной легитимности.

Суть сложившейся ситуации довольно точно определяется венгерским интеллектуалом Д. Далом, отмечавшем специфику тоталитарного режима в отсутствии «общественной силы, которая могла бы противостоять изъявлению воли диктатора»³.

Воля диктатора, прикрываемая существующей официальной идеологией, не предполагает сомнения в собственной справедливости и правоте. Общество живёт нарративом власти, осуществляющей не только физический, но и психологический контроль, вплоть даже до кардинального изменения мировоззренческой картины мира, обрушивания её, переворачивания наоборот. Принуждение осуществляется через развитую систему репрессивных, дисциплинирующих инстанций, ломающих человека, перевоспитывающих его.

Тоталитарное общество удерживается верой в несокрушимую победу идей, формулируемых властью. Поэтому, тоталитарная машина нуждается в постоянных объективациях собственного великого замысла. Метафорой подобного замысла может стать платоновский котлован, над производством которого трудится огромное количество людей. Тоталитарный режим объективируется через образы великих строек, через силуэты гигантских сооружений, открывающихся взгляду издали, и являющихся специфическим признаком конкретного этнопейзажа. Трубы металлургических комбинатов, терриконы шахт, плотины, перекрывающие реки – все подобные объекты должны формировать особую коллективную идентичность в рамках официальной идеологии и сокрушать любое сопротивление.

Английский писатель Д. Оруэлл однажды убедительно выскажется о том, что такое свобода. «Свобода – это возможность сказать, что дважды два – четыре. Если дозволено это, всё остальное отсюда следует»⁴. При тоталитарном режиме власть контролирует право на речь, и, стало быть, власть оставляет за собой право на формулирование смыслов. Правящий режим превращается в единственного конструктора и интерпретатора, поэтому любые попытки альтернативного толкования моментально ставят под сомнение всю возводимую конструкцию. Вспомним, как в «Новом платье короля» Х.К. Андерсена маленький мальчик увидел короля голым и совершенно спокойно признался в этом. Способность давать оценки – выражать своё мнение, отличающееся от официальной точки

² Фуко М. Восстать бесполезно? // Неприкосновенный запас. 2011. № 5 (79). С. 19.

³ Далом Д. Гость из будущего. Анна Ахматова и Исайя Берлин. История одной любви. М., 2010. С. 65.

⁴ Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 68.

зрения, вступают в серьёзный конфликт с проблемами безопасности власти. Любая власть является заинтересованной в максимальном удержании позиции, но тоталитарная власть заинтересована в этом в большей степени, что и сказывается на её предохранительных, репрессивных практиках. В любом случае, для неё становится важным подавить источники распространения не слишком позитивной информации о себе, устранить носителей альтернативного мнения.

Слабость сопротивления при тоталитарном режиме является объективной, но при этом не означает, что оно неэффективно. Тоталитарные системы подтачиваются изнутри и оказываются не такими уж и сильными в тот момент, когда диктатору приходится отвечать на вопросы в условиях кризисной политической повестки.

Есть много примеров распада империй в новейшей истории – тоталитарных, неповоротливых машин, казавшихся вечными. В подобные моменты инициатива начинает переходить к оппозиции. Сопротивление моментально переключает внимание на себя, от него исходит много идей – политическая повестка сопротивления кажется очень смелой и благородной. Единственно возможный официальный центр власти распадается, не являясь уже источником единственных смыслов.

Власть и сопротивление при авторитарном режиме.

Кажется, что сопротивление имеет больше шансов на независимое и достойное позиционирование при авторитарном режиме, в рамках которого репрессивное напряжение не чувствуется таким очевидным как при тоталитарном режиме. Кажется, что участь сопротивления при авторитарном режиме прямо заключается в благородной миссии противостояния автократу. При этом отсутствие официальной идеологии, специфических ритуализаций и символов тоталитарного господства, проникающих в повседневную практику, на первый взгляд, создаёт для сопротивления большее пространство для манёвра. Но это только на первый взгляд.

Если предположить, что ключевой задачей политических субъектов, противостоящих друг другу в политическом процессе, является борьба за доступ к ресурсам, то позиции сопротивления здесь снова значительным образом ограничиваются. Инициативы сопротивления могут сознательным образом локализоваться вокруг специфических тем (борьба за вырубку парка, экологические проблемы, движения автомобилистов и т.д.), но фундаментальные, базовые практики борьбы за власть не представляются реализуемыми в какой-либо перспективе. Власть в авторитарном режиме делает максимум для того, чтобы её позиция не могла быть поколебимой. И если в тоталитарном режиме сопротивлению противостоит само государство, символически тотализованное в повседневной практике, то в условиях авторитарного политического режима, сопротивление оказывается один на один с конкретным диктатором, с его страхами, мстительностью, с его Эго.

Диспозиция власть/сопротивление находится в постоянном развитии и в условиях авторитарного политического режима. Правящая элита стремится к максимальной консервации и увеличению дистанции между собой и институтами сопротивления. При авторитарном режиме сопротивление имеет право на существование, но это существование подчёркнуто декоративно и приблизительно. В этом смысле кажется достаточно показательной мысль немецкого теоретика коммуникации Н. Лумана, отмечающего, что «у того, кто подвергается принуждению, возможности выбора сводятся к нулю»⁵. В известной работе «Власть» Н. Луман последовательно разворачивает данную мысль, показывая, как происходит ограничение выборов индивида. Скажем, по Н. Луману, нарушение селекции индивида, которое не замечается самим индивидом, является «высшим пилотажем» практики принуждения – своеобразным апофеозом технократического управления.

Данная зависимость легко перепроверяется на примере существования оппозиционных СМИ, которые прекрасно понимают, что им можно критиковать, а что нельзя. Авторитарный режим предусмотрительно «закрывает» для обсуждения некоторые темы, которые могут угрожать легитимности правящей элиты и непосредственно автократа. Как и в случае с проявлениями гражданской активности вокруг довольно специфических и локальных тем, оппозиционные СМИ также акцентируют внимание на довольно нейтральных темах, а в ряде случаев и вовсе вписываются в политические тренды в рамках официальной идеологии. Авторитарный режим заинтересован в лояльных СМИ, потому как автократ очень любит похвалу и внимание к своей персоне исключительно в положительных коннотациях.

⁵ Луман. Н. Власть. М., 2001. С. 18-19.

Безусловно, в подобной ситуации оппозиционной элите очень сложно рассчитывать на расширение собственного влияния, равно, как и на ослабление позиции, занимаемой правящими акторами.

Конечно, авторитарный режим не представляется режимом, который невозможно подвергнуть сомнению. История знает довольно много примеров, когда диктатору приходилось пользоваться не парадной лестницей, а служебным вертолётom, чтобы вовремя покинуть собственную резиденцию, дабы не оказаться схваченным разъярённой, улюлюкающей толпой.

Авторитарный режим обладает меньшей устойчивостью по сравнению с тоталитарным режимом. Он в меньшей степени интегрирован символически, идеологически и культурно, что заставляет власть постоянно озадачиваться необходимостью минимизации сопротивления. Власть, хотя и принадлежит автократу – жестокому и бескомпромиссному, но, всё равно, может выглядеть шаткой и лишённой устойчивости. Конечно, при таком раскладе сопротивление приобретает дополнительные шансы. Существующие де-юре процедуры смены власти не могут не искушать оппозиционные элиты от попыток политических претензий. В подобные моменты актуализируется вопрос готовности сопротивления и его институтов. Как правило, политические кризисы, в результате которых происходит распад авторитарных режимов, демонстрируют, что политические лидеры сопротивления оказываются настороже.

Власть и сопротивление при демократическом режиме.

В демократических системах мы достаточно часто можем сталкиваться с ситуациями циркуляции политических элит. Существующие легальные способы смены элит создают неплохую базу для демократических трансформаций. В этом смысле, демократические режимы оказываются наиболее зависимыми от настроений сопротивления и от того, в какой мере оппозиционные акторы пользуются общественной поддержкой. В случае если подобное имеет место быть, периоды ожидания между электоральными циклами значительно сокращаются. При демократических режимах власти не гарантирован полноценный политический цикл.

Опыт ряда постсоветских государств, где происходили смены власти, показывает, что давление сопротивления может быть настолько высоким, что требуются досрочные выборы (Кыргызстан, Украина). Смена власти может происходить и за рамками демократической процедуры – сопротивление не всегда бывает обеспокоено вопросами правового соответствия. Ещё Аристотель предсказывал вероятность смены власти в случае проявления её представителями наглости и корыстолюбия. Именно поэтому, «население начинает враждебно относиться и к ним, и к тому государственному строю, который дает им такие возможности»⁶.

Именно в демократическом режиме актуализируется общность власти и сопротивления, в некоторой степени ставящая под сомнение в тоталитарных объективациях и в патерналистских претензиях автократа. Демократический режим показывает чёткую связь между самой властью и обществом, до поры до времени, молчаливо взвешивающим на противостояние правящих и оппозиционных акторов. Утрата общественной поддержки властью чревата её делегитимацией, равно, как и низкая популярность оппозиционных акторов не может предоставить им право говорить от имени широких народных масс. Поэтому, вполне объективны стремления, как правящей, так и оппозиционной элиты снискать расположение общества, от воли которого и зависит их дальнейшая диспозиция.

Недавним примером могут послужить протестные акции в России в 2011-2012 гг. Казалось бы, довольно справедливое возмущение фальсификациями, имевшими место в период различных избирательных кампаний, не было выражено в большом количестве недовольных. Опыт политического процесса в России подсказывает, что довольно большое количество граждан готово поддерживать текущую ситуацию. Мощные патерналистские ориентации и разделение традиционных ценностей создаются в России многочисленным классом работников бюджетной сферы и силовиков, на который и опирается государство.

При демократическом режиме отношения власти и сопротивления находятся в постоянной динамике. Власть должна включаться в общественные проблемы, демонстрируя обществу, что она его слышит и понимает. Хотя, с другой стороны при демократическом режиме может оказаться верной и такая зависимость: «чем более власть реаги-

⁶ Аристотель. Сочинения: В 4 т. . Т. 4. М., 1983. С. 530.

рует на социальные события, тем более подтверждает своё бессилие»⁷. Таким образом, власть может попасться на обман. Представители оппозиции порой могут чересчур активно сигнализировать о существовании какой-либо проблемы, не способной решиться быстро, и предполагающей бессмысленную трату времени. Можно сказать, что чем чаще представителям правящей элиты приходится реагировать на те, или иные ситуации, то тем более сильным выглядит сопротивление, «приглашающее» власть в свой дискурс. Необходимо понимать, что при демократическом режиме присутствует и провокативное начало, выступающее неотъемлемой чертой некоторых оппозиционных акторов, что сказывается на их политическом творчестве, «связанном с демонстрациями протестных текстов, с их представлением аудитории»⁸.

Диспозиция власть/сопротивление показывает, что подчинённое положение человека в отношении властной репрессивной машины не является раз и навсегда утверждённой данностью. Подчинённое состояние периодически перепроверяется. Как раз наиболее динамично подобная перепроверка происходит в случае демократических политических режимов, где власть и оппозиция часто меняются местами. Несмотря на существующие экзистенциальные установления, по типу «я не свободен, и мне ни избежать судьбы своего класса, своей нации, своей семьи, ни даже основать свою власть или удачу, ни победить свои даже самые незначительные желания и привычки»⁹, политическая практика изобилует примерами опровержения подобной фундаментальной репрессивности мышления.

Необходимо понимать, что при демократическом режиме могут существовать достаточно неплохие условия для формирования и развития оппозиционного дискурса, что является прямым следствием развития политического многообразия и сложности институционального дизайна политической системы¹⁰.

Власть принято критиковать, сопротивление (оппозиционная элита) имеет право представить собственный взгляд на текущие политические процессы и не согласиться с официальным курсом. Наконец, сопротивление может иметь достаточно экономических, информационных и культурных ресурсов, позволяющих ему на равных соперничать с административной машиной власти.

Независимость оппозиционных акторов при демократическом режиме является угрозой для легитимности правящих акторов. Оппозиционные акторы бывают часто укреплены в выборе средств и форм давления на власть. Формы и методы давления на власть бывают довольно интересны и креативны по сравнению с предохранительной политикой самой власти, как правило, точно следующей в фарватере чётких инструкций и предписаний.

Таким образом, диспозиция «власть – сопротивление» обладает различным содержанием в зависимости от существующего типа политического режима. История взаимодействия власти и сопротивления в конкретной системе, а также перспективы данного взаимодействия достаточно чётко коррелируют с политическими спецификациями конкретной политической системы.

POWER AND RESISTANCE: CORRELATION IN THE POLITICAL PROCESS

A.V. SKIPERSKIKH

*National Research University
Higher School of Economics, Perm*

e-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

The political process is a constant cooperation of power and resistance. Opposition actors oppose the ruling actors regardless of the dominant type of political regime. Of course, the effectiveness of this resistance may be different.

Disposition power/resistance is filled with concrete content in the case of a particular political regime. Existing forms of pressure with respect to each other are both quite common scheme as well as a unique, specific techniques.

Key words: power, resistance, opposition, political process, political regime.

⁷ Макаренко В.П. Политическая концептология. М., 2005. С. 59.

⁸ Скиперских А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России // Политическая лингвистика. № 1. 2014. С. 109.

⁹ Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2004. С. 490.

¹⁰ Старостенко К.В. Политическое многообразие как фактор оптимизации модернизации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. № 8 (39). Вып. 4. С. 145-149.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ПАРАДИГМЕ НАУКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

М.И. РОСЕНКО

*Филиал Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова в городе
Севастополе*

e-mail: Mariyair@mail.ru

В статье парламентаризм рассмотрен как государственный институт, в парадигме науки государственного управления, осуществляемый механизмами государственного и негосударственного управления; сделана попытка определить пути совершенствования теоретико-методологических основ механизмов развития парламентаризма в современных условиях его функционирования.

Ключевые слова: парламентаризм, государственное управление, механизмы, функции, гражданское общество.

В современных условиях парламентаризм является базой приоритетных ценностей представительной демократии, способом ее организации. Парламентаризм, как реальный политико-правовой институт, содержит единство представительной и законодательной власти в обществе, имеет идейно-теоретическую концепцию, которая служит научным обоснованием необходимости парламента как института и его общественных функций. Парламентаризм, определенным образом влияет и на всю систему построения власти в государстве и занимает определенное место в системе государственного управления.

В широком толковании парламентаризм охватывает всю совокупность представительных и законодательных институтов в масштабе всего государства, чем обусловлен его государственно значимый характер. Представительская составляющая государственной власти рассматривается как институциональная форма осуществления народной воли, то есть она является публичной властью, при помощи которой реализуется публичный интерес как сочетание государственного, национального и общественного интересов. Другими словами, представительство интересов в государственном управлении является механизмом, посредством которого государство на практике проводит политику по сближению интересов различных групп населения, создавая тем самым условия для их нормального сосуществования. Согласование и разрешение социальных противоречий, которые возникают в результате конфликта интересов различных социально-политических групп, происходит в процессе государственного управления. Именно поэтому, парламентаризм необходимо исследовать с помощью механизмов государственного управления.

Целью статьи является исследование парламентаризма в парадигме науки государственного управления, как государственного института, реализация которого осуществляется с помощью механизмов государственного и негосударственного управления; усовершенствование теоретико-методологических основ механизмов функционирования парламентаризма в современных условиях.

Прежде чем приступить к анализу содержания механизмов государственного управления в аспекте развития парламентаризма рассмотрим, на первый взгляд тождественные, но с определенными отличиями, механизмы государства и механизмы государственного управления, производные от них.

Механизмы государства представляют собой систему специальных органов и учреждений, посредством которых осуществляется государственное управление обществом и защита его основных интересов. Они подвержены изменениям вызванными как объективными условиями общественной жизни, так и субъективными причинами. Вместе с тем, механизмы государства одного и того же исторического типа имеют свои особые черты. Известный ученый В. А. Козлов определяет механизм государства как систему органов и учреждений, посредством которых обеспечивается выполнение внутрен-

них и внешних функций государства¹¹, которые на разных этапах развития имеет свои особенности, своеобразную структуру. Факторы различия обусловлены социально-демографическими причинами, уровнем экономического развития, национальным составом, размерами территории, географическим положением, положением на международной арене.

Механизм государства базируется на следующей системе принципов, которые позволяют обеспечить максимальную эффективность обществом: представительства интересов граждан; разделения власти; гласности и открытости в деятельности государственного аппарата; профессионализма; законности; демократизма в формировании и деятельности государственных органов.

Исходя из вышеприведенных характеристик, можно сделать вывод, что механизм государства представляет собой целостную систему управления обществом, его социальными, экономическими и политическими сферами, процесс управления которой осуществляется системой государственных органов и учреждений, выполняющих основные функции государства.

Основным структурным элементом государственного механизма является государственный орган, которому присущи функции, отличающие его от негосударственных органов, общественно-политических организаций. Компетенция каждого органа определяется тем конкретным задачам, которые он призван решать, а также его место среди аналогичных и других органов государственного механизма. С этой целью все государственные органы наделены властными полномочиями, которые реализуются мерами убеждения и государственного принуждения, позволяющими осуществлять политику правящей политической группы. Из-за этих чрезвычайно важных качеств государственные органы называют органами государственной власти. Вместе с тем, отождествлять их нельзя, так как государственные функции могут осуществлять и негосударственные организации, в случае, если они уполномочены государством.

В основном парламентаризм рассматривается как институт демократического государства, в основе которого находится законодательный и представительный орган - парламент. Он формируется путем избрания населением страны, а значит, представляет суверенитет народа, правомочен выражать волю народа в форме закона, действует от имени народа и ответственный перед ним.

Парламентаризм, как государственный институт, принимает определенное участие в формировании управленческого воздействия, реализуемого системой государственного управления с помощью определенных механизмов государственного управления. Сложность исследования парламентаризма в теории государственного управления обусловлена тем, что на современном этапе развития науки государственного управления, не существует общепринятого понятия «механизм государственного управления» и единого подхода к трактовке парламентаризма в системе государственного управления.

В теории государственного управления выделяют два основных подхода к определению понятия "механизм": структурно-организационный и структурно-функциональный. По мнению В. Б. Аверьянова, «государственное управление как общественное явление, его формы, методы, принципы, характер, оговариваются всегда и через проблемы общественного развития, которые осуществляются в интересах определенных социальных слоев и групп. Данное явление связано с системой общественных отношений не только непосредственно через реальные управленческие процессы, но и опосредованно через сознание, определенные формы знаний, различные управленческие доктрины, теории и концепции. Следовательно, на формирование управленческих отношений активно воздействуют не только материальные факторы, но и общественное сознание.»¹².

В. Ф. Смолянок определяет «государственное управление» как организующее воздействие государства на общество путем использования полномочий исполнительной власти, организации выполнения законов, осуществления управленческих функций с целью комплексного социально-экономического и культурного развития общества, отдельных территорий; реализацию государственной политики во всех сферах общественной

¹¹ Козлов В. А. Лекции по общему государственному праву. СПб., 1999. С. 211.

¹² Державне управління в Україні: (Навч. посіб.) / За заг. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.Б. Авер'янова. К., 1999. С.69.

жизни; создание условий для реализации гражданами их прав и свобод¹³. Это определяет, что государственное управление не ограничивается только управлением совокупностью органов государственной власти, а распространяется на все общественные институты и процессы, к которым можно отнести и избирательный процесс.

Р. Штильман приводит несколько определений этого термина. Он рассматривает государственное управление как сферу деятельности, касающуюся средств внедрения политических целей, а также отмечает, что оно тесно связано с исполнительной ветвью власти. Кроме того, исследователь дает ему такие характеристики: “государственное управление - это: а) совместные групповые усилия в общественной среде; (б) охватывает все три ветви - исполнительную, законодательную и судебную и их взаимосвязи; (в) играет важную роль в формировании публичной политики являющейся частью политического процесса; (г) заметно отличается от частного управления; (д) тесно связано с многочисленными частными группами и отдельными лицами”¹⁴. Сформулированное Р. Штильманом определение государственного управления довольно широкое, т.к. включает в себя деятельность и взаимоотношения всех ветвей государственной власти.

Как сложную систему государственных органов, организованных в соответствии с определенными принципами для осуществления задач государственного управления рассматривает механизм государственного управления Г. В. Атаманчук¹⁵.

В узком смысле определяют эту дефиницию В. Д. Бакуменко, В. М. Князев и др. авторы “Словаря-справочника по государственному управлению”, отмечая, что механизм государственного управления - это практические меры, средства, рычаги, стимулы, посредством которых органы государственной власти влияют на общество, любую социальную систему с целью достижения поставленных целей. Схема реального механизма государственного управления включает цели, решения, влияния, действия, результаты. Комплексный механизм государственного управления они определяют как систему политических, экономических, социальных, организационных и правовых способов целенаправленного воздействия органов государственного управления¹⁶. При этом авторы утверждают, что в связи с характером факторов воздействия выделяют политические, экономические, социальные, организационные и правовые механизмы.

О. Б. Коротич в своем исследовании указывает, “каждый конкретный механизм управления - это, прежде всего совокупность взаимосвязанных методов управления, через использование которых осуществляется практическое воздействие государства на общественную жизнедеятельность людей для обеспечения достижения конкретной цели, что будет способствовать развитию страны в выбранном стратегическом направлении с соблюдением ряда основополагающих принципов¹⁷. Этот ученый дополняет и несколько видоизменяет утверждения других исследователей относительно методов и механизмов государственного управления. Так, возможно введение экономических санкций в отношении страны с целью принятия им определенных политических решений, может рассматриваться как экономический метод или механизм (если будет применен комплекс подобных методов), а фактор влияния будет - политический. Можно также применить правовые ограничения к организации, которая использует недобросовестную конкуренцию, - тогда метод (механизм) будет правовым, а фактор, на который осуществляется воздействие (конкурентная среда) - экономическим. Итак, по О. Б. Коротич, вид механизма определяется не факторами, на которые осуществляется воздействие, а методами воздействия, которые применяются¹⁸. В зависимости от набора методов управления, входящих в состав конкретного механизма государственного управления, ученый выделяет административные (организационно-распорядительные), правовые, экономические, политические, социально-психологические, морально-этические и комплексные государ-

¹³ Смолянюк В. Ф. Політичне життя і державне управління. К., 2008. С. 33.

¹⁴ Stillman R. Public Administration: Concepts and Cases. Boston, 1978. P.2-4.

¹⁵ Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. М., 2004. С. 29-30.

¹⁶ Державне управління: Словник-довідник / За заг. ред. В.М. Князева, В.Д. Бакуменка. К., 2002. С. 116-117.

¹⁷ Коротич О.Б. Методологічні засади державного управління регіональним розвитком // Теорія та практика державного управління. 2005. № 3 (12). С.246.

¹⁸ Коротич О. Б. Державне управління регіональним розвитком України. Харьков. С. 25.

ственные механизмы управления¹⁹. Предложенная О. Б. Коротич классификация раскрывает взаимоотношения между государственными механизмами управления. В частности, в составе механизмов управления государством среди механизмов государственного управления выделены органы законодательной власти, а среди механизмов осуществления взаимодействия систем субъектов управления государством выделено также самоуправляемые негосударственные механизмы управления государством. При этом механизм должен отражать устойчивые взаимозависимости и взаимодействия между элементами управляемой системы, обеспечивать согласование их интересов.

То есть, по сути, действие механизма государственного управления невозможно без соответствующей ему организационной структуры и необходимого взаимодействия между ее элементами и компонентами, что может быть обеспечено, в том числе, оптимальным распределением полномочий и ответственности.

На настоящем этапе еще продолжаются методологические дискуссии относительно трактовки различных понятий, которые используют как синонимы или дополнительно к понятию “государственное управление”. В контексте новых тенденций А. Ф. Колодий предлагает рассматривать государственное управление как “управление” (выработка политики), в которое вовлечены не только ветви власти, но и другие неполитические субъекты (общественные объединения и бизнес), а деятельность управленческого аппарата (реализация политики) – рассматривать как процесс “публичного администрирования”²⁰.

Л.В. Сморгунув в своих трудах указывает на то, что система представительства интересов в государственном управлении включает подсистему, состоящую из политического представительства, оформленного через прямое и опосредованное участие населения в органах государственной власти, в том числе их представителей, и политическое лидерство²¹. Другой важной составляющей являются разветвленные связи, прямо не опосредованные политическими выборами, между государством и группами интересов, по сути представляющие функциональное представительство субъектов социально-экономической деятельности. Эти взаимообусловленные интересы сочетаются в государственном управлении с помощью двух основных каналов: 1) представительства в рамках избирательных систем и электорального процесса, где ведущую роль играют политические партии, и 2) прямого или функционального представительства, где основными движущими силами выступают организованные группы.

Не менее важным при исследовании механизмов государственного управления развитием парламентаризма является то, что политический механизм государственного управления можно определить как практику реализации процедур: разработки решения, его реализации, урегулирование возникающих политических кризисов и конфликтов, анализа и оценки результатов и последствий принятых решений. Их особенностью является то, что они не сводятся к чисто административной деятельности государственных органов, в них включено множество институтов, которые не являются государственными, но участвуют в процессе принятия решений.

Итак, в системе государственного управления, наряду с системой органов исполнительной власти, которые осуществляют исполнительно-распорядительную деятельность, проявляющуюся в непосредственном исполнении требований, содержащихся в актах органов государственной власти и высших органов государственного управления, существует система институтов парламентаризма, на которую возлагаются ответственные задачи по правовому регулированию жизнедеятельности общества и государства.

С механизмами государственного управления и механизмами их реализации тесно связано понятие модели реализации. Особенностью моделей, используемых в сфере государственного управления, является то, что они отражают явления, непосредственно связанные с деятельностью человека или социальных групп, и решают прикладные, теоретические и инструментальные задачи. К первым относится решение практических за-

¹⁹ Коротич О. Б. Класифікація та зміст механізмів управління державою // Актуальні проблеми державного управління : зб. наук. праць ОРІДУ. 2006. № 2 (26). С. 126 -127.

²⁰ Колодий А. Ф. Поняття і концепції демократичного врядування як наряду політичних та управлінських досліджень // Демократичне врядування в контексті глобальних викликів та кризових ситуацій : матеріали науково-практичної конференції за міжнародною участю. Львов. 2009. С. 15-17.

²¹ Сморгунув Л. В. Современная сравнительная политология. М., 2002. С.96-111.

дач планирования и управления обществом с помощью средств экономической, юридической, социологической и других наук; ко вторым - разработка теории управления, теории принятия управленческих решений, теории конкретных социологических исследований; к третьей - создание новых способов исследования.

Интересными являются выводы, сделанные А. И. Бавриным при исследовании эволюции моделей и совокупности политических механизмов, которые применяются в государственном управлении. Им выявлена тенденция постоянного преобладания в совокупности механизмов государственного управления элементов администрирования, которые стали политической традицией проведения политико-административных реформ “сверху” как основного пути совершенствования механизма государственного управления на современном этапе. Ученым указано, что вышеупомянутые политические механизмы государственного управления выступают в различных сочетаниях, что позволяет выделить несколько моделей их функционирования: плюрально-демократическую, административно-корпоративную, командно-административную и корпоративно-олигархическую, а также смешанную или “гибридную”, при которых соответственно наблюдается преобладание определенных механизмов: демократических и консенсусных на основе принципа subsidiarity, административно-договорных и командно-административных с навязыванием решений “сверху”, теневого или смешанных т.д.²²

Обобщенно классификация механизмов развития парламентаризма в контексте демократического управления, учитывающих сочетание механизмов государственного управления и негосударственных механизмов, с помощью которых осуществляется управление общественными отношениями, приведены на рисунке.

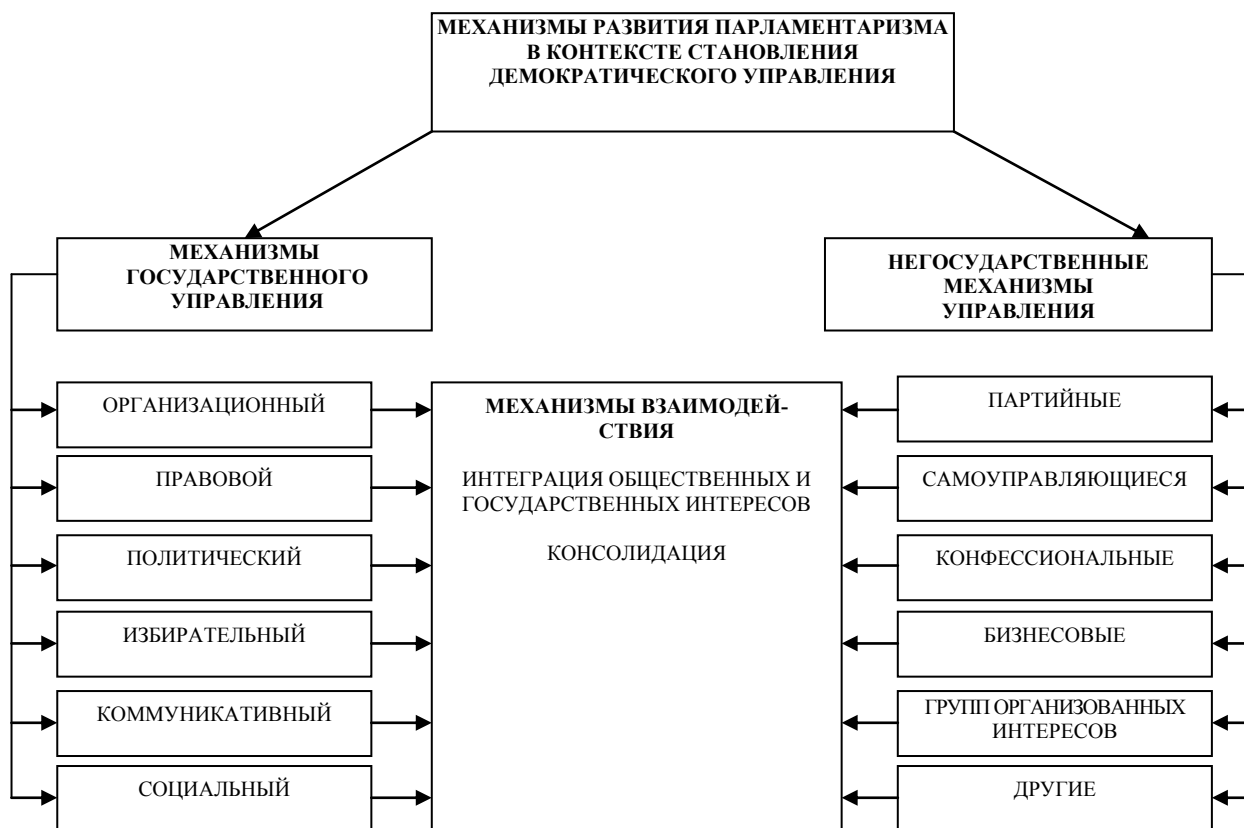

Рис. Классификация механизмов развития парламентаризма

²² Баврин А. И. Пути совершенствования механизма государственного управления в современной России : политико-правовой аспект . Дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. С.12.

Как видно из приведенной схемы, негосударственные механизмы управления развитием парламентаризма играют не менее важную роль в механизмах взаимодействия и интеграции общественных интересов и их консолидации.

Следовательно, теоретико-методологический аспект механизмов управления развитием парламентаризма может быть представлен в двух составляющих: концептуальной составляющей определения теоретических подходов, отражающих генезис парламентаризма, и методической составляющей, в которой теоретические подходы составляют основу для разработки инструментов управления этим объектом.

Теоретико-методологические основы государственных и негосударственных механизмов развития парламентаризма, с помощью которых, осуществляется воздействие на общественную жизнедеятельность людей, формируются устойчивые прямые и обратные связи, взаимосвязи и взаимозависимости между государством и гражданским обществом, открывают возможности значительно расширить теоретическое основание государственных механизмов создания благоприятных условий для развития парламентаризма в контексте утверждения демократического управления.

Парламентаризм, который создает устойчивую постоянно развивающуюся систему, которой присущи определенные закономерности функционирования и эволюции совокупности явлений, находящихся в тесном и постоянном взаимодействии, занимает определенное место в государственном механизме и реализуется с помощью механизмов государственного управления негосударственных механизмов управления посредством. Таким образом, определена возможность конкретизации направлений исследования в процессе разработки и совершенствования механизмов государственного управления развитием парламентаризма, а именно его составляющих: социальной, политической, организационной, структурно-функциональной, правовой, коммуникативной и негосударственных механизмов управления среди которых выделены партийные, профессиональные, бизнес-группы и группы организованных интересов, взаимодействие между которыми осуществляется посредством интеграции общественных интересов и их консолидации.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BACKGROUND OF PARLIAMENTARISM FUNCTIONING MECHANISMS IN THE PARADIGM OF PUBLIC ADMINISTRATION

M.I. ROSENKO

*Sebastopol campus of Lomonosov
Moscow State University*

e-mail: Mariyair@mail.ru

In the article parliamentarism is approached as a government institution in the paradigm of Public Administration science implemented by governmental and non-governmental managerial mechanisms. This article is an attempt to identify ways for improving theoretical and methodological background of parliamentarism development under current circumstances.

Key words: parliamentarism, Public Administration, mechanisms, functions, civil.

УДК 323.27:303

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ, СИСТЕМАТИЗАЦИИ И СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ

Э.Э. ШУЛЬЦ*Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского**e-mail: nuar1@yandex.ru*

В статье дается обзор истории изучения «теории революции», дается анализ современного состояния исследований и исследованности проблематики. Статья рассматривает авторов XIX в., Маркса и марксизм, социологию революции П. Сорокина, развитие «теории революции» в XX в. В статье разбираются принципы систематизации, где особое внимание уделяется принципу «четырёх поколений» Джека Голдстоуна. В отличие от традиционного подхода начинать эту историю с 30-х гг. XX в., автор датирует начало этого нового направления столетием ранее и вводит в оборот работы по «теории революции» Томаса Бэйли (1830), Георга Йимана (1861) и Джозефа Кларка (1862). Автор рассматривает «волны» интереса к проблематике в 30-70 е гг. XIX в., начале XX в., 20-30-х, 60-80-х, 90-х гг. XX в. и начала XXI в.

Ключевые слова: теория революции, социология революции, концепция 4-х поколений, П. Сорокин, Л. Эдвардс, К. Бринтон, С. Хантингтон, Т. Скокпол, Д. Голдстоун.

Традиционно представление о зарождении «теории революции» связывается с исследованием Лайфорда Эдвардса «Естественная история революции» (1927 г.), за которым следуют труды КрэйнаБринтона и Джорджа Петти (1938 г.)¹. К этой плеяде относятся и «Социология революции» (1925 г.) Питирима Сорокина². Труды Эдвардса, Бринтона и Петти представляются в историографии как «первая волна» исследователей теории революции - подход, который с 60-х гг. XX в. переходит из работы в работу, однако такой подход не совсем корректен. За столетие до Сорокина, Эдвардса, Петти и Бринтона в свет вышли несколько небольших работ, направленных на выявление и изучение общих черт и условий всех революций и на создание теории революции.

В 1830 г. увидела свет небольшая брошюра Томаса Бэйли «Размышления о причинах политических революций», которая стала первым отдельным трудом, в котором автор поставил своей задачей создать теорию революции³. В 1861-62 гг. выходят еще две работы, направленные на общую теорию революций: лекция о революциях Г. Йимана (1861) и «История и теория революций» (1862) Джозефа Кларка⁴. Если к этому добавить еще работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест коммунистической партии» (1848), отдельные работы Маркса: «Классовая борьба во Франции» (1850), «18 брюмера Луи Бонапарта» (1852), «Гражданская война во Франции» (1871), и Энгельса – «Революция и контрреволюция в Германии» (1852)⁵, – то получаем за сорокалетний период достаточно большой объем работ, посвященных теории революции (для середины XIX в. десяток книг по одной теме за 40 лет – это очень высокий показатель). Таким образом, в период между двумя французскими революциями – революцией 1830 г. и Парижской Коммуной 1871 г. наблюдается первая настоящая «волна» специального интереса к проблематике (а не отдельной национальной революции)⁶.

¹Brinton C. The Anatomy of Revolution. N.Y., 1938; Edwards L.P. The Natural History of Revolution. Chicago, 1927; Pettee G.S. The Process of Revolution. N.Y., 1938.

²Sorokin P.A. The Sociology of Revolution. J.B. Lippincott, 1925.

³Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London, 1830. P. 3.

⁴Clark J. The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862. Philadelphia, 1862; Yeaman G.H. Revolutions. A Lecture. Louisville, 1861.

⁵Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 8. М., 1957. С. 115-217; Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Там же. Т. 17. М., 1960. С. 317-370; Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Там же. Т. 7. М., 1956. С. 5-110; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Там же. Т. 4. М., 1955. С. 419-459; Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Там же. Т. 8. М., 1957. С. 3-113.

⁶См.: Шульц Э.Э. Теория революции Маркса в контексте общественной мысли XIX в. в Европе // Вопросы управления. 2014. № 1. С. 32-42.

Для исследования «теории революции», как это уже в 1830 г. назвал Т. Бэйли, он призывал «погрузиться» в революции 1640 и 1688 гг. в Англии, 1780 г. в Америке, 1789 и 1830 гг. во Франции и выделить общие черты. Несмотря на то, что сам автор более декларировал задачу, нежели пытался ее решить, именно Т. Бэйли мы обязаны названием и главным принципом нового направления исследований⁷.

У Д. Кларка встречаем уже полноценное концептуальное ядро теории революции. Кларк в работе 1862 г. начинает свои рассуждения постановкой вопросов «что такое революция?», «каково ее определение?», «что является ее теорией?», «что было ее историей?» и ряд других⁸.

С середины XIX в. стал оформляться теоретический подход к анализу революций, которому суждено было превратиться в XX в. в целую школу или направление в исследовании теории революции под названием «марксистский подход». В основу этого направления легли идеи, высказанные о революциях в ряде работ немецкими общественными деятелями Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Полноценной теории революции у классиков марксизма не было, существовали только разрозненные, хоть и многочисленные, высказывания по поводу различных революций и теории предстоящей пролетарской революции, которые с конца XIX в. марксисты начали систематизировать в полноценную теорию⁹.

Следующий такой всплеск интереса к теории революции проявился в начале XX в., в котором самыми яркими работами стали статьи Ленина «Маевка революционного пролетариата» (1913) и «Крах II Интернационала» (1915), «Государство и революция» (1917)¹⁰. И только следующая «волна» интереса к разработке темы пришлась уже на сер. 20–30-х гг. XX в. и связана с упомянутыми именами Сорокина, Эдвардса, Петти и Бринтона.

Конец 50-х – начало 60-х гг. XX века дали новую волну интереса к революциям. СССР, вопреки прогнозам, не только не потерпел крах, но и вышел из второй мировой войны сверхдержавой, Восточная Европа превратилась в «социалистический лагерь», народно-демократические революции, провозглашенные социалистическими, произошли в Китае и на Кубе. Эта волна захлестнула все 60-е и 70-е и подарила «О революции» Ханни Арендт (1963), «Революция и социальная система» Чалмерса Джонсона (1964), «Политический порядок в меняющихся обществах» Самуэля Хантингтона (1968), «Революция» и «Изучение революции» Питера Калверта (1970), «Почему люди бунтуют?» Тэда Гарра (1970), «Аутопсия революции» Жака Эллюля (1971), «Современные революции» Джонна Данна (1972), «Стратегия политической революции» Мостафы Реджаи (1973), «Феномен революции» Марка Хэгопиана (1975), «Революция и преобразование обществ» Шмуэля Эйзенштадта (1978), «Государства и социальные революции» Тэды Скокпол (1979) и многие другие.

Пожалуй, это была самая мощная волна интереса к революциям и создания системного научного подхода к этому социальному явлению, которая продолжала питать энтузиазм исследователей, потихоньку затухая в 80-е гг. Новый взрыв интереса возник вместе с «революциями» конца 80-х – начала 90-х гг. в Восточной Европе, вызвав к жизни новые размышления и дискуссии о феномене революции в истории человечества¹¹. После 2004 года этот интерес был подогрет новыми событиями и данными для анализа т.н. «цветных революций» в ряде государств постсоветского пространства и т.н. «араб-

⁷ Bailey T. Op. cit. 1830.

⁸ Clark J. Op. cit. P. 5.

⁹ См.: Шульц Э.Э. Теория революции: Маркс и марксизм // Приволжский научный вестник. 2014. № 2 (30). С. 188-194.

¹⁰ Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 33. М., 1969. С. 1-120; Он же. Крах II Интернационала // Там же. Т. 26. М., 1969. С. 209-265; Он же. Маевка революционного пролетариата // Там же. Т. 23. М., 1973. С. 296-305.

¹¹ Dahrendorf R. Reflections on the Revolution in Europe. N.Y., 1990; Goldstone J.A. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley, 1991; Kimmel M.S. Revolution. A sociological Interpretation. Philadelphia, 1990; Mayer A.J. The Furies. Violence and Terror in the French and Russian Revolutions. Princeton, New Jersey, 2000; Parker N. Revolutions and History. Blackwell, 1999; Revolutions of the Late Twentieth Century. Westview, 1991; Rice E.E. Revolution and counter-revolution. Blackwell, 1991; Sanderson S.K. Revolutions: a worldwide introduction to political and social change. Studies in comparative social sciences. Paradigm Publishers, 2005; Skocpol T., Trimberger E.K. Revolutions and the World-historical Development of Capitalism // T. Skocpol. Social Revolutions in the Modern World. Cambridge University Press, 1994; Theorizing Revolutions. New York, 1997; Vogler R. Reading the Riot Act: The Magistracy, the Police, and the Army in Civil Disorder. Open University Press, 1991.

ской весны», что, естественно, вызовет к жизни новые обобщающие работы.

Любая систематизация историографии достаточно условна и схематична, однако необходима. Самый простой подход – «дуализм». Например, рассматривать, как это было принято в социалистических странах и имело влияние на всю историографию, «марксистский» и «немарксистский» подход¹². Один из современных исследователей революций Микаэль Киммель делит подходы на «структурные» и «неструктурные», где к «структурным», большей частью, относит Маркса и марксистскую традицию, плюс ряд близких авторов, а к «неструктурным» – различные теории, выбирающие приоритетным какое-то одно направление¹³. Достаточно спорное деление, так как структурность Маркса и марксизма в теории революции со многих точек зрения иллюзорна¹⁴, но важно то, что мы снова возвращаемся к дуализму.

Самый распространенный на сегодняшний день подход к систематизации историографии был предложен американским политологом Джеком Голдстоуном. Эта классификация, безусловно, не единственная и появилась не на пустом месте, соединив и переработав уже существующие среди исследователей¹⁵, однако является самой влиятельной. Эта систематизация основывается на так называемых поколениях исследователей теории революции и получила распространение и развивалась самостоятельно многими авторами. Деление этих поколений происходит не только по временному принципу, но и исходя из неких методологических принципов, которые приписываются авторам. В связи с таким делением некоторые предшественники поколения 60-х попали в группу 20-30-х годов, а П. Сорокина отнесли ко второму поколению. Так, первое поколение связывается с историческим подходом и философски-исторической интерпретацией. Второе – с модернизационной теорией и структурно-функциональным анализом. Третье поколение, по мнению разработчиков этого подхода, отличает государственно-центричные модели¹⁶.

Первое поколение, с точки зрения адептов этой концепции, относится к 1920-30-м гг. – «поколение естественной истории революции» (по названию работы Эдвардса «The Natural History of Revolution»), к которому отнесли Эдвардса, Бринтона и Петти. Ко второму поколению Джек Голдстоун причислил Тэда Гарра, Чалмерса Джонсона, Самуэля Хантингтона, Чарльза Тилли («От мобилизации к революции» (1978)). К третьему поколению – Гарри Экштейна («Этиология внутренней войны» (1965), Энтони Обершала («Растущие экспектации и политический беспорядок» (1969), Эдварда Муллера («Применимость теории возможности к анализу политического насилия» (1972), Барбару Салерт («Революции и революционеры» (1976), Теду Скокпол (Скокпол, Скокпол, Скокпол в русских переводах и транслитерациях)¹⁷. Работу Скокпол Д. Голдстоун назвал «венцом третьего поколения»¹⁸.

В 90-е гг. Джек Голдстоун заявил, что «третье поколение теорий революции сходит со сцены»: «ни одной общепризнанной теории четвертого поколения еще не создано, но контуры такой теории ясны»¹⁹. В качестве задач этого четвертого поколения Голдстоун предложил пересмотреть все ключевые допущения Скокпол. «Стабильность режима в ней будет рассматриваться как неочевидное состояние и существенное внимание будет уделено условиям существования режимов в течение длительного времени; важное место займут вопросы идентичности и идеологии, связей и лидерства; революционные процессы и последствия будут рассматриваться как итог взаимодействия многочисленных сил. Что еще более важно, не исключено, что в теориях четвертого поколения будут сочетаться результаты ситуационных исследований, модели рационального выбора и анализ ко-

¹² Напр.: Красин Ю.А. Революцией устранные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975.

¹³ Kimmel M.S. Op. cit. P. 217.

¹⁴ См.: Шульц Э.Э. Теория революции: Маркс и марксизм. С. 188-194.

¹⁵ См.: Johnson C. Revolutionary Change. Stanford University Press, 1982. P. 170, 176.

¹⁶ Goldstone J.A. The Comparative and Historical Study of Revolutions // Annual Review of Sociology. 1982. Vol. 8. P. 187-207. См.: The Blackwell Encyclopedia of Sociology. Blackwell Publishing, 2007. P. 3917-3918; Фисун А.А. Политическая экономия «цветных» революций: неопатримониальная интерпретация // Прогнозис. 2006. № 3 (7). С. 213-214.

¹⁷ Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. 5 (56). С. 58-103; Goldstone J. Theories of Revolution: The Third Generation // World Politics (Princeton). 1980. Vol. 32. № 3. P. 425-453; Goldstone J. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory // Annual Review of Political Science. 2001. Vol. 4. P. 139-187. См. также: Foran J. Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions. Cambridge, 2005. P. 8.

¹⁸ Голдстоун Д. К теории революции... С. 59.

¹⁹ Там же. С. 99.

личественных данных, а обобщение этих теорий позволит охватить такие ситуации и события, о которых даже не упоминалось в теориях революции прошлых поколений»²⁰.

Однако обращает на себя внимание, что, в общем, послание «новому поколению» не содержит ничего принципиально нового. Критика первого поколения сторонниками 4-го поколения (и этой систематизации) строится на том, что они очень мало описывали процесс революции и не объясняли, почему революции случаются. Заслуга объяснения, почему вспыхивают революции, приписывается второму поколению, возникшему среди американских социальных исследователей в 1960-х гг. «Четвертое поколение» позиционирует себя таким образом, что в отличие от всех предыдущих оно предлагает новые подходы, акцентируя внимание на политической культуре, действии и роли персоналий, коалициях таких категорий как раса, класс и половая принадлежность²¹. Последние исследования в этом вопросе приходят к выводу, что «четвертое поколение теорий революции в значительной степени разрабатывает и модифицирует все ту же трехфакторную модель Скокпол, не отказавшись от нее, но расширив и уточнив состав каждого из факторов применительно к современным революционным ситуациям»²². Фактически, это «четвертое поколение» пытается соединить все, что уже наработано, и идет путем не выстраивания новых теорий, а отрицания некоторых существующих концепций и положений.

Следует обратить внимание, что любая систематизация должна производиться на основе однородных принципов – критериев одного уровня. В основе же рассматриваемой классификации все критерии (дефиниторы) находятся в разных плоскостях. Как можно сравнивать «исторический подход» исследователя с идеей модернизационных функций революции или основным принципом модели? Сравнить можно только сопоставимые категории. Например, тех, кто вкладывает в революции модернизационные функции и регрессивные, кто ставит во главу угла революций принцип роли государственных структур или организации демоса, тех, у кого исторический подход или математический (или любой другой), тех, кто пользуется структурно-функциональным анализом и тех, кто, например, отталкивается от формы, количества и силы и т.д.

При внимательном рассмотрении все определения «волн» («поколений») кажутся сублимацией и искусственным вычленением какого-то одного критерия. Более того, у всех этих «поколений» почти отсутствует методологическая разница. Она существует между марксистским и немарксистским подходом, но едва улавливается внутри указанных «поколений». Приведем два примера на основании одной из самых популярных работ в теории революции второй половины XX в. В качестве особенностей работы Скокпол выделяется сравнительно-исторический подход²³, однако, в той или иной степени этот подход свойственен всем авторам: все авторы черпают материалы из истории революций и все делают вывод на основании сравнительного анализа. Теда Скокпол ставит в упрек предшественникам субъективность подходов и требует абсолютной объективности²⁴. Однако это требование и стремление постулировалось в качестве основополагающих принципов исследования революции задолго до американского политолога. «Отношение к революции чрезвычайно субъективно, – писал в начале 20-х Питирим Сорокин. – Поэтому исследователь должен быть сугубо объективным. Абсолютно это не достижимо, но в меру сил должно быть выполнено»²⁵. Все, или почти все, авторы «теории революции» исходят из сравнительного исторического подхода; большинство исследователей стараются применять системный подход, многие анализируют структурные изменения, всех, в конце концов, интересуют ответы на одни и те же схожие вопросы, основные среди которых: что такое революция? почему они происходят? как протекают и к чему приводят?

Во многом суть подходов всего XX и начала XXI вв. сводится к разработке теории революции марксизма или к стремлению что-либо противопоставить этой теории. С первой стороны революции рассматриваются только в связи с изменением формаций, со второй – в революции попадают любые массовые радикальные формы протеста и госу-

²⁰ Там же. С. 103.

²¹ Foran J. Op. cit. P. 11-13; Фисун А.А. Указ. соч. С. 213.

²² Фисун А.А. Указ. соч. С. 220.

²³ Грязнова О.С. Теоретические подходы в социологии революции: сравнительный анализ концепций П. Сорокина, Л. Эдвардса и Т. Скокпол. Автореф. дисс. ... канд. социол. н. М., 2009. С. 23.

²⁴ Грязнова О.С. Теда Скокпол: феномен революции в структуралистской перспективе // Человек. Общество. Управление. 2007, №4. С. 25.

²⁵ Сорокин П.А. Социология революции. М., 2005. С. 33.

дарственные перевороты. Следует признать, что марксистский подход до сих пор остается более системным и целостным, что постоянно привлекает приверженцев, и многие его положения, так или иначе, заимствуются по сей день. «Марксистская теория общества, часто усовершенствованная до теории революции, остается одной из наиболее стимулирующих моделей для анализа революционных процессов преобразований» – вывод, к которому приходят многие исследователи²⁶. Марксистский подход – более системный, но грешит схематизмом. Три самых больших недостатка – это понимание революции как обязательного перехода между формациями, неизбежность пролетарской революции, которая должна привести к возникновению последней формации (высшей), экономический детерминизм. Недостатки всех оппонентов более многочисленны. Отсутствие четкого определения революции (что позволяет «протаскивать» в термин «революция» любой бунт, любой значимый социальный протест, обычный государственный переворот), причин возникновения, смешение причин революции и того, что стало «спусковым курком» – поводом для первых массовых выступлений²⁷.

Итак, историография теории революции пережила всплеск интереса в XIX в. (30-70-е гг.), четыре всплеска в XX в. (начало века, 20-30-е гг., 50-70-е, 90-е гг.), новый ренессанс наметился с началом XXI в. Эта историография за последние пятьдесят лет сформировала собственные стереотипы и устоявшиеся шаблоны. Первый такой шаблон связан с тем, что разбирать теорию революций традиционно начинают с авторов 30-х гг. – Л. Эдвардса и К. Бринтона, иногда упоминают о работе П. Сорокина²⁸. Безусловно, как самостоятельное направление «теория революции» начинается с этих трех фамилий, но само название, принципы и подходы – это продукт более векового исследования феномена революции. Второй шаблон связан с систематизацией исследовательских «поколений», предложенный Голдстоуном, который не только уязвим с точки зрения методологии, но и создает стереотипность восприятия всех предшествующих поколений, что, безусловно, обедняет историографию проблемы. Как мы убедились, историография теории революции пережила не «четыре поколения» и началась не в XX в., к этому следует добавить новое поколение исследователей XXI в., которое снова находится в методологических поисках.

Масса исследований и критика привели к тому, что вне зависимости от уязвимости многих формулировок и положений, которые пришли в XX век, и получили развитие в первой его трети, в последующем XX век внес мало нового. Большинство попыток создать нечто новое приводят к прежним положениям. Ситуация, которая сложилась с 80-х гг. XX в. можно классифицировать как методологический кризис: существующие методологии и методики исследований не удовлетворяют, новые не появляются. Дефицит новых разработок приводит к тому, что аналитические модели исследователей, одни и те же определения и схемы с небольшими модификациями кочуют из исследования в исследование.

Так называемое «первое поколение» XX в. стремилось сделать обобщение накопившегося материала и представить общую теоретическую картину революций, исходя из пройденного опыта. Между «вторым» и «третьим» поколением, по большому счету, не наблюдается существенных различий ни в подходах, ни в выводах. «Второе поколение» через три десятка лет после первого, «подогретое» и «взбудораженное» всплеском радикальных форм социального протеста своего времени (китайская и кубинская революции, студенческие волнения 60-х), достало с полком, уже успевшие запылиться, книги Эдвардса, Бринтона, Петти и Сорокина и попыталось дать собственные ответы на поставленные вопросы. Тот же процесс прошли и «третье», и «четвертое» поколение. Характерно, что все обзоры изучения проблемы у всех авторов, объединенных общими понятиями «теория революции» и «социология революции», начинаются с 20-х гг. XX в., а в большинстве выводов, новые исследователи модернизируют заключения предыдущих исследователей собственного столетия положениями, высказанными от Аристотеля до Маркса²⁹.

²⁶ Hobsbawm E.J. Revolution // Revolution in History. Cambridge University Press, 1986. P. 7.

²⁷ См.: Шульц Э.Э. Теория революции: Маркс и марксизм. С. 188-194; Шульц Э.Э. Причины возникновения радикальных форм социального протеста (историографический обзор) // Вестник МГУ. Серия «Политология». 2014. № 1. С. 40-51; Шульц Э.Э. Причины революций: голова или кошелек? // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. С. 102-119.

²⁸ См.: Шульц Э.Э. «Социология революции» П. Сорокина: истоки и влияние // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 1 (30). С. 55-59.

²⁹ См.: Колобов О.А., Шульц Э.Э. «Арабская весна»: технологии «революций» // Полития. 2014. № 1 (72). С. 119-127; Шульц Э.Э. Никколо Макиавелли и складывание основ теории социального протеста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика.

Одной из отличительных черт т.н. «четвертого поколения» является эклектизм – объединение различных точек зрения и положений «под одной крышей», сглаживая противоречия между их предпосылками и принципами. Сумма мнений в данном случае – это эклектичная картина, а не объективный подход, позволяющий приблизиться к пониманию проблемы. Подобную методику беспощадно критиковал Макс Вебер: «Самым же решительным образом следует бороться с довольно распространенным представлением, будто путь к научной “объективности” проходит через сопоставление различных оценок и установление как бы некоего “дипломатического” компромисса между ними»³⁰. Вторая отличительная черта – кризис жанра. События конца 80-х и всех 90-х умножили количество материала и данных для анализа, что еще больше расплыло внимание от структурообразующих основ понятия «революция». Похоже, что нарождающееся «пятое поколение» (если следовать систематизации сторонников 4-х поколений) начинает сталкиваться с теми же проблемами эклектизма и невозможностью «переварить» поток событий последнего десятилетия, связанного с цветными революциями: от «цветных» до «арабской весны».

Если подвести краткий итог современному состоянию теории революции, то на сегодняшний день нет единого, удовлетворяющего и принятого большинством, определения революции³¹. Ни одна концепция не дает ответ, почему революции характерны только для эпохи капитализма, и неизвестны до первых буржуазных революций. Нет согласия ни в вопросах причин, ни последствий революций³². Проблема типологизации (классификации) революций представляет одну из наиболее сложных в разработке теории революции, где господствуют две крайности: простое разделение революций на «западные» и «восточные» или выдвигание целого набора типов, видов и подвидов, которые страдают с методологической точки зрения и никак не вносят окончательную ясность в изучаемый предмет, кроме того, характерной чертой являются попытки модернизаций различных устоявшихся теорий и подходов и их реанимации³³. Новому поколению исследователей теории революции предстоит давать ответы на все те же вопросы и для того, чтобы разорвать движение по кругу одних и тех же идей и концепций, искать принципиально иные подходы.

THEORY OF REVOLUTION: TO HISTORY OF STUDYING, SYSTEMATIZATION AND A CURRENT STATE

E.E. SHULTS

*Lobachevsky State University of
Nizhny Novgorod*

e-mail: nuap1@yandex.ru

The article presents a study of «theory of revolution». As opposed to traditional approach to start the study of «theory of revolution» from Edwards and Brinton in the 30-th, the author dates it on a century earlier and puts into use works of Thomas Bailey (1830), George Yeaman (1861) and Joseph Clark (1862). The author examines «waves» of interest to the subject in the 30-70 of the XIX century, at the beginning of the XX c., in 20-30-s, 60-80-s, 90-s of the XX c. and at the beginning of the XXI century. Principles of systematization and classification of historiography are observed in the article, paying special attention to Jack Goldstone's «four generation» conception. The analysis of up-to-date state of «theory of revolution» research and exploration is given in the conclusion.

Key words: Theory of revolution, sociology of revolution, 4 generation conception, P. Sorokin, L. Edwards, C. Brinton, S. Huntington, T. Skocpol, J. Goldstone.

Информатика». 2014. № 1 (172), вып. 29. С 198-201; Шульц Э.Э. Политическая теория социального протеста от Аристотеля до Гоббса // Приволжский научный вестник. 2014. № 1. С. 118-124; Шульц Э.Э. Теория революции: Маркс и марксизм. С. 188-194.

³⁰ Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 557.

³¹ См.: Шульц Э.Э. Революция: к вопросу об определении термина // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 132-142.

³² См.: Шульц Э.Э. Причины возникновения...; Он же. Причины революций...

³³ См.: Шульц Э.Э. Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 65-83.

УДК 324.316.346.2-055.2

ВОЗМОЖНОСТЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

О.С. МОРОЗОВА*Рязанский государственный
университет имени
С.А.Есенина**e-mail: mos2309@mail.ru*

В статье речь идет о том, что в результате введения квотирования, социального и экономического развития, а также культурных изменений, число женщин во власти увеличивается. Рассмотрено соотношение между потенциалом доступа женщин к власти и типом избирательной системы. Сформулирован вывод: эффективность квотирования представляется более очевидной, когда результаты, полученные после введения этого принципа, анализируются в соответствии с типом избирательной системы.

Ключевые слова: доля женщин в национальных парламентах, квоты для женщин, тип избирательной системы.

Современные реалии бурно меняющейся политической обстановки в стране и мире требуют привлечения все более пристального внимания к различным проблемам развития демократии, выявлению и обеспечению функционирования наилучших образцов государственного управления. Одним из аспектов этой проблематики является изучение гендерных вопросов, что постоянно подчеркивается в работах зарубежных и отечественных исследователей.

Так, Коханская Е.А. (ИС РАН) в своих работах указывает на то, что «качественные изменения социального статуса и социальных ролей женщин и мужчин, границы гендерных ролей стали более подвижными, а их содержание непрерывно изменялось. Несмотря на то, что поле политики в развитых обществах сегодня формально является гендерно нейтральным, однако фактически, в силу целого комплекса причин, политические системы в гендерном отношении все еще далеки от декларируемого идеала. Как показывает анализ состава государственных структур, несмотря на кардинальные перемены, женщины все-таки составляют меньшинство среди лиц, обладающих реальной политической властью. Данное положение хорошо отражает широко используемое в социальных науках понятие «гендерная пирамида власти», описывающее ситуацию, при которой, чем больше степень концентрации властных ресурсов, тем выше представительство мужчин в политических структурах, и наоборот, чем менее влиятельной и престижной является должность, тем более вероятно ее занятие женщиной»¹.

Кочкина Е.В. (г. Москва, ИСЭПН РАН), проводя сравнительный динамический анализ статистики представленности женщин-депутатов в парламентах мира, которую Межпарламентский союз (МПС) ведет с конца 1980-х гг., показывает, что по данным этой статистики на 1 августа 2014 г. Россия занимала 105 место в мировом рейтинге среди 193 стран-членов ООН. На такое низкое место в мировом рейтинге парламентов Госдума переместилась между 1995 и 2013 гг. фактически за один избирательный цикл – с 46 места (по итогам выборов 1995 г. – 10 % женщин) на 84 место (по итогам выборов в 1999 г. – 7 % женщин)»².

В этой связи важным представляется анализ мировой практики, которая за последнее десятилетие предоставила исследователям много вариантов решения «гендерного вопроса».

Уникален опыт Латинской Америки, где в 1990-е годы одиннадцать стран приняли законы о квотах, устанавливающие минимальный уровень (от 20 до 40%) участия

¹ Коханская Е. А. Политика как поле мужского доминирования? Возможности преодоления стереотипа // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). М., 21–22 ноября 2014 г. С.261-263 .

² Кочкина Е. В. Гендерный анализ выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, 1993–2013 гг.: как политический индикатор в межстрановых сравнениях // Там же. С. 265-266.

женщин в качестве кандидатов в национальных выборах. Хотя результаты избирательных кампаний различаются, введение квотирования ознаменовало собой большой шаг вперед в отношении общества к женщинам во власти и в принятии официальных обязательств относительно равноправия женщин.

В результате введения квотирования, социального и экономического развития, а также культурных изменений, количество женщин во власти в Латинской Америке выросло, и в некоторых странах резко (в среднем, от 9 % в 1990 г. до 15 % к 2002 г.).

Исследования подтверждают, что в Латинской Америке общественность поддерживает женщин во власти. Опрос около 2000 латиноамериканцев в пяти крупных городах, проведенный Международным исследовательским центром Гэллага в 2000 г., показал, что 57% опрошенных считают, что большее присутствие женщин во власти приведет к лучшему функционированию правительства. Свыше 90 % заявили, что они были бы готовы голосовать за женщину в качестве президента, и 69 % полагают, что их страна может избрать женщину-президента в течение ближайших 20 лет. 65% согласились, что квоты женского представительства это - "в основном хорошо" для страны.

В Латинской Америке в различных государствах существуют некоторые расхождения в отношении результатов, достигнутых после введения квот, несмотря на то, что эти страны имеют общие черты, с точки зрения культуры, экономической политики и практики демократического строительства.

Таблица 1

Результаты введения гендерных квот в Латинской Америке

Страна	Законодательная власть	% Женщины (до принятия закона)	% Женщины (после принятия закона)	Изменение (в %)
Аргентина	палата	6	30	+24
	сенат	3	36	+33
Боливия	палата	11	12	+1
	сенат	4	4	0
Бразилия	палата	7	6	-1
Коста-Рика	однопалатный	14	35	+21
Доминиканская Республика	палата	12	16	+4
Эквадор	однопалатный	4	15	+11
Мексика	палата	17	16	-1
	сенат	15	16	+1
Панама	однопалатный	8	10	+2
Парагвай	палата	3	3	0
	сенат	11	18	+7
Перу	однопалатный	11	18	+7
Средний показатель		9	17	+8

Источник: Mala Htun and Mark Jones, "Engendering the Right to Participate in Decisionmaking: Electoral Quotas and Women's Leadership in Latin America", in *Gender and the Politics of Rights and Democracy in Latin America*, eds. Nikki Craske and Maxine Molyneux (London: Palgrave, 2002) перевод и систематизация автора.

Самые слабые результаты были получены в Панаме, где процент женщин-членов Палаты представителей увеличился после введения квотирования только с 9 % до 9,7 % и в Бразилии. Незначительные итоги введения квот в Бразилии, как показывают результаты исследования, проведенного International IDEA, доказывают необходимость очень тщательной проработки законопроектов о квотах. Так, в законодательстве Бразилии говорится, что стороны должны *зарезервировать* 30 % мест кандидатов для женщин, но не требуется, чтобы они фактически были *заполнены*. Также бразильский закон о выборах позволяет выдвигать на 50% больше кандидатов, чем реально существует депутатских мандатов, поэтому, на практике, женщины – кандидаты занимают места в нижней части списка, где у них не остается шансов быть избранными³.

Как показывает в своих исследованиях Клара Араужо, положительные результа-

³ International IDEA, 2002, *Women in Parliament*, Stockholm [An electronic resource]. An access mode: <http://www.idea.int/publications/wip/upload/Chapter1-Htun-febo3.pdf>

ты, получаемые от введения системы квот, обусловлены сочетанием таких факторов, как степень влияния женщин внутри партийных структур, политическая культура и условия избирательной системы.

Таблица 2

**Избирательные системы в Латинской Америке
(выборы нижней палаты парламента или однопалатного парламента)**

Избирательная система	Страна
Пропорциональная система: закрытый список	Аргентина Коста-Рика Доминиканская Республика Сальвадор Гватемала Гондурас Никарагуа Парагвай
Пропорциональная система: фракционный закрытый список	Уругвай
Пропорциональная система: персональный список	Колумбия
Пропорциональная система: открытый список	Бразилия Чили Эквадор Панама Перу
Смешанная система (пропорциональная система: закрытый список плюс мажоритарная система с одномандатными округами)	Боливия Мексика Венесуэла
Источник: Mainwaring and Shugart (1997); Htun and Jones (2002). перевод и систематизация автора.	

Предметом многочисленных дискуссий является соотношение между потенциалом доступа женщин к власти и типом избирательной системы. Пропорциональная система открытых списков, как правило, отождествляется с более индивидуализированной конкуренцией, стимулируя борьбу между кандидатами той же партии. Большинство авторов предполагает, что пропорциональная система закрытых или полужакрытых списков, как правило, более благоприятна по отношению к женщинам, чем система открытых списков⁴.

Как утверждает Ричард Мэйтленд⁵, при пропорциональной системе (ПС) стороны имеют стимул к выдвижению сбалансированного списка, включив кандидатов, обладающих связями в различных социальных группах (например, женщин).

При мажоритарной системе, наоборот, стимулы отличаются. Партии, как правило, выдвигают на местах тех кандидатов, которые имеют более реальный шанс на победу, чем любой другой кандидат. В большинстве случаев партийные лидеры чувствуют, что их наиболее перспективные кандидаты - мужчины.

Второе утверждение Ричарда Мэйтленда заключается в том, что более низкий избирательный барьер, который позволяет малым партиям получать ограниченное число мест, способствует тому, что эти мандаты, как правило, занимают кандидаты – мужчины.

⁴ Araujo C. Quotas for Women in the Brazilian Legislative System. The Implementation of Quotas Latin American Experience. Lima, Peru, 2003; Гришин Н.В. Избирательная система как институт артикуляции политических интересов общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. №2. С.42-48.

⁵ Matland R.E., Taylor M.A. Electoral System Effects on Women's Representation. Theoretical Arguments and Evidence From Costa Rica // Comparative Political Studies. 1997. Vol. 30. №. 2. P. 186-210.

Рис. Зависимость количества женщин в парламентах стран Латинской Америки от избирательных систем этих стран

Сравнивая одномандатные и многомандатные округа, Мэйтленд отмечает, что для кандидатов-женщин более благоприятной является мажоритарная система с применением многомандатных округов, поскольку стороны могут выставить несколько кандидатов, чтобы выиграть больше мест, тем самым увеличивая шансы женщин.

Таким образом, эффективность квотирования представляется более очевидной, когда результаты, полученные после введения этого принципа, анализируются в соответствии с типом избирательной системы.

Женщины претенденты могут иметь популярность, но им может не хватать активов: финансовых ресурсов, политических связей, партийного опыта, профессиональной квалификации и предыдущего опыта работы в законодательном органе, которые делают кандидатуры привлекательными⁶, поэтому в целях продвижения женщин во власть необходимо использовать накопленный мировой опыт в этой сфере, который, в числе прочего, показывает достоинства и недостатки той или иной избирательной системы в отношении выдвижения и избрания женщин.

OPPORTUNITY ENSURES GENDER REPRESENTATIVENESS IN DIFFERENT ELECTORAL SYSTEMS

O.S. MOROZOVA

*Ryazan State University named
for S.A. Yesenin*

e-mail: mos2309@mail.ru

The article shows that as a result of the introduction of quotas, social and economic development, and cultural changes, increases the number of women in power. Correlation between the potential of women's access to power and the type of electoral system. Worded conclusion: the effectiveness of quotas seems to be more evident when the results obtained after the introduction of this principle is analyzed according to the type of electoral system.

Key words: the proportion of women in national parliaments, quotas for women, the type of electoral system.

⁶ Engineering Quotas in Latin America Jennifer M. Piscopo [An electronic resource]. An access mode: <http://www.democracy.uci.edu/files/docs/conferences/grad/piscopo.pdf>

УДК 321.1(477)

ПРОТОГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И КОНСТИТУЦИОННЫЕ МАЯТНИКИ В УКРАИНЕ

А.С. ПОЛИЩУК*Харьковский национальный
университет им. В.Н. Каразина,
Украина**e-mail: a_polish@ukr.net*

В условиях слабости рационально-бюрократического управления украинская политика представляет собой соперничество протогосударственных проектов, которые оформляются и легитимизируются с помощью конституции. В статье анализируются протогосударственное строительство, а также содержание и движущие силы украинского конституционного маятника.

Ключевые слова: протогосударственное строительство, вождество, олигархия, конституционный маятник, политические союзы.

После распада Советского Союза для Украины была характерна последовательная смена президентско-парламентских (1996, 2010) и премьер-президентских (2006, 2014) конституций. Этот процесс маятникового движения между различными конституционными проектами не нашел достаточного освещения в политической науке. В данной статье мы хотели бы предложить свое объяснение его содержания и движущих сил.

В первую очередь необходимо дать определение главным участникам конституционного процесса и тем политическим проектам, которые они стремятся воплотить в жизнь. Главными участниками конституционного процесса в Украине, как и в ряде других постсоветских стран, являются патронажные президенты¹ и рентоориентированные предприниматели². Они действуют в условиях слабости рационально-бюрократического управления и в рамках процесса приватизации публичных институтов государства³. Поэтому их политическим проектом является не столько государственное строительство (state-building), сколько протогосударственное строительство: проектом патронажных президентов является создание вождества (chiefdom-building)⁴, а проектом рентоориентированных предпринимателей – создание олигархического совета (oligarchic council-building)⁵. Остановимся на этой проблеме подробнее.

Патронажные президенты обладают рядом ключевых особенностей. Во-первых, они концентрируют в своих руках широкие неформальные полномочия, связанные с монополизацией силовых и фискальных ресурсов, кадровой политикой и управлением процессом приватизации. Во-вторых, опорой их власти является многоуровневая патронажно-клиентарная сеть, состоящая из влиятельных экономических и региональных элит, которые по сути представляют собой «машину по переизбранию», то есть обеспечивают финансовую, информационную поддержку и мобилизацию голосов на выборах в обмен на защиту собственности и свободу действий. В-третьих, ключевой задачей патронажных президентов является переизбрание или назначение преемника, поэтому главным фактором, подрывающим политическое равновесие, является превращение президента в «хромую утку» (lame duck): срок его полномочий истекает, популярность падает, победа назначенного преемника не является гарантированной, возрастает уровень неопределенности и риск формирования контрcoalitions элит.

Патронажные президенты редко занимаются государственным строительством – усилением формальных институтов рационально-бюрократического государства. Напро-

¹ Hale H. Regime cycles. Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol.58. №1. P. 133–165.

² Ganey V. Postcommunism as an Episode of State Building: A Reversed Tillyan Perspective // Communist and Post-Communist Studies. 2005. Vol.38. №4. P. 425–445.

³ Фисун А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков, 2006. С. 150–178.

⁴ Earle T. How chiefs come to power : the political economy in prehistory. Stanford University Press, 1997. P. 67–75.; Earle T. Chiefs, chieftaincies, chiefdoms, and chiefly confederacies : power in the evolution of political systems // Social Evolution & History. 2011. Vol. 10, № 1. P. 27–54.

⁵ Winters J. Oligarchy. Cambridge University Press, 2011. P. 32–38.

тив, они являются центрами создания вожества (*chiefdom-building*) и сталкиваются с теми же проблемами и вызовами, с которыми исторически сталкивались те, кто создавал централизованные политии и наращивал их институциональные мощности. К этим проблемам и вызовам в первую очередь относятся следующие: (1) обеспечение легитимности и преемственности (создание стабильной внутренней базы поддержки – «большинства в большинстве» общественных групп – и усиление функции «культурного брокеража» на внешнеполитической арене⁶); (2) обеспечение автономии (независимости от конкурирующих центров силы) и дееспособности (способности к выполнению президентских решений и противодействию оппортунистическому поведению элит); (3) сбалансированное извлечение ресурсов (упорядочивание системы «власти-собственности»⁷, справедливое распределение рент и накопление ресурсов для своего собственного домена).

Теперь рассмотрим другого ключевого участника конституционного процесса, а именно рентоориентированных предпринимателей. В постсоветском политическом контексте их объединяет несколько важных особенностей. Во-первых, для них характерен неопатримониальный характер власти⁸: они рассматривают управленческую позицию не как временно занимаемую публичную должность, за которой закреплен определенный набор полномочий, ответственности и функция производства общественного блага (принцип *impregium*), а как частное владение с широкой областью произвола, в том числе с использованием властных функций в личных интересах (принцип *dominium*). Во-вторых, эти акторы склонны поддерживать частичные реформы⁹: в интересах сохранения своего привилегированного положения, которое обеспечивается выгодами от частичных реформ, они выступают как вето-игроки, то есть могут саботировать и препятствовать более широким и глубоким реформам и модернизации в целом. В-третьих, их действия можно описать как политическое предпринимательство¹⁰: они ориентированы на получение собственности и доходов посредством использования инструментов государственного регулирования. В этом смысле их главной целью является «захват государства» и использования выгод институционализированной власти-собственности.

Как и патронажные президенты, рентоориентированные предприниматели не заинтересованы в усилении формальных институтов рационально-бюрократического государства. Они являются проводниками другого политического проекта – создания олигархического совета (*oligarchic council-building*) – и сталкиваются с теми же проблемами и вызовами, с которыми исторически сталкивались различные элитные группы (аристократии, олигархии) перед лицом централизующих и перераспределительных инициатив лидеров партий (вождей, тиранов, монархов). К этим проблемам и вызовам в первую очередь относятся следующие: (1) поддержание баланса между защитой доходов (перекладывание издержек по защите собственности на лидера, имеющего монополию на легитимное насилие) или защитой собственности собственными средствами (создание нескольких конфликтующих и сдерживающих друг друга центров силы)¹¹; (2) обеспечение автономности (способности противодействовать давлению президента и наращивать «потенциал шантажа»¹²) и мобилизации массовой поддержки населения; (3) коллективное действие (создание и управление разнородной коалицией, противостоящей президенту).

Важно подчеркнуть, что оба эти проекта - *chiefdom-building* и *oligarchic council-building* – по сути являются протогосударственными (догосударственными). Они учреждаются в условиях отсутствия развитых институтов рационально-бюрократического государства современного типа, а материалом для их формирования служат различные

⁶ Spencer C. Human agency, biased transmission, and the cultural evolution of chiefly authority // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1993. Vol.12, №1. P. 41–74.

⁷ Васильев Л. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. М., 1982. С. 60–99.

⁸ Фисун А. Указ.соч.

⁹ Hellman J. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // *World Politics*. 1998. Vol.50, №2. P. 203–234.

¹⁰ Ganev V. *Ibid.*

¹¹ Winters J. *Ibid.* P. 20-26.

¹² Sartori G. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. ECPR Press, 2005. P. 108-110.

традиционные институты, в первую очередь патримониализм и клиентела¹³. Создание политического суверенитета здесь обособленно от создания государства. Акцент на протогосударственном характере этих политических проектов позволяет нам избежать характерной для некоторых транзитологических исследований проблемы «махинаций с определениями»¹⁴, то есть умножения новых определений для тех режимов, которые находятся между полюсами авторитаризма и демократии. Авторитаризм и демократия отличаются по степени политической конкуренции, включенности населения в выработку политики, ответственности элит и т. д. Но оба этих идеальных типа предполагают наличие развитого рационально-бюрократического государства современного типа, «высокого потенциала государства»¹⁵. Последнее условие не является характерным для проектов вожества и олигархического совета, поэтому их необходимо располагать не между авторитаризмом и демократией, а в параллельном континууме догосударственных политических режимов. В этом континууме располагаются также такие политические проекты как абсолютизм и феодализм, а также «доминирующая власть» и «бесформенный плюрализм»¹⁶ (см. рис. 1).

Рис. 1. Государственные и протогосударственные политические устройства

Мы очертили институт патронажного президентства и связанный с ним проект создания вожества (chiefdom-building), а также институт рентоориентированных предпринимателей и связанный с ним проект олигархического совета (oligarchic council-building). Теперь обратимся к ключевой проблеме циклического перехода от одного проекта к другому. В украинском политическом процессе противостояние между обозначенными нами проектами вожества и олигархического совета фактически выражается в переходе между президентско-парламентскими и премьер-президентскими конституциями. Но что является условием и причиной этого маятникового движения?

Во-первых, этот переход обуславливается тем, что А. Фисун называет «двойной спиралью» украинской политики¹⁷, то есть ситуацией, в которой президент эффективно использует две ключевые стратегии: (1) стратегия партийного строительства и распределения политических предпочтений между различными группами поддержки (финансово-промышленными группами и региональными политическими машинами); (2) стратегия индивидуальной кооптации и прерогатива одной группы поддержки президента (семья, клан, ближайшее окружение и т. д.).

Во-вторых, маятниковое движение обусловлено тем, что рентоориентированные предприниматели эффективно сочетают две стратегии, которые в теории рационального выбора получили название «минимакс» и «максимин». В контексте украинского политического процесса их можно очертить следующим образом: (1) стратегия минимакса -

¹³ Например см.: Eisenstadt S., Roniger L. Patrons, clients, and friends: Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge University Press, 1984. 343 p.; Theobald R. Patrimonialism // World Politics. 1982. Vol.34, №4. P. 548—559.; Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияние на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М., 2000. 317 с.

¹⁴ Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49, № 3. P. 445.

¹⁵ Тилли Ч. Демократия. М., 2007. С. 31-41.

¹⁶ Каппелли О. «До-современное» государственное строительство в постсоветской России // Прогнозис. 2009. №1. С. 131—175.

¹⁷ Фисун О. The Dual Spiral of Ukrainian Politics after 2010 // PONARS Eurasia Policy Memo. 2011. №165.

стратегия максимизации выгод при минимизации издержек; максимизация выгод в данном случае означает получение прямого доступа к президенту, а также занятие наиболее выгодных позиций (bottlenecks) для извлечения ренты; реализация этой стратегии предполагает борьбу за должности в исполнительных органах власти; (2) стратегия максимина - стратегия снижения рисков и обеспечения наиболее выгодных условий в том случае, если стратегия максимизации не сработает; реализация этой стратегии предполагает создание групп поддержки в парламенте и местной власти.

Учитывая вышеприведенные факторы, колебания политической системы между полюсами премьер-президентской и президентско-парламентской республики в общих чертах можно описать в трех следующих этапах.

На первом этапе в премьер-президентской системе одна из партий создает через партийное строительство решающее парламентское большинство и получает пост президента. Это позволяет преодолеть противостояние между президентом и премьером (cohabitation) и выстроить вертикаль власти. Монопольное положение одной политической силы увеличивает выгоды президентизации и провоцирует переход к модели патронажного президентства и президентско-парламентской конституции. Рентоориентированные предприниматели в данных условиях склонны использовать стратегию минимакса.

На втором этапе президент переходит от партийного строительства к использованию бюрократических ресурсов для усиления вертикали власти и созданию широкой пропрезидентской коалиции в парламенте и местной власти за счет индивидуальной кооптации. Это создает поле для борьбы внутри партии власти, то есть выгоды от сохранения патронажного президентства для отдельных фракций внутри партии власти снижаются. Они прибегают к стратегии максимина, в частности, могут поддерживать оппозиционные политические проекты, что может привести к фактическому распаду партии власти и формированию контрcoalitions.

На третьем этапе усиление оппозиционных партий и потеря партийного ресурса президента создает импульс для демонтажа патронажного президентства и парламентаризации политики, в частности в виде премьер-президентской конституции, действующей до повторения первого этапа.

Кроме стратегий политических игроков («двойная спираль», минимакс и максимин), маятниковое движение между премьер-президентскими и президентско-парламентскими конституциями тесно связано с политической фрагментацией - количеством значимых (эффективных) политических игроков. Если рассматривать эффективное число партий¹⁸ и эффективное число кандидатов¹⁹ для различных электоральных циклов, то можно увидеть, что политическая фрагментация в Украине также характеризуется маятниковым движением (рис. 2).

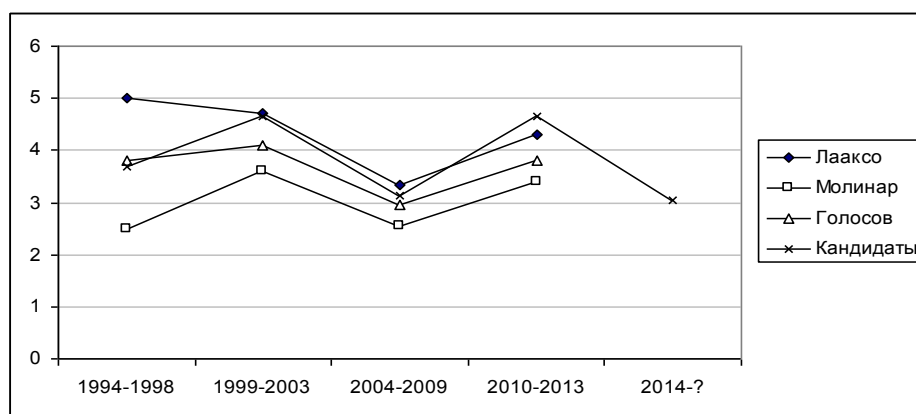

Рис. 2. Показатели эффективного числа партий и кандидатов в Украине

¹⁸ Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. №12. P. 3–27.; Molinar J. Counting the Number of Parties // American Political Science Review. 1991. Vol.85, №4. P. 1383–91.; Golosov G. The Effective Number of Parties: A New Approach // Party Politics. 2010. №16. P. 171–192.

¹⁹ Carey J. The Impact of Constitutional Choices on the Performance of Presidential Regimes // Journal of Social Sciences and Philosophy. 1999. № 11. P.93–121.

Фактически, на пике фрагментации - увеличения количества значимых политических игроков – в Украине устанавливаются и стабилизируются президентско-парламентские системы. В частности, это объясняется способностью президента создавать широкое пропрезидентское большинство из фрагментированного партийного поля и/или фрагментированностью политических сил, находящихся в оппозиции к президентской партии. В свою очередь на пике дефрагментации - уменьшения количества значимых политических игроков - в Украине устанавливаются и стабилизируются премьер-президентские республики. В частности, это объясняется наличием патовой ситуации между двумя основными конкурентами и необходимостью договариваться по поводу снижения цены президентского приза.

Другим формальным показателем, подтверждающим маятниковое движение украинской политической системы являются индексы президентской власти. В сравнительной политологии существует несколько индексов, которые позволяют оценить силу президентской власти. Некоторые из них, например, индексы М. Шугарта и Дж. Кэрри²⁰ и А. Кроувела²¹ (скорректированный О. Зазнаевым²²), отдают предпочтение тем полномочиям президента, которые связаны с формой правления (формирование кабинета, возможность распустить парламент и др.). Другие индексы, например, индекс Дж. Макгрегора²³, считают более существенными «политические» полномочия президента (председательство в Совбезе, командование вооруженными силами и др.). Показатели этих индексов для конституций 2006/2014 и 1996/2010 гг. отражены в таблице.

Важно отметить, что если в случае с индексами, связанными с формой правления, президентская власть колеблется существенно, то в случае с индексами, связанными с «политическими» полномочиями президента, усиление (ослабление) власти незначительно. Это означает, что маятниковое движение украинского политии состоит не столько в резком наращивании инструментов политической власти со стороны президента или парламента, сколько в смене ролей между президентом и парламентом в плане контроля над правительством как главным менеджером процессов извлечения ренты.

Таблица

Показатели индексов президентской власти для конституций Украины

	1996/2010	2006/2014	Диапазон индекса
Шугарт/Керри	12	5	от 0 до 40
Кроувел/Зазнаев	4	0	от -10 до 10
Макгрегор	60	55	от 0 до 100

Теперь мы должны ответить на вопрос, какие политические союзы сопровождают маятниковое движение между различными конституционно-политическими проектами? В период с 1996 по 2014 г. украинская политика развивалась в маятниковом движении между президентско-парламентскими и премьер-президентскими конституциями. Однако это только один из возможных маятников, действующий благодаря так называемой зависимости от пройденного пути (path-dependence), то есть благодаря наличию уже апробированных вариантов конституций. Однако, в украинской политической повестке дня существуют и альтернативные варианты конституционного маятника.

Точки перелома в украинской политике создаются в треугольнике сил: президент (глава государства и его политическое окружение) / олигархия (рентоориентированные предприниматели) / майдан (в самом широком смысле массовой мобилизации населения и гражданского общества, а не только в узком смысле протестных движений в Киеве). Союз двух сил этого треугольника против третьей силы создает возможность различных конститу-

²⁰ Shugart M., Carey J. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge University Press, 1992. P. 148-166.

²¹ Krouwel A. Measuring Presidentialism of Central and East European Countries // Working Papers Political Science. 2003. № 2. P. 1–22.

²² Зазнаев О. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. 2007. №2. С. 146–164.

²³ McGregor J. The Presidency in East Central Europe // RFR/RL Research Report. 1994. Vol.3. №2. P. 23–31.

ций: (1) союз президента и олигархии против майдана - президентско-парламентская конституция; (2) союз олигархии и майдана против президента - премьер-президентская конституция; (3) союз президента и майдана против олигархии - «популистская» (или в другой интерпретации «плебисцитарная»²⁴) президентская конституция с широкими правами президента и институтов непосредственной демократии (рис. 3).

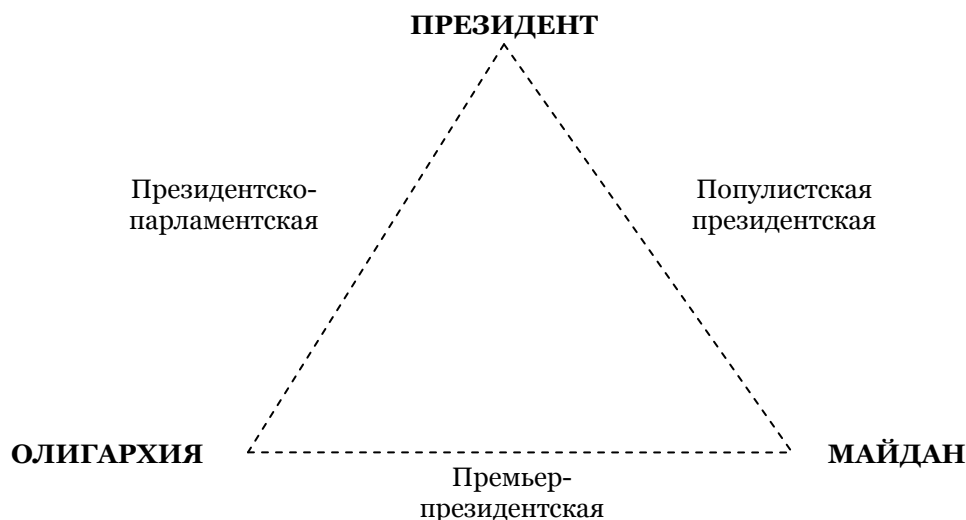

Рис. 3. Политические союзы и конституционные альтернативы в Украине

Таким образом, можно выделить как минимум три возможных маятника украинской политики: (1) между премьер-президентскими и президентско-парламентскими конституциями (борьба между майданом и президентом, результат которой зависит от того, на чьей стороне окажется олигархия); (2) между популистскими президентскими и президентско-парламентскими конституциями (борьба между майданом и олигархией, результат которой зависит от того, на чьей стороне окажется президент); (3) между премьер-президентскими и популистскими президентскими конституциями (борьба между олигархами и президентом, результат которой зависит от того, на чьей стороне окажется майдан).

Стоит заметить, что подобный подход, а именно объяснение политико-конституционного устройства через союзы значимых политических групп, доказал свою эффективность на материале традиционных обществ и обществ раннего Нового времени²⁵.

Важно отметить, что при стабилизации того или иного конституционного проекта проигравшая сторона всегда стремится взять реванш. Так, например, после стабилизации премьер-президентской конституции в 2006 г. проигравшая сторона (президенты) стремилась качнуть конституционный маятник в другую (более выгодную для себя) сторону. Президенты пытались заключить союз с майданом против олигархии (сюда можно отнести неудавшуюся конституционную реформу В. Ющенко, которую предполагалось легитимизировать на референдуме в обход «олигархического» парламента, а также предвыборную кампанию 2010 г. Ю. Тимошенко, которая строилась на актуализации требований майдана 2004-2005 гг. и борьбе с олигархией) или же союз с олигархией против майдана (сюда можно отнести картельное соглашение В. Ющенко с Партией регионов, а также включение в патронажно-клиентарную сеть В. Януковича олигархов из «оранжевой» команды).

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Концепции политической науки, разработанные на материале современных западных обществ не всегда являются эффективным инструментом для объяснения политического

²⁴ Вебер М. Рейхспрезидент // Политические работы (1895—1919). М.: Праксис, 2003. С. 399—403.

²⁵ Например см.: Spruyt H. The sovereign state and its competitors. Princeton University Press, 1994.; Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М., 2007.; Тешке Б. Миф о 1648 годе : класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011.

процесса в постсоветских государствах, в том числе и в Украине. Действительно, ключевой характеристикой постсоветской политики является слабость рационально-бюрократического управления и приватизация публичных государственных институтов. Именно поэтому более перспективной здесь представляется методология политической антропологии и исторической социологии, которая концентрируется на протогосударственных политиях и (нео)традиционных политических практиках.

Украинский политический процесс можно описать в терминах противостояния двух протогосударственных политических проектов, а именно вождества и олигархического совета, которые закрепляются в конституционных рамках президентско-парламентского и премьер-президентского правления соответственно.

Маятниковый переход между этими конституционно-политическими проектами можно объяснить различными факторами: сочетанием противоречивых стратегий политических элит («двойная спираль», минимум и максимум), нарастанием и спадом политической фрагментации (количества значимых политических игроков), стремлением политических элит добиться контроля над правительством как основным менеджером извлечения рента, меняющимися политическими союзами между главными общественно-политическими группами.

PROTO-STATE BUILDING AND CONSTITUTIONAL PENDULUM IN UKRAINE

A.S. POLISHCHUK

V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine

e-mail: a_polish@ukr.net

The weakness of rational-bureaucratic administration turns Ukrainian politics into rivalry between proto-state projects that are formalized and legitimized by a constitution. The phenomenon of proto-state building, content and driving forces of the Ukrainian constitutional pendulum are analyzed in this article.

Key words: proto-state building, chiefdom, oligarchy, constitutional pendulum, political alliances.

УДК 327(470+571)

НОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ СТРАТЕГИИ РОССИИ НА ИНТЕГРАЦИОННОМ ПОЛЕ АТР

В.В. ОГНЕВА

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (филиалы в г.г. Брянске, Орле)

e-mail: ognevavv@yandex.ru

Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам нарастающей тенденции регионализации в пространстве Азиатско – Тихоокеанского региона (АТР). Обосновывается важность участия России на интеграционном поле АТЭС (Форума Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества), позиционирования нашей страны как евразийской державы. Акцентируется внимание на безусловном приоритете экономического партнерства в сравнении с политическим в формате АТЭС. Рассматриваются пути повышения эффективности участия России и субъектов федерации Дальнего Востока как стратегической площадки в интеграционном взаимодействии со странами АТР.

Ключевые слова: регионализация, интеграционные процессы, АТЭС, стратегия России в АТР, потенциал международных связей дальневосточных субъектов Российской Федерации.

На протяжении двух последних десятилетий Азиатско-Тихоокеанский регион заявляет о себе как о новом мощном полюсе экономического развития. Это стало возможным в результате набирающего силу интеграционного взаимодействия государств в рамках АТЭС – Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, созданного в 1989 году в целях поддержания экономического роста стран региона, укрепления взаимной торговли, ликвидации ограничений на передвижение товаров, услуг и капиталов согласно нормам ГАТТ/ВТО¹.

Участниками форума ныне являются 21 страна и территория - Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг (специальный административный район КНР), Канада, Китайская народная республика (КНР), Индонезия, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань (Китай), Чили, Филиппины, Южная Корея, Япония. В странах АТЭС проживает около 40% мирового населения, на них приходится приблизительно 54% мирового ВВП и 44% мировой торговли².

Согласно принятым лидерами АТЭС Богорским целям (Bogor Goals), изложенным в одноименной декларации 1994 года, в регионе АТР к 2020 году планируется создать зону свободной и открытой торговли, обеспечить либеральный инвестиционный режим для развитых и развивающихся экономик. Основными направлениями сотрудничества при этом выступают: а) либерализация торговли и инвестиций; б) содействие бизнесу; в) экономическое и техническое сотрудничество. Как видно, особенность данной интеграционной парадигмы заключается в построении модели взаимодействия как развитых стран, так и развивающихся, существенно различающихся по уровню своего экономического развития.

Приоритетные сферы деятельности АТЭС определяются на ежегодных саммитах и совещаниях министров иностранных дел и отраслевых министров, обсуждаются на встречах рабочих групп и комитетов организации. Основными задачами АТЭС на саммите, состоявшемся 10 ноября 2014 года в Пекине, определены:

- дальнейшее развитие региональной экономической интеграции;
- продвижение реформы экономики;
- инновационное развитие и рост;
- форсирование инфраструктурного инвестирования и комплексной взаимосвязанности³.

¹ Форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/economic_organization/doc1071839593594

² Что представляет собой АТЭС и каковы его цели? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aif.ru/dontknows/file/1378326>

³ Leaders' Declaration. Beijing Agenda for an Integrated, Innovative and Interconnected Asia-Pacific. Beijing,

Субъектами региональной интеграции в настоящее время все активнее наряду с государственными институтами становятся бизнес-структуры и научные сообщества. Все большую заинтересованность в сотрудничестве проявляют административно – территориальные единицы национальных государств, а применительно к России – субъекты Федерации.

Следует отметить, что под регионализацией понимаются экономические, военно-политические, социокультурные и иные процессы, породившие многообразие региональных структур, которых в мире в настоящее время насчитывается более 100. При этом следует отметить, что политический аспект регионального сотрудничества с конца 80-90-х гг. прошлого столетия стал заметно уступать первенство экономическому. Особенностью современного регионализма является то, что он носит открытый характер. Отличается многомерностью решения проблем (это не только экономическая сфера, но и такие, как охрана окружающей среды, социальная политика, наука, культура и др.), активным участием неправительственных акторов. По мнению Г. Мосея, «рациональная модель» регионального сотрудничества предоставляет возможности выгодной интеграции для государств, находящихся на разных уровнях экономического развития⁴.

Процесс регионализации экономических пространств, все более набирающий силу в современном мире, предстает как тенденция, идущая параллельно процессу глобализации. В одних случаях обе тенденции отличаются противоречивостью, в других обеспечивают несомненное использование выгод большого экономического пространства. Эта точка зрения обстоятельно аргументирована О.Н. Бабуриной, К.В. Кременюком, Е.М. Примаковым, Е. Ратлендом и др.⁵ Известный американский политолог Дж. Розенау апеллирует термином «фрагментативность» (fragnetative), соединяющим в себе понятия фрагментации (fragmentation) и интеграции (integration), отмечая, что в современном мире процессы фрагментации и интеграции идут рука об руку, составляя единое целое⁶.

Более того, реалии регионализации заставляют ученых и практиков концентрировать внимание на решении глобальных проблем на региональном уровне, а также различных формах включения в международные и внешнеэкономические связи регионов государств. Это становится возможным потому, что процессы регионализации развиваются вширь и вглубь и протекают на нескольких пространственных уровнях: а) континентального масштаба (региональное сотрудничество), примером которого являются такие организации как ЕС, АТЭС, Меркосур, НАФТА и др.; б) отдельных стран (субрегиональное сотрудничество), к примеру, Андская зона; в) административно – территориальных единиц государств (например, приграничное сотрудничество).

В связи с этим трудно согласиться со скептиками, считающими, что процессы регионализации носят кратковременный характер ввиду неустойчивости существующего мирового порядка⁷. В условиях его динамичного равновесия, полагают они, роль интеграционных объединений будет минимизироваться. Как нам представляется, тенденции регионализации, напротив, будут усиливаться благодаря влиянию целой совокупности факторов⁸, среди которых наиважнейшим является экономический фактор, отражающий сложившееся региональное разделение труда, вклад регионов в мирохозяйственные связи. Не меньшее значение имеет геополитический фактор, связанный с неравномерностью роли различных регионов в мировой политике, появлением новых центров силы, контролирующими важнейшие стратегические коммуникации. Нельзя сбрасывать со счетов культурно–цивилизационный фактор, заключающийся в цивилизационной общно-

China, November 11, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2014/2014_aelm.aspx

⁴ Мосей Г. Процессы глобализации и регионализации в мировой экономике // Экономист. 2002. №9. С.28.

⁵ Бабурина О.Н. Регионализация и глобализация: к проблеме взаимосвязи // Проблемы современной экономики. 2008. № 3; Кременюк К.В. Глобальные проблемы в научном измерении // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №1; Примаков Е.М. Россия и международные отношения в условиях глобализации // Международная жизнь. 2001. № 3. С. 3–9.

⁶ Rosenau J. Turbulence in world politics: a theory of change and continuity. Princeton, 1990; Rosenau J. Citizenship without moorings: individual responses to a turbulent world. Pittsburgh, 1992.

⁷ Kelly R. Security Theory in the «New Regionalism» // International Studies Review. 9(2). 2007. P. 199.

⁸ Терновая Л.О. Региональная конфигурация современного мира // Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы. М., 2007. С.12-15.

сти народов и, конечно, географический фактор, имеющий ресурсно-сырьевые параметры заинтересованности в интегративном взаимодействии государств.

Разумеется, экономическая регионализация в определенной мере ограничивает торговую свободу государств. Так, например, в соответствии с законом о запрете на импорт, принятом в 1998 году в Малайзии, являющейся членом АСЕАН, предусмотрена группа товаров, на импорт которых в целях защиты внутреннего рынка могут быть наложены временные ограничения⁹.

Однако, несмотря на определенные барьеры, регионализация не препятствует развитию процессов глобализации, не являет собой попытки ущемления интересов национальных государств. Региональные интеграционные сообщества осуществляют координирующие функции, обеспечивая выход стран региональных и субрегиональных систем на глобальный уровень. Это в принципе означает, что региональная интеграция содействует экономической и политической стабильности в регионе. Она способствует развитию конкуренции на основе имеющихся преимуществ с учётом интересов всех членов интеграционного объединения.

Об этом свидетельствует Осацкая программа действий, реализуемая с 1997 года государствами АТЭС и охватывающая 15 конкретных областей¹⁰, на которые распространяется либерализация. К ним, в частности, относятся: тарифы; нетарифные меры; сфера услуг (телекоммуникации, энергетика, туризм); инвестиции; стандарты и соответствия; таможенные процедуры; интеллектуальная собственность; политика конкуренции; мобильность бизнесменов и др.

Экономическое и техническое сотрудничество распространяется на область людских ресурсов; индустриальную науку и технологию; малое и среднее предпринимательство; экономическую инфраструктуру; транспорт; энергетика; телекоммуникационную и информационную структуру; стимулирование торговли, сохранение морских ресурсов; рыболовство и др.

В 2001 году положения Осацкой программы действий были скорректированы с учетом изменений в мирохозяйственных связях, связанных с ускорением процессов глобализации, развитием «новой экономики» на основе быстро прогрессирующих информационных и коммуникационных технологий. В новом документе указаны конкретные пути взаимодействия государственных, деловых и научных кругов по обеспечению устойчивого развития экономик через экономическое и техническое сотрудничество. Предложены и реализуются научные и образовательные обмены.

Важно то, что интеграционные объединительные процессы в АТР открывают для России перспективу наращивания экономических связей, привлечения инвестиций, выработки скоординированной политики по защите своего внутреннего рынка, что становится важным в условиях «санкционного похода» Запада против нашей страны. В свою очередь, Россия привлекательна для соседей своими энерго и минеральными ресурсами, морскими продуктами, научными технологиями, транзитной территорией, связывающей АТР с Европой. Любопытно, что в период председательства России в АТЭС (2012 год) было отмечено восходящее развитие взаимной торговли с экономиками - участницами АТЭС - в 2011 году их доля во внешнеторговом обороте России составила 23,9% против 16,4% в 2002 году¹¹.

Интенсификация участия России в интеграционных процессах в регионе может оказать реальное содействие социально-экономическому развитию регионов Дальнего Востока и Сибири. Еще в 2002 году во Владивостоке по инициативе местных властей, поддержанной Правительством России и официальными структурами организации Азиатско-Тихоокеанского Форума Экономического Сотрудничества, состоялся инвестиционный симпозиум и инвестиционная ярмарка АТЭС. В 2012 году Владивосток принял саммит стран АТЭС. Для подготовки к саммиту в рамках федеральной целевой программы «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья» была разработана и утверждена подпрограмма «Развитие Владивостока как центра международного сотрудничества в

⁹ Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/my/about_my/laws_ved_my/customs_tariff_my

¹⁰ Осацкая программа действий [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://newsruss.ru/doc/index.php/Осацкая_программа_действий

¹¹ Лавров С.В. Россия в АТЭС: к новым горизонтам азиатско-тихоокеанской интеграции // Международная жизнь. Специальный выпуск. АТЭС (Россия). 2012.

АТР»¹². Приморье, таким образом, реализует контактные функции России во взаимоотношениях со странами АТР. Более значимые объёмы иностранных инвестиций в Приморье в 2013 году были вложены в такие отрасли, как финансовая – 76% (295 млн. долл.), сельское и лесное хозяйство – 10% (37,2 млн. долл.), рыболовство – 1,2% (4,6 млн. долл.), обрабатывающие производства – 2,4% (9,5 млн. долл.), добыча полезных ископаемых – 4% (16,2 млн. долл.), здравоохранение – 0,8% (3,3 млн. долл.). Наибольшее количество инвестиций в январе-сентябре 2013 г. поступило из Германии – 76%, Республики Корея – 5%, Японии – 4%, КНР – 7%¹³.

На расширение международных связей нацелена федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинской области) на 2016-2025 годы», в соответствии с которой планируется полномасштабная реализация новой модели развития Курильских островов, создание конкурентоспособных производств, продвижение новой продукции на рынки РФ и стран АТР, завершение процесса обеспечения необходимой транспортной, портовой инфраструктурой Курильских островов на уровне, достигнутом в особых экономических зонах АТР¹⁴. География международной деятельности Сахалина в настоящее время представлена компаниями более чем из 100 стран мира. Главные иностранные партнеры сахалинских деловых кругов – компании Республики Корея, Японии и КНР. В 2013 году объем внешней торговли региона вырос по сравнению с 2012-ым на 1,2% и превысил отметку 18 млрд. долларов США. При этом доля Сахалинской области в совокупном внешнеторговом обороте ДФО составила 45,2%¹⁵.

Целям экономического развития подчинена государственная целевая программа Хабаровского края «Содействие экономическому развитию, конкуренции, инвестиционной и внешнеэкономической деятельности в Хабаровском крае»¹⁶. Она предполагает в частности создание благоприятных условий для привлечения отечественных и иностранных инвестиций и создание механизмов, обеспечивающих повышение инвестиционной привлекательности края; развитие внешнеэкономической деятельности в крае; создание и развитие портовой особой экономической зоны «Советская Гавань» и др.

Для полноценного освоения территории Дальнего Востока со всей очевидностью требуется привлечение азиатского капитала к реализации масштабных инфраструктурных проектов. Нужны на Дальнем Востоке и новые производства (энергомашиностроение, автомобильные сборочные заводы), в Амурской области – сельское хозяйство, что также невозможно без азиатских инвесторов. К сожалению, процесс совершенствования механизма участия России в АТЭС все еще несет отпечатки неустоявшихся общественно-политических взглядов на необходимость ускорения участия страны в интеграционных процессах в АТР, АТЭС, в том числе ввиду ограниченности ресурсов, неиспользованных резервов¹⁷. В частности, сохраняется широкое поле для дальнейшей либерализации торгового режима, упрощения режима посещения страны представителями деловых кругов, регулирования передвижения рабочей силы и проч. Эффективная стратегия включения российского Дальнего Востока в региональные азиатско-тихоокеанские интеграционные процессы осложняется серьезной демографической проблемой, низкой численностью населения, что влияет на качество трудовых ресурсов. Добавим к этому относительно

¹² Самохин А. В. – Саммит АТЭС 2012. Итоги для России. (По материалам российской и зарубежной прессы) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.apicenter.org/archives/1889>; Саммит АТЭС. Владивосток, 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://apec.primorsky.ru/information/all_about_apec.html

¹³ Справка о внешнеэкономических связях Приморского края за 9 месяцев 2013 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/tourism/business/Итоги%20%20ПК%20%20ВЭД%20-%2009%20мес%202013.pdf>

¹⁴ Концепция федеральной целевой программы «Социально – экономическое развитие Курильских островов (Сахалинской области) на 2016-2025 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minvostokrazvitiya.ru/upload/iblock/48a/Концепция%20утвержд%202572-p%200y%2017.12.14-1.pdf>

¹⁵ Доля Сахалинской области в совокупном внешнеторговом обороте Дальневосточного региона превысила 45 процентов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sakhalin.info/business/90989/>

¹⁶ Постановление от 02 мая 2012 г. N 137-пр «Об утверждении государственной целевой программы Хабаровского края «Содействие экономическому развитию, конкуренции, инвестиционной и внешнеэкономической деятельности в Хабаровском крае» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tnu.podelise.ru/docs/index-255603.html>

¹⁷ Салин П. Три пути России в Азии // Россия в глобальной политике. 2012. №5; Потапов М. Состояние и перспективы экономического развития Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №1.

низкую развитость территории по сравнению с европейской частью России, малую компактность населения, более высокую стоимость электроэнергии и транспортных услуг. Но главные причины недоверия инвесторов к Дальнему Востоку кроются в дефиците предложений инвесторам. В настоящее время Министерством по развитию Дальнего Востока подготовлено к реализации 20 из 320 рассмотренных инвестиционных проектов¹⁸. Среди них - строительство нефтехимического комплекса на юге Приморского края, завода по производству минеральных удобрений в Находке, рыбопромышленного комплекса на острове Шикотан, угольного терминала в порту Ванино Хабаровского края и др. Большинство инвестиций вкладывают при этом российские бизнес-компании.

Поскольку Сибирь и Дальний Восток являются стратегической базой России в АТР, важное значение приобретает деятельность России в таких направлениях, как:

- участие в работе международных региональных организаций;

- развитие двухсторонних отношений с государствами региона и прежде всего Северо-Восточной Азии – Китаем, Японией, Республикой Корея.

В рамках сотрудничества назрела необходимость формирования полноценного правового поля, единого инвестиционного режима, единых стандартов. Необходимо принятие закона о территориях опережающего социально-экономического развития. Нужен закон о приграничном сотрудничестве. Единое правовое поле защитит интересы работодателей и работников, обеспечит передвижение финансовых потоков, товаров, рабочей силы, инноваций. Единый инвестиционный режим обеспечит потребность в финансовых вливаниях в производство товаров и услуг. Единые стандарты позволят производить необходимую рынку продукцию.

В целом при строгом учете проблемных компонентов, можно сказать, что интересам России отвечает более энергичное, более полное использование возможностей двух- и многостороннего сотрудничества со странами АТР, в том числе в формате АТЭС, что вполне отвечает объективным потребностям геостратегического положения России в качестве евразийской державы.

NEW COMPONENTS OF RUSSIA'S STRATEGY ON INTEGRATION FIELD OF ASIA-PACIFIC REGION

V.V. OGNEVA

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: ognevavv@yandex.ru

The article is devoted to theoretical and practical aspects of the growing trend of regionalization in the space of the Asia - Pacific region (APR). Draws attention to the multidimensionality of integration, the subject of which is not only the economic sphere, but the environmental, technical and scientific communication, educational exchanges, and others the importance of Russia's participation in the integration field APEC (Asia-Pacific cooperation), positioning our country as a Eurasian power. Focuses on the unconditional priority of economic partnership in comparison with the political format of APEC. Discussed ways to improve the effectiveness of Russia's participation and regions in the Far East as a strategic site of integration with Asia Pacific countries.

Key words: regionalization, integration processes, APEC, Russia's strategy in the Asia Pacific region, the potential of international relations of the far Eastern regions of the Russian Federation.

¹⁸ Дальний Восток готов к приходу инвесторов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://invest-don.com/ru/news/new_element_347/

МЕСТО СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ

Р. ЧАХОР

*Нижнесилезская высшая школа
предпринимательства и техники,
Польковце, Польша*

e-mail: r.czachor@dvspit.pl

Регион Кавказа – это геополитически один из важнейших регионов мира. С момента приобретения независимости Армения, Азербайджан и Грузия развивают политический диалог с Польшей. Целью данной статьи является выявить динамику двусторонних отношений Польши со странами Южного Кавказа, указать их основные события и сферы сотрудничества.

Автор статьи выделяет 3 этапа, которые прошла польская политика в отношении к странам Южного Кавказа. Отмечается, что польские попытки углубления сотрудничества с Грузией и Азербайджаном были необоснованными, кроме того, польской дипломатии не удалось вовлечь данные страны в зону собственных интересов.

Ключевые слова: внешняя политика Польши, страны Южного Кавказа, Армения, Азербайджан, Грузия.

Введение

На рубеже 1980-х и 1990-х годов в Польше, как и в остальных странах Центральной Европы, начался процесс трансформации политической системы. Первое сформированное в 1989 году демократическое правительство заявляло о развитии уравновешенных отношений со странами Западной Европы, США и СССР. Распад СЭВ, а затем СССР, повлек за собой коренные изменения в декларациях внешнеполитической деятельности Польши. С 1992 года главной целью польской дипломатии стало вступление в евроатлантические интеграционные структуры: НАТО и ЕС. Восточный вектор внешней политики, все еще играющий важную роль, терял прежнее значение¹. Польская дипломатия стремилась к снижению возникшей в период коммунизма зависимости от восточных партнеров (главным образом от России) и ограничению потенциальных рисков российского вмешательства во внутреннюю и внешнюю политику Польши.

После 1989 года новые политические элиты Польши, определяя восточную политику страны, следовали концепции, разработанной политическими эмигрантами Е. Гедройцем и Ю. Меровским. Она публиковалась в виде статей в 50-х - 80-х годах в издаваемом в Париже журнале «Культура», формируя взгляды польской демократической оппозиции на отношения с соседями в Восточной Европе. Главным тезисом данной концепции была необходимость примирения с народами Беларуси, Литвы и Украины, их поддержка в формировании собственных независимых государств, равноправные взаимовыгодные отношения и отказ от территориальных претензий². Условием для осуществления данной концепции должен был стать распад СССР. После 1991 года тезисы Гедройца и Мерошевского легли в основу польской восточной политики, которая сосредотачиваясь главным образом на непосредственных соседях. Другим постсоветским странам польская дипломатия уделяла намного меньше внимания. Слабую динамику развития отношений со странами Южного Кавказа и Центральной Азии обуславливало отсутствие значительных геополитических интересов и низкий потенциал экономической взаимотношений. В политике Республики Польша по отношению к Армении, Азербайджану и Грузии можно выделить 3 периода: первый с 1991 до 2004 год, когда формировалась юридическая база отношений, но они не имели активного характера; второй с 2005 до 2010 год, когда значительно возросла роль стран Южного Кавказа, главным образом Грузии и Азербайджана, в геополитике Польши, третий с 2010 года, когда изменения во внешней и внутренней политике Польши повлекли спад интереса к Южному Кавказу.

¹ Kuźniar R. Polityka wschodnia III RP – sukcesy pragmatyzmu, porażki prometeizmu // Polityka wschodnia Polski. Uwarunkowania. Koncepcje. Realizacja. Lublin-Warszawa, 2009. S. 179.

² Unger L. Polityka wschodnia Polski w wizji paryskiej „Kultury” // Polityka wschodnia Polski. Uwarunkowania. Koncepcje. Realizacja. Lublin-Warszawa, 2009. S. 151-155.

В последние годы все чаще говорится о том, что польская восточная политика потерпела фиаско³. Сближение восточноевропейских стран с Польшей и Западной Европой совершилось только частично. Россия сохраняет свое геополитическое влияние на постсоветском пространстве, что в Варшаве воспринимается как угроза для национальных интересов Польши⁴. Неэффективность восточной политики стала причиной критики ее основ, рациональности применения концепции Гедройца и Мерошевского в реалиях 21 века⁵. В случае пересмотра внешней политики Польши по отношению к странам Восточной Европы, новый импульс для развития может быть придан отношениям с Арменией, Азербайджаном и Грузией. Способствовать этому может членство Польши в ЕС, дающее новые возможности сотрудничества, как и меняющаяся политика самого ЕС, стремящаяся к активному участию в международных отношениях.

Развитие отношений Польши со странами Южного Кавказа в 1991-2005 годах

Независимость Республики Армения и Республики Азербайджана Польша признала в декабре 1991 года, признание Грузии состоялось в марте 1992 года. Дипломатические отношения с Арменией и Азербайджаном были установлены в марте 1992 года, а с Грузией в апреле 1992 года. Юридическая база для двусторонних отношений формировалась главным образом до конца 90-х годов.

Несмотря на то, что Грузия была признана Варшавой позже, чем Армения и Азербайджан, именно с ней процесс формирования договорных основ взаимоотношений завершился уже в 1996 году. В 1993 году был подписан договор между Польшей и Грузией о дружбе и сотрудничестве, который дополнялся в 1994 году договором о культурном и научном сотрудничестве и в 1996 году договором о военном сотрудничестве⁶.

Первый договор между Польшей и Арменией, касающийся сотрудничества в экономике и торговле, был заключен в 1992 году. Договор о культурном сотрудничестве был подписан в 1998 году, а совместная декларация президентов обеих стран о развитии дружественных отношений и сотрудничества - в 1999 году. В 2004 году был заключен договор о военном сотрудничестве и борьбе с организованной преступностью⁷.

Декларация о дружественных отношениях между Польшей и Азербайджаном была подписана в 1997 году вместе с договорами о научном и культурном, торгово-экономическом сотрудничестве. В 2005 году был заключен договор о военном сотрудничестве⁸.

О том, что страны Южного Кавказа не представляли для Польши большого интереса свидетельствует тот факт, что польское посольство в Грузии открылось только в 1997 году, в Азербайджане в 1998 году, а в Армении в 2001 году. В данный период главной политической целью Польши оставалось вступление в структуры НАТО и ЕС, что не только требовало политических и экономических реформ, но и ориентировало внешнеполитическую деятельность на западных партнеров. В восточной политике ведущую роль играла Россия, которая неоднозначно воспринимала внешнеполитические намерения Польши, но в целом отрицательно относилась к присоединению Польши к НАТО. На втором плане находились отношения с Украиной и Беларусью, имеющие, по сути, характер функции отношений с Россией. На третьем плане были отношения со странами Южного Кавказа, что подтверждает их низкая динамика.

Польша не имела выработанной концепции отношений с Арменией, Азербайджаном и Грузией. Во время довольно редких встреч на высшем уровне звучали декларации поддержки Варшавой укрепления независимости постсоветских стран, признания территориальной целостности Грузии и Азербайджана и призывы к более тесному торговому сотрудничеству⁹.

³ Sienkiewicz B. Pożegnanie z Giedroyciem // Rzeczpospolita, 28.05.2010.

⁴ Czachor R. Miejsce Federacji Rosyjskiej w polskiej polityce wschodniej // Wrocławski Przegląd Międzynarodowy. 2011, nr 2. S. 123-125.

⁵ Sienkiewicz B. Pochwała minimalizmu // Tygodnik Powszechny, 24-31.12.2000.

⁶ Piotrowski M.A. Stosunki dwustronne Polski. Obszar poradziecki. Państwa Zakaukazia // Rocznik polskiej polityki zagranicznej 2001. S. 240.

⁷ Ebenda. S. 242.

⁸ Ebenda. S. 243.

⁹ Baluk W. Polityka Polski wobec państw Kaukazu Południowego // Polityka wschodnia Polski. warunkowania. Koncepcje. Realizacja. Lublin-Warszawa, 2009. S. 289.

Первый из глав стран Южного Кавказа визит в Польшу нанес президент Азербайджана Г. Алиев в августе 1997 года, ответный визит А. Квасневского в Баку имел место в октябре 1999 года. Предметом переговоров было сотрудничество в энергетическом секторе и возможности участия польских компаний в добыче каспийской нефти¹⁰.

Первый официальный визит президента Армении Р. Кочаряна в Польшу состоялся в июле 1999, а визит президента А. Квасневского в Ереван – в ноябре 2001 года. Еще раз Р. Кочарян посетил Варшаву в сентябре 2004 года. Стороны обсуждали возможности увеличения товарооборота, сотрудничества в области борьбы с терроризмом и возможно решения нагорно-карабахского конфликта¹¹.

В рассматриваемый период состоялась только одна встреча президентов Польши и Грузии: в ноябре 2001 года в Тбилиси был А. Квасневский. Кроме обсуждения экономического сотрудничества, польский президент поддержал Грузию в стремлении вернуть контроль над Абхазией и Южной Осетией¹².

Таким образом, страны Южного Кавказа рассматривались в первую очередь в качестве экономических партнеров Польши, импортеров польских товаров. Однако во внешней политике Польши не хватало долгосрочной концепции отношений со странами Восточной Европы. В первую очередь проблемными оставались обусловленные сложной историей отношения с Россией. Попытки поддержки демократической трансформации Беларуси и Украины были безрезультативными. В данной ситуации для отношений с южнокавказскими республиками не было благоприятной атмосферы.

Страны Южного Кавказа как важный элемент геополитических интересов Польши в 2005-2010 гг.

До 2004 года главной внешнеполитической целью Польши было вступление в ЕС. Его членом она стала в 2004 году, 5 лет спустя после вступления в НАТО. Достижение этих целей позволило польской дипломатии позиционировать себя в качестве эксперта ЕС по вопросам восточноевропейской политики. Таким образом ситуация благоприятствовала более активному диалогу с постсоветскими странами. К тому же правящая с 2005 года консервативно-националистическая коалиция, созданная партией «Право и справедливость», стремилась доказать европейским партнерам свою самостоятельность и независимость Польши от партнеров по ЕС, в частности обостряя отношения с Германией и Россией¹³.

Россия рассматривалась как геополитический противник Польши, стремящийся к опасному для нее возвращению полного контроля над постсоветским пространством. Вследствие этого независимость постсоветских республик и поддержка их стремлений к вступлению в НАТО и ЕС стала важнейшей задачей польской дипломатии. Близкими партнерами Польши стала Украина во время президентства В. Ющенко и Грузия М. Саакашвили. Сближение с этими странами было основано на личных контактах глав государств. Польша путем поддержки Киева и Тбилиси старалась выстроить антироссийский альянс, к которому можно было бы привлечь Азербайджан, Молдову и другие республики.

Таким образом, для польских властей Южный Кавказ стал местом геополитического соперничества с Россией. Активизация польской дипломатии на Южном Кавказе в виде близкого двустороннего сотрудничества и вовлечения стран региона в зону влияния ЕС и НАТО одновременно вписывалась в концепцию Л. Качинского, которая состояла в отделении Польши от России альянсом восточноевропейских стран, том числе Украиной, Грузией. Достижение этой цели должно быть осуществлено следующим путем:

- непосредственных политических контактов, представлении интересов южнокавказских республик в ЕС и НАТО, требования от обеих организаций четких деклараций расширения на постсоветские государства;
- поощрения многостороннего сотрудничества, которого целью было бы сближение с Западом и ограничение влияния России (ГУАМ, Восточное партнерство, Энергетические саммиты).

¹⁰ Zakaukazie – nowe rozdanie // Rocznik strategiczny 1999/2000. Warszawa, 2000. S. 190.

¹¹ Armenia: ostatni przyczółek Rosji // Rocznik strategiczny 1999/2000. Warszawa, 2000. S. 189.

¹² Wizimirska B. Kronika stosunków międzynarodowych Polski w 2001 r. // Rocznik Polskiej Polityki Zagranicznej 2002. S. 516.

¹³ Gniazdowski M. Polska polityka zagraniczna w krajowej publicystyce prasowej // Rocznik Polskiej Polityki Zagranicznej 2007. S. 314.

Кульминационными для польско-грузинских отношений были 2007-2008 года, когда состоялось множество встреч на высшем уровне (только в 2008 г. Л. Качинский 4 раза был в Грузии), целью которых была поддержка властей Грузии, в том числе ее политики по отношению к Абхазии и Южной Осетии, и декларации присоединения республики к НАТО и ЕС. Особый характер отношений подчеркивало создание Консультативной комиссии при президентах Польши и Грузии¹⁴.

Несмотря на участие Азербайджана в ГУАМ, польской дипломатии не удалось привлечь Баку к польско-грузинскому политическому сотрудничеству. Во время визитов И. Алиева в Варшаву в 2004 и 2005 году и Л. Качинского в Азербайджане в 2007 году обсуждались возможности расширения экономического сотрудничества и поставок нефти в Польшу через Грузию и Украину. Главным препятствием оставалось (и остается) отсутствие польско-украинской части нефтепровода, ведущего из Одессы в польский город Плоцк, по которому можно было бы поставлять энергоресурсы из Азербайджана и Казахстана.

Решением проблемы энергетической зависимости Польши и других стран региона Центральной Европы (главным образом Литвы) от российских поставок нефти и газа должны были заниматься Энергетические саммиты с участием президентов стран Центральной Европы, Грузии и Азербайджана. Они проходили в Кракове и Вильнюсе в 2007 году. Было создано польско-украинское Межгосударственное трубопроводное предприятие «Сарматия», к которому были приглашены компании из Грузии, Азербайджана и Литвы, однако надежды на обеспечение энергетической безопасности Центральной Европы благодаря сотрудничеству со странами Южного Кавказа не сбылись¹⁵. Поставки каспийского сырья не достигли запланированных объемов и не стали альтернативой для энергоносителей, покупаемых Польшей у России.

В 2007 году Л. Качинский был гостем саммита ГУАМ в Баку, однако противоречия в политике стран-членов организации и ее аморфность не способствовали укреплению диалога с Польшей.

На фоне отношений с Грузией и Азербайджаном, отношения с Арменией не отличались динамикой. Кроме визита министра иностранных дел Польши Анны Фотыга в Ереван в феврале 2007 года официальных встреч не было. Причин данного факта можно искать в географическом положении Армении, которая не находится в транспортном коридоре из Каспия в Центральную Европу и ее внешней политике, в которой особую роль отводится России.

Чрезмерное сближение с Грузией основано было исключительно на антироссийских настроениях Л. Качинского и М. Саакашвили. Оно не принесло реальных эффектов. Во-первых, не возник на постсоветском пространстве прочный союз государств, которые предпочли бы сотрудничество с Польшей и ЕС сотрудничеству с Россией. Во-вторых, Грузия не стала важным экономическим партнером и не играет существенной роли в обеспечении энергетической безопасности Польши. В-третьих, после ухода Л. Качинского и М. Саакашвили взаимоотношения не имели стимулов для сохранения прежней динамики. В-четвертых, ни главные партнеры по НАТО, ни по ЕС не поддерживали польской политики на Южном Кавказе, отмечая ее, по существу, антироссийский характер. Из стран НАТО и ЕС только Литва последовательно поддерживала Варшаву в защите интересов Грузии М. Саакашвили. Беспрецедентный рост, а потом падение отношений с Грузией, официально рассматриваемой как часть неудачной, необоснованной, восточной политики Л. Качинского, получил определение «кавказской авантюры»¹⁶.

Место стран Южного Кавказа во внешней политике Польши на современном этапе (с 2010 года). К сбалансированным отношениям

В 2010 году Л. Качинский погиб в авиакатастрофе под Смоленском. Новый прези-

¹⁴ Inauguracja Komitetu Konsultacyjnego Prezydentów RP i Gruzji [An electronic resource]. An access mode: <http://www.prezydent.pl/archiwalne-aktualnosci/rok-2007/art.985,inauguracja-komitetu-konsultacyjnego-prezydentow-rp-i-gruzji.html>

¹⁵ Ukraina oskarża Polskę o blokowanie przedłużenia ropociągu Odessa-Brody [An electronic resource]. An access mode: http://wyborcza.biz/biznes/1,100896,14872667,Ukraina_oskarza_Polske_o_blokowanie_rzedluzenia_opociagu.html

¹⁶ Wyciszkiwicz E. Polityka Polski wobec państw Kaukazu Południowego // Rocznik polskiej polityki zagranicznej 2008. S. 240.

дент Б. Коморовский, как и центристское правительство «Гражданской платформы» Д. Туска, отказались от конфронтационного стиля политики предшественников, заявляя о «перезагрузке» в отношениях с Россией и в целом о новом подходе к восточной политике. Внешняя политика Польши стала более взвешенной и рациональной. Улучшение отношений с Россией в 2010–2011 годах сопровождалось меньшей активностью Польши в попытках втягивания Украины, Беларуси и других стран бывшего СССР в зону влияния ЕС. Варшава отказалась от демонстрации самостоятельности во внешней политике, в большей степени учитывая позицию других членов ЕС. В итоге власти Польши отказались от специального характера отношений с Грузией, обосновывая это отсутствием объективных предпосылок для их сохранения¹⁷.

В июле 2011 года Б. Коморовский нанес визит в Тбилиси (затем в Ереван и Баку), однако давняя атмосфера отношений исчезла. На современном этапе отношения со странами Южного Кавказа развиваются главным образом в формате «Восточного партнерства». Польша поддерживает кавказские республики в их сближении с ЕС, однако избегает открытого противостояния России. В целом, представленная польской дипломатией в 2009 году концепция «Восточного партнерства», направленная главным образом на сближение Украины с ЕС, выстраивалась как противовес восточной политики бывшего президента Л. Качинского. Она рассматривается как максимальный вариант взаимоотношений, который Польша и ЕС может предложить восточным партнерам. В отличие от ранее проводимой политики Польши, «Восточное партнерство» имеет конструктивный характер¹⁸. Во второй половине 2014 года можно говорить о провале данной концепции. Главные члены ЕС: Франция, Германия и Великобритания неоднозначно оценивают цель и перспективы «Восточного партнерства». Не все участники программы осуществляют предусмотренные в ней реформы. Из стран Южного Кавказа только Грузия предпринимает шаги на пути к ассоциации с ЕС, Армения участвует в реинтеграционных процессах с участием России, а Азербайджан проводит многовекторную политику. В итоге «Восточное партнерство» оказалось малоэффективным механизмом сотрудничества¹⁹.

Заключение

За исключением периода президентства Леха Качинского, страны Южного Кавказа не находились в фокусе внимания польской дипломатии. Объективными причинами этого является географическое расстояние, принадлежность к разным геополитическим пространствам, а также относительно малый потенциал экономических отношений. Польская политика по отношению к Армении, Азербайджану и Грузии концентрировалась главным образом на следующих факторах:

- поддержка Грузии в ее стремлении вступить в НАТО и ЕС;
- притягивание Армении и Азербайджану к ЕС (через «Восточное партнерство»);
- обеспечение энергетической безопасности Польши путем импорта нефти из Азербайджана через территорию Грузии.

Таким образом, главным партнером Польши на Южном Кавказе была Грузия, а на втором месте Азербайджан. Пересмотр внешней политики Польши в 2010 году привел к снижению динамики сотрудничества с Грузией. Восточная политика Польши в большей степени стала учитывать роль и значение институтов ЕС и ее главных членов, прежде всего Германии. Варшава отказалась от самостоятельных попыток выстраивания альянсов, имеющих антироссийский характер. Однозначно Польша не добилась осуществления, сформулированных в 2005–2010 годах политических целей на Южном Кавказе. Грузия только частично приблизилась к ЕС, Азербайджан проводит многовекторную политику и традиционно ориентируется на Турцию, а Армения сотрудничает с Россией и участвует в постсоветских реинтеграционных процессах. Поставка энергоносителей из Азербайджана не обеспечивает энергетическую безопасность страны. Баку более заинтересован в эксплуатации нефтепровода через Тбилиси в Джейхан и в развитии Южного энергетического коридора, чем развитием транспортной инфраструктуры через Украину в Польшу.

¹⁷ Weto to broń ciężka. Rozmowa z B. Komorowskim [An electronic resource]. An access mode: <http://www.rp.pl/arttykul/524246.html>

¹⁸ Wojna B., Gniazdowski M. Partnerstwo Wschodnie – raport otwarcia // Raporty Polskiego Instytutu Spraw Międzynarodowych 2009. S. 5.

¹⁹ Niebezpiecznie na Wschodzie // Rocznik strategiczny 2013/2014. Warszawa, 2014. S. 301.

В будущем Польша не должна пытаться вовлекать страны Южного Кавказа в геополитическое соперничество с Россией (и вообще отказаться от данного соперничества), так как это не даёт Варшаве ожидаемых результатов (скорее всего, приносит только потери). Польша должна действовать в русле внешней политики ЕС, стараясь максимально развивать взаимовыгодное экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа. Политическое давление на них должно касаться исключительно соблюдения прав человека, принципов демократии, а в случае отношений с Азербайджаном и Грузией – уважения к праву других народов на самоопределение и мирного решения проблемы непризнанных государств.

THE PLACE OF SOUTH CAUCASUS STATES IN THE FOREIGN POLICY OF POLAND

R. CZACHOR

*Lower Silesian University
of Entrepreneurship and Technology
in Polkowice*

e-mail: r.czachor@dwsplit.pl

The Caucasus region is one of the most geopolitically important in the World. For Poland's foreign policy it plays relatively small role. Despite of that after gaining independence by Georgia, Armenia and Azerbaijan in the beginning of 90's they emerged as a new partners for Polish diplomacy.

The main goal of the following paper is to present the dynamics of Poland's bilateral relations with South Caucasus' countries and the milestones of bilateral cooperation. The author's thesis is that Poland's policy towards South Caucasus states has undergone three stages. He concludes that unprecedented development of relations with Georgia and Azerbaijan was not well motivated. Poland failed to involve Caucasian states to own political game in the post-Soviet space.

Key words: Poland's foreign policy, South Caucasus states, Armenia, Azerbaijan, Georgia.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Атнагулов И.Р.** — доцент кафедры истории Древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, кандидат исторических наук
- Бессонова Т.В.** — доцент кафедры гуманитарных наук Набережночелнинского института Казанского федерального университета, кандидат исторических наук
- Бобков В.А.** — доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, кандидат исторических наук
- Богданов С.В.** — профессор кафедры административного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Гребенюк И.В.** — научный сотрудник лаборатории научно-методологического обеспечения и интеллектуальной собственности Института растениеводства им. В.Я. Юрьева Национальной академии аграрных наук Украины, г. Харьков
- Гуцин Е.В.** — аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Зиньковская И.В.** — доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета, доктор исторических наук
- Истомина И.В.** — ассистент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Кобзева А.В.** — аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Колосов Д.В.** — редактор издательства «Книговек», г. Москва, кандидат исторических наук
- Конорева И.А.** — профессор кафедры всеобщей истории Курского государственного университета, доктор исторических наук
- Кончакова Е.М.** — аспирант кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета
- Краюшкина Е.И.** — студент IV курса факультета истории и права Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Краюшкина О.И.** — студент IV курса факультета истории и права Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Кузнецов Т.И.** — магистрант кафедры новейшей истории и политики России Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова
- Лошманова О.А.** — аспирант кафедры отечественной истории Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского
- Махциева Н.С.** — доцент кафедры новейшей истории и политики России Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, доктор исторических наук
- Медведев В.В.** — старший научный сотрудник Лаборатории археологических и этнографических исследований Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, кандидат исторических наук
- Меркулов А.Н.** — аспирант кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета

- Морозова О.С.** — доцент кафедры государственного и муниципального управления и политических технологий Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат политических наук
- Наумова В.А.** — аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Огнева В.В.** — профессор кафедры политологии, государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (филиалы в г.г. Брянске, Орле), доктор политических наук
- Пашков С.В.** — аспирант кафедры отечественной истории Липецкого государственного педагогического университета
- Пискунов С.А.** — доцент кафедры истории России и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук
- Полищук А.С.** — аспирант философского факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, Украина, магистр политических наук
- Прогунова Ю.М.** — аспирант кафедры всеобщей истории Ивановского государственного университета
- Росенко М.И.** — и.о. декана факультета экономики и государственного управления филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, доктор наук государственного управления, профессор
- Сергиенко М.А.** — доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Скиперских А.В.** — профессор кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Пермь, доктор политических наук
- Стржалковская А.Д.** — ассистент кафедры русского языка и профессионально-речевой коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Тимченко Д.Г.** — аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Чахор Р.** — проректор по международному сотрудничеству Нижнесилезской высшей школы предпринимательства и техники, Польша, кандидат политических наук
- Чуева Ю.Ю.** — аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шаповалов В.А.** — профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Шульц Э.Э.** — докторант кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук
- Э Лебато Т.Л.** — аспирант кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Ярцев С.В.** — доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, кандидат исторических наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); «Актуальные проблемы экономики» – Lomovceva@bsu.edu.ru (Ломовцева Ольга Алексеевна – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – onoprienko@bsu.edu.ru (Оноприенко Инна Григорьевна); сайт журнала: <http://unid.bsue.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф. И. О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	}	на русском и английском языках
	}	на русском языке

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
  - правое – 1,5 см;
  - левое – 3,0 см;
  - нижнее – 2,0 см;
  - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
  - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
  - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
  - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
  - межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
  - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
  - нумерация – автоматическая, сквозная;
  - текст сноски внизу каждой страницы;
  - размер шрифта – 9 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 65.01

**КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ****А. В. ИВАНОВ¹⁾
Л. Н. ПЕТРОВ²⁾**¹⁾ *Департамент экономического
развития Белгородской
области*²⁾ *Белгородский государ-
ственный национальный
исследовательский
университет**e-mail: bor@bsu. edu. ru*

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики¹.

**KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT
IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY****A. V. IVANOV¹⁾
L. N. PETROV²⁾**¹⁾ *Department of Economic
Development, Belgorod Region*²⁾ *Belgorod National Research
University**e-mail: bo@bsu. edu. ru*

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Keywords: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ*Иванов А. В.*

- кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail. ru, тел. 33-22-44

¹ Караганов С. А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. №3. С. 6; Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Расположение начала таблицы.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Продолжение таблицы, расположенное на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

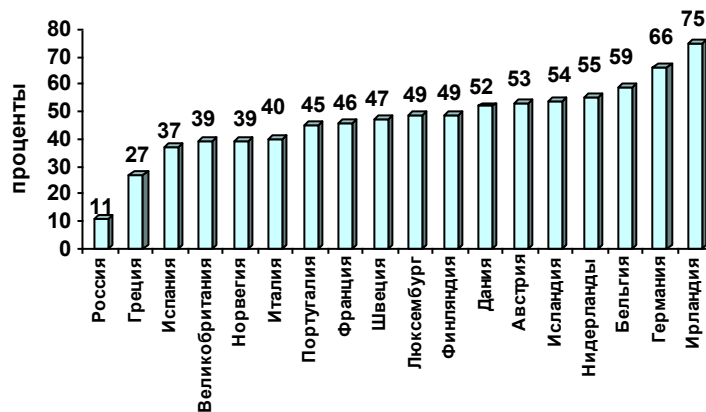

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

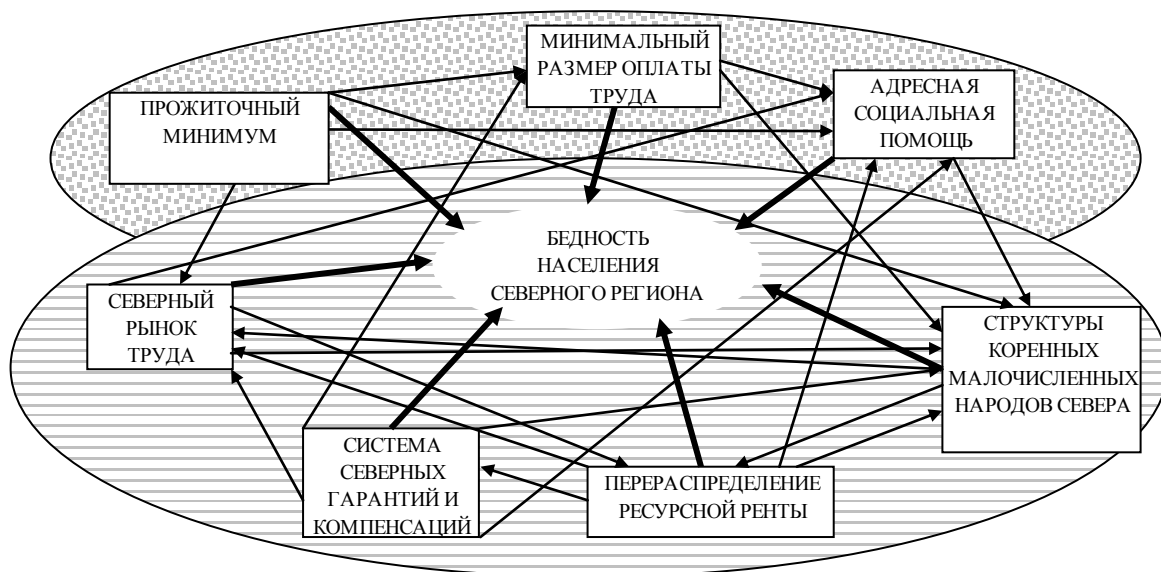

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.